А. В. Стороженко.

Стефанъ Баторій и днѣпровскіе козаки.

Изслѣдованія, памятники, документы и замѣтки.

Съ портретомъ Стефана Баторія.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Л. Фроицкевича, Анненковская ул., д. № 3.
1904.

А. В. Стороженко.

Стефанъ Баторій и днѣпровскіе козаки.

Изслѣдованія, памятники, документы и замѣтки.

Съ портретомъ Стефана Баторія.

КІЕВЪ.
Типографія Г. Л. Фронцкевича, Анненковская ул., д. № 3.
1904.

Дозволено цензурою.
Кіевъ, 3 Ноября 1904 года.

Предлагаемыя вниманію спеціалистовъ-историковъ изслѣдованія совершенно лишены притязаній на окончательное разрѣшеніе затронутыхъ въ нихъ вопросовъ. Въ нашихъ глазахъ это не болѣе, какъ кирпичи для будущаго зданія *достовѣрной* исторіи „Войска Запорожскаго," которое въ важнѣйшій моментъ своей жизни подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго положило основаніе козацкой Рѣчи-Посполитой (reipublicae)—малороссійской гетманщинѣ, просуществовавшей подъ могучимъ крыломъ Россіи 128 лѣтъ (1654—1782).

Просимъ благосклоннаго читателя прежде чтенія книги отмѣтить въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ тѣ дополненія и поправки, которыя сдѣланы въ концѣ ея, и исправить замѣченныя нами опечатки.

Приложенный къ книгѣ портретъ короля Стефана Баторія считается знатоками лучшимъ изъ всѣхъ существующихъ (см. Żr. dz. t. XI, 1882, предисл. проф. Павинскаго, стр. 10, прим.). О немъ писалъ извѣстный польскій художникъ Александръ Лессеръ въ ст. „Wizerunki historyczne" (Tygodnik Powszechny, R. 1884, str. 215).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ принести нашу искреннюю благодарность начальнику Варшавскаго главнаго архива древнихъ актовъ и профессору Варшавскаго университета Ѳедору Францевичу Вержбовскому за то любезное содѣйствіе, которое онъ неизмѣнно оказываетъ намъ при нашихъ научныхъ разысканіяхъ.

Авторъ.

Содержаніе.

Стр.

I. Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки . 1—158.

Личность Баторія—1, книжка Красинскаго—5, свиданіе Баторія съ козацкими старшинами—8, характеръ степей—9, севрюки—10, степные шляхи—13, козаки татарскіе и изъ генуэзскихъ колоній Каффы, Солдаи и Чембало—16, составъ Днѣпровскаго козачества—18, зимовки козаковъ—24, возникновеніе среди козаковъ войсковыхъ учрежденій—25, статистическія данныя о козакахъ—30, Стефанъ Баторій и Высокая Порта—31, 1576 годъ—34, 1577 годъ—42, дѣло Подковы—45, 1578 годъ—52, пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ—58, договоръ съ низовцами о вступленіи на королевскую службу—72, военныя силы Польши—75, набѣгъ Лукьяна Чернинскаго—81, Константинъ Лакуста—82, войны Стефана Баторія съ Москвой—83, 1582 годъ—93, сеймъ съ 5/15 октября—97, лѣто 1583 года—100, письма Христофора Зборовскаго—103, казнь Янчи—108, 1584 годъ—111, убійство козаками Георгія Глембоцкаго—112, набѣгъ на Крымъ Орышовскаго—114, Орышовскій въ Кіевѣ—116, обзоръ отношеній Баторія къ козакамъ—117, Хроника Павла Пясецкаго—121, Исторія Самуила Гröндскаго—125, „Война домова" Твардовскаго—128, малороссійскія лѣтописи—131, „Исторія Русовъ" лже-Конисскаго—142, заблужденія новѣйшихъ историковъ—148.

II. Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачъ" о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 года . . . 159—255

Epicedion—161, объясненіе рѣдкихъ словъ—221, послѣсловіе—235.

Стр.

III. Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ . 256—275.

IV. Экспедиція Самуила Зборовскаго въ Запорожье лѣтомъ 1581 года . . . . . 276—306.

Текстъ Бартоша Папроцкаго—276, примѣчанія—292, послѣсловіе—299.

V. Изъ старинной переписки . . . . . 307—324.

Дѣло Косинскаго—309, Самуилъ Кошка—321.

VI. Дополненія и поправки . . . . . 325—327.

СТЕФАНЪ БАТОРІЙ, КОРОЛЬ ПОЛЬСКІЙ,

скончался 2|12 декабря 1586 г.

Съ портрета въ костёлѣ братьевъ миссіонеровъ на Страдомъ въ г. Краковѣ,
снятаго въ 1583 году.

Стефанъ Баторій и Днѣпровскіе козаки.

Są to jak Sfinksy, te ubiegłe wieki,
Mówią zagadką dziś ciemną dla synów.
Słowacki. „Jan Bielecki".

..... Янъ-Дмитрій Соликовскій (род. въ 1539 г., ум. въ 1603 г.) былъ горячимъ сторонникомъ Гейнриха Валуа. Когда въ ночь на 18 іюня 1574 года Гейнрихъ внезапно бѣжалъ изъ Кракова во Францію, Соликовскій, по настоянію куявскаго бискупа Станислава Карнковскаго, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, чтобы уговорить его вернуться. Ничего не добившись отъ нерѣшительнаго короля, возвращается онъ на родину въ надеждѣ, что король одумается и опять явится въ Польшу. Безкоролевье было уже объявлено, начались хлопоты разныхъ партій о замѣщеніи опустѣвшаго престола, всѣ сторонники французскаго принца давно уже перешли въ другіе лагери, а Карнковскій съ Соликовскимъ все еще признавали Гейнриха Валуа своимъ законнымъ государемъ. Они были послѣдними, бросившими неудачную затѣю замѣщенія польскаго престола отпрыскомъ французскаго королевскаго дома. Причиною такой вѣрности Гейнриху была увѣренность, что онъ—добрый католикъ и что при немъ католическое духовенство вернетъ себѣ все прежнее значеніе, нѣсколько поколебленное распространеніемъ реформаціи.

Успѣхъ кандидатуры Стефана Баторія и окончательный выборъ его 14 декабря 1575 г., подъ давленіемъ Турціи и по настоянію Петра Зборовскаго и Яна Замойскаго,*[1] смутили Карнковскаго

*[1] См. Po ucieczce Henryka. Dzieje bezkrólewia 1574—1575 przez Wincentego Zakrzewskiego. W Krak. 1878, str. 402, 429.

съ Соликовскимъ. Баторій слылъ за человѣка, склоннаго къ реформаціи, *1 и оба пріятеля боялись, какъ-бы новый король не привелъ Польши къ окончательному отпаденію отъ католической церкви. Въ такомъ смущеніи Карнковскій уговорилъ Соликовскаго тайно отъ всѣхъ поѣхать на встрѣчу ѣхавшему въ Польшу Баторію и переговорить съ нимъ безъ свидѣтелей, дабы убѣдиться, что̀ онъ за человѣкъ и чего намѣренъ держаться въ вопросахъ религіи и церкви. Соликовскій встрѣтилъ Баторія въ субботу 31 марта 1576 г. въ г. Снятинѣ на границѣ Молдавіи. Несмотря на противодѣйствіе окружавшихъ Баторія протестантовъ, тайная конференція Баторія съ Соликовскимъ состоялась въ тотъ-же день субботній вечеромъ. Двери въ комнату, гдѣ они уединились, были заперты и ихъ охранялъ нѣкій Іеронимъ Филипповскій, польскій шляхтичъ герба Побогъ, почему-то зашедшій въ Седмиградію и долго служившій тамъ у Баторія еще до избранія его въ короли. *2 Впечатлѣніе о личности Баторія, вынесенное Соликовскимъ послѣ интимной бесѣды съ нимъ,—было самое благопріятное. Оказалось, что, несмотря на широкое распространеніе реформаціи въ Трансильваніи, самъ Баторій оставался католикомъ, что онъ подъ предлогомъ охоты ѣздилъ даже къ одному старому монаху для исповѣди и принятія святого причастія, что онъ выражалъ склонность слѣдовать совѣтамъ Карнковскаго въ вопросахъ спасенія души и въ дѣлахъ охраны и усиленія католической церкви. Изъ предложенныхъ Баторіемъ вопросовъ объ устройствѣ правительства въ Польшѣ, объ обычаяхъ покойнаго Сигизмунда-Августа и бѣжавшаго Генриха, объ установленныхъ въ государствѣ должностяхъ и вообще о политическомъ строѣ Рѣчи-Посполитой, Соликовскій

*1 „Der Batorius der Romischen religion sey, doch dergestalt, das er der augspurgischer confession nicht ungneigtt.“ Изъ отзыва современника. См. Materyały do dziejów piśmiennictwa Polskiego. Zebrał T. Wierzbowski. T. I, Warsz. 1900, str. 210.

*2 О Филипповскомъ—см. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Изд. 1832 г. въ серіи Zbiór pisarzow polskich, cz. 6, t. XVIII, str. 214. Нужно имѣть въ виду, что хроника эта написана сыномъ Мартина Бѣльскаго, Іоакимомъ Бѣльскимъ, современникомъ Стефана Баторія (род. въ 1540 г., ум. 8 января 1599) и личнымъ свидѣтелемъ многихъ событій его государствованія. Имя отца „Мартина“ служитъ Іоакиму какъ-бы псевдонимомъ. Мы вездѣ эту хронику будемъ называть хроникой Іоакима Бѣльскаго.—См. также Bartosza Paprockiego Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego, Krak. 1858, str. 232—233.

убѣдился, что Баторій—человѣкъ высокихъ умственныхъ способностей, быстро соображающій, зрѣлый въ сужденіяхъ, опытный въ дѣлахъ и чрезвычайно краснорѣчивый. Мнѣніе Соликовскаго, какъ политическаго дѣятеля, относившагося къ Баторію съ предубѣжденіемъ, особенно важно для оцѣнки личности короля, и показываетъ, что, несомнѣнно, онъ былъ человѣкомъ выдающагося ума и пригоднымъ къ правленію государствомъ.*1

Не менѣе обаятельное впечатлѣніе произвелъ Баторій при первомъ свиданіи и на другого политическаго противника, на литовскаго вельможу Ивана Ивановича Глѣбовича, каштеляна Минскаго. Въ письмѣ къ каштеляну Виленскому Ивану Ходкевичу отъ 8 мая 1576 года онъ откровенно признается: „Король такъ сильно мнѣ понравился, что мнѣ показалось, будто я давно уже не разговаривалъ съ человѣкомъ, столь мудрымъ. Особенно онъ опытенъ въ военномъ дѣлѣ. О чемъ-бы ни начался разговоръ, онъ сводилъ его постоянно на военные вопросы. Я вижу, что ему не нравятся польскіе члены Рады. Король при мнѣ замѣтилъ:—„Они живутъ только сегоднешнимъ днемъ и не думаютъ о завтрашнемъ, испытаннаго же зла никогда не держатъ въ памяти; они очень чванятся, а между тѣмъ я не вижу въ нихъ необходимыхъ въ ихъ положеніи качествъ; въ ихъ костюмѣ много такого, что̀ хорошо для маскарада, но не годится для военной службы.“ *2

Всѣ разговоры съ Соликовскимъ и съ Глѣбовичемъ происходили на латинскомъ языкѣ, которымъ Баторій владѣлъ въ совершенствѣ *3 и которымъ всегда пользовался при отправленіи своихъ королевскихъ обязанностей. На этомъ языкѣ онъ бесѣдовалъ съ сотрудниками по управленію государствомъ и произносилъ рѣчи на сеймахъ. Слова представлявшихся королю, но не владѣвшихъ латинскимъ языкомъ, переводилъ обыкновенно над-

---

*1 См. Jana Dymitra Solikowskiego Krótki pamiętnik rzeczy polskich. Przełożył z łacińskiego... Władysław Syrokomla. Pet. i Moh. 1855, str. 25—30.

*2 См. Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne króla Stefana Batorego. Zebrał i wydał X. Ignacy Polkowski. Kraków 1887, str. 33.

*3 Святославъ Оржельскій говоритъ о Баторіи: „Онъ такъ хорошо владѣлъ латинскимъ языкомъ, что развѣ только древніе ораторы могли-бы съ нимъ сравняться.“ См. Bezkrólewia ksiąg ośmioro przez Świętosława Orzelskiego. Przełożył Wł. Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 195.

ворный маршалъ, или другой придворный чинъ, отвѣты же король давалъ только по-латыни; затѣмъ они передавались по назначенію переводчикомъ.*[1] Даже съ своей супругой королевой Анной, не владѣвшей латинскимъ языкомъ, Баторій разговаривалъ черезъ переводчика. Это обстоятельство отмѣчено составителемъ дневника сейма 1585 года: „posiedział trochę król u królowej rozmawiając z nią *interprete ochmistrza* (=переводчикомъ былъ гофмейстеръ). *[2] Только въ опочивальнѣ, въ походахъ, да на охотѣ могъ онъ употреблять въ обращеніи съ домочадцами и слугами изъ венгровъ родной мадьярскій языкъ. По-польски Баторій никогда не выучился говорить, хотя, быть можетъ, и понималъ къ концу государствованія отдѣльныя фразы и слова. Тѣмъ болѣе, конечно, не стремился онъ овладѣть тѣмъ западно-русскимъ языкомъ, на которомъ тогда говорили и писали въ предѣлахъ бывшаго великаго княжества Литовскаго и на которомъ работала королевская канцелярія по литовскимъ дѣламъ. Политическій врагъ Баторія и Замойскаго Бартошъ Папроцкій сохранилъ намъ ту фразу, которою король Стефанъ оправдывалъ свое неумѣнье говорить по-польски: „non decet regem psittacum esse“ т. е. не подобаетъ королю быть попугаемъ;*[3] иными словами Баторій говорилъ: „Поляки знали, выбирая меня, что получаютъ въ короли иноземца, не владѣющаго ихъ рѣчью; къ чему же на пятомъ десяткѣ лѣтъ, будучи уже королемъ, стану я, какъ попугай, съ чужого голоса затверживать звуки труднаго мнѣ языка?“

* * *

Человѣкъ такого широкаго ума, какимъ обладалъ Баторій, не могъ, конечно, съ первыхъ же дней государствованія не обратить вниманія на столь любопытное явленіе народной жизни, какимъ былъ козацкій промыселъ—„козацство“ въ юго-восточныхъ погра-

*[1] Напр., когда Баторій держалъ рѣчь къ Полоцкой шляхтѣ, переводилъ ее литовскій писарь Агрипна, причемъ случилось, что онъ придалъ словамъ короля иной смыслъ. См. Jan Piotrowski. Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krak. 1894, str. 24.

*[2] См. Dyaryusze sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyński. W Krak 1901, str. 2.

*[3] См. Bartosza Paprockiego. Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588. Wydał Jan Czubek. Krak. 1900, str. 10.

ничныхъ областяхъ Рѣчи-Посполитой. Въ литовскомъ архивѣ были уже нѣкоторыя оффиціальныя данныя для знакомства съ этимъ явленіемъ, какъ, напримѣръ, уставная грамота великаго князя Александра отъ 14 мая 1499 г. Кіевскому войту и мѣщанамъ о воеводскихъ доходахъ, какъ люстраціи замковъ Кіевскаго, Каневскаго, Черкасскаго и Винницкаго 1552 г. и т. д.; но архивъ этотъ на первыхъ порахъ былъ не доступенъ Баторію по отдаленности Вильна, да кромѣ того какъ человѣкъ жизни, а не науки, какъ воинъ, а не кабинетный правитель, онъ и не былъ подготовленъ къ наведенію архивныхъ справокъ.*1 Къ тому же ему все равно непонятны были-бы бумаги, написанныя по западно-русски. Тѣмъ не менѣе первыя свѣдѣнія о козакахъ Баторій по всей вѣроятности почерпнулъ не изъ устъ своихъ совѣтниковъ, а изъ книги, составленной съ цѣлью ознакомленія съ Польшею его предшественника Гейнриха Валуа и написанной на доступномъ ему латинскомъ языкѣ. Мы имѣемъ въ виду сочиненіе Яна Красинскаго:*2 „Ioannis Crassinii Polonia. Ad Serenissimum et Potentissimum Henricum Primum Valesium, Dei gratia utriusque Poloniae regem. Bononiae apud Peregrinum Bonardum; venia ab superioribus concessa. 1574.“ *3 Книжечка эта, очень маленькаго формата (12⁰), изящно издана на прекрасной бѣлой бумагѣ и имѣетъ 147 нумерованныхъ листковъ, заключающихъ въ себѣ по двѣ страницы; такимъ обра-

*1 Въ государствованіе Баторія бывали случаи, когда обращались къ архивнымъ документамъ. Когда королевскаго коморника Бернарда Шидловскаго послали въ 1579 г. осмотрѣть Кіевъ, то въ инструкціи, выданной въ Гроднѣ 20 февраля, ему поручалось провѣрить въ присутствіи Кіевскаго воеводы, ротмистра и хорунжаго наличность огнестрѣльнаго оружія, пороха и боевыхъ припасовъ, сданныхъ Кіевскому городничему и мѣщанамъ „przez komisarze króla Jmości nieboszczyka Zygmunta Augusta świętej pamięci, według inwentarza uczynionego, *którego kopią z skarbu koronnego za pieczęcią skarbną mieć będzie.*“ См. Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 155.

*2 Авторъ—Красинскій, при Баторіи королевскій секретарь, род. въ 1550 г., ум. въ 1612 г.

*3 Одинъ изъ пяти сохранившихся экземпляровъ этой книжечки принадлежитъ библіотекѣ Университета св. Владимира въ Кіевѣ. Имъ мы и пользовались. См. Theodorus Wierzbowski. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Vol. II, Vars. 1891, pag. 134, № 1496.—Что Баторій любилъ читать книги географическаго содержанія, видно изъ расходной статьи 1576 г.: „Bibliopolae Cracov. Zacheo Kräsner, *pro duobus libris, in quibus civitates depictae sunt, ad cameram S. Mtis R.* per manus Piekarski percepti, dati tal. 26, per gr. 34 facit tal. 29—14 (= 39 p. 49 коп.).“ См. Żr. dz. t. IX, A, str. 90.

зомъ въ цѣлой книжкѣ 294 страницы. Не существовало въ то время лучшаго руководства для бѣглаго знакомства съ Польшею и не будетъ, кажется, ошибкою думать, что Баторій прочелъ его, принимаясь за дѣло правленія польскимъ государствомъ. Раскрывъ книжку на оборотѣ 73 листка, Баторій могъ найти у Красинскаго слѣдующія строки: „Послѣдній родъ конницы составляютъ козаки, которые легко переносятъ холодъ, голодъ и тягости всякаго рода. Вооружены они очень легко, совершенно такъ, какъ татары. Кони у нихъ очень подвижные и пригодные для мелкихъ стычекъ. Сѣдла устроены такъ, что на нихъ легко поворачиваться на всѣ стороны и стрѣлять изъ лука. Въ сраженіяхъ они пользуются болѣе всего лукомъ, поражая непріятельскихъ всадниковъ и ихъ коней дождемъ стрѣлъ. Они снабжены также саблями восточнаго образца и короткими копьями. Въ непріятельской странѣ они двигаются чрезвычайно быстро, уничтожая все огнемъ и мечомъ. Быстротою движеній обезпечиваются безопасность воина и побѣда надъ врагомъ. Постоянно пребывая въ обширныхъ подольскихъ степяхъ, гдѣ они ведутъ непрерывную войну съ Крымскими татарами, козаки возятъ съ собою въ сѣдельныхъ вьюкахъ всѣ любимые съѣстные припасы, какъ-то: хлѣбъ, соленую свинину и соль, смѣшанную съ перцемъ. Каждый кромѣ того имѣетъ при себѣ топоръ и трутъ, дабы въ случаѣ удачной охоты на звѣря, котораго множество водится въ посѣщаемыхъ козаками безлюдныхъ пустыняхъ, имѣть возможность тотчасъ развести огонь и сжарить добычу, приправивъ ее солью и перцемъ.“ *1

---

*1 „Postremum equestris militiae genus, Cosachorum vulgo appellatum, frigoris, inediae, laborisque patientissimum est. Cosaci ad instar fere Tartarorum levissime omnium armantur. Equos pernicissimos habent, et exercendis minutis praeliis aptissimos. Ephippia equorum in eum usum accomodata, ut se in omnes partes nullo negotio vertere, arcumque stringere queant. Arcubus potissimum pugnam ineunt, et frequentissimo sagittarum imbre viros, et equos simul confi ciunt. Acinacibus Scythicis accinguntur. Hastas quoque breves habent. Magna istcum inimicas aggrediuntur regiones, ferro, et flamma omnia miscentes, itineria faciunt. In celeritate, et salus exercitus, et vincendi tota spes collocatur. Deferunt secum in vastis Podoliae solitudinibus, in quibus cum Tauricanis Tartaris continenter bellum gerunt, in sacculis quibusdam panem, carnem suillam salsam. sal mixtum pipere. Praeterea unusquisque habet securim, fomitem; ut si quando feram, quarum in illis destitutis habitatoribus campis ingens est copia, conficere contigerit; tum ignem excutiant, et conditam sale, pipereque, praedam coquant.“

Воинственный духъ Баторія долженъ былъ ликовать, узнавая, что въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой живутъ такіе закаленные воины и при чтеніи онъ, вѣроятно, мечталъ уже воспользоваться ими для своихъ военныхъ цѣлей. Въ самомъ Баторіи было много козацкаго: онъ не боялся спать на голой землѣ, въ походахъ не имѣлъ при себѣ кухни, а довольствовался какимъ-нибудь жаренымъ каплуномъ или кускомъ ветчины, которые находилъ въ дорожной сумкѣ, да и тѣми дѣлился съ лицами свиты, самъ отрѣзывая имъ ломти изъ своего запаса.*1 А вотъ картинка изъ похода Баторія подъ Псковъ въ 1581 г. со словъ очевидца: „Король быстро двигается въ коляскѣ, съ нимъ только нѣсколько придворныхъ, да обозный и подскарбій; на ночь ему только палатка, а въ ней ни лавки, ни столика; въ полдень подкрѣпляется онъ ѣдою въ шалашѣ изъ вѣтокъ; сидѣнье ему дѣлаютъ, вбивая въ землю нѣсколько разсоховатыхъ колковъ и укладывая на нихъ перекладинки; такимъ же способомъ устраиваютъ и столикъ. О постелѣ или пологѣ и не спрашивай. Если король съ дороги захочетъ послѣ обѣда заснуть или отдохнуть, то насѣкутъ мелко березовыхъ вѣтокъ съ листьемъ, разстелютъ по землѣ вмѣсто матраца и вотъ на эти вѣтки ложится король и спитъ, какъ въ самой лучшей опочивальнѣ.....“*2

Въ скоромъ времени по пріѣздѣ въ Польшу Баторій и лично увидѣлъ представителей Днѣпровскаго козачества.

Пасха въ 1576 году, и католическая, и православная,— праздновалась въ Польшѣ 22 апрѣля, такъ какъ новый стиль не былъ еще введенъ. Въѣздъ Баторія въ Краковъ назначенъ былъ на 18 апрѣля, въ страстную среду, но желаніе отдаться въ страстные дни всецѣло исполненію религіозныхъ обязанностей задержало его въ Могильскомъ кляшторѣ подъ Краковомъ и только на второй день Пасхи, 23 апрѣля, онъ торжественно вступилъ въ столицу. Во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, 1-го мая, состоялись коронація и бракосочетаніе короля съ престарѣлой королевной Анной (род. въ 1522 г.)*3. Весь май длился коронаціонный сеймъ (conventus co-

*1 См. Pisma polityczne ks. Józefa Wereszczyńskiego. Wyd. Turowskiego. Krak. 1858, str. 115.

*2 См. X. Jan Piotrowski. Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krak. 1894, str. 35.

*3 См. Acta historica. T. XI. Sprawy wojenne etc. № XXI, str. 30—31.— Bezkrólewia ksiąg ośmioro... Świętosława Orzelskiego. Przełożył z rękopismów... Wlodz. Spasowicz. T. III, Pet. i Moh. 1856, str. 192 i nast.

ronationis) и король оставался въ Краковѣ для устройства государственныхъ дѣлъ. Здѣсь въ концѣ мая представлялись ему старшины Днѣпровскихъ козаковъ **Иванъ Сѣверный, Ѳедоръ Захвостый, Семенъ Поховскій и Маркъ Винницкій.** Содержаніе рѣчей, какія могли произносить козаки, нигдѣ не записано, равно не знаемъ мы и отвѣтовъ Баторія. Конечно, разговоръ велся черезъ переводчика. Отпуская козацкихъ старшинъ, король приказалъ выдать каждому по 15 флориновъ (=20 рублей) деньгами и по 6 аршинъ лѣнскаго сукна, стоимостью по 24 гроша за аршинъ (24 гроша=1 р. 8 коп.) *1.

* * *

Въ моментъ пріѣзда Стефана Баторія въ Польшу пограничными городами Рѣчи-Посполитой на юго-востокѣ со стороны степей были: Остеръ, Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Бѣлая-Церковь, Брацлавъ и Винница. *2 При немъ построены были укрѣпленные замки на старыхъ городищахъ въ Васильковѣ,*3 Корсуни *4 и Переяславѣ.*5 Во второй линіи отъ границы лежали городки: Баръ и Хмельникъ.

---

*1 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX. A, str. 80; t. VIII. str. 457.

*2 Въ 1576 г. посланъ былъ нѣкій Варѳоломей Завацкій *ad castra finitima* Kiow, Czerkaszy, Białacerkiew, Kaniow, Braczlaw, Winnicza et ad Boristenes (=днѣпровскіе козаки). См. Źr. dz. t. IX, A, str. 63. По-польски пограничные города назывались *miasta* или *zamki ukraińne:* „Margo enim polonice *Kray;* inde *Ukrajna*, quasi Provincia ad fines Regni posita, antiquitus quidem inhabitata, sed postmodum multis Civitatibus ac pagis aucta“ (объясненіе писателя XVII вѣка Гродскаго). См. Historia belli cosaco-polonici, authore Samuele Grondzki. Pest. 1789. p. 19.

*3 См. грамоту короля Стефана, разрѣшающую Кіево-Печерскому архимандриту Мелетію Хребтовичу построить замокъ и основать городъ на старомъ городищѣ Василевѣ на р. Стугнѣ, отъ 28 марта 1586 г. Сборн. матер. для истор. топогр. Кіева, 1874, отд. III, ст. 48—50, № 28; или Акты, относ. къ ист. Зап. Р. т. III, стр. 309.

*4 „Korson—civitas noviter locata a Stephano primo, Rege Poloniae, cum munitione firma ad flumen Ros in ipso transitu Scytharum (=татаръ) seu Szlak Czarny. Et pollicentur Regi praesides illius loci, quod non amplius Scythae possunt transire impune per Czarny Szlak. Fuisse etiam olim ibi arcem nobilem testantur muri vetustate neglecti.“ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Korson.*

*5 См. грамоту Стефана Баторія кн. Острожскому на право возобновленія Переяслава отъ 6 марта 1585 г. въ Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. III (невыпущенный въ свѣтъ), прилож. № XVI, стр. 285.

Далѣе за этими линіями укрѣпленій тянулись до самаго Чернаго моря безлюдныя степныя пространства, такъ называемыя Дикія Поля, захватывавшія собою нынѣшнія губерніи Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую съ южными частями Черниговской, Кіевской и Подольской. Ихъ прорѣзывали многочисленныя степныя балки и рѣчки, сливавшія потомъ свои воды съ водами Буга, Ингула и Днѣпра, или впадавшія непосредственно въ море, какъ Куяльникъ или Тилигулъ. Всѣ эти воды были неимовѣрно богаты рыбою.

Глухо и мертво было въ этихъ пустынныхъ степяхъ зимою. Свободно гулялъ тамъ вѣтеръ, принося иногда съ собою страшныя метели и вьюги. Степные медвѣди (ursi campestres) мирно спали въ своихъ берлогахъ. Бобры, заготовивъ съ лѣта съѣстные припасы на зиму, отдыхали въ искусно построенныхъ хижинахъ, называвшихся „гонами,“ и группировавшихся въ цѣлыя селенія, которыя на тогдашнемъ языкѣ именовались „жеремьями.“ *1 Уныло бродили по степямъ въ поискахъ корма стада зубровъ (bisontes), лосей (alces), оленей (cervi), антилопъ, дикихъ—козъ (capri), овецъ (oves sylvestres), свиней (apri) и лошадей (equi sylvestres). Иногда зимы бывали такъ суровы, что эти животныя во множествѣ погибали въ глубокихъ снѣгахъ отъ голода и жажды и тогда въ степяхъ находили огромныя груды ихъ костей. *2 Только хищные волки да лисы рады были безъ труда находить легкую добычу въ ослабѣвшихъ отъ безкормицы животныхъ и ихъ трупахъ.

---

*1 См. о бобровыхъ гонахъ по Днѣпру, Роси. Удаю и другимъ рѣчкамъ въ описаніяхъ замковъ 1552 г. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. I, стр. 85, 112—113.

*2 „Ille campus quinquaginta vel amplius milliaribus bene emensis, sex vel septem dierum vel dietarum, ut illi computant, expedito viatori iter acceleranti Bratislavia Oczakoviam usque constat. Feras, *bisontes, alces, equos, cervos, arietes*, qui unicum tantum cornu habent, *capros, apros, ursos campestres* habet. Etsi a decennio, vel paulo amplius, hiemis asperitate, niviumque magnitudine, fame ac siti plurimae admodum enecatae fuisse dicuntur, earumque *in campis ingentes ossium acervi reperiuntur*.“ Описаніе очевидца изъ книги Мартина Броневскаго: „Martini Broniovii de Biezdzfedea, bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio.“ Coloniae Agrippinae 1595. Стр. 2. Мы пользовались экземпляромъ этого рѣдчайшаго изданія, принадлежащимъ библіотекѣ Варшавскаго Университета. Русскій переводъ сочиненія Броневскаго напечатанъ въ „Запискахъ Одесскаго общества исторіи и древностей,“ т. VI, Од. 1867, стр. 333—367.

Нигдѣ не курился дымокъ человѣческаго жилья.*[1] Исключеніе составляла только мѣстность бывшей Переяславской волости; тамъ ютились кое-гдѣ по лѣснымъ полянамъ и затерявшимся среди болотъ островамъ рѣдкіе остатки стараго сѣверянскаго и торкскаго населенія подъ именемъ **севрюковъ** (севрюкъ=сѣверукъ, сѣверянинъ).*[2] Упоминанія о нихъ въ источникахъ очень скудны.

Въ апрѣлѣ 1493 г. Менглы-Герай послалъ къ Іоанну III Московскому слугу своего татарина Яныша. Ханъ приказалъ ему сопровождать войско ханскаго сына Ахмедъ-Герая, отправлявшагося въ Литовскую землю, чтобы онъ, лично увидѣвши, какъ войско Ахмедъ-Герая грабитъ и разоряетъ Литовскую землю, могъ объ этомъ разсказать великому князю Московскому. Затѣмъ онъ приказалъ Янышу, отдѣлившись отъ Ахмедъ-Герая, не входить въ Русскую землю, которою, какъ видно изъ словоупотребленія Менглы-Гераевыхъ грамотъ, называлась мѣстность бывшаго Переяславскаго княженія—Днѣпровское Лѣвобережье, а отклониться болѣе къ востоку и идти „полемъ“ т. е. совершенно уже безлюдною пустынею. Мотивъ этого приказанія изложенъ такъ: „Коли въ Русскую землю войдутъ, къ тобѣ къ брату моему не дойдутъ отъ

---

*[1] „Reperiuntur in vastis Podoliae solitudinibus, *Bisontes, Alces,* et *equi sylvestres,* quorum frequentissimi greges, cum noctu ad aquas potandi causa conveniunt, vel maximos exercitus, quos ibi Rex adversus continuas Tauricanorum Tartarorum praedationes alit, falsa hostilium copiarum imagine decipiunt. Sunt et circa Boristhenem *oves sylvestres,* capreolorum staturam non excedentes, curtioribus tamen peditibus, pernicissimi cursus et altissimorum saltuum. Cornua in altum porrecta, quibusdam circulis notata conspiciuntur: ex quibus Roxolani transparentia cultellorum manubria elaborant. Universa haec Podoliae provincia, multis nobilibus irrigatur fluminibus; lacus piscosissimos habet; ubertate agrorum omnes totius Europae regiones superat; nemoribus sparsim ornatus amaenissimis. Qua tamen Scythiam respicit, *magna ex parte habitatoribus caret;* ita ut accusanda sit nostrorum hominum negligentia, qui eos sinunt immanibus feris patere campos, ex quibus homines ingenio, ac industria praediti, magnos, et uberes fructus percipere possent.“ Joannis Crassinii Polonia f. 112—113. Дикія овцы (oves sylvestres)—видъ антилопъ; мѣстные жители называли ихъ сайгаками или сугаками; отсюда и ученое названіе ихъ *antilope saiga.* Описаніе сайгаковъ у Красинскаго почти дословно повторяетъ описаніе Герберштейна: „In desertis campis circa Borysthenem, Tanaim et Rha, est ovis sylvestris, quam Poloni Solhac, Mosci Seigack appelant, magnitudinis capreolae, brevioribus tamen pedibus: cornua in altum porrecta, quibusdam circulis notata, ex quibus Mosci manubria cultellorum transparentia faciunt: velocissimi cursus, et altissimorum saltuum.“ См. Rerum Moscoviticarum Commentarii Sigismundi Liberi Baronis in Herberstain. Basileae 1556, pag. 113, A. По вопросу о животномъ царствѣ восточно-европейской равнины въ XV и XVI в. см. соч. Замысловскаго: Герберштейнъ и его историко-географическія извѣстія о Россіи. Спб. 1884, стр. 254—310.

*[2] См. наши Очерки Переяславской старины, Кіевъ 1900, стр. 43 и 197.

севрюковъ.“ Затѣмъ объясняется, что, по словамъ знатоковъ края, севрюки—люди конные („ѣжжалые“) т. е. способные догнать и захватить въ плѣнъ ханскихъ посланцовъ.*1

Въ январѣ 1513 г. посланцы великаго князя Василія Ивановича Московскаго Девлеть-Келдей, Кудояръ и Неболса Кобяковъ писали своему государю изъ Путивля: „По грѣхомъ... по нашимъ лежимъ и нынѣ въ Путимлѣ, а итти... не мощно: какъ есми... пріѣхали въ Путимль, и мы... ѣздили дороги отвѣдывати; и мы.. день ѣхали, а пяти верстъ... не могли перебитися; снѣгъ... доброму коню по тебенекъ;*2 сверху серенъ,*3 а на исподи ледъ толща перста. И мы... послѣ того недѣлю лежали, а ждали есмя... севрюковъ съ поля, чтобы... намъ тою дорогою итти; и севрюки... съ поля пришли на нартахъ,*4 а кони... и съ санми пометали на полѣ *въ своихъ вотчинахъ*, а итти... было имъ, сказываютъ, на конехъ не мощно.“ *5 Мѣстность, откуда прибыли севрюки,—берега р. Сулы. Другіе послы великаго князя бояринъ Иванъ Григорьевичъ Мамоновъ и середній человѣкъ Илья Челищевъ въ

---

*1 См. Сборникъ Импер. Рус. Ист. Общ. т. 41. Спб. 1884. Памятники дипломатическихъ сношеній Моск. гос. съ Крым. и Ногай. ордами и съ Турціей, т. I, стр. 188.

*2 *Тебенекъ*—четырехугольный отрѣзокъ кожи, привѣшенный у сѣдла, для защиты ноги отъ тренія о стременной ремень. См. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей и проч Спб. 1896, стр. 144.

*3 *Серенъ*—топкій, рыхлый снѣгъ, въ который грузнутъ ноги людей и лошадей.

*4 Въ настоящее время *нартою* (им. нарта) называются сибирскія салазки, въ которыхъ ѣздятъ на собакахъ или на оленяхъ. Нарты, возимыя собаками, длиннѣе возимыхъ оленями, но послѣднія ниже. Въ нашемъ текстѣ *нартами*, вѣроятно, называются *лыжи*. *Пришли на нартахъ*=пришли на лыжахъ. Въ описаніи Остерскаго замка 1552 года (Архивъ Юго-Западн. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 592—598) есть такой пунктъ: „*Порощизна*. Коли *серень*, тогды тежъ повинни [бояре, мещане и волощане] ходить старосте на звѣрь день одинъ (на) *нартахъ*. Кгды нейдуть у ловы, откупаючися отъ того, даютъ старосте порощизны 3 копы гропей, складаючи вси.“ Охота пріурочивалась къ тому дню, когда снѣгъ былъ топкимъ, рыхлымъ (*серень*), вѣроятно, на томъ основаніи, что крупные звѣри, на которыхъ тогда охотились, напр. зубры, лоси и олени, не могли въ такую пору быстро убѣгать отъ охотниковъ и легко дѣлались ихъ добычею. *На нартахъ*, какъ видно, и здѣсь=на лыжахъ. См. Z. Gloger, Encyklopedja staro-polska. T. III, 1902, str. 255, s v. *narty*—łyżwy drewniane.

*5 См. Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ. т. 95, Спб. 1895. Памятники дипл. сношен. Моск. гос. съ Крым., Нагаями и Турціей. т. II, стр. 89.

своихъ донесеніяхъ подробнѣе обозначаютъ дорогу, по которой Московскіе послы и гонцы ѣздили въ Крымъ, пользуясь указаніями севрюковъ, какъ мѣстныхъ жителей.

Мамоновъ въ январѣ 1516 года писалъ:

„Какъ вышолъ изъ Путивля, да Сулу перешодъ, пошли по Засулью межъ Сулы и Псла къ устью ко Пселскому, а захотѣли... Днѣпръ лѣзти на усть Псла“...*1

Илья Челищевъ въ январѣ слѣдующаго 1517 года писалъ:

„Пришолъ есми... въ Путивль въ первое воскресенье по Крещеньѣ Христовѣ, изъ Путимля... есми пошелъ на поле въ недѣлю на Ѳеонасьевъ день (18 января), а подъячаго есми, государь, твоего Коростку Оноѳрѣева отпустилъ къ тебѣ ко государю наранье Ѳеонасьева дни въ понедѣльникъ съ перваго стану съ Рышова, а самъ есми.... пошолъ пробродомъ до Сулы, что севрюки шли въ Сѣверы. А отъ Сулы... сказываютъ, до Псла снѣги велики, а за Псломъ... снѣги, сказываютъ, малы. А Сула мнѣ... лѣзть, ожъ дастъ Богъ, во Лепетцкіе волости, а отъ Лепетцкіе волости,... ожъ дастъ Богъ, итти мнѣ къ усть-Пслу, къ Нѣпру.“*2

Изъ этихъ извѣстій ясно, что „вотчины“ севрюковъ лежали въ предѣлахъ нынѣшней Полтавской губерніи въ бассейнахъ рѣкъ Сулы и Псла...

Но возвратимся къ нашему сюжету.

Вотъ дохнуло весною... Степи оживали и покрывались обильною растительностью. Травоядные звѣри быстро оправлялись на обильныхъ кормахъ. Лѣса, перелѣски и заросли, которыхъ не мало разбросано было въ степяхъ вдоль рѣчекъ и балокъ, звучали голосами возвращавшихся съ юга пернатыхъ. Степи облекались той красотой, которую такъ вдохновенно воспѣлъ Гоголь въ знаменитомъ лирическомъ отступленіи козацкой эпопеи о Тарасѣ Бульбѣ: „Степь, чѣмъ далѣе, тѣмъ становилась прекраснѣе“....

Съ весною появлялись въ степяхъ и люди. Въ эпоху Стефана Баторія они принадлежали къ тремъ группамъ.

Первую группу составляли татары скотоводы, которые съ наступленіемъ весны въ апрѣлѣ мѣсяцѣ забирали съ собою на арбы женъ, дѣтей, рабовъ и весь свой домашній скарбъ, и гнали

---

*1 См. тамъ-же, т. II, стр. 225.

*2 См тамъ-же, т. II, стр. 425—426.

изъ своихъ Крымскихъ улусовъ въ степи на лѣтнія пастбища огромныя стада верблюдовъ, лошадей, овецъ и рогатаго скота *1.

Второй группой были „сольники,“ *2 а затѣмъ—отчасти турецкіе и татарскіе, но преимущественно армянскіе купцы, которые составляли караваны (carabanos) и передвигали восточные товары въ предѣлы Польши, Литвы и Москвы, чтобы запастись тамъ товарами сѣвернымі, главнымъ образомъ—мѣхами. Двигались они по вѣковѣчнымъ дорогамъ, пролегавшимъ въ степяхъ и называвшимся по-татарски: „шляхами.“ Южнорусскіе степные шляхи были впервые измѣрены и описаны, по порученію Стефана Баторія, каштеляномъ Львовскимъ Яномъ Сѣннинскимъ и современники воздавали ему за это большія похвалы, считая его трудъ не только полезнымъ, но и благочестивымъ, *3 такъ какъ, благодаря знаком-

---

*1 См. рус. пер. М. Броневскаго, стр. 337—338.

*2 „Сольниками“ называли людей, которые ѣздили въ Крымъ за солью. Бартошъ Папроцкій говоритъ объ одномъ степномъ урочищѣ („подъ дорогами гай)“, что здѣсь „zapadają Tatarowie, strzegąc *na solniki* z wszech stron, i naszy także, kto kogo ubieży.“ См. Herby etc. Wyd. Turowskiego. 1858, str. 221.

*3 „Et certe si quid laude dignum praestitit Magnificus vir Joannes Sienienius in hac lustratione, istud sane, quod hęc itinera accurate descripsit et depinxit numero milliarium adjecto, *non modo utile, sed etiam valde pium opus* perfacit.“ См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Szlak*. Цитата по экземпляру Варшавской унив. библіотеки. Матеріалъ для этого сочиненія собранъ Львовскимъ каштеляномъ Яномъ Сѣннинскимъ, литературная обработка дана ему Станиславомъ Сарницкимъ. Изъ предисловія, написаннаго Сѣннинскимъ, видно, что онъ обстоятельно изучилъ южно-русскія степи. Приводимъ здѣсь это предисловіе, обращенное къ королю Стефану Баторію, цѣликомъ:

„Sacra ac serenissima Regia M. D. domine clementissime! Quemadmodum à M. vestra Regia delectus ac destinatus fui, *ut situm inferioris Russiae eiusque campestria desolata perlustrarem et reviderem, id seduló praestiti et feci*. De qua re complura *cum Maiestate vestra et verbis et scriptis egi*, monstravique omnia quae videbantur ad hoc propositum pertinere. Nunc veró ut magis promererer novis obsequiis, gratiam M. vestrae Regiae, curavi (sumptibus non parcens) ut haec in planiore forma luculentius artificiosiusque traderentur, adhibita arte Geographica, et praeceptis, quae à literatis hac in parte observari solent, ut etiam ab eruditis in aliis Regnis cum celebritate et laude Maiestatis vestrae legi possint. *Cumque ipse occupatus essem alijs negocijs arduis, usus sum ea in re opera* eruditi et de literis benè meriti viri generosi domini *Stanislai Sarnicij*, amici mei non vulgaris, qui etiam notus est M. vestrae. Nam cum aliquot vicibus, libris in lucem editis, nomen et victorias M. vestrae ut par erat celebrasset, M. vestra Regia eum pro cliente suo accepit, eique se benignissimum fore patronum declaravit, promissa ei gratia Regia, ut ex diplomate ei tradito liquet. Hic ergo, lustrations

ству съ его описаніемъ, многимъ удавалось найти надлежащую дорогу въ отечество въ случаѣ удачнаго побѣга изъ татарскаго плѣна. Важнѣйшихъ шляховъ было четыре: одинъ шляхъ шелъ вдоль берега Чернаго моря изъ Бѣлгорода (Аккермана) въ Очаковъ; другой шляхъ назывался Кучманскимъ и шелъ отъ Очакова на Саврань, а затѣмъ по водораздѣлу Буга и Днѣстра черезъ Брацлавъ и Шаравку къ Львову; третій шляхъ, Черный, шелъ отъ Перекопа черезъ устье Днѣпра къ верховьямъ Ингула и оттуда мимо Черкасъ и Канева черезъ Бѣлую-Церковь къ Кіеву; четвертый шляхъ, Муравскій, начинался также отъ Перекопа и шелъ параллельно Днѣпру до Самарской переправы, а затѣмъ далѣе по водораздѣлу Дона и Днѣпра къ Тулѣ и Москвѣ. Эти главные шляхи имѣли развѣтвленія. Такъ, напримѣръ, отъ Чернаго шляха въ верховьяхъ Ингула отдѣлялся шляхъ, который велъ къ переправѣ черезъ Днѣпръ противъ устья Псла, затѣмъ по водораздѣлу Сулы и Хорола въ предѣлы Московскаго государства къ Путивлю (позднѣйшій Ромоданъ). Съ теченіемъ времени пути эти становились все болѣе опасными отъ разбойничавшихъ на нихъ русскихъ и татарскихъ козаковъ, а вслѣдствіе этого торговля съ Востокомъ сохраняла все менѣе и менѣе оживленія.*[1]

Послѣдней, третьей, группой людей, появлявшихся въ степяхъ съ наступленіемъ весны, были промышленники, называвшіеся по-татарски: „козаками“. Они въ свою очередь распадались на двѣ подгруппы: къ первой принадлежали козаки татарскіе, ко второй—

---

meae typo accepto effecit, ut non modo Russiae, sed etiam totius regni Maiestatis vestrae situs, hoc est Poloniae, Lituaniae, Prussiae, Livoniae, et quae paucis ante annis de Moscho M. vestra recuperavit, exactè describeretur: ut uno quasi intuitu veluti in tabella á legentibus cerni possit: quam operam spero gratam futuram M. vestrae, et Reipub. non inutilem, praesertim cum á nemine hactenus istud argumentum hoc pacto tractatum sit. Certè praecipuos olim Reges et imperatores eius modi studijs mirificè delectatos fuisse, ac sumptus ad ea promovenda liberalissimè suppeditasse ex historiis constat. Cumque Regia M. tua, haud postremum inter laudatos Reges locum obtineat, non dubium est, eam quoque pro sua ingenita clementia declaraturam, sibi hunc honestum conatum non displicere, neque in liberalibus studiis promovendis sumptibus parcere. Datum Warsaviae primo Kalendas Mar. 1585. Sacrae ac Serenissimae Regiae M. vestrae Fidelis subditus *Joannes Sienienius C. L.*

*[1] См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словами *Bialogrod* и *Szlak*. О караванахъ—см. Арх. юго-зап. Рос. ч. VII, т. 1, стр. 82-83, 96, 112, 595.

козаки изъ разныхъ областей Рѣчи-Посполитой. Въ зависимости отъ того, гдѣ промышляли послѣдніе, они назывались днѣпровскими, запорожскими, низовыми, рѣчными;*1 иногда ихъ называли по укрѣпленію, служившему имъ центромъ,—сѣчевыми, или, по именамъ ближайшихъ городовъ, въ которые они укрывались на зиму, – Кіевскими, Каневскими, Черкасскими, Винницкими, Брацлавскими и т. д.*2

* * *

Козацкій промыселъ, возникшій первоначально у приволжскихъ татаръ, особенно развился среди татаръ, поселившихся въ Крыму. Если ордынецъ порывалъ связь съ ордою, бросалъ мирную пастушескую жизнь, одинъ или въ сообществѣ подобныхъ ему удальцовъ углублялся въ степи, ловилъ тамъ рыбу, охотился на звѣрей, грабилъ купеческіе караваны, пробирался въ Русь и Польшу для захвата плѣнныхъ, которые потомъ или служили ему рабами, или выгодно продавались на невольничьихъ рынкахъ, то такой вольный, независимый человѣкъ, искатель приключеній, бродяга и раз-

---

*1 Наиболѣе употребительно въ латинскихъ документахъ названіе: *Boristenes, Boristenis kozaki, Milites Boristenis.* Иногда въ названіи Днѣпра послѣ *t* пишется *h:* Boristhenes, Boristhenis. Очень употребительно названіе *Nizovii.* Стефанъ Баторій адресуетъ свои письма отъ 27 іюля 1578 г. и отъ 6 апрѣля 1579 г.: „Mołojcom Zaporożnym.“ Въ документѣ 1581 г. написано: „Regestr Kozaków niżowych, zaporoskich i rzecznych“.... Значеніе термина *рѣки*=rzeczki лучше всего выясняется изъ письма бискупа Іосифа Верещинскаго къ Станиславу Жолкѣвскому отъ 7 апрѣля 1594 г. Верещинскому было поручено со стороны Жолкѣвскаго набрать козацкій отрядъ въ 500 человѣкъ для службы королю и Рѣчи-Посполитой. Онъ требуетъ отъ Жолкѣвскаго нѣкоторыхъ разъясненій и проситъ отвѣчать ему какъ можно скорѣе, чтобы подходящіе для службы люди не ушли *w rzeczki i w zaporohy*=на рѣчки и за пороги. *Рѣки*, очевидно, тѣ степныя рѣчки, по которымъ промышляли лѣтомъ козаки. Въ концѣ письма Верещинскій еще разъ проситъ о скорѣйшемъ отвѣтѣ, чтобы договоренные люди не разошлись по рѣчкамъ и запорожскимъ мѣстамъ—*w rzeczki i do zaporohów.* См. Materyały... Вержбовскаго, Варш. 1900, стр. 305–307, № 444.

*2 Сѣчевыми названы козаки въ одномъ изъ списковъ дневника сейма 1585 г.; „Externa od Tatar od Turków niebezpieczeństwo.... k'temu wojska zbiera, przegraża a najwięcej się obraża *Siczowych Kozaków* najazdy, łupiestwy.“ См. Dyaryuzse sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyński. W Krak. 1901, str. 9.

бойникъ—назывался по-татарски: козакомъ.*1 Это тотъ-же типъ пограничнаго добычника, который теперь въ Манчжуріи и на берегахъ Амура называется хунхузомъ. Въ событіяхъ послѣдней китайской смуты и въ дѣятельности хунхузовъ можно найти много параллелей для выясненія нѣкоторыхъ эпизодовъ въ исторіи пограничнаго козачества Рѣчи-Посполитой. Очевидно, что знаменитый Янъ Длугошъ (род. въ 1415, ум. въ 1480 г.) превосходно понималъ значеніе татарскаго названія „козакъ", если онъ говорилъ о татарскомъ войскѣ, ворвавшемся въ предѣлы Волыни въ 1469 году, что оно (frequens Tartarorum exercitus) „ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos *sua lingua Kozakos* appellant, collectus" (=составлено изъ бѣглецовъ, добычниковъ и изгнанниковъ, которыхъ они на своемъ языкѣ называютъ козаками).*2 Несомнѣнно, татарскіе козаки закололи того юношу Альмальчу, сына Самака, о которомъ говоритъ Сугдейская приписка въ греческомъ Синаксарѣ, относящаяся къ 17 мая 1308 года: τῇ αὐτῇ ἡμερα ἐτελἰωθ ὁ δουλ τοῦ θῦ ἀλμαλτζοῦ υἱος τοῦ ϛαμακᾶ, φεῦ ὁ νέος ξἰφη σφαγἡς ὑπὸ καζακων. ἰνδ ς τοῦ σ̄ωις ἐτ ✝ =въ тотъ же день (17 мая) скончался рабъ Божій Альмальчу, сынъ Самака, увы, молодой человѣкъ, заколотый козаками. Инд. 6, 6816 года.*3

Занятіе козацкимъ промысломъ переняли отъ татаръ генуэзцы. Генуэзскіе козаки также промышляли въ степяхъ разбоемъ и охотой, въ виду чего въ Уставы генуэзскихъ колоній въ Крыму внесены параграфы, вообще подтверждающіе право на „добычу" (praeda) за тѣми лицами, которыя ее захватили, хотя въ Уставахъ Солдаи и Чембало съ значительнымъ ограниченіемъ. Въ Уставѣ для города Каффы, изданномъ въ Генуѣ въ послѣдній день февраля 1449 года, такъ говорится „о добычѣ, которая будетъ взята на сушѣ" (гл. 66, § 1): „Если случится, что будетъ взята какая-

*1 См. Радловъ, Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій, Вып. 8, 1896, стр. 364—365; ст. Миклошича „Ueber Fremdwörter" въ Archiv für slavische Philologie, B. XI. s. 111.

*2 См. Joannis Długossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae liber XIII et ultimus in msctis codicibus tantum non omnibus desideratus, nunc tandem in lucem publicam productus ex bibliotheca Henrici L. B. ab Huyssen etc. Lipsiae etc. Anno 1712, pag. 449 подъ 1469-мъ годомъ.

*3 См. Записки Одесскаго общ. ист. и древн. т. V. Од. 1863, стр. 613, № 116.

нибудь добыча на сушѣ козаками, или оргузіями,*1 или каффскими людьми, состоящая въ вещахъ, скотинѣ и волахъ, принадлежащихъ татарамъ или кому-нибудь другому, то мы постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы ни каффскій консулъ, ни сторожа городскихъ воротъ, ни каффскіе чиновники, ни кто-либо другой, какого бы онъ ни былъ званія,—не могли, не смѣли и не думали отнимать часть этой добычи или скота; напротивъ, таковая добыча должна быть и считаться неприкосновенною, и съ полнымъ правомъ должна принадлежать тѣмъ, которые ее взяли или перехватили. Г. консулъ Каффы долженъ таковыхъ козаковъ, оргузіевъ и добычниковъ поддерживать и оказывать имъ помощь и благоволеніе.

Если же какой-нибудь консулъ Каффы, или чиновники, или иное какое-либо лицо—отнимутъ или отберутъ что-либо отъ вышесказанныхъ добычниковъ, то подвергаются штрафу въ размѣрѣ двойной стоимости взятаго или отнятаго."

Въ Солдаѣ и въ Чембало козаки обязаны были дѣлиться добычею съ мѣстными консулами и городскими общинами, какъ объ этомъ гласятъ § 16 Устава Солдаи и § 19 Устава Чембало, выраженные почти одними и тѣми-же словами: „Наконецъ, поелику могутъ быть случаи, что въ упомянутомъ городѣ взята или перехвачена будетъ добыча (людьми того города), то постановляемъ и повелѣваемъ, чтобы четвертая часть добычи, какова бы она ни была, и кѣмъ бы ни была взята, у враговъ ли, или у сопротивляющихся рѣшеніямъ Каффы, отдавалась консулу упомянутаго

---

*1 „Per casachos, *orgusios* seu homines Caphe." Оргузіями назывались въ г. Каффѣ конные полицейскіе стражники, служившіе при каффскомъ консулѣ. Проф. Смирновъ въ книгѣ „Крымское Ханство подъ верховенствомъ Отоманской порты" (Спб. 1887) на стр. 43-44 обращается къ разсмотрѣнію этого слова и приходитъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) *horgusius* или *orgusius* есть терминъ монголо-тюркскій и значитъ буквально *разбиратель споровъ* или *судья;* происходитъ онъ отъ монгольскаго слова *дзаргу,* значащаго: *распря, тяжба;* 2) въ русскомъ языкѣ память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *ярыга, ярыжка,* что̀ значило: низшій полицейскій чинъ; 3) въ Уставѣ Каффы названіе полицейскихъ стражниковъ оргузіями не соотвѣтствуетъ первоначальному значенію этого термина у того народа, отъ котораго онъ заимствованъ; оно принято лишь, какъ терминъ вульгарный.

города (т. е. Солдаи или Чембало), остальныя же три четверти раздѣлялись между общиною и козаками пополамъ."*1

Козаки польско-литовскаго государства промышляли такимъ же способомъ, какъ ихъ татарскіе и генуэзскіе собратья. Самая цѣнная добыча (praeda, zdobycz, добытокъ) получалась путемъ разбоя.*2 Но если не представлялось случая разбойничать и грабить, то козаки довольствовались болѣе мирными занятіями, дававшими средства пропитанія: ловили рыбу, охотились на звѣрей, добывали медъ дикихъ пчелъ, заводили и собственныя пасѣки, разумѣется - въ бортяхъ. Люстрація Каневскаго замка 1552 г. съ завистью говоритъ о козакахъ, промышлявшихъ по сѣверскимъ рѣчкамъ т. е. въ нынѣшней Полтавской губерніи, что они постоянно ѣдятъ мясо, рыбу, и медъ, изъ котораго приготовляютъ чудный напитокъ, очень любимый, какъ извѣстно, въ тѣ времена.*3 Звѣриныя шкуры и рыба, вяленая и соленая,*4 служили предметами сбыта и обмѣнивались на деньги, которыя нужны были козакамъ для покупки предметовъ, необходимыхъ въ ихъ ежедневномъ быту.

Откуда же пробирались козаки въ приднѣпровскія и прибужскія степи съ наступленіемъ весны?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ до нѣкоторой степени списокъ 530 козаковъ съ обозначеніемъ мѣста ихъ родины, составленный въ Черкасахъ 30 марта 1581 года. Преобладающее большинство козаковъ, записанныхъ въ этотъ реестръ, происходило изъ городовъ и мѣстечекъ, расположенныхъ по Днѣпру и его притокамъ: изъ Черкасъ (26 чел.), изъ Канева (14 чел.), изъ Бѣлой

---

*1 См. Записки Одесскаго общ. ист. и древн., т. V, Од. 1863, стр. 757-758, 783 и 789.

*2 Грабежъ добычи при нападеніяхъ на сосѣднія страны Наливайко называлъ *козацкимъ хлѣбомъ*: „Bawiąc się z młodych lat moich za wielu hetmanów kozackich na wielu miejscach w ziemiach nieprzyjacielskich *chlebem kozackim*" .... Изъ письма Наливайка къ королю Сигизмунду III изъ Рѣчицы отъ января 1596. См. Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Wydał Wł. hr. de Broel-Plater. T. 2. Warsz. 1858. Str. 214.

*3 См. Архивъ юго-западн. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 103.

*4 Королевскому коморнику Бернарду Шидловскому, ѣхавшему въ Кіевъ 20 февраля 1579 г., поручалось установить тамъ пошлину „*od ryb słonych i suchych*, których snać bardzo wiele stamtąd wywożą i tam przywożą a nic od nich nie dają." См. Acta historica, t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 157.

Церкви (8 чел.), изъ Кіева (13 чел.), изъ Любеча (7 чел.), изъ Остра (4 чел.), изъ Рогачева (2 чел.), изъ Быхова (8 чел.), изъ Могилева (11 чел.), изъ Тетерина (1 чел.), изъ Дубровной (2 чел.), изъ Друцка (1 чел.), изъ Горокъ (1 чел.), изъ Гомеля (7 чел.), изъ Чечерска (1 чел.), изъ Кричова (2 чел.), изъ Мстиславля (10 чел.), изъ Брагина (10 чел.), изъ Чернобыля (3 чел.), изъ Мозыря (17 чел.), изъ Любоня (1 чел.), изъ Озерянъ (2 чел.), изъ Петрикова (1 чел.), изъ Турова (13 чел.), изъ Давидова-Городка (6 чел.), изъ Пинска (2 чел.), изъ Хвойни (1 чел.), изъ Слуцка (4 чел.,*1, изъ Минска (3 чел.), изъ Кайданова (1 чел.), изъ Борисова (1 чел.), изъ Тризовки (1 чел.), изъ Бобруйска (9 чел.); затѣмъ значительный контингентъ давали города и мѣстечки Волыни: Вишневецъ (4 чел.), Дубно (11 чел.), Кременецъ (6 чел.), Константиновъ (7 чел.), Красиловъ (2 чел.), Ровно (2 чел.), Тучинъ (1 чел.), Олыка (1 чел.), Звягель (1 чел.), Луцкъ (4 чел.), Торчинъ (1 чел.), Острополь (2 чел.), Владимиръ (3 чел.), Литовижъ (1 чел.), Острогъ (5 чел.), Ковель (1 чел.), Корецъ (4 чел.), Берестечко (1 чел.), Дермань (1 чел) и Чудновъ (1 чел.); сравнительно немного своихъ сыновъ дали подольскіе города и мѣстечки: Каменецъ (5 чел.), Винница (3 чел.), Брацлавъ (1 чел.), Хмельникъ (2 чел.), Пиковъ (2 чел.), Ямполь (2 чел.); были представители и далекой отъ Днѣпра и Черкасъ Червонной Руси: изъ Коломыи (2 чел.), изъ Бучача (1 чел.), изъ Галича (1 чел.), изъ Золочова (1 чел.), изъ Збаража (1 чел.), изъподъ Львова (1 чел.), изъ Ярославля (2 чел.); наконецъ, попадаются и уроженцы такихъ отдаленныхъ городовъ, какъ Вильно (4 чел.), Новогрудокъ (2 чел.), Ковно (2 чел.), Городокъ-Витебскій (5 чел.), Полоцкъ (6 чел.), Смоленскъ (1 чел.), Коричинъ (1 чел.), Слонимъ (2 чел.). Кромѣ жителей литовско-русскихъ, волынскихъ, подольскихъ и галицкихъ—отмѣчены въ спискѣ и иностранцы: Москви-

*1 Происхожденіе многихъ козаковъ изъ такъ называемаго Копыльско-Слуцкаго княжества (часть воеводства Новогрудскаго) подтверждаетъ Наливайко слѣдующими словами своей жалобы королю Сигизмунду III на Литовскихъ пановъ: „Potém się *w Kopylu* z naszymi kilkudziesiąt, którzy tam na leży byli rosztowali, chłopiąt, pachołków i kilku towarzyszów naszych na przystawach, *a niektórych do rodziców jadących napali* (=на нѣкоторыхъ напали въ то время, когда они ѣхали къ родителямъ), a jakom wziął wiadomość, niektórych poscinali, niektórych zasie rozmaicie zamordowali.“ См. Zbiór etc. Wydał hr. de Broel-Plater, str. 217.

тяне (20 чел.), Петръ изъ Рязани, Кондратъ и Иванъ съ Волги, Молдаване (4 чел.), Марко изъ сербской земли, Андрей изъ Нѣмцевъ, Куланъ-Мурза изъ Крыма, Семенъ изъ Каффы. Польскій этнографическій элементъ былъ представленъ козаками изъ Познани, Кракова, Лукова, Глуска, Стенжицы, Сандомира и Грубешова, и шляхтичами, занимавшими командныя мѣста. По всей вѣроятности къ польской народности принадлежали и тѣ три спеціалиста, которые названы въ реестрѣ: Матисъ фельдшеръ (balwiers), Тишко портной (krawiec) и Денисъ, баккалавръ какихъ-то наукъ (bacalaureus).*1

Люблинскій воевода Янъ Тарло, ѣздившій въ степи, по порученію Стефана Баторія, лѣтомъ 1578 г. для разслѣдованія козацкихъ пограничныхъ разбоевъ (о чемъ рѣчь ниже), по возвращеніи въ сентябрѣ докладывалъ королю, что болѣе всего козаковъ выходитъ на Низъ изъ имѣній воеводы кіевскаго князя Константина Константиновича Острожскаго, а также изъ имѣнія воеводы брацлавскаго князя Януша Николаевича Збаражскаго—г. Немирова.*2

Іоакимъ Бѣльскій упоминаетъ еще объ имѣніи Филона Кмиты Пиковѣ, какъ о мѣстѣ, куда, по словамъ турецкаго чауша, укрывались козаки послѣ разбойничьихъ набѣговъ на турецкія владѣнія.*3

Всѣми этими свѣдѣніями вполнѣ подтверждается характеристика Днѣпровскихъ козаковъ, сдѣланная довѣреннымъ секретаремъ Стефана Баторія и другомъ его министра Яна Замойскаго Рейнгольдомъ Гейденштейномъ: „Огромное пространство полей и многія нивы остаются тамъ (въ пограничныхъ степяхъ) не воздѣланными и не заселенными по причинѣ разбоевъ или вслѣдствіе страха. Всякій, кто былъ въ тяжкой нуждѣ или былъ осужденъ за уголовныя преступленія, и всѣ тѣ, которымъ или обстоятельства или законы не дозволяли жить въ отечествѣ, какъ изъ другихъ народовъ, такъ и изъ поляковъ и литовцевъ,*4 собирались сю-

*1 См. Źródła dziejowe (Яблоновскаго), t. XX, 1894, стр 154—164 и Górskiego, Historya piechoty polskiej, Krak. 1893, str. 243-244.

*2 См. Acta historica, t XI, Sprawy wojenne etc, str. 145.

*3 См. хрон. Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 75.

*4 Конечно, здѣсь подразумѣвается не этнографическая принадлежность къ польскому или литовскому племени, а подданство или Польской Коронѣ, или Великому Княжеству Литовскому.

да, чтобы промышлять грабежомъ и добычею. Въ прежнія же времена, при общемъ мирѣ между народами, даже нѣкоторые знатные юноши стремились въ эти мѣста, ненавидя спокойную жизнь и жаждая не бездѣйствія и досуга, а возможности выказать доблесть. Большею частью они питались рыбною ловлею по озерамъ и по рѣкѣ Днѣпру, а также разбоями, считая врагомъ всякаго, съ кого надѣялись поболѣе пограбить добычи. Но такъ какъ среди нихъ преобладали числомъ христіане, то болѣе всего враждебны были они варварамъ, особенно—татарамъ, королямъ же польскимъ зачастую приносили пользу. Занимая нижнюю часть Польши, прилегающую къ рѣкѣ Днѣпру, они отъ своего мѣстожительства называются Низовцами. Среди остальныхъ козаковъ (=имя, которымъ обыкновенно называются какъ конные, такъ и пѣшіе воины, собирающіеся по частному почину и по своей доброй волѣ на границахъ, чтобы производить разбои и опустошать набѣгами непріятельскія страны) они найболѣе отличаются и численностью, и доблестью."*1

Что касается сословнаго происхожденія отходившихъ въ „козацство," то большею частью это были люди, стоявшіе невысоко на общественной лѣстницѣ: мѣщане, бояре, бѣглые „подданные" разныхъ владѣльцевъ.*2

Въ болѣе древнее время литовско-русскіе козаки очень часто смѣшивались въ своихъ предпріятіяхъ съ татарскими. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что татары оставались въ составѣ козацкихъ купъ навсегда и что, напримѣръ, среди козаковъ, служившихъ у кіевскаго воеводы (1492-1505) князя Дмитрія Ивановича Путятича, является несомнѣнный татаринъ Душбекепичъ.*3 Въ эпоху Баторія въ Черкасахъ проживало такъ много татар-

---

*1 См. Reinoldi Heidensteni secr. regii de bello Moscovitico, quod Stephanus rex Poloniae gessit, Commentariorum libri VI. Basileae 1588, pag. 11 Записки Гейденштейна о Московской войнѣ въ русскомъ переводѣ изданы С.-Петербургскою Археографическою Коммиссіею въ 1889 г.

*2 На сеймѣ 1585 г. въ засѣданіи 18 февраля „instigator contra receptores et patronos Nizovienses agebat judicialiter, quod eos comeatu, sale nitro, pulvere tormentario, subvectionibus juverint et *famulos subditosque suos eis spe praedae adjunxerint.*" См. Dyaryusze sejmowe z roku 1585. Wyd. Al. Czuczyński. W Krak. 1901, str. 240.

*3 См. Архивъ юго-зап. Рос., ч. III, т. I, К. 1863, стр. 1, N I.

скихъ козаковъ, что посланный Баторіемъ для изученія и описанія южно-русскихъ областей львовскій каштелянъ Янъ Сѣннинскій прямо говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ, что „религія ихъ большею частью магометанская“ (religio apud eos magna ex parte Machometana).*1

Но всетаки въ общемъ съ теченіемъ XVI вѣка татарскій элементъ среди козачества слабѣлъ, зато усиливался элементъ шляхетскій. Это явленіе отмѣчаютъ два современныхъ писателя: Верещинскій (1532—1598) и Лубенецкій (1550—1622).

Іосифъ Верещинскій въ своемъ правоучительномъ трактатѣ 1585 года: „Gościniec pewny niepomiernym moczygębom, a omierzłym wydmikuflom świata tego“ писалъ: „Что̀ отецъ съ матерью собрали по грошу, наживая съ большимъ трудомъ за много лѣтъ имущество, то̀ безразсудный сынокъ пропуститъ черезъ горло въ одинъ годъ, а потомъ, когда ужъ не откуда взять, боясь околѣть съ голоду, (слышишь о немъ)—или *очутился на Низу и грабитъ чабановъ турецкихъ*, или въ Слезинскомъ бору вытряхиваетъ фуры (купеческія)“ *2 Андрей Лубенецкій въ сочиненіи „Poloneutichia,“ изданномъ по рукописи Александромъ Батовскимъ только въ 1843 г., передаетъ этотъ фактъ гораздо обстоятельнѣе: „Наши чаще ходили въ татарскія Поля на козацкій промыселъ, нежели татары къ намъ. За короля Августа въ русскихъ областяхъ было достаточно предпріимчивой и милой молодежи, съ которою татарамъ много было возни, такъ какъ приходилось отъ нея отбиваться. Среди нея находились Сенявскіе, Струси, Гербурты, Претвичъ, Станиславъ Замойскій, Потоцкій, Влодекъ, князья Вишневецкіе, Збаражскіе, Заславскіе, Корецкіе, Ружинскіе и иная знать, а также не мало шляхты; они рѣдко сходили съ Полей. Они считали своего рода охотничьей заба-

---

*1 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.

*2 См. Pisma treści moralnej Ks. Józefa Wereszczyńskiego. Wyd. Turowskiego. W Krak. 1860, str. 14.—*Ślesin* или *Ślezyn*—озеро и посадъ въ нынѣшнемъ Конинскомъ уѣздѣ Калишской губ. Западный берегъ озера и теперь называется „*Wyspy zbójeckie*“ (См. Słownik geograficzny, t. X, str. 762) и по преданію въ большихъ лѣсахъ этой мѣстности гнѣздились въ былое время разбойники, которые грабили купцовъ, путешествовавшихъ изъ Гнѣзна или Познани въ Варшаву, Радомъ или Сандомиръ.

вой — ходить въ Поля лично или снаряжать туда своихъ подданныхъ."*1

Всѣ козацкія предпріятія были такого рода, что они требовали дѣйствія скопомъ, образованія промысловыхъ купъ или товариществъ; члены ихъ такъ и назывались „товарищами." Въ подобныхъ скопищахъ, конечно, являлись вожаки, болѣе предпріимчивые и сильные духомъ, которые подчиняли своему авторитету остальныхъ. Такъ какъ рыболовство являлось одною изъ важныхъ отраслей козацкаго промысла, то этимъ объясняется, почему начальникамъ козацкимъ усвоилось названіе, искони свойственное руководителямъ рыболовныхъ предпріятій;—они стали называться „атаманами." Это названіе извѣстно въ русскомъ языкѣ съ 1294 г., когда оно упоминается въ грамотѣ новгородскаго князя Андрея Александровича о правѣ его посылать три ватаги на море для рыбной ловли, „а ватамманъ Ондреи Критцкыи."*2 Позднѣе слово „атаманъ" стало служить для обозначенія начальниковъ младшихъ, второстепенныхъ, главнѣйшіе же вожди присвоили себѣ употребительный въ Польшѣ титулъ „гетмана," заимствованный у Чеховъ и составляющій искаженіе нѣмецкаго слова „Hauptmann"= начальный человѣкъ, голова. Такъ какъ козаки были разсѣяны на

---

*1 См. Poloneutichia, albo królewstwa polskiego szczęście, a przytem i w. ks. litewskiego, Andrzeja Lubienieckiego. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843. Str. 30—31.

*2 См. Матеріалы для словаря древнерусскаго языка Срезневскаго, т. I, Спб. 1893, стол. 231. Въ настоящее время это же самое названіе присваивается руководителямъ рыболовныхъ артелей или товариществъ, отправляющихся изъ Золотоношскаго уѣзда Полтавской губ. ловить рыбу въ г. Маріуполь и на косу Бѣлосарайку, а также въ другія мѣстности Херсонской, Екатеринославской и Таврической губерній. Вотъ что сообщаетъ объ этомъ промыслѣ Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губ. т. VI, Золотоношскій уѣздъ, стр. 131: „Уходъ на рыбную ловлю весьма распространенъ въ м. Кропивной. Собирается товарищество въ нѣсколько десятковъ человѣкъ (менѣе 30 не бываетъ); выбираютъ изъ своей среды *атамана* и, придя на мѣсто, поступаютъ къ хозяину, который отводитъ имъ избу, даетъ снасть, лодку, нанимаетъ на свой счетъ озера, а они уже покупаютъ на общій счетъ патентъ на право торговли и провизію. Цѣлое лѣто ловятъ рыбу и топятъ жиръ, *атаманъ* распоряжается продажей рыбы, работами, а въ концѣ лѣта производится дѣлежъ; хозяинъ получаетъ половину барыша со всего улова, а остальная половина раздѣляется на равныя части по числу товарищей, *исключая атамана*, получающаго *въ три раза* болѣе простаго работника."

широкомъ пространствѣ юго-восточныхъ границъ Рѣчи-Посполитой отъ нынѣшней южной Черниговщины до Бессарабіи, то въ разныхъ мѣстахъ козацкими скопищами предводительствовали разныя лица и такимъ образомъ одновременно могло появляться по нѣсколько гетмановъ. Такъ, напримѣръ, изъ эпохи Баторія мы знаемъ фактъ, что въ 1577 г. въ Немировѣ былъ гетманомъ Шахъ, а въ Кіевѣ—Арковскій.*1

Зима была порой, когда козацкія предпріятія пріостанавливались. Въ ноябрѣ 1504 года Менглы-Герай писалъ Іоанну III Московскому, чтобы тотъ отпустилъ его посланца Асанчюкъ Авыза еще „на зимѣ“=зимою, „коли казаки не ѣздятъ и дорога чиста.“*2 Въ степяхъ негдѣ было укрываться отъ стужи и метелей, и козаки должны были искать на зиму пріюта или на родинѣ, если сохранялись связи съ нею, или въ ближайшихъ пограничныхъ со степью городахъ. Вотъ, напримѣръ, что̀ сообщалъ Менглы-Герай великому князю Ивану Васильевичу въ апрѣлѣ 1503 года: „Сего лѣта отъ Шигзады отъ его величества (Магометъ-Шихзода—султанъ каффинскій, сынъ турецкаго султана Баязета) кафинскіе гости (=купцы) отъ Кіева Нѣпромъ рѣкою со многими кунами*3 поѣхали были сюды; и кіевскіе и черкаскіе казаки, сединачився, тѣхъ гостей всѣхъ побили и куны всѣ взяли; и сего лѣта въ Кіевѣ и въ Черкасцехъ тѣ люди не были, бѣгали. *И какъ близко зима, и они въ Кіевъ пришли* и оманкою тѣхъ поимали, и тѣ куны всѣ собравъ, поставили полтретьятцать сотъ тысячь алтынъ,*4 розчетъ учинивъ, поставили.“*5 Въ г. Черкасы на зиму съ 1551 на 1552 г. собралось 250 козаковъ: „окромъ осилыхъ бояръ и мещанъ бываютъ у нихъ прихожие козаки; сее зимы было ихъ разомъ о полътретяста.“*6 Съ

---

*1 См. Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Tom. V i VI, Warsz. 1881, str. 33.

*2 См. Сборн. Имп. Рус. истор. общ. т. 41, Памятн. дипл. сношен. Моск гос. съ Крым. и Нагай. орд.и съ Турц. т. I, стр. 550.

*3 Куна – шкурка куны (куницы), имѣвшая значеніе денегъ; куны—деньги вообще. Со многими кунами=съ большою суммою денегъ. Матеріалы и пр. Срезневскаго т. I, стол. 1365–66.

*4 Алтынъ—денежная единица въ 6 денегъ=3 коп. Отъ татар. алты=шесть. См. тамъ-же стол. 18. Полтретьятцать сотъ тысячъ=2.500.000.

*5 См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ., т. 41, Памятн. и пр. т. I, стр. 467.

*6 См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 91.

наступленіемъ весны эти козаки опять отправлялись или, по тогдашнему выраженію, отходили „у козацъство на поле“ или „рекою у низъ;“ лѣтомъ, по выраженію одной изъ грамотъ Іоанна III, „отъ казака страхъ на полѣ.“*1

Были-ли при козакахъ женщины во время ихъ лѣтнихъ промысловъ? Несомнѣнно, что нѣкоторыхъ козаковъ въ ихъ кочевой, наполненной опасностями жизни сопровождали и жёны. На это указываетъ тотъ-же упоминавшійся раньше Янъ Сѣннинскій, когда онъ говоритъ о жителяхъ г. Черкасъ: „Mulieres fere ac viri belli munia apud eos obeunt“ (=женщины у нихъ наравнѣ съ мужчинами участвуютъ въ военныхъ дѣйствіяхъ).*2 Извѣстіе Сѣннинскаго служитъ комментаріемъ къ тому мѣсту позднѣйшаго письма Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому отъ 16 апрѣля 1596 г. изъ Бѣлой Церкви, гдѣ Жолкѣвскій говоритъ о переправившихся за Днѣпръ козакахъ: „głod szam zwoiuie ich tham (т. е. на лѣвой сторонѣ Днѣпра), bo takowei wielkosczi *z zonami z dziecmi* Preasłów (=Переяславъ) a Alexandrów (=Лубны) niemoże długo wytrzijmac.“*3 Съ другой стороны забубенныя головы, о которыхъ говоритъ Верещинскій, конечно, не имѣли при себѣ жёнъ и все лѣто проводили въ вынужденномъ цѣломудріи; за то зимою, когда стужи и непогоды загоняли ихъ въ города, они находили утѣшеніе въ объятіяхъ случайныхъ красавицъ, „зъ бѣлыми головами непочестныи рѣчи дѣлаючи.“*4

* * *

Каждое явленіе народной жизни съ теченіемъ времени преобразуется и теряетъ свой первоначальный характеръ. Тоже случилось и съ „козацствомъ.“ По мѣрѣ того, какъ учащались татарскіе набѣги изъ Крыма и степные промыслы становились чѣмъ далѣе, тѣмъ опаснѣе, козаки изъ рыболововъ и охотниковъ, склонныхъ только при случаѣ пограбить и поразбойничать, все болѣе

*1 См. Сборн. Имп. Рус. ист. общ. т. 41, Памятн. и пр. т. I, стр. 554.
*2 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Czerkasy*.
*3 См. Listy Stanisława Żółkiewskiego. W Krak. 1868, str. 81—82.
*4 См. Акты, отн. къ ист. Западной Россіи, т. I, Спб. 1846, стр. 194, № 170.

преобразовывались въ настоящихъ добычниковъ, которые тогда лишь считали себя занятыми, когда имъ удавалось собираться въ купы и предпринимать нападенія въ цѣляхъ грабежа на татарскіе и турецкіе юрты и улусы.*1 Изъ ряда промышленныхъ артелей и разбойничьихъ шаекъ козачество все болѣе преобразуется въ своеобразный военно-разбойничій орденъ съ центромъ на одномъ изъ острововъ днѣпровскихъ ниже Пороговъ.*2 Весьма вѣроятно предположеніе одного изъ новѣйшихъ польскихъ историковъ Маріана Дубецкаго, что иниціаторами и основателями запорожскихъ учрежденій, напоминающихъ во многомъ западноевропейскіе рыцарскіе порядки, являлись приставшіе къ козачеству польскіе шляхтичи, которые приносили съ собою на днѣпровскій Низъ польскія рыцарскія понятія, выработанныя въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ идей западно-европейскаго рыцарства.*3 Правъ отчасти и Кулишъ, говоря: „Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ неизвѣстно, потому что козаки не любили письменности.“*4 Тѣмъ неменѣе исторически можно доказать, что сильные толчки развитію военныхъ инстинктовъ среди литовско-русскаго козачества дали съ одной стороны—кіевскіе воеводы и старосты пограничныхъ городовъ Черкасъ, Канева, Брацлава и Винницы, съ другой стороны—такіе авантюристы, какъ князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій или князь Богданъ Евстафіевичъ Ружинскій, съ третьей, наконецъ,—непрерывно смѣнявшіеся претенденты на Молдавскій господарскій столъ.

Кіевскій воевода князь Дмитрій Ивановичъ Путятичъ (1492—1505), справца кіевскаго воеводства князь Андрей Михайловичъ Сан-

*1 См. рус. пер. Мартина Броневскаго, стр. 338.

*2 Напр. въ Descr. vet. et novae Pol. 1585 г. говорится о Томаковкѣ: „Tomakowka—insula est in Borysthene, inter Tesmien flumen et Fessinum, quod ex Nigra sylva demanat, ubi *Nisovii Kozaki* tanquam *in arce fortissima* habitant confidenter.“

*3 См. Obrazy i studya historyczne skreślone przez Maryana Dubieckiego, Serya II, Warsz. 1899, str. 97—102. Общежительное устройство куреней, безпрекословное послушаніе старшимъ, безженность и культъ Покрова Пресв. Богородицы—вотъ черты быта, заимствованныя, по мнѣнію Маріана Дубецкаго, у западныхъ рыцарско-монашескихъ орденовъ.

*4 См. П. А. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоед. Руси, М. 1877, стр. 11.

гушко-Коширскій (1541), кіевскій воевода князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1546—1554), справца кіевскаго воеводства князь Николай Андреевичъ Збаражскій (1559), кіевскій воевода князь Константинъ Константиновичъ Острожскій (1559—1608); староста каневскій Никифоръ Васильевичъ Бобоѣдъ (1541), староста черкасскій князь Андрей Глѣбовичъ Пронскій (1541); бывшіе старостами въ Каневѣ и Черкасахъ въ то время, когда эти староства замѣщались однимъ лицомъ: Евстафій Ивановичъ Дашковичъ (1528), Василій Тихоновичъ Тышкевичъ (1536—1537), Иванъ Петровичъ Пенько (1539), Оникій Горностаевичъ, второй сынъ Горностая Романовича (1544), Иванъ Хрщоновичъ (1550—1552) и князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій (1559—1580); старосты брацлавскіе и винницкіе, которыми также обыкновенно бывали одни и тѣже лица: князь Константинъ Ивановичъ Острожскій (1498—1500, 1507—1517, 1518—1530), князь Илья Константиновичъ Острожскій (1530—1539), князь Фридрихъ Глѣбовичъ Пронскій (1540—1541), князь Ѳедоръ Андреевичъ Сангушко (1546), князь Богушъ Ѳедоровичъ Корецкій (1548—1576)—всѣ эти представители государственной власти на пограничьи снабжали козаковъ лошадьми, боевыми снарядами (съ распространеніемъ огнестрѣльнаго оружія—порохомъ [sale nitro, pulvere tormentario] и оловомъ) и съѣстными припасами (comeatu) и покровительствовали козацкимъ скопищамъ въ ихъ разбойничьихъ нападеніяхъ на сосѣднія страны на томъ основаніи, что львиная доля загребленной добычи (praedae) доставалась имъ: „Кгды козаки, в земли неприятельскои здобывшися, приходять, з добытку того старосте одно што лепшое.“*1

Другимъ обстоятельствомъ, укрѣплявшимъ связи между воеводами, старостами и козаками, была служба козаковъ въ конвойныхъ командахъ, вербуемыхъ для охраны воеводской или старостинской особы во время поѣздокъ и походовъ, и для отраженія непріятельскихъ нападеній на тотъ замокъ, въ которомъ эта особа имѣла свое пребываніе. Козаки воеводы князя Дмитрія Ивано-

*1 См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 83. Ср. выше, примѣч. 2 на стр. 21, гдѣ выписано заявленіе инстигатора (прокурора) въ засѣданіи сейма 18 февраля 1585 г.

вича Путятича или какого-либо пограничнаго старосты, конечно, были имъ близки, какъ ихъ тѣлохранители.*[1]

Что касается авантюристовъ въ родѣ основателя запорожской сѣчи (=укрѣпленія, срубленнаго изъ древесныхъ колодъ)*[2] на островѣ Хортицѣ князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго*[3] или князя Богдана Евстафіевича Ружинскаго, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что они увлекали козаковъ въ военныя экспедиціи противъ татаръ и турокъ; вѣдь для такихъ людей молодецкій набѣгъ—вся цѣль и вся отрада жизни, но чтобы почувствовать сладостный трепетъ, охватывающій воина при выступленіи въ походъ, они должны были знать, что за ними слѣдуетъ стая удальцовъ, готовыхъ раздѣлить съ ними всѣ труды и опасности войны; такихъ соратниковъ они могли находить только среди козаковъ. Обращаясь мыслью къ этимъ сорвиголовамъ, невольно вспоминаемъ образъ Лермонтова:

Толпа садится на коней.
При свѣтѣ гаснущихъ огней
Мелькаютъ сумрачныя лица.
Такъ опоздавшая станица
Пустынныхъ бѣлыхъ журавлей
Вдругъ поднимается съ полей....
Смѣхъ, клики, ропотъ, стукъ и ржанье —
Все дышитъ буйствомъ и войной.

Обратимся, наконецъ, къ искателямъ Молдавскаго престола. Съ 1541 года Молдавія почти лишилась своей политической самостоятельности и попала въ самую тѣсную зависимость отъ Высо-

---

*[1] Самый лучшій указатель актоваго матеріала, характеризующаго дѣятельность пограничныхъ старостъ по отношенію къ козакамъ, составленъ Д. И. Иловайскимъ. См. Исторія Россіи, т. III (1890), стр. 705—709, прим. 98.

*[2] Сѣча, сѣчь=silva caedua. Переходъ значенія таковъ: 1) площадка въ лѣсу, на которой только-что срублены деревья, никуда еще не употребленныя и тутъ-же лежащія; 2) укрѣпленіе, построенное на той-же площадкѣ изъ срубленныхъ колодъ (нѣм. Blockhaus).

*[3] Въ Descr. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Chorcyca* сообщается: „Insula est in alveo Borystenis, clara *Wisniovecii herois* oeconomia militari. Ibi enim sedem et firmamentum sui roboris stabiliverat. Sita est à Kiovia 44 miliaribus, paulò infra ostia fluminis Tismienca.“

кой Порты. Виновникомъ такого печальнаго оборота дѣлъ явился молдавскій господарь Петръ Рарешъ, который, желая возвратить утраченный имъ ранѣе престолъ, не постѣснялся обратиться за содѣйствіемъ къ Турецкому падишаху и дорогою цѣною заплатить туркамъ за возвращеніе ему власти. Онъ обязался платить ежегодно Портѣ 12.000 дукатовъ вмѣсто 3.000, назначенныхъ при господарѣ Богданѣ III, и притомъ не въ формѣ подарка, а прямо въ видѣ дани; онъ обязался содержать при себѣ отрядъ турецкой кавалеріи въ 500 человѣкъ, будто-бы для защиты отъ домашнихъ враговъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы его поведеніе было подъ постояннымъ контролемъ со стороны турокъ; наконецъ, онъ обязался оставить заложникомъ въ Константинополѣ родного сына. Съ этихъ поръ турецкое правительство начало открыто торговать Молдавскимъ престоломъ, отдавая его тому, кто предлагалъ высшую цѣну.*1

Важнымъ обстоятельствомъ, плодившимъ многочисленныхъ претендентовъ на Молдавскій престолъ, было странное и неблагоразумное воззрѣніе мѣстныхъ жителей, по которому законные и незаконные сыновья бывшихъ господарей считались одинаково правоспособными для занятія опустѣвшаго престола. И вотъ если господарь имѣлъ совершенно случайную и мимолетную связь съ какой-нибудь женщиной, то этого было уже достаточно, чтобы сынъ сей женщины выдавалъ себя за потомка господаря Богдана или Стефана и т. д., и стремился къ захвату господарскаго престола.*2 Соперничество и взаимныя козни бояръ вели къ тому, что любой претендентъ находилъ въ ихъ средѣ охотниковъ содѣйствовать осуществленію его честолюбивыхъ замысловъ. Если претенденту, какъ напр. Ивану Грозному (Ивоніи), не удавалось составить партіи среди бояръ, то онъ принимался истреблять ихъ и искалъ опоры у крестьянъ, которые, по обыкновенію всѣхъ странъ и народовъ, ненавидѣли бояръ, какъ сословіе, стѣсняющее ихъ свободу и надъ ними властвующее, и рады были ослабленію того значенія, какимъ бояре пользовались въ Молдавіи.

---

*1 См. Histoire des Roumains de la Dacie Trajane par A.—D. Xénopol. Paris 1896, I vol., p. 308—309.

*2 См. ibid. p. 318.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такомъ неустойчивомъ порядкѣ замѣщенія Молдавскаго престола, къ увеличенію народныхъ бѣдствій, начали появляться еще и самозванцы, въ родѣ знаменитаго грека Якова Василика Гераклида, которые безъ дальнѣйшихъ околичностей измышляли прямо свои мнимыя права на престолъ и своими домагательствами вносили въ жизнь страны новыя смуты и треволненія.

Кто бы ни былъ претендентъ, онъ не могъ обойтись при попыткѣ осуществить свои мнимыя или дѣйствительныя права на Молдавскій престолъ безъ помощи военной силы, которая могла бы заставить противниковъ признать эти права и убѣдить ихъ, что въ большинствѣ случаевъ сила есть право. Готовый контингентъ вооруженныхъ людей претенденты находили среди козачества, промышлявшаго на юго-восточныхъ границахъ Рѣчи-Посполитой. Сюда они обращались за содѣйствіемъ, козаки охотно принимали предложенія, чуя богатую добычу, и чѣмъ болѣе практиковались они въ военномъ ремеслѣ, тѣмъ становились въ немъ опытнѣе, тѣмъ болѣе развивали у себя войсковые порядки, тѣмъ замѣтнѣе превращались изъ рыбопромышленныхъ ватагъ и разбойничьихъ скопищъ въ своеобразный рыцарскій орденъ.*[1]

* *
*

Профессоръ Любовичъ въ своей брошюрѣ „Статистическій методъ въ приложеніи къ исторіи“ (Варш. 1901) на нѣкоторыхъ примѣрахъ, взятыхъ изъ исторіи Германіи XIV—XVI вѣка, объясняетъ, „какъ изученіе нѣкоторыхъ историческихъ явленій, опирающееся на точныя цифровыя данныя, помогаетъ составить себѣ опредѣленное, вѣрное представленіе о нихъ, а также нерѣдко сразу разсѣиваетъ прежнія часто сильно укоренившіяся въ наукѣ ложныя мнѣнія и сужденія.“ Источники позволяютъ намъ привести

*[1] Самое лучшее описаніе козацкаго быта въ эпоху Баторія принадлежитъ Бартошу Папроцкому (составлено по разсказамъ Самуила Зборовскаго)—Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego 1858, str. 156—167.

нѣсколько цифръ, показывающихъ численность козаковъ, ютившихся въ приднѣпровскихъ и прибужскихъ пустыняхъ въ эпоху Баторія.

Осенью 1576 г. Девлетъ-Герай въ письмѣ къ королю опредѣлялъ численность козаковъ, нападавшихъ на его владѣнія, цифрою 3.000 человѣкъ.

Въ маѣ 1578 г. въ канцеляріи Баторія имѣлись свѣдѣнія, что козаковъ собралось на Днѣпрѣ около 3.000 человѣкъ. Воевода кіевскій князь Константинъ Константиновичъ Острожскій долженъ былъ сганять ихъ съ Днѣпра, а царь Перекопскій имѣлъ смотрѣть на эти дѣйствія съ татарскаго т. е. лѣваго берега рѣки.

Подкову сопровождалъ въ Молдавію отрядъ въ 600 человѣкъ. Число козаковъ, водившихъ въ Молдавію самозванца Александра, Турецкій падишахъ въ письмѣ къ Баторію опредѣляетъ цифрою 2.000. Янчи Бегеръ навербовалъ въ 1578 г. на королевскую службу 500 козаковъ. Въ 1581 г. ихъ служило 530. Оржельскому въ 1583 г. поручено было навербовать въ г. Черкасахъ 600 человѣкъ....

Эти цифры даютъ нѣкоторое понятіе о томъ численномъ составѣ козачества, съ которымъ приходилось считаться Баторію.

* *
*

Какъ воинъ, Баторій, конечно, цѣнилъ необыкновенныя военныя качества козаковъ, но, какъ правитель государства, онъ не могъ относиться къ нимъ иначе, какъ съ глубочайшею ненавистью, такъ какъ они въ теченіе всего его государствованія служили важною помѣхою въ осуществленіи предначертанной имъ политической программы. Если Баторій поручалъ послу своему Мартину Броневскому сказать отъ его имени царю Перекопскому о козакахъ: „мы не питаемъ любви къ нимъ и намѣрены не охранять ихъ, а, напротивъ, истреблять,“[*1] то это было вполнѣ искреннее признаніе съ его стороны.

Изучая отношеніе Стефана Баторія къ Днѣпровскимъ козакамъ, нужно твердо помнить, что Баторій былъ выбранъ подъ давленіемъ Турціи, какъ человѣкъ угодный тогдашнему султану

[*1] См. Bibl. Ord. Kras. Muz. Świdz. t. V i VI, str. 36.

Селиму. Къ прежнимъ доказательствамъ этого обстоятельства*1 можно присоединить новое свидѣтельство современника, обнародованное недавно проф. Вержбовскимъ. Извѣстный историкъ и миѳологъ Янъ Ласицкій, посланный въ Германію краковскимъ воеводою Петромъ Зборовскимъ, такъ говорилъ въ г. Касселѣ 30 іюня 1576 г. гессенскому ландграфу Вильгельму:

„Что поляки предпочли Баторія Его Императорскому Величеству, то они сдѣлали это не изъ нѣкотораго пренебреженія къ Его Имп. Вел., но ради того, что не поступи они такъ, то безъ всякаго сомнѣнія они имѣли бы турокъ у себя на шеѣ, такъ какъ Турецкій падишахъ очень грозно написалъ, что въ случаѣ, если поляки изберутъ въ короли Его Имп. Вел., то онъ будетъ преслѣдовать ихъ мечомъ и огнемъ, и двинетъ противъ нихъ татаръ.

Далѣе имъ, полякамъ, нуженъ былъ такой король, который во всякое время проживалъ бы среди нихъ, вершилъ бы правосудіе, имѣлъ бы достаточно тѣлесныхъ силъ, чтобы защищать и охранять ихъ отъ варваровъ, понималъ бы способы веденія войнъ противъ турокъ, москвитянъ и татаръ, вступилъ бы, наконецъ, въ бракъ съ королевной Анной.

Его Имп. Вел. не могъ бы выполнить всѣхъ этихъ условій не только по недостатку тѣлесныхъ силъ, но и потому, какъ хорошо понимали поляки, что Его Имп. Вел. не согласился бы покинуть Священную Имперію и свое королевство.

Были кромѣ того и другія причины, которыя подвинули поляковъ къ выбору Баторія.

Избранный ими въ короли Баторій по тѣлеснымъ силамъ и по разуму какъ бы созданъ для того, чтобы быть самымъ лучшимъ военачальникомъ противъ турокъ. Онъ самъ предлагалъ на это свои услуги въ собственноручномъ письмѣ къ Его Имп. Вел. и это письмо, неизвѣстно, какимъ образомъ, попало, наконецъ, и въ руки Турецкаго падишаха.

Если бы Его Имп. Вел. былъ избранъ и признанъ королемъ, то жители Подоліи и Руси сейчасъ объявили бы, что они

---

*1 См. Nehring, O życiu i pismach Jana Dymitra Solikowskiego. Poznań 1860, str. 41, примѣчаніе.

поддаются туркамъ, такъ какъ они не могли бы ожидать отъ Его Имп. Велич. достаточной для себя защиты отъ турокъ.

Что касается тѣхъ клеветъ противъ Баторія, которыя повсюду распространяются, будто онъ—турецкой религіи, будто онъ поступилъ въ рабство къ туркамъ и позволилъ туркамъ свободно проходить черезъ Польшу, то во всемъ этомъ нѣтъ правды; Баторій исповѣдуетъ римскую религію, но такимъ образомъ, что онъ склоненъ также и къ аугсбургскому исповѣданію."*1

Извѣстно, что послѣ битвы при Могачѣ (26 августа 1526 г.) и послѣдующихъ походовъ Солимана нынѣшняя Венгрія была раздѣлена на три части: западная часть осталась во владѣніи Австріи; средняя сдѣлалась турецкою провинціею, которая была раздѣлена на четыре вилаета съ центрами въ Будѣ, Эгерѣ, Канижѣ и Темешварѣ, и на 25 санджаковъ; и, наконецъ, восточная часть, Седмиградія или Трансильванія, образовала самостоятельное княжество подъ властью Яна-Сигизмунда Заполья, внука польскаго короля Сигизмунда I по дочери его Изабеллѣ. Когда этотъ князь умеръ 14 марта 1571 г., преемникомъ ему избранъ былъ на трансильванскомъ сеймѣ 25 мая того-же года Стефанъ Баторій.*2 Отличаясь большими дипломатическими талантами, онъ умѣлъ искусно лавировать между Вѣною и Константинополемъ и этимъ умѣніемъ заслужилъ себѣ расположеніе властвовавшаго тогда султана Селима. Кромѣ того Баторій взялъ на себя, какъ увидимъ ниже, нѣкоторыя обязательства по отношенію къ Турціи.

Занявши польскій престолъ, Стефанъ Баторій не забывалъ, кому онъ обязанъ королевскимъ саномъ, и принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не вызывать раздраженія въ правителяхъ Высокой Порты. Кромѣ того прочный миръ съ Турціей нуженъ былъ ему и по тому, что всѣ планы его политики были направлены на сѣверъ: покореніе Гданска, возвращеніе Инфлянтъ и Сѣверщины, ослабленіе Московскаго государства, распространеніе католицизма въ литовско-русскихъ областяхъ и въ самой Москвѣ—вотъ важнѣйшія государственныя задачи, увлекавшія Баторія. Спокойно за-

*1 См. Materyały do dziejów piśmiennictwa polskiego zebrał T. Wierzbowski. T. I, Warsz. 1900, str. 209—210. Послѣдняя фраза выписана выше на стр. 2, прим. 1.

*2 См. Histoire de l'Autriche-Hongrie par Louis Léger, Paris 1879, p. 311—312. Dzieje Węgier w zarysie skreślił J. F. Gajsler. T. III, Warsz. 1902, str. 43-44.

няться ими онъ могъ только при условіи, что на южныхъ границахъ все будетъ покойно и что Турція не выйдетъ изъ своего нейтралитета. Днѣпровскіе козаки своими нападеніями на татарскія и турецкія владѣнія и вмѣшательствомъ въ молдавскія дѣла постоянно вызывали татарскіе набѣги и грозили вывести самого падишаха изъ его мирнаго, спокойнаго положенія. Могъ-ли Баторій не возненавидѣть ихъ?

* *
*

Въ туже весну 1576 года, когда Баторій прибылъ въ Польшу, козаки сожгли Тягинь и опустошили Хасланъ-Городокъ.*[1] Послѣдовали жалобы турецкихъ и татарскихъ властей. Для изслѣдованія этихъ происшествій посланы были: по вопросу о Тягинѣ—Янъ Добецкій (30 іюня),*[2] по вопросу о Хасланъ-Городкѣ – Варѳоломей Завацкій.*[3] Донесенія ихъ королю пока не извлечены изъ архивовъ, но чувства Баторія по поводу совершившихся событій превосходно описываетъ политическій врагъ короля Стефана аббатъ Севастіанъ Грабовецкій въ письмѣ къ императору Максиміліану II отъ 5 сентября 1576 года: „Татары, ходившіе походомъ на Москву, вернулись“—пишетъ между прочимъ Грабовецкій; „они были въ числѣ 40.000; пятнадцать тысячъ изъ нихъ легли подъ ударами московскихъ воиновъ, остальные обратились въ бѣгство; 900 ихъ потонуло въ рѣкѣ Окѣ, столько же было убито воинами Вашего Священнаго Величества, такъ называемыми козаками; только 700 остались цѣлыми и увидѣли свои дома; но козаки по ненависти къ нимъ тотчасъ и этихъ сожгли вмѣстѣ съ ихъ хижинами. Когда козаки взрывали (disiicientes) какое-то татарское укрѣ-

*[1] Тягинь—татарское укрѣпленіе, „коего развалины,“ по словамъ Ф. Бруна, „нынѣ еще видны между Херсономъ и Бериславомъ при деревнѣ Тягинкѣ на берегу Днѣпра.“ См. Черноморье. Сборникъ изслѣдованій Ф. Бруна. Часть 1. Од. 1879. Стр. 179—180. Замокъ *Хасланъ-Городокъ* былъ построенъ на островѣ, близъ лѣваго берега Днѣпра, противъ нынѣшняго мѣстечка Каховки. См. Эварницкій. Запорожье въ остаткахъ старины. Часть II, Спб. 1888, стр. 129-130.

*[2] См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX, A, str. 68.

*[3] См. Ibid., str. 63.

пленіе, то обломки его задавили почти 500 козаковъ, при чемъ погибъ и вождь ихъ Богданъ Ружинскій;*1 тамошнія края и земли проливали о немъ обильныя слезы.

Послѣ побѣды, одержанной надъ татарами, козаки прислали двѣнадцать главныхъ плѣнниковъ Баторію; сопровождалъ ихъ Иванъ Старжинскій; увидѣвъ плѣнниковъ, Баторій удрученъ былъ печалью и почти слезно оплакивалъ понесенное татарами пораженіе; когда ему поставили на видъ неумѣстность тяжкихъ вздоховъ и объяснили, что татары являются какъ-бы наслѣдственными врагами польскаго королевства, то голосъ застылъ у него въ устахъ, но видно было, что томительное горе пронизываетъ насквозь его сердце. Упомянутому Старжинскому, который привелъ плѣнниковъ, онъ подарилъ имѣніе, богатое полями и жителями, а плѣнныхъ татаръ наградилъ одѣяніями, одарилъ лошадьми и отпустилъ на свободу, снабдивъ на дорогу деньгами*2.....

Чаушъ прибылъ отъ Амурата.*3 Напомнивъ, во-первыхъ, о бладѣяніяхъ своего повелителя, онъ настаиваетъ, чтобы Баторій возобновилъ клятву, данную имъ въ городѣ Мегешѣ, какъ онъ обѣщалъ это тамъ пашамъ Будинскому и Темешварскому. Во-вторыхъ, чаушъ требуетъ, чтобы тѣ козаки, которые причинили такія обиды татарамъ, были обузданы и чтобы надъ ними учинено было правосудіе. Если король не въ силахъ самъ расправиться съ ними вслѣдствіе ихъ непослушанія, то пусть предоставитъ сдѣлать это туркамъ. Если они не будутъ обузданы, то случится то, что въ скоромъ времени они вызовутъ враждебныя отношенія къ

---

*1 Князь Богданъ, кажется, Евстафіевичъ Ружинскій. Бартошъ Папроцкій описываетъ гибель князя Ружинскаго слѣдующими словами: „Kniaź Rożeński przed kilku laty, starając się o on zamek (Hasłonhorodok), aby go mógł był zburzyć, jakożby był tego już dokazał, tylko przez nieopatrzość, *gdy podsadził pod zamek prochy*, na złem miejscu stanął, potem mizernie zginął.“ См. Herby etc. str. 163. О мѣстѣ князя Богдана въ генеалогіи рода Ружинскихъ см. Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, str. 417.

*2 Въ расходной книгѣ записана выдача 10 флориновъ *только одному* отпущенному на свободу татарину: „Tartaro vincto, quem Mtas R. libere dimisit f. 10.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 85. Не преувеличиваетъ-ли Грабовецкій щедрости Баторія изъ вражды къ нему?

*3 Султанъ Мюрадъ III (1574—1595) былъ знаменитъ, по выраженію проф. Смирнова, своимъ женолюбіемъ, многочадіемъ и жадностью. См. Крым. ханство. Спб. 1887, стр. 437.

королевству польскому и къ королю со стороны падишаха турецкаго. Въ-третьихъ, чаушъ приказываетъ, чтобы безъ согласія падишаха король польскій ни съ кѣмъ не вступалъ въ перемирія и не заключалъ союзовъ. Наконецъ, чаушъ напоминаетъ, чтобы Баторій не боялся Вашего Священнаго Величества, такъ какъ со стороны падишаха повелѣно де Вашему Величеству (Васъ онъ называетъ королемъ Германіи), чтобы Ваше Священное Величество не смѣли чѣмъ-либо досаждать Баторію. Прежде чѣмъ ѣхать изъ Кракова въ Варшаву [послѣ коронаціи], Баторій послалъ къ Амурату нѣкоего благороднаго русскаго пана по фамиліи Дзѣржка; послѣдній возвратился теперь почти по слѣдамъ чауша и донесъ, что государство Амурата обезсилено крайне стѣсненными обстоятельствами, такъ какъ шахъ персидскій взялъ Вавилонъ и имѣетъ дальнѣйшіе планы. Говорятъ, будто кто-то изъ родственниковъ Амурата отправился къ великому хану и, выпросивъ у него помощь противъ преступнаго падишаха, идетъ теперь съ многочисленнымъ и сильнымъ войскомъ, вслѣдствіе чего и Русь дрожитъ отъ страха; судя по слѣдамъ отъ ногъ и копытъ, много народа собралось подъ Гирцинскимъ лѣсомъ [Трансильванскія Альпы], а потому русскіе, боясь, какъ-бы не молотили бобовъ на нашей спинѣ, совѣтуютъ собирать войско. Тотъ же Дзѣржекъ говорилъ, что Донъ-Жуанъ Австрійскій нанесъ новое пораженіе падишаху, но такъ какъ это должно быть лучше извѣстно Вашему Священному Величеству, то я не распространяюсь. Онъ говорилъ, что татары были у Амурата и просили, чтобы имъ было вольно съ его разрѣшенія идти противъ насъ и отомстить за испытанную обиду, но что падишахъ не склонился на ихъ просьбы, во-первыхъ, по тому, что теперешній польскій король—его вассалъ, во-вторыхъ, чтобы татары не осрамили его, если они потерпятъ пораженіе, что̀ можетъ случиться, такъ какъ они безоружны и почти голы. Хорошо извѣстно, какую клятву давалъ Баторій пашамъ въ Мегешскомъ кляшторѣ. Онъ присягалъ: 1) что полученное имъ право на Польшу онъ не можетъ передать никому, кромѣ падишаха; 2) что онъ никогда не подыметъ руки противъ Амурата; 3) что онъ долженъ пропускать турецкое войско черезъ свои владѣнія, куда бы оно ни направлялось; 4) что съ Трансильваніи онъ будетъ платить денежную дань, а изъ Польши будетъ доставлять

ежегодно 60 мальчиковъ на пополненіе янычаровъ. Остальные пункты—меньшаго значенія, а посему я счелъ возможнымъ пройти ихъ молчаніемъ."*1

Лѣто 1576 года прошло для Баторія въ непрерывныхъ поѣздкахъ. Необходимость лично уладить отношенія къ примасу Ухапскому и къ литовскимъ вельможамъ, и желаніе поскорѣе овладѣть казной и сокровищами, оставленными въ Тыкоцинѣ покойнымъ королемъ Сигизмундомъ-Августомъ, заставили короля проѣхать въ Варшаву, а оттуда въ Тыкоцинъ и Кнышинъ, и только къ 4-му сентября могъ онъ прибыть въ Мальборгъ для веденія переговоровъ съ непокорными Гданчанами.*2 Здѣсь король оставался до самого сейма, открытаго въ Торнѣ 18 октября. Во время пребыванія Баторія въ Торнѣ явился къ нему посолъ Перекопскаго царя Джанъ-Темиръ-ага, оставался здѣсь, начиная съ 3-го ноября, девять недѣль, выполнялъ свой Рамазанъ,*3 праздновалъ Байрамъ, 20 ноября получилъ аудіенцію у короля*4 и передалъ ему слѣдующее письмо Девлетъ-Герая:

„Великой орды вольнаго царя перекопскаго слово. Множества христіанъ государю, королю, брату нашему Стефану Баторію отъ насъ поклонъ и братская пріязнь и милость. Съ давнихъ временъ цари перекопскіе съ королями польскими жили въ милости, пріязни и братскомъ согласіи; отъ насъ имъ, а отъ нихъ намъ не дѣлалось никакихъ непріятностей и никакого вреда; справедливость и пріязнь между двумя государствами были настолько сильны, что если-бы какая-нибудь женщина съ сокровищами ѣхала изъ одного государства въ другое, то никто не причинилъ бы ей непріятности или вреда, а если-бы кто и покусился на нее, то такового преступника, если-бы онъ былъ уличенъ и пойманъ, немилосердно наказала бы та или другая сторона. Но теперь, въ настоящее время, *козаки* изъ вашего королевства переѣзжаютъ Днѣпръ и въ предѣлахъ нашего государства захватываютъ коней, скотъ и имущество нашихъ подданныхъ, а жнецовъ, пахарей и работни-

*1 См. Materyały etc. Вержбовскаго, стр. 214—215.

*2 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX, A, str. 56—59.

*3 Рамазанъ—магометанскій постъ.

*4 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 94—95.

ковъ ихъ--берутъ въ плѣнъ. Мы съ своей стороны, собравши всѣхъ *козаковъ* нашихъ (т. е. татарскихъ), строго приказали имъ, а также дѣтямъ нашимъ, царевичамъ, чтобы они не причиняли урона и вреда областямъ королевства польскаго до тѣхъ поръ, пока, дастъ Богъ, не будетъ короля въ этомъ государствѣ: тогда де мы съ королемъ по добру поладимъ. Но ваши *козаки*, не обращая вниманія на нашу доброту, день за днемъ причиняли намъ непріятности и убытки; они грабили имущество у подданныхъ турецкаго падишаха, многихъ изъ нихъ побили, и надѣлали имъ не мало зла; а между тѣмъ наше государство входитъ въ составъ имперіи Его Турецкаго Величества и имперія Его Турецкаго Величества все равно, что наше государства; вредъ, причиненный Его Турецкому Величеству, все равно, что намъ причиненный вредъ, и обратно. Точно также въ то время, когда сынъ нашъ Махметъ-Герай на возвратномъ пути изъ Багдада (z Bukdata) переправлялся черезъ Днѣпръ, пришли ваши *козаки*, и ударили на него сзади, и убили многихъ изъ бывшихъ при немъ людей. Тогда сынъ нашъ Адиль-Герай не могъ стерпѣть такихъ великихъ кривдъ и убытковъ, взялъ безъ вѣдома нашего часть войска, поѣхалъ во владѣнія королевства польскаго и во многихъ мѣстахъ причинилъ не мало опустошеній и убытковъ; и все это случилось по винѣ вашихъ *козаковъ*. Когда мы услышали, что литовскіе паны не хотѣли имѣть тебя королемъ, но хотѣли избрать себѣ королемъ сына князя Московскаго, то мы отправились съ своимъ войскомъ къ предѣламъ Литовскаго государства и уже дошли до р. Саги (не Сагайдакъли, притокъ Ингула?), но въ это время Ваше Величество прислали къ намъ своего гонца *Яна Бадовскаго* *1 съ любезнымъ письмомъ и увѣдомили насъ, что волею Божіею Вы уже признаны королемъ и Литовскихъ владѣній; Вы выражали желаніе, чтобы мы жили съ Вами въ ласкѣ и любви братской, чтобы между нашими двумя государствами хранились неизмѣнно пріязнь и любезность. Мы, услышавши, что Вы признаны уже королемъ, очень этому обрадовались и возвеселились, и просили Господа Бога, чтобы Вы

*1 Янъ Бадовскій, житель Бѣлой-Церкви, раньше, въ 1572 г., былъ назначенъ судьей для разбирательства недоразумѣній и споровъ между осѣдлыми пограничными жителями и прихожими изъ степей козаками.

счастливо государствовали на своемъ престолѣ. Мы уже обѣщали Вашему гонцу, что отправимся съ войскомъ противъ непріятеля нашего, проклятаго Москвитянина. Но въ это время до насъ дошла вѣсть, что *козаки ваши, которые пребывали надъ Днѣпромъ*, а также другіе *козаки, прибывшіе къ нимъ на помощь*, числомъ всего *три тысячи*, съ пушками,—начали подтягиваться къ нашему замку. Вслѣдствіе этого мы вернулись въ добромъ здоровьи въ предѣлы нашего государства. Между тѣмъ ваши *козаки* подошли къ Хасланъ-Городку и тамъ около Хасланъ-Городка все пожгли, опустошили, а въ самомъ городкѣ одну башню разрушили.*[1] Богъ помогъ моей сторонѣ и мои люди не мало тѣхъ *козаковъ* побили и пострѣляли. Тогда шестьсотъ козаковъ, собравшись въ полночь, ворвались въ замокъ, но тамъ, по милости Господа Бога, наши люди на голову ихъ разбили и многихъ изъ нихъ поранили. Видя, что съ того края нѣтъ намъ никакой пользы, а только приходится терпѣть отъ вашихъ козаковъ великіе убытки и притѣсненія, мы, по винѣ вашихъ козаковъ, должны были убрать изъ того замка всѣ наши принадлежности и должны были оставить тотъ замокъ. А развѣ годится, чтобы своевольные люди нарушали братскую пріязнь и любовь между государями? Если Ваше Величество, мой братъ, желали жить со мною въ братской пріязни и любви, то почему Вы не повелѣли наказать этихъ людей, своевольныхъ козаковъ? Если теперь Вы хотите жить со мною въ любви, согласіи и братской пріязни, то въ такомъ случаѣ *озаботьтесь послать своего слугу на Днѣпръ, собрать тамъ тѣхъ своевольныхъ козаковъ и казнить ихъ передъ вѣрнымъ слугою и почетнымъ человѣкомъ, посломъ моимъ Джанъ-Темиромъ*, который понесъ отъ насъ къ Вамъ наше любезное письмо, нашъ поклонъ и нашъ подарокъ; кромѣ того позаботьтесь уплатить всю дань. При этихъ условіяхъ Вы будете намъ братомъ и пріятелемъ. Какъ при Вашихъ предкахъ, короляхъ, была справедливость, любовь и братская доброта между нашими двумя государствами, такъ и теперь пусть существуютъ между нами—величайшая любовь, и братская пріязнь, и справедливость, и да будемъ мы по

*[1] Вѣроятно, указаніе на взрывъ подкопа, при которомъ погибъ князь Богданъ Ружинскій.

прежней присягѣ крѣпко держаться другъ за друга; и да будемъ мы непріятелями для нашего непріятеля и пріятелями для нашего пріятеля; и да будемъ мы помощниками другъ другу. Но если Ваше Величество не прикажете, какъ я сказалъ выше, казнить тѣхъ своихъ козаковъ, пославши для этого на Днѣпръ слугу своего, и совершить эту казнь передъ моимъ посломъ и передъ моими людьми; и если не прикажете выдать намъ дань; то не будетъ между нами согласія, пріязни и любви братской. Затѣмъ уже что кому Господь Богъ захочетъ послать, то и будетъ. Имѣйте также въ виду, что дани не давали намъ восемь лѣтъ, и что намъ слѣдуетъ ее прислать. Кромѣ того при предшествующихъ короляхъ такъ дѣлалось, что намъ давали на походъ, если мы отправлялись противъ непріятеля. Вотъ и теперь мы хотимъ весною, если дастъ Богъ, отправляться противъ непріятеля Вашего и нашего, противъ великаго князя Московскаго. Поэтому соберите, Ваше Величество, братъ мой, двадцать тысячъ золотыхъ червонцевъ и пришлите намъ черезъ нашего слугу, давши ему конвой изъ своихъ людей. Теперь одинъ нашъ человѣкъ находится въ Москвѣ и Москвитянинъ постоянно насъ проситъ, чтобы мы съ нимъ помирились и жили бы въ доброй пріязни. Но мое соглашеніе съ нимъ было бы очень невыгодно для Васъ. Вашъ предшественникъ всегда кромѣ дани присылалъ намъ еще на походъ, а мы, отправившись въ походъ, всегда нападали на Вашего непріятеля. Позаботьтесь, Ваше Величество, мой братъ, сообщить мнѣ и о тѣхъ непріятеляхъ, которыхъ Вы имѣете въ своихъ владѣніяхъ. Всѣ эти слова и вопросы мы поручили нашему вѣрному слугѣ Джанъ-Темиру; я прошу Ваше Величество, моего брата, хорошенько переговорить съ нимъ о всѣхъ этихъ предметахъ, а затѣмъ сообщить намъ; кромѣ того прошу Ваше Величество передать мнѣ черезъ того-же слугу, въ нынѣшнюю еще зиму, двадцать тысячъ золотыхъ, потому-что, если Господь Богъ поможетъ, то перваго марта мы выступимъ противъ нашего и Вашего непріятеля, противъ Москвитянина; будьте увѣрены въ этомъ, Ваше Величество. Мы поручили нашему послу изустно передать Вамъ наши слова. Вы, Ваше Величество, распросите у него обо всемъ, хорошенько съ нимъ переговорите и о послѣдующемъ насъ увѣдомьте. Слова нашего посла будутъ какъ-бы наши собственныя слова. Мы посла-

ли его съ нашимъ письмомъ, съ челобитіемъ, съ поздравленіемъ, съ подаркомъ и съ конемъ-иноходцемъ, и просимъ, чтобы Вы приняли его любезно.“*1

На посольство хана Баторій отвѣчалъ посольствомъ съ своей стороны. Посломъ отправленъ былъ Андрей Тарановскій, знаменитый дипломатъ, знатокъ восточныхъ народовъ, ихъ странъ, языковъ, обычаевъ и порядковъ.*2 31 декабря 1576 г. написана была ему въ руководство обширная инструкція относительно веденія переговоровъ съ ханскимъ правительствомъ. Она извлечена изъ Литовской метрики (Ex libris Metr. Lit. 215 fol. 907) и напечатана покойнымъ профессоромъ Павинскимъ (Źródła dziejowe, t. IV, № XXXVIII, str. 73—77), и мы не будемъ здѣсь подробно излагать ея, а приведемъ изъ нея только пункты, относящіеся къ Днѣпровскимъ козакамъ.

„Царямъ дозволяется,“ говорится въ инструкціи, „ловить за рѣкою Днѣпромъ *низовыхъ козаковъ* и казнить ихъ смертью; а съ той стороны Днѣпра, гдѣ наши замки, мы не должны допускать, чтобы ихъ принимали; если-бы какіе-либо изъ нихъ пришли, то по нашему приказу старосты наши должны ихъ хватать и казнить.

Если Ханъ будетъ требовать относительно Низовцевъ чего-нибудь еще сверхъ того, что мы выше написали, то отвѣчать ему такъ: объ этомъ вопросѣ было много переговоровъ въ то время, когда заключалось перемиріе съ прежними польскими королями, а между тѣмъ нельзя было помочь этому злу. Вѣдь Ханъ хорошо знаетъ, что это скопище людей не имѣетъ надъ собою никакой власти; оно составилось изъ москвитянъ, волоховъ и тѣхъ изъ нашихъ подданныхъ, которые, будучи приговорены къ смерти, отправились въ козаки; ихъ прибавилось послѣ вторженій, которыя каждый годъ производилъ сынъ Хана съ своимъ войскомъ въ русскія земли, потому-что къ козакамъ присоединились многіе такіе люди, которые, лишившись имущества, не имѣли средствъ къ пропитанію; къ тому же они хотѣли отмстить за убійство и плѣненіе татарами ихъ родителей, женъ, братьевъ и дѣтей. Мы за Днѣпромъ не имѣемъ никакихъ замковъ, и не можемъ воспретить

*1 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IV, str. 67—70, № XXXV.

*2 См. Bartosza Paprockiego Herby rycerstwa polskiego. Wyd. Turowskiego. Krak. 1858. Str. 427—28 и 826—27.

козакамъ, чтобы они не ютились въ Московскихъ и иныхъ пустыняхъ; однако по сю сторону Днѣпра, гдѣ находятся наши замки, старосты наши не только не будутъ ихъ терпѣть, но по нашему приказу будутъ ихъ хватать и карать."*1

Въ началѣ января (4 или 5 числа) 1577 года Джанъ-Темиръ-ага и Андрей Тарановскій тронулись въ путь.*2

Но пока татарскій посолъ гостилъ въ Торнѣ, а затѣмъ медленно двигался вмѣстѣ съ Тарановскимъ по пути къ Крыму, въ степяхъ произошло слѣдующее:

Изъ Москвы ѣхалъ татарскій посолъ. Онъ везъ съ собою значительную сумму денегъ и двухъ соколовъ-бѣлозоровъ,*3 составлявшихъ, вѣроятно, подарокъ государя Московскаго царю Перекопскому. По дорогѣ на него напали низовые козаки подъ начальствомъ гетмана Шаха и ограбили его, будто-бы по приказанію или, по крайней мѣрѣ, съ дозволенія кіевскаго воеводы князя Константина Константиновича Острожскаго. Проѣзжая далѣе татарскій посолъ встрѣтилъ отрядъ своихъ соотечественниковъ подъ предводительствомъ перекопскаго царевича Махметъ-Герай-султана, направлявшійся для грабежа въ Московскія владѣнія. Посолъ пожаловался царевичу на Шаха и царевичъ рѣшилъ оставить затѣянный набѣгъ на Московскія земли и во что бы то ни стало поймать по свѣжимъ слѣдамъ Шаха, скрывшагося тѣмъ временемъ въ имѣніяхъ князя Константина Константиновича Острожскаго. Для этого Махметъ-Герай-султанъ, ворвавшись въ предѣлы Рѣчи-Посполитой между Кіевомъ и Бѣлой Церковью, повелъ свой отрядъ на Волынь. „Мы побывали подъ 40 замками," разсказываетъ онъ въ письмѣ къ молдавскому господарю Петру Хромому, „и не могли найти его; потомъ расположились мы подъ Дубномъ и приказали своимъ всадникамъ ѣздить попарно и искать его вездѣ по деревнямъ".....*4 Живую картину этого набѣга набросалъ воево-

*1 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IV, str. 76—77.

*2 „Царь Перекопскій убезпечилъ насъ черезъ посла своего, котораго до насъ на соймъ Торуньскій послалъ и *отправленъ отъ насъ з нашимъ посломъ*" —изъ письма Стефана Баторія къ Николаю Радзивиллу изъ Влоцлавка отъ 7 апрѣля 1577 г.—См. Acta historica, t. XI, Sprawy etc., str. 73.

*3 Соколы-бѣлозоры=faucons royaux. См. предисловіе проф. Павинскаго къ XI тому изданія Źródła dziejowe, стр. 33.

*4 См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IV, № LVI, str. 109—110.

да брацлавскій князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ письмѣ къ вице-канцлеру Яну Замойскому: „Вы писали ко мнѣ, мой милостивый государь, чтобы я объяснилъ Вашей милости, гдѣ и въ какихъ краяхъ татары подѣлали опустошенія. Такъ вотъ узнайте, мой милостивый государь, что они ворвались въ землю нашу между Кіевомъ и Бѣлою Церковью, прошли мимо Гончарихи, мимо Остроноля, мимо Константинова, между Заславлемъ и Жоховцами, далѣе между Кременцомъ и Острогомъ подъ Дубно, подъ Ровно; однакоже нигдѣ не доходили до Стыри; до Луцка не дошли нѣсколькихъ миль, за то были у Перемышля; разсказываютъ, что сто всадниковъ прорвались было за Стырь, но возвратились назадъ; плѣнныхъ они вели на села Кременецкія, не слѣдуя по прежнему своему пути; шли они мимо Збаража; вотъ что они при этомъ сожгли и опустошили: всѣ Кременецкія села Его Королевскаго Величества, села воеводы Кіевскаго въ Дубенской волости около Базаліи, Шульжинцовъ, Красилова, Кузьмина и Константинова, села князей Вишневецкихъ; также мои села около Збаража, всѣ села моихъ дядей около Аричова, Чоховскія села старосты Луцкаго и другихъ моихъ дядей, князя Владислава и князя Юрія; произвели они также опустошенія въ селахъ князей Заславскихъ; у князей Вишневецкихъ они всё сожгли; въ этотъ походъ татары имѣли не какое-нибудь особенное оружіе, а свое обыкновенное, стародавнее; благодаря многолюдству войска, они шли смѣло, на проломъ, захватывали людей, стада скота и всякое иное имущество; какого имущества они не могли захватить, то—сожгли вмѣстѣ съ домами и гумнами; до тла опустошили они землю, ничего не оставивъ въ ней нетронутымъ. Извольте узнать это, милостивый государь мой; около Горыни они также кое-что захватили, а около Ямполя пожгли.“ *1 Набѣгъ этотъ обстоятельно описанъ и въ „Хроникѣ“ Іоакима Бѣльскаго (изд. 1833 года, tom XIX, str. 29—32), но мы не будемъ долѣе на немъ останавливаться, такъ какъ это не входитъ въ нашу задачу. Для насъ важно только, что всѣ попытки татаръ поймать Шаха оказались тщетными, Шахъ не попался имъ въ руки и они вынуждены были возвратиться во-свояси.

*1 См. Źr. dz., t. IV, str. 138—139, № LXXX.

Расположившись въ началѣ апрѣля лагеремъ у Ташлыковъ (вѣроятно, у рѣчекъ этого имени, существующихъ и нынѣ въ Балтскомъ и Ямпольскомъ уѣздахъ Подольской губ.), Махметъ-Герай-султанъ послалъ своего младшаго брата Дершъ-Махметъ-мурзу, по прозвищу Эминея, съ порученіемъ разыскать князя Константина Константиновича Острожскаго, гдѣ бы онъ въ ту пору ни находился, донести ему о поступкѣ Шаха и бывшихъ съ нимъ низовыхъ козаковъ и потребовать отъ него вознагражденія за ограбленіе татарскаго посла и уплаты обычной дани. Чѣмъ кончилась миссія Дершъ-Махметъ-мурзы, въ точности неизвѣстно. Повидимому, князь Острожскій обѣщалъ разогнать козаковъ на Днѣпрѣ и казнить тѣхъ изъ нихъ, которыхъ удастся захватить въ плѣнъ.

Между тѣмъ Стефанъ Баторій, узнавши о вторженіи татаръ, распорядился догнать уѣхавшихъ совмѣстно Джанъ-Темиръ-агу и Андрея Тарановскаго и передать Тарановскому приказъ остановиться и задержать Джанъ-Темиръ-агу въ виду нарушенія мира татарами. Королевскій приказъ былъ исполненъ и великій татарскій посолъ заарестованъ былъ въ Каменцѣ-Подольскомъ до выясненія дѣла.*[1]

Тѣмъ не менѣе степь не успокаивалась. Во второй половинѣ мая 1577 г. перекопскій царевичъ Алпъ-Герай, соединившись съ бѣлгородскими царевичами Сихозою и Бакаемъ, собралъ вокругъ себя болѣе 20 тысячъ человѣкъ и устроилъ вторичный въ 1577-мъ году набѣгъ. Татары двинулись на этотъ разъ по Кучманскому шляху, опустошили окрестности Бара, Меджибожья и Жукова, а затѣмъ прошли въ Червоную Русь и, раздѣлившись на два отряда, достигли въ одну сторону до Олеска и Подгайцовъ, а въ другую—до Бережанъ; по своему обыкновенію, они захватывали въ плѣнъ жителей, грабили ихъ имущество и сжигали жилыя строенія и гумна. Только послѣ удаленія татарскихъ отрядовъ во-сво-

*[1] „То какъ еще его посолъ з нашымъ посломъ з паньства нашого не вышли... того посла Татарского розказали есьмо *задержать а з паньства нашого не выпущать*"—изъ письма Стефана Баторія къ Николаю Радзивиллу. См. Acta historica, t. XI, Sprawy etc. str. 73. „Posła tego, który do nich był posłan, odprawiono było dobrze i z podarki, ale *jest zatrzyman w Kamieńcu i osadzon*"—изъ письма господаря молдавскаго къ Махметъ-Герай-султану отъ 11 мая 1577 г. См. Źr. dz. t. IV, str. 137.

яси Джанъ-Темиръ-ага и Тарановскій двинулись въ Крымъ. Это случилось въ первыхъ числахъ іюля 1577 г.*[1]

* * *

Вся вторая половина 1577 года въ рамкахъ нашего повѣствованія наполнена третьимъ въ этомъ году вторженіемъ въ предѣлы Рѣчи-Посполитой татаръ и эпизодомъ козацкаго похода въ Молдавію подъ предводительствомъ нѣкоего самозванца Ивана, по прозвищу Подковара или Подковы.

Татары вторглись на этотъ разъ въ октябрѣ. Стефанъ Баторій былъ особенно обиженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что „nad zwyczaj pospolity wszech narodów i nad wszelaką przystojność, czar sam głową swą w Ziemię naszę wtargnął i onę niepomału uszkodził“ (=вопреки общепринятому у всѣхъ народовъ обычаю и противъ всякаго приличія ханъ самъ, собственною особою, вторгнулся въ нашу землю и причинилъ ей не мало вреда).*[1] Отпоръ татарамъ далъ князь Янушъ Збаражскій, воевода брацлавскій. Вступивши съ ними въ битву подъ Заславлемъ, онъ наголову разбилъ ихъ и заставилъ вернуться домой.*[3]

Иванъ Подкова—будто-бы сынъ господаря Стефана Молодого отъ нѣкоей армянки, родившей отъ него-же Ивана Грознаго (Ивонію), овладѣвшаго на время молдавскимъ престоломъ съ помощью козаковъ въ 1572 г., и Александра, продолжавшаго предпріятія Ивана въ 1578 г. Они носили фамилію „Серпяга“, такъ какъ мать ихъ, находившаяся въ прелюбодѣйной связи якобы съ Стефаномъ Молодымъ, имѣла мужа—армянина съ этой фамиліей.*[4] Эпизодъ похода Ивана Подковы съ козаками въ Молдавію для захвата тамошняго господарскаго стола мы изло-

---

*[1] Деньги на путевые расходы вручены были Андрею Тарановскому 27 іюня: „per Koszowski puerum remissi *die 27 Iunii* in taleris antiquis n. 242 per gr. 35 et moneta f. 117—20, totius facit fl. 400“.... См. Źr. dz. t. IX, B, str. 173.

*[2] См. Bibl. ord. Kras. Muz. Świdz. t. V i IV, str. 34, слова изъ инструкціи Баторія послу Мартину Броневскому отъ 4 апрѣля 1578 г.

*[3] См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 60.

*[4] См. Histoire des Roumains par A.—D. Xénopol, v. I, pag. 330.

жимъ, придерживаясь разсказа современника, Іоакима Бѣльскаго. Повѣствованіе Бѣльскаго производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто оно составлено со словъ непосредственныхъ очевидцевъ и участниковъ событій похода. Оно подтверждается и всѣми оффиціальными актами, доселѣ намъ извѣстными. Предводителемъ или гетманомъ у козаковъ является въ эту пору тотъ-же Шахъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ ограбилъ ѣхавшаго изъ Москвы татарскаго посла.

Между запорожскими козаками проживалъ нѣкій Иванъ Подкова,—разсказываетъ Іоакимъ Бѣльскій;*[1] нѣкоторые были увѣрены, что онъ—родной братъ покойнаго Ивана, господаря молдавскаго; его называли Подковой, потому-что онъ былъ такъ силенъ, что ломалъ подковы. Узнавши о его существованіи, молдаване тайно послали къ нему, прося его, чтобы онъ, какъ наслѣдственный ихъ государь, пріѣхалъ къ нимъ и не допустилъ никого иного обладать своимъ отечествомъ, которое принадлежитъ ему по наслѣдству отъ брата Ивонн. При этомъ они жаловались, что терпѣли множество невыносимыхъ обидъ отъ своего господаря Петра Хромаго, а также отъ турокъ, которыхъ Петръ очень любилъ и держалъ при своемъ дворѣ. Подкова былъ очень признателенъ имъ за ихъ расположеніе и благодарилъ ихъ. Однако совѣтовался съ ними, какъ-бы устроить, чтобы они выдали ему удостовѣреніе о его правахъ, котораго онъ не имѣлъ. И вотъ они въ скоромъ времени прислали ему два письма, адресованныхъ: одно—князю Константину Константиновичу Острожскому, воеводѣ кіевскому, а другое—старостѣ барскому Николаю изъ Бучача Творовскому, къ которымъ было приложено болѣе десяти печатей самыхъ знатнѣйшихъ молдавскихъ вельможъ. Въ этихъ письмахъ они усердно просили обоихъ оказать содѣйствіе Подковѣ только до Днѣстра, а за Днѣстромъ они сами де будутъ ожидать его съ войскомъ въ назначенный день. Получивши эти письма, Подкова тайно пріѣхалъ съ ними въ Баръ и отдалъ ихъ старостѣ, съ которымъ имѣлъ и дальнѣйшій секретный разговоръ. Староста отвѣчалъ ему на это, что онъ съ радостью помогъ бы ему и что ему легко было бы это устроить, но что ему не подо-

*[1] См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, t. XIX, str. 60—68.

баетъ ничего предпринимать безъ согласія и указаній со стороны короля, такъ какъ онъ помнитъ о перемиріи, заключенномъ королемъ съ падишахомъ Турецкимъ. Поэтому онъ обѣщалъ не забыть написать объ этомъ королю, когда будетъ писать по другимъ вопросамъ. Онъ не отказывался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, если только послѣдуетъ на него королевское соизволеніе. Но покаѣто онъ приказалъ Подковѣ проживать гдѣ-либо внѣ Бара, такъ какъ, проживая въ Барѣ, онъ могъ бы сдѣлаться извѣстнымъ и вслѣдствіе этого могла бы подняться тревога въ Молдавской землѣ. Поблагодаривъ за совѣты, Подкова уѣхалъ прочь. Станиславъ Копыцкій, который только-что прибылъ въ Баръ изъ степей, узнавши объ этомъ, поѣхалъ къ Подковѣ, радовался его счастью и обѣщалъ по возможности помагать ему. Подкова сердечно благодарилъ его за это и просилъ, чтобы онъ на дѣлѣ доказалъ то, о чемъ говорилъ. Онъ обѣщалъ щедро вознаградить его, если только Господь Богъ утѣшитъ его и поможетъ ему утвердиться въ отечествѣ, въ которое призываютъ его подданные. Послѣ этого Копыцкій, пользовавшійся любовью козаковъ, среди которыхъ провелъ до двадцати лѣтъ, поѣхалъ къ нимъ и роздалъ имъ небольшую сумму денегъ, которую собралъ на службѣ. Къ этому дѣлу присталъ еще одинъ молдаванинъ, по имени Чапа, который женился въ этомъ краѣ и проживалъ въ окрестностяхъ Брацлава. Стараніемъ этихъ двухъ лицъ собрано было *330 козаковъ*. Народъ всё былъ отборный, а гетманомъ надъ ними былъ Шахъ. Они явились къ Подковѣ и вторгнулись вмѣстѣ съ нимъ въ Молдавію. Но когда они услыхали, что молдавскій господарь Петръ Хромой двинулся противъ нихъ съ большимъ войскомъ и что онъ имѣлъ у себя не мало пушекъ, то они сообразили, что не могутъ мѣряться съ нимъ силами, а потому набрали съѣстныхъ припасовъ и отступили назадъ, думая въ другое время попытать счастья. Господарь молдавскій Петръ Хромой, узнавши объ этомъ, послалъ состоявшаго при немъ чауша Турецкаго падишаха къ каштеляну галицкому Яну Сѣннинскому, который какъ разъ въ то время ѣхалъ отъ падишаха, заключивъ съ нимъ перемиріе. Онъ жаловался каштеляну, что вопреки договорамъ и перемирію козаки опустошаютъ падишахову землю и во что бы то ни стало хотятъ посадить Подкову на молдавскій столъ. Поэтому пусть каштелянъ

пишетъ королю, чтобы король какъ можно скорѣе прекратилъ это, чтобы захватилъ Подкову и наказалъ его по условіямъ договоровъ, и чтобы учинилъ правосудіе надъ всѣми козаками. Если будетъ иначе, то Турецкій падишахъ не будетъ соблюдать перемирія съ королемъ. Обо всемъ этомъ галицкій каштелянъ Янъ Сѣннинскій обстоятельно написалъ королю. Король былъ очень обезпокоенъ этимъ извѣстіями и тотчасъ же послалъ своего коморника съ письмами къ гетману Николаю Сенявскому, а также къ нѣкоторымъ русскимъ панамъ, въ которыхъ приказывалъ имъ приложить всѣ старанія къ тому, чтобы поймать Подкову и иныхъ бунтовщиковъ. Послѣ этого гетманъ двинулъ три роты, начальство надъ которыми ввѣрилъ слугѣ своему Боболецкому. Ожидая застать Подкову въ Немировѣ, такъ какъ онъ тутъ незадолго до этого проживалъ, Боболецкій прямо двинулся туда. Онъ бы его тамъ и засталъ, но Подкова вовремя догадался и выѣхалъ изъ города, имѣя при себѣ 50 пѣхотинцевъ съ ружьями. Онъ подъѣхалъ къ одному броду, вбрёлъ въ воду по брюхо коню, а впереди себя поставилъ стрѣлковъ въ боевомъ порядкѣ для отпора. Когда Боболецкій также подъѣхалъ къ этому броду, то, увидѣвъ, что люди стоятъ въ боевомъ порядкѣ и занимаютъ мѣсто удобное и затруднительное для стычки,—повернулъ назадъ. Подкова вслѣдъ за Боболецкимъ также въѣхалъ въ Немировъ; Боболецкій остановился въ замкѣ, а Подкова на предмѣстьи. Боболецкій потребовалъ отъ городскаго урядника, чтобы онъ выдалъ ему Подкову. Урядникъ отвѣчалъ: „Выдать тебѣ его я не могу, но и не защищаю его; возьми его, если можешь.“ Боболецкій уѣхалъ прочь, ничего не добившись. Послѣ этого гетманъ Николай Сенявскій далъ знать королю, что онъ настигъ Подкову въ Немировѣ, но что намѣстникъ воеводы брацлавскаго, князя Януша Николаевича Збаражскаго, въ Немировѣ—не захотѣлъ его выдать. Король написалъ воеводѣ, чтобы онъ приказалъ выдать Подкову. Но прежде чѣмъ коморникъ пріѣхалъ, Подкова снова лучше прежняго изготовился и вторгнулся въ Молдавію. На помощь ему прибылъ гетманъ Пахъ *съ шестьюстами козаковъ*, а четыреста человѣкъ оставилъ на Низу. Онъ вышелъ на шляхъ, который зовутъ Пробитымъ, и здѣсь провозгласилъ Подкову господаремъ молдавскимъ, при чемъ приказалъ бить въ кожаные бубны. Такимъ образомъ козаки про-

вожали Подкову до Сороки. Когда продвинулись далѣе за Сороку, то чернь прежде всего признала его господаремъ. Услышавъ объ этомъ, Петръ сталъ готовиться противъ Подковы. Когда подошли козаки съ Подковой къ Яссамъ, то навстрѣчу выступилъ Петръ съ войскомъ, котораго у него было не мало. Впереди двигались турки, въ числѣ пятисотъ; они составляли голову отряда и имѣли при себѣ пушки. Козаки тотчасъ замѣтили это и устроились такъ, чтобы пушки не могли причинить имъ вреда. Нѣкоторые объясняли, будто-бы одинъ изъ козаковъ могъ заговаривать пушки, но гораздо вѣрнѣе, что они, увидѣвши дымки въ тотъ моментъ, когда поджигали порохъ въ пушкахъ, всѣ прилегли къ землѣ и такимъ образомъ пушки не причинили имъ вреда. Турки же, думая, что козаки пали убитыми, бросились къ нимъ; тогда козаки вскочили и выстрѣлили въ турокъ изъ ружей; сразу триста лошадей у нихъ было подстрѣлено, а остальные всадники поскакали въ разныя стороны. Петръ, увидѣвши свое несчастіе на первомъ же шагу, вмѣсто того, чтобы приказать остальнымъ людямъ вступить въ битву, повелѣлъ имъ отступать, а вмѣсто того, чтобы возвратиться въ Яссы, двинулся въ Валахію къ своему брату, тамошнему господарю. Оттуда уже онъ отправилъ посольство къ турецкому падишаху съ жалобой на козаковъ, подданныхъ польскаго короля, за то, что они выгнали его изъ страны и отдали ее во владѣніе иному лицу. Онъ просилъ падишаха оказать ему помощь. Падишахъ отвѣчалъ ему такъ: „Я называлъ тебя своимъ подданнымъ и далъ тебѣ тамошнее господарство для того, чтобы ты служилъ мнѣ тамъ, куда я тебя пошлю, а ты вмѣсто этого меня заставляешь служить себѣ. И вотъ я приказываю тебѣ, чтобы ты этого разбойничка выгналъ, а если ты этого не сдѣлаешь, то я отрублю тебѣ голову и пошлю кого-либо иного на тамошній столъ.“ Тѣмъ временемъ Шахъ съ козаками счастливо и безъ всякихъ потерь возвели Подкову на господарство. Они вступили въ Яссы въ канунъ св. Андрея (т. е. 29 ноября) 1577 года и тотчасъ отпустили на выкупъ всѣхъ невольниковъ, которые только тамъ были. Между ними былъ волынскій шляхтичъ Боки; онъ былъ проданъ туркамъ татарами..... Потомъ Подкова началъ раздавать должности; Шаха онъ сдѣлалъ какъ-бы первымъ министромъ, поручивъ ему въ управленіе весь молдавскій народъ, Чапу назначилъ

маршаломъ, а Копыцкаго — буркулабомъ Хотинскимъ. Къ турецкому падишаху онъ послалъ за знаменемъ, но его посла перехватили на дорогѣ, такъ-что до падишаха онъ не доѣхалъ. Прежній господарь Петръ Хромой снова собралъ не мало войска. Когда козаки услышали, что онъ двигается къ Яссамъ, то совѣтовали Подковѣ, чтобы онъ не ожидалъ непріятеля въ замкѣ, но чтобы выступилъ ему на встрѣчу. Когда Петръ былъ уже невдалекѣ отъ Яссъ, то Подкова двинулся впередъ съ козаками и съ молдавскимъ войскомъ. Онъ началъ было молдавское войско строить въ головахъ, желая, чтобы оно открыло битву, но козаки не допустили его до этого, такъ какъ не полагались на молдаванъ. Между тѣмъ Шахъ послалъ нѣсколькихъ козаковъ въ передовую стражу. Они увидѣли, что непріятель гонитъ впереди себя стада лошадей и рогатого скота, желая раздавить скотомъ пѣшее войско, а впереди стадъ гарцуютъ турецкіе наѣздники.*[1] Они гарцовали такъ долго, что козакамъ не въ мочь уже было долѣе терпѣть. Тѣмъ не менѣе Шахъ удерживалъ своихъ, чтобы допустить непріятеля поближе. Потомъ, когда враги наткнулись на нихъ, онъ приказалъ выпалить въ нихъ изъ ручнаго оружія. Одни были убиты, а другіе показали тылъ. Тогда козаки начали стрѣлять въ скотъ, который повернулъ назадъ и сталъ давить войско Петра. Видя это, Подкова, стоявшій на правомъ флангѣ, и Шахъ, стоявшій на лѣвомъ флангѣ, ударили на непріятелей и стали бить и сѣчь приведенный въ замѣшательство народъ. Многіе легли на мѣстѣ, а Петръ съ остаткомъ войска едва успѣлъ убѣжать. Хотя Подкова одержалъ побѣду, но онъ сомнѣвался, чтобы ему удалось усидѣть на господарскомъ столѣ, въ особенности въ виду того, что, по слухамъ, *на помощь Петру двигалось значительное войско отъ воеводы седмиградскаго съ Стефаномъ Андреевичемъ Баторіемъ, племянникомъ короля, во главѣ.* Дѣлалось это по письму короля, который желалъ господарскаго стола для Петра и былъ ему добрымъ пріятелемъ. Поэтому Подкова выѣхалъ заранѣе изъ Яссъ. Онъ увезъ оттуда 14 пушекъ, захватилъ съ собою найлучшія вещи и хорошо снабдилъ себя съѣстными припасами. Прежній Хотинскій буркулабъ, кото-

*[1] Такой способъ войны примѣняли южно-африканскіе буры во время послѣдней войны съ англичанами.

раго Копыцкій выгналъ изъ Хотина, жилъ на польской сторонѣ р. Днѣстра въ имѣніи Якова Струся.*[1] Когда онъ узналъ, что новый господарь, Иванъ Подкова, двинулся изъ Яссъ, то выѣхалъ тайно изъ своего убѣжища, подстерегъ Копыцкаго и взялъ его въ плѣнъ. Когда онъ ѣхалъ съ нимъ къ своему старому господарю Петру, то наткнулся на козаковъ, посланныхъ Подковою на встрѣчу Копыцкому, чтобы послѣдній могъ безопаснѣе выѣхать изъ Хотина. Козаки сейчасъ же отбили Копыцкаго, зарубили самого буркулаба и никого изъ его свиты не оставили въ живыхъ. Когда Подкова приближался къ Сорокѣ, то онъ все раздумывалъ, какъ бы ему пробраться на Низъ т. е. за днѣпровскіе пороги. Двигаться степями—страшны глубокіе снѣга; ѣхать мимо Немирова—опасны гетманъ Николай Сенявскій и брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій. Получивши относительно Подковы приказы короля, они прилагали всѣ усилія, чтобы его поймать. Однакожъ когда гетманъ со своимъ отрядомъ встрѣтился съ Подковой, то, видя, что тотъ хорошо снабженъ оружіемъ и имѣетъ достаточно войска, не рѣшился вступить съ нимъ въ битву, отлично понимая, что онъ можетъ получить его въ плѣнъ и безъ пролитія крови. И вотъ брацлавскій воевода, будучи въ Немировѣ, пригласилъ нѣсколькихъ козаковъ къ себѣ во дворъ. Среди нихъ находился и ихній гетманъ Шахъ. Тамъ князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій разсказалъ имъ, какъ король недоволенъ на него, хотя онъ ни въ чемъ не виноватъ, изъ-за того Подковы, котораго они водили на господарскій столъ; этимъ походомъ они дали турецкому падишаху поводъ нарушить перемиріе. Онъ совѣтовалъ козакамъ, чтобы они не относились къ такимъ дѣламъ легкомысленно и чтобы не раздражали противъ себя короля. О Подковѣ онъ говорилъ, чтобы тотъ ѣхалъ къ королю и далъ королю о себѣ отчетъ; такъ какъ онъ человѣкъ, занимающійся военнымъ ремесломъ (по тогдашнему выраженію: „człek rycerski),“ то король пріймет его ласково. Онъ самъ обѣщалъ провести его къ гетману Николаю Сенявскому, а гетманъ поѣдетъ де съ нимъ къ

*[1] „Chmielnik. Propugnaculum contra Scythas Bohum versus. Administrat nunc praefecturam illam summa cum laude *Jacobus Strus,* robore animi et corporis cunctis jamdudum conspicuus, patrisque et avorum memoria celebris.“ Descr. vet. et nov. Polon., 1585, подъ словомъ *Chmielnik.*

королю. Козаки передали Подковѣ слова князя Збаражскаго и Подкова охотно съ нимъ согласился.*1 Онъ поѣхалъ съ княземъ къ гетману. Князю-воеводѣ брацлавскому онъ подарилъ 12 изъ своихъ пушекъ, а гетману 2. Гетманъ отослалъ его къ королю въ Варшаву..... Это произошло въ январѣ мѣсяцѣ 1578 года.

* * *

Далѣе начало 1578 года протекало при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

Съ 3-го января Стефанъ Баторій былъ уже въ Варшавѣ и готовился къ сейму, который долженъ былъ собраться тамъ въ февралѣ, чтобы установить налогъ для покрытія расходовъ по предстоящей войнѣ съ Москвою. Сюда доставили арестованнаго Ивана Подкову. Король принялъ его крайне немилостиво, сейчасъ же приказалъ посадить его въ тюрьму, надѣть на ноги кандалы и держать подъ строгимъ карауломъ.*2

Между тѣмъ козаки подыскали себѣ новаго самозванца, нѣкоего Александра, который выдавалъ себя за брата Ивони и Подковы, и, пользуясь отсутствіемъ арестованнаго Подковы, предъявилъ свои права на Молдавскій столъ. Подъ его предводительствомъ козаки снова ходили подъ Яссы, но неудачно: они были на голову разбиты войсками королевскаго брата Христофора Баторія, явившимися на содѣйствіе туркамъ; Александра турки посадили на колъ, а козаковъ, попавшихся въ плѣнъ, отправили въ Константинополь, — конечно, для обращенія въ рабство.*3

Тѣмъ временемъ явился въ Варшаву посланникъ молдавскаго господаря Петра хлопотать о казни Подковы.*4 Еще до закрытія сейма король приказалъ бы казнить Подкову, озлобленный

*1 Передъ казнью Подкова проклиналъ за этотъ совѣтъ князя Януша Николаевича Збаражскаго, называя его предательскимъ псомъ. См. Listy Annibala z Kapui, nuncyusza w Polsce etc. Wyd. Al. Przezdziecki. War. 1852, str. 255.

*2 См. Хрон. Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 68.

*3 См. ibid. т. XIX, стр. 74.

*4 „Provisio nuntii palatini Moldaviae nomine...., qui Varschaviam ad S. Mtem R. venerat *diebus Februarii* in legatione“... См. Źr. dz. t. IX, B, str. 192.

противъ него за безпокойства, причиненныя имъ господарю Петру, жившему съ королемъ въ доброй пріязни; но его останавливало опасеніе задѣть сеймующую шляхту, которая относилась къ Подковѣ съ сожалѣніемъ, считая его человѣкомъ добрымъ.*1

10 марта 1578 г. пріѣхалъ къ королю въ Варшаву посланникъ царя перекопскаго Мухаммедъ-Герай-хана *Хоромала* съ цѣлымъ рядомъ жалобъ на низовыхъ козаковъ.*2 Ходъ переговоровъ съ Хоромалой никѣмъ не записанъ. Какъ результатъ сношеній съ молдавскимъ посланникомъ и съ Хоромалой, вышли изъ королевской канцеляріи четыре документа, имѣющихъ важное значеніе для исторіи Днѣпровскаго козачества. Всѣ они помѣчены 4-мъ апрѣля 1578 года.

Первымъ изъ этихъ документовъ является королевскій универсалъ, обращенный ко всѣмъ воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ, подстаростамъ, шляхтичамъ, бурмистрамъ, райцамъ, войтамъ и вообще ко всѣмъ королевскимъ подданнымъ, до которыхъ только онъ можетъ дойти. Въ немъ король объясняетъ, что по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ многіе подданные польскаго королевства, а также уроженцы сосѣднихъ странъ дошли до такой дерзости, что организуютъ военно-партизанскіе отряды, нападаютъ на Молдавію и Валахію, производятъ тамъ ужасныя безчинства, водятъ туда разныхъ бунтовщиковъ, стремящихся къ переворотамъ и къ захвату власти надъ этими государствами, и всѣми этими дѣйствіями нарушаютъ договоры, заключенные ранѣе между Рѣчью-Посполитою и правителями Молдавіи и Валахіи; что поэтому, испросивши согласіе только-что закрытаго сейма, онъ рѣшилъ послать для открытія въ русскихъ, подольскихъ и другихъ сосѣднихъ областяхъ зачинщиковъ и пособниковъ этихъ предпріятій—*Яна Тарла* изъ Щекаржовицъ, воеводу люблинскаго, старосту пильзненскаго. Въ заключеніе король объявляетъ, что Янъ Тарло получилъ особыя полномочія производить слѣдствія и подвергать виновныхъ суду и наказанію и что, только если виновнымъ окажется кто-либо изъ богатыхъ шляхтичей, то дѣло его

---

*1 См. Хроника Іоакима Бѣльскаго, т. XIX, стр. 74.

*2 „Provisio nuntii magni Tartarorum caesaris Przekopscensium Machmeth-gierei Cham, nomine *Choromala*, qui Varschaviam ad S. Mtem R. in legatione venerat *die 10 Martii* 1578“.... См. Źr. dz. t. IX, B, str. 192.

можетъ быть, по усмотрѣнію Тарла, представлено королю, равно какъ Тарло самъ имѣетъ право обращаться къ королю въ затруднительныхъ случаяхъ за совѣтами и указаніями. Всѣмъ, къ кому обращенъ универсалъ, вмѣняется въ обязанность оказывать Тарлу всяческое содѣйствіе.

Второй универсалъ адресованъ кіевскому воеводѣ князю Константину Константиновичу Острожскому. Въ немъ король напоминаетъ князю Острожскому, чтобы послѣдній исполнилъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому (вѣроятно, черезъ царевича Эминея), а именно, чтобы немедленно двинулся на Днѣпръ, согналъ оттуда разбойниковъ-Низовцевъ, а какихъ захватитъ въ плѣнъ, чтобы казнилъ. Далѣе король приказываетъ князю Острожскому извѣстить царя Перекопскаго о срокѣ, на какой онъ назначитъ свой походъ къ Днѣпру. Въ концѣ универсала выражается радость, что отборная часть (czoło) Низовцевъ погибла во время похода въ Молдавію съ Александромъ.

Во второмъ универсалѣ Стефанъ Баторій упоминаетъ и о третьемъ, въ которомъ онъ обращается къ украинным т. е. пограничнымъ старостамъ вообще, а въ частности къ старостамъ *Хмельницкому, Барскому, Брацлавскому, Винницкому, Бѣлоцерковскому, Кіевскому, Черкасскому и Каневскому*[*1] съ приказаніемъ содѣйствовать всѣми способами воеводѣ кіевскому князю Константину Константиновичу Острожскому, когда онъ будетъ сгонять Низовцевъ съ Днѣпра, ловить и казнить ихъ, такъ какъ Низовцы своими нападеніями на земли царя Перекопскаго вызываютъ отмѣстку со стороны татаръ. Король требуетъ отъ старостъ, чтобы они не защищали Низовцевъ, чтобы не скрывали этихъ опасныхъ разбойниковъ въ управляемыхъ ими городахъ и въ принадлежащихъ имъ имѣніяхъ, чтобы не снабжали ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами и чтобы не снаряжали ихъ для нападеній на подвластныя царю Перекопскому земли. О подобныхъ дѣйствіяхъ пограничныхъ старостъ, говоритъ король, мы узнали отъ посла царя перекопскаго Хоромалы, который недавно у насъ былъ и который назвалъ намъ по именамъ низовскихъ вождей Шаха

[*1] „Wszem wobec i każdemu z osobna z starost naszych ukrainnych, a zwłaszcza“ i t. d.

и Арковскаго, зимовавшихъ съ 1577 на 78 годъ: первый—въ Немировѣ, а второй—въ Кіевѣ. Если Низовцы не прекратятъ своихъ нападеній на татарскія поселенія, то никакія подарки (upominki) татарамъ не предотвратятъ ихъ отвѣтныхъ набѣговъ.

Наконецъ, четвертый документъ представляетъ собою инструкцію, данную ѣхавшему въ Крымъ посломъ королевскому секретарю и придворному Мартину Броневскому для руководства при веденіи переговоровъ съ перекопскимъ царемъ Мухаммедъ-Гераемъ. Такъ какъ посланный въ Крымъ въ предыдущемъ году Андрей Тарановскій продолжалъ еще оставаться тамъ, то Мартину Броневскому вмѣняется прежде всего въ обязанность столковаться съ Тарановскимъ и дальнѣйшіе переговоры съ ханскимъ правительствомъ вести сообща. Затѣмъ предписывается поставить на видъ хану, что онъ поступилъ недобросовѣстно, когда осенью 1577 года, не ожидая окончанія мирныхъ переговоровъ, самъ лично вторгся въ предѣлы Рѣчи-Посполитой и надѣлалъ въ нихъ много опустошеній. Тѣмъ не менѣе король предлагаетъ миръ и дружбу при соблюденіи слѣдующихъ условій: 1) пусть ханъ вернетъ всѣхъ плѣнныхъ, захваченныхъ во время послѣднихъ набѣговъ; 2) пусть не требуетъ увеличенія той дани (upominki roczne), которая была установлена при Сигизмундѣ-Августѣ; 3) пусть ханъ пойдетъ походомъ противъ Московскаго государя. По этому пункту вмѣняется обоимъ посламъ (Тарановскому и Броневскому) въ обязанность особенно настаивать, чтобы ханъ шелъ на Москву непремѣнно собственною особою и непремѣнно въ августѣ мѣсяцѣ текущаго 1578 года и вообще, чтобы онъ ежегодно ходилъ на Москву въ августѣ мѣсяцѣ. Когда онъ, двигаясь на Москву, поровняется съ Черкасами (предполагается, что татары идутъ лѣвымъ берегомъ р. Днѣпра), то пусть пошлетъ своего чиновника въ г. Черкасы и тамъ 7 августа королевскій посланецъ отдастъ ему дань, при чемъ не будетъ промедленія ни на одинъ часъ. Послы могутъ прибавить какъ-бы отъ себя, что сверхъ дани король по своей щедрости дастъ царю еще что-нибудь, если онъ окажетъ дѣйствительныя услуги Рѣчи-Посполитой. На требованіе царя, чтобы Рѣчь-Посполитая пропускала Бѣлгородскихъ (Аккерманскихъ) татаръ черезъ свои владѣнія, когда они будутъ двигаться на Москву, послы должны отвѣчать, что такое дозволеніе можетъ быть

дано подъ условіемъ, чтобы эти татары присылали заблаговременно за проводникомъ, который указывалъ бы имъ путь и который будетъ объявлять королевскимъ подданнымъ, что татары идутъ съ разрѣшенія короля; при этомъ они обязаны не причинять никому никакого вреда.

„Далѣе послы должны озаботиться," продолжаетъ король, „чтобы царь далъ обязательство, что земли и подданные наши не на словахъ, а на дѣлѣ будутъ оставлены въ покоѣ татарами, какъ Перекопскими, такъ и Бѣлгородскими, Ногайскими, Очаковскими и всякими иными, на томъ самомъ основаніи, на какомъ онъ обѣщалъ это намъ черезъ своего посла Хоромалу и черезъ воеводу кіевскаго князя Острожскаго.

Что же касается Низовцевъ, то мы приказали господину воеводѣ кіевскому согласно договору, заключенному съ нимъ царемъ перекопскимъ, чтобы онъ двинулся на р. Днѣпръ и разогналъ тамъ этихъ разбойниковъ (te łotry). Поэтому пусть и царь одновременно гоняетъ ихъ на берегахъ Днѣпра по уговору съ воеводою кіевскимъ. Однако невѣроятно, чтобы потомъ, когда воевода кіевскій и царь перекопскій уйдутъ во-свояси, не собрались бы тамъ снова эти разбойничьи шайки (łotrowstwo); устеречь этого невозможно въ тамошнихъ пустынныхъ мѣстахъ; къ тому же они могутъ найти себѣ пріютъ и въ Московской землѣ, такъ какъ они находятся въ соглашеніи съ Московскимъ государемъ, который учредилъ даже должность какого-то Днѣпровскаго воеводы, имѣющаго надъ ними начальствовать, и который подстрекнулъ ихъ къ походу въ Молдавію, какъ это выяснилось изъ показаній языковъ, пойманныхъ въ Молдавіи. За это мы не ручаемся, да и нѣтъ смысла, чтобы наша дружба разстроилась изъ-за того, что потомъ появится тамъ на Днѣпрѣ нѣсколько Низовцевъ. Если они тамъ и будутъ, то навѣрное будутъ безъ вѣдома нашего, такъ какъ мы ихъ не любимъ и не желаемъ сохранять ихъ, а напротивъ стремимся истребить, но въ тоже время не можемъ держать постоянно тамъ такого большого войска, чтобы оно было въ силахъ всегда имъ противодѣйствовать.

Что касается тѣхъ способовъ, которые указывалъ намъ царскій посолъ Хоромала, какъ наиболѣе подходящіе для скорѣйшаго истребленія Низовцовъ, а именно, чтобы мы запретили на-

шимъ пограничнымъ старостамъ снабжать ихъ селитрой, порохомъ, оловомъ и съѣстными припасами, и дозволять имъ проживательство въ селахъ, мѣстечкахъ и замкахъ, а также чтобы мы самыхъ отборныхъ изъ нихъ приняли на нашу службу, то мы съ своей стороны приказали уже всѣмъ пограничнымъ старостамъ подъ страхомъ строгой кары, чтобы они не давали этимъ разбойникамъ пріюта, но чтобы немедленно казнили, какъ только поймаютъ котораго-нибудь изъ нихъ. *Мы также попробуемъ, нельзя-ли будетъ пригласить ихъ на службу, хотя и не ручаемся за то, чтобы часть ихъ не ушла въ Московскіе предѣлы.* Тѣмъ не менѣе положено уже доброе начало истребленія Низовцевъ, потому-что въ послѣднее время *они на голову были разбиты въ Молдавіи людьми нашего брата*[*1] и самая отборная часть ихъ тамъ полегла.“

Въ заключеніе король поручаетъ своимъ посламъ заключить перемиріе съ царемъ Перекопскимъ даже въ томъ случаѣ, если онъ не согласится послать отвѣтныхъ пословъ, какъ не согласился при переговорахъ о перемиріи, заключенномъ при Сигизмундѣ-Августѣ.[*2]

Снабженный такою инструкціею, Мартинъ Броневскій 10 апрѣля 1578 г. выѣхалъ въ Крымъ.[*3] Вмѣстѣ съ нимъ выѣхалъ возвояси и татарскій посолъ Хоромала со своей свитой, получивъ отъ короля въ подарокъ одежду изъ золотой парчи („cui data vestis auro intexta“). Подарковъ и денегъ на путевые расходы Хоромалѣ и его спутникамъ выдано было на значительную по тому времени сумму 1322 флор. 24 грош.=1772 р. 48 к.[*4]

Мы должны быть очень благодарны Стефану Баторію за двукратный выборъ посланникомъ въ Крымъ Мартина Броневскаго.[*5] Человѣкъ это былъ образованный и наблюдательный; онъ

[*1] Подразумѣвается: Христофора Баторія.

[*2] См. Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T. V, VI. Warsz. 1881. Str. 31—37, №№ 23, 24, 25 и 26.

[*3] „Expeditio nuntii S. Mtis R. ad caesarem Przekopscensem cum eodem nuntio *die 10 Aprilis* gnosi Martini Broniewski S. Mtis R. secretarii.“ См. Źr. dz. IX, B, str. 192.

[*4] См. тамъ-же.

[*5] Первый разъ Броневскій поѣхалъ въ Крымъ, какъ сказано выше, 10 апрѣля 1578 г., второй разъ 12 сентября того-же года. Въ Крыму онъ провелъ зиму съ 1578 на 1579 г. и возвратился домой только весною.

воспользовался тѣми досугами, какіе онъ имѣлъ во время пребыванія при ханскомъ дворѣ, чтобы написать на латинскомъ языкѣ подробный отчетъ королю обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Послѣ нѣкоторой литературной обработки этотъ отчетъ составилъ превосходное географическое сочиненіе, изданное въ 1595 г. въ Кёльнѣ на счетъ Арнольда Мылія подъ такимъ заглавіемъ: Martini Broniovii de Biezdzfedea*[1] bis in Tartariam nomine Stephani Primi Poloniae regis legati, Tartariae descriptio, ante hac in lucem numquam edita, cum tabula geographica eiusdem Chersonesus Tauricae. Coloniae Agrippinae, in Officina Birckmannica, sumptibus Arnoldi Mylij. Anno CIƆIƆXCV. Cum gratia et Privilegio S. Caesareae Maiestatis.

* * *

Пасха 1578 г. приходилась рано, 30-го марта. Отпраздновавъ ее въ Варшавѣ, и отпустивъ въ Орду 10-го апрѣля, какъ упомянуто выше, татарскаго посла Хоромалу и Мартина Броневскаго, Стефанъ Баторій 13 апрѣля самъ тоже покинулъ Варшаву, держа путь на Львовъ. Іоакимъ Бѣльскій объясняетъ, будто-бы король поѣхалъ во Львовъ наиболѣе ради тѣхъ неурядицъ (rozruchów), поводъ къ которымъ подалъ Подкова. Самого Подкову король отправилъ въ г. Раву для содержанія его подъ стражей въ тамошнемъ замкѣ. Путь короля лежалъ черезъ Черскъ, Варку, Главачевъ, Едльню, Радомъ, Ильжу, Куновъ и Опатовъ на Сандомиръ. Здѣсь король задержался съ 20-го апрѣля до 2-го мая, а затѣмъ двинувшись далѣе, черезъ Лежайскъ и Ярославъ, 13-го мая онъ прибылъ въ столицу Червонной Руси.*[2]

Вскорѣ по прибытіи короля во Львовъ явились къ нему посланцы господаря Молдавскаго *Балика* и *Строиша* и пригнали

---

*[1] Правильное названіе этой деревни *Biezdziedzy*. Броневскіе герба Тарнава писались *de Biezdziedzy*. См. Herbarz Polski. Ułożył i wydał Adam Boniecki. Tom II, 1900, str. 139.

*[2] См. Źródła dziejowe (Павинскаго), t. IX, A, str. 183—186, b) iter S. Mtis R. ex Warschawa Leopolim.

въ подарокъ королю отъ господаря пять быковъ. Оба были присланы для переговоровъ по дѣлу Подковы.*1

Вслѣдъ за ними явился ѣздившій посломъ Баторія къ турецкому падишаху Христофоръ Дзѣржекъ и привезъ письмо отъ падишаха, составленное въ началѣ марта 1578 г. Въ этомъ письмѣ, изукрашенномъ цвѣтами восточнаго краснорѣчія и преисполненномъ любезностей, падишахъ разсказываетъ, что уже послѣ ареста Подковы гетманомъ Николаемъ Сенявскимъ (Nikołá), когда онъ, падишахъ, только собирался писать письмо къ королю Стефану Баторію (Batury Jsztywan) о выдачѣ или казни Подковы, бей силистрійскаго санджака Даудъ вмѣстѣ съ Молдавскимъ господаремъ донесли Высокой Портѣ, что какой-то негодяй,*2 выдающій себя за брата разбойника Подковы, во главѣ *болѣе двухъ тысячъ* пѣшихъ и конныхъ козаковъ изъ-подъ Кіева, Канева, Черкасъ и Брацлава, вооруженныхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, ворвался въ Молдавію, наполнилъ край пожаромъ и войной и, наконецъ, расположившись въ прилегающихъ къ Яссамъ мѣстности (Jaszpazary), опоясалъ городъ цѣпью отрядовъ и подвергъ его тѣсной блокадѣ; далѣе падишахъ, ссылаясь на то, что турецкому правительству Стефанъ Баторій обязанъ своимъ престоломъ и что онъ обѣщалъ охранять границы турецкаго государства отъ всякихъ вторженій со стороны подданныхъ Рѣчи-Посполитой,—требуетъ отъ Баторія, чтобы онъ или выдалъ Подкову, или казнилъ его, а также, чтобы самъ двинулся съ войскомъ противъ виновниковъ вторичнаго нападенія на Молдавскую землю, захва-

---

*1 См. Źr. dz. t. IX, B, str. 192: „Nuntiis palatini Moldaviae *Balika* et *Stroisz* Leopolim ad S. Mtem R. venientibus *in causa Podkowae*, quibus per Christopherum Dzierzek de mandato S. Mtis R. in provisionem dat. tal. 100 f. 113—10..... Expeditio eorum.... Servitori illorum seniori, qui habebat curam *boum* a palatino Moldaviae S. Mti R. donatorum, panni....

Pastoribus *quinque boum* ex Moldavia sive Walachia *boves* pellentibus usque Leopolim dat. tal. 3 fac. fl. 7—15“....

По словамъ Тосканскаго агента Филиппа Тальдуччи, подарки Молдавскаго господаря королю были болѣе богатые: онъ прислалъ де 50 воловъ, 4 бочки мускатнаго вина, 2 бочки маленькихъ соленыхъ лимоновъ и краснаго верхового коня. См. Listy Annibala z Kapui, nuncyusza w Polsce etc. Wyd. Al. Przezdziecki. Warsz. 1852, str. 253—254.

*2 Рѣчь идетъ объ Александрѣ, мнимомъ братѣ Ивони и Подковы.

тилъ ихъ и примѣрно наказалъ; если король почему-либо не въ состояніи этого исполнить, то долженъ подробно донести объ этомъ падишаху, который самъ распорядится изгнать этихъ разбойниковъ изъ Молдавской земли; но Подкова долженъ быть казненъ безъ отговорокъ, а также долженъ быть схваченъ и казненъ или выданъ—тотъ другой негодяй, если онъ послѣ пораженія его шайки турецкими войсками пріютится въ предѣлахъ Рѣчи-Посполитой. Всякая снисходительность короля къ Подковѣ и къ этому другому негодяю будетъ служить доказательствомъ, что король не цѣнитъ мира съ падишахомъ и желаетъ вызвать его на враждебныя дѣйствія.*[1]

Еще до полученія письма отъ падишаха Стефану Баторію удалось оказать свое содѣйствіе туркамъ въ поимкѣ Александра. Въ изложенной выше инструкціи Мартину Броневскому упомянуто, что посланное по распоряженію короля войско брата его Христофора Баторія, воеводы Седмиградскаго, разбило на голову козацкій отрядъ, водившій Александра въ Молдавію, при чемъ участью Александра, какъ мы знаемъ, былъ колъ, а плѣненныхъ козаковъ—турецкое рабство.

Почти по слѣдамъ Дзѣржка прибылъ 23 мая во Львовъ чаушъ турецкаго падишаха Мехметъ для личныхъ переговоровъ.*[2] Въ письмѣ изъ Львова отъ 27 мая 1578 г. свидѣтель этихъ переговоровъ ксёндзъ Янъ Піотровскій*[3] такъ сообщаетъ о нихъ коронному маршалу Андрею Опалинскому:

„На дняхъ пріѣхалъ турецкій чаушъ и на завтра же имѣлъ аудіенцію, бранится, грозитъ; падишахъ пишетъ, чтобы мы прислали въ Константинополь или Подкову съ Константиномъ*[4] жи-

---

*[1] См. Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiey służących, z dodatkiem objasnień potrzebnych i krytycznych uwag, przez J. J. S. Sękowskiego. T. II, w Warsz. 1825, str. 302–308.

*[2] См. Źr. dz. t. IX, B, str. 191: „Provisio nuntii caesaris Turcarum nomine Methmeth czaus, qui Leopolim ad S. Mtem R. venit die 23 Maii“....

*[3] Письма ксендза Яна Піотровскаго къ вел. кор. марш. Андрею Опалинскому—одинъ изъ надежнѣйшихъ источниковъ для изученія эпохи Баторія. Оцѣнку ихъ и подробности объ авторѣ Піотровскомъ (род 1550, ум. 1591) см. въ предисловіи Чучинскаго къ книгѣ: Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. W Krak. 1894. Str. VIII–XII.

*[4] Константинъ Лакуста (Саранча)—молдаванинъ, сообщникъ Подковы.

вьемъ, или ихъ головы; поэтому тутъ Подковѣ уже конецъ."*1

10-го іюня тотъ же корреспондентъ пишетъ Андрею Опалинскому:

„Чаушъ на этой недѣлѣ будетъ отпущенъ. Бѣдняга Подкова долженъ быть казненъ и, навѣрное, или еще въ бытность чауша, или тотчасъ послѣ его отъѣзда, будетъ ему отрублена голова. Константина король выгораживаетъ; настаиваетъ, будто бы онъ не виновенъ."*2

Дѣйствительно, смерть Подковы была уже рѣшена и королевскій коморникъ Андрей Лозевицкій, ѣздившій за нимъ въ г. Раву,*3 доставилъ его во Львовъ для исполненія надъ нимъ казни, которая и состоялась 16 іюня на той каменной плахѣ передъ Львовской городской ратушей, на которой послѣдовательно сложили головы три молдавскихъ претендента: Томша (1563), Подкова и Янкула (1582).*4 Эта казнь была картинно описана очевидцемъ ея Тосканскимъ дипломатическимъ агентомъ Филиппомъ Тальдуччи въ письмѣ во Флоренцію къ кавалеру Кончини графу делла-Пенна, но мы не будемъ пересказывать здѣсь всѣхъ ея подробностей.*5 Приведемъ только отзывъ извѣстнаго ксендза Яна Піотровскаго о произведенномъ ею впечатлѣніи изъ письма его къ Андрею Опалинскому отъ 3 іюля:

„Ваша Милость, вѣроятно, уже знаете, что Подкова обезглавленъ. Удивительное дѣло, какъ вся здѣшняя чернь сожалѣетъ о немъ; печатаютъ о немъ книги, пѣсни.*6 Живописцы нарисовали

---

*1 См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 107.

*2 См. ibid. str. 110.

*3 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 193: „Andreae Łozewiczki *Rawam* propter deducendum *Podkowa captivum* ad Mtem R. Leopoli expedito, dat. tal. 50, facit fl. 58—10."

*4 См. Heck. Życie i dzieła Zimorowiczów. W Krak. 1894, str. 25.

*5 См. Listy Annibala z Kapui, arcybiskupa Neapolitańskiego, nuncyusza w Polsce o bezkrólewiu po Stefanie Batorym etc. Wydał Alexander Przezdziecki. Warsz. 1852, str. 253—258.

*6 Имѣется, вѣроятно, въ виду между прочимъ недошедшая до насъ стихотворная брошюра Бартоша Папроцкаго: Krótki a prawdziwy opis wjechania do Wołoch Iwana wojewody, którego Podkową zową. W Krakowie 1578, w 8-ce, wierszem. Объ авторахъ и заглавіяхъ другихъ подобныхъ брошюръ мы не нашли никакихъ свѣдѣній. На почвѣ сочувствія къ Подковѣ вокругъ его личности сложилась цѣлая легенда, которая превратила молдавскаго претенден-

его обезглавленное тѣло. Не знаю, можетъ ли Александръ показать болѣе мужества, нежели имѣлъ его Подкова, когда шелъ на смерть и обращался съ рѣчами къ народу. При этомъ присутствовали Молдавскіе послы (т. е. Балика и Строишъ), а чаушъ Мехметъ за три дня передъ тѣмъ уѣхалъ."*[1]

Въ другомъ письмѣ отъ 10-го іюля къ тому же корреспонденту ксёндзъ Піотровскій замѣчаетъ: „Санджакъ Бѣлгородскій повидимому очень обрадованъ смертью Подковы, рады и въ Константинополѣ."*[2]

* * *

Лѣто 1578 г. Стефанъ Баторій проводилъ во Львовѣ. Къ этому онъ былъ вынужденъ обстоятельствами, которыя сложились такъ, что Львовъ являлся для него наиболѣе удобнымъ пунктомъ, чтобы дождаться возвращенія агентовъ, посланныхъ имъ съ разными порученіями на югъ и востокъ. Къ Львову, какъ къ центру, сходились дороги и съ береговъ Днѣпра, и изъ далекаго Крыма, и изъ сосѣдней Молдавіи. Дожидаться же приходилось вотъ кого:

во-первыхъ, пословъ, отправленныхъ въ Крымъ для переговоровъ о заключеніи мира съ царемъ Перекопскимъ въ виду предстоящей войны съ Москвою,—Андрея Тарановскаго, уѣхавшаго въ январѣ 1577 г., и Мартина Броневскаго, уѣхавшаго въ апрѣлѣ 1578 г.; съ ними должны были вернуться и гонцы, ѣздившіе въ Орду съ письмами въ 1576 и 1577 г.г. и арестованные тамъ: переводчики съ татарскаго языка Шельмиза и Ахметъ, секретарь по арабской перепискѣ Илья и Николай Платовскій;

та въ южнорусскаго народнаго героя („ta Podkowa, ta rycerska całey Rossyskicy oyczyzny podpora") и вдохновила еще въ 1693–1694 гг. одного изъ педагоговъ Кіевскаго коллегіума на составленіе надгробной рѣчи, посвященной восхваленію Подковы: Praxis in funera Herois dicti nomine Podcowa. См. Чтенія въ Историческомъ обществѣ Нестора-лѣтописца, книга XIV, 1900, отдѣлъ III, статья В. Перетца: „Къ исторіи Кіево-Могилянской коллегіи," стр. 23—25, № 4.

*[1] См. Acta histor. t. XI. Spr. wojen. etc. str. 115.

*[2] См. ibid. str. 118.

во-вторыхъ, Яна Тарла, люблинскаго воеводу, который поѣхалъ въ Брацлавъ, Винницу и Немировъ съ обширными полномочіями, чтобы произвести разслѣдованіе о нападеніяхъ низовыхъ козаковъ на турецкія и татарскія поселенія, захватить виновныхъ въ разбояхъ и подвергнуть ихъ казни;*[1]

въ-третьихъ, венгерца изъ королевской свиты Янчи Бегера, который согласно обѣщанію короля царю Перекопскому, выраженному въ инструкціи Броневскому отъ 4 апрѣля 1578 г., поѣхалъ вербовать запорожскихъ и низовыхъ козаковъ на королевскую службу.

Первыми явились послы. 22-го іюля прибыли во-свояси Андрей Тарановскій и Мартинъ Броневскій вмѣстѣ съ освобожденными гонцами Шельмизой, Ахметомъ, Ильею и Николаемъ Платовскимъ*[2] Ихъ сопровождали турецкій чаушъ Солиманъ и ханскій посолъ Ибрагимъ Бѣлецкій, отатаренный полякъ.*[3] Ходъ переговоровъ съ послѣдними съ обычною безыскусственностью передаетъ ксёндзъ Піотровскій въ письмахъ своихъ къ Андрею Опалинскому.

Изъ письма отъ 3 августа 1578 г. „Тарановскій съ чаушемъ и татарскимъ посломъ пріѣхали. Татаринъ хочетъ что-нибудь выторговать и заключить перемиріе не по старымъ договорамъ, но на основаніи новыхъ условій, а именно, чтобы „упоминки“ (подарки) получать ежегодно, не взирая на то, служитъ ли онъ намъ, или не служитъ. Съ Московскимъ государствомъ да будетъ ему позволено заключать дружбу когда и на какихъ угодно условіяхъ, брать отъ него „упоминки,“ служить ему когда заблагоразсудится; это будто бы не будетъ мѣшать нашему перемирію. На Низу чтобы не было ни одного козака, а если появится хоть одинъ, то перемирію—конецъ. Оба берега Днѣпра должны быть его и даже на нашей сторонѣ онъ нѣкоторыя урочища включилъ въ число своихъ. Таковыя нелѣпости и подобныя имъ онъ разсказываетъ. Этотъ посолъ—природный полякъ, изъ хлоповъ, Бѣлецкій; кажется, будучи семи лѣтъ,

---

1* Въ секретари ему былъ опредѣленъ Леонъ Ростковскій: „Leoni *Rosthkowski* magci dni castellani Trocen. *notario* cum magco dno *palatino Lublinen.* in terras Podoliae *ad faciendam exsecutionem* contra violatores foederis regni misso, fl. 35.“

2* См. Żr. dz. t. IX, B, str. 193.

3* См. ibid. str. 191.

онъ былъ отсюда захваченъ въ плѣнъ; цвѣтъ лица у него не татарскій. Чаушъ съ своей стороны привезъ письмо падишаха турецкаго, въ которомъ то утѣшительно, что предлагается заключеніе перемирія по старымъ договорамъ. Никто другой не можетъ насъ примирить, кромѣ какъ этотъ чаушъ, и на него вся надежда. Въ противномъ случаѣ прійдется ихъ немного задержать, а къ Портѣ еще кого нибудь послать; пусть оттуда напомнятъ царю Перекопскому, чтобы онъ не вымагалъ ничего болѣе того, что установлено давнимъ обычаемъ. Тарановскій однако шепчетъ на ухо то тому, то другому, что нѣтъ вѣрности въ этомъ врагѣ (т. е. въ чаушѣ) и что если мы не отдѣлаемся отъ него, то напрасно будемъ умолять или откупаться.“*1

Изъ письма отъ 11 августа 1578 г. „Татары ничего не дѣлаютъ, только торгуются. Хотятъ многое вытянуть у насъ сверхъ старыхъ договоровъ. Они привезли готовую перемирную грамоту, написанную согласно ихъ тайнымъ желаніямъ. Однако они сдаются и прійдетъ, кажется, къ тому, что они должны будутъ удовольствоваться старыми договорами. Его Королевской Милости прійдется послать въ Орду за новою перемирною грамотою, забросивъ ту, которую они привезли. „Упоминки“ уже готовы. Для этихъ каналій нашили массу парчевыхъ подбитыхъ соболями одѣяній. Если бы не персидская война, на которую царь Перекопскій долженъ былъ послать Галгу съ 30.000 войска, то была бы намъ работа съ этимъ перемиріемъ. Хлопы эти держатъ себя гордо; такъ бранятся, что страхъ, да и чаушъ не очень то тянетъ въ нашу сторону.“*2

Изъ письма отъ 19 августа 1578 г. „Что тутъ новаго? Съ татарами и турками на этой недѣлѣ хотѣли бы мы уже раздѣлаться. Какая раздѣлка? Самъ Господь Богъ вѣдаетъ, какая, и къ чему приведетъ. Такого перемирнаго договора, какой предлагалъ посолъ царскій (собака полякъ Бѣлецкій, который побасурманился), мы не захотѣли принять, потому что въ немъ прибавлено много новыхъ условій сверхъ старыхъ, многія же старыя — пропущены; не заключивъ перемирія, мы не хотѣли выдать и „упоминковъ.“ Что же было дѣлать? Чаушъ по-

*1 См. Acta histor. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 123—124.

*2 См. ibid. str. 129.

мирилъ, „упоминки“ принялъ подъ свою отвѣтственность. Онъ выдалъ письменное удостовѣреніе, въ которомъ даетъ слово и обѣщаетъ, что убѣдитъ царя Перекопскаго прислать намъ перемирную грамоту, написанную на старыхъ условіяхъ; онъ тогда только отдастъ ему „упоминки,“ когда это осуществится, и обезпечиваетъ насъ, что за эти же „упоминки“ царь будетъ воевать съ Московскимъ государемъ. Нашъ посланникъ вмѣстѣ съ чаушемъ долженъ ѣхать за этою перемирною грамотою къ царю, а другой посланникъ поѣдетъ къ турецкому падишаху и донесетъ, что не по нашей винѣ мы такъ долго не заключили съ царемъ перемирія, потому что вѣдь въ договорѣ съ Турціей ясно написано, что мировая сдѣлка должна быть учинена по давнему обычаю. Слѣдовательно царь виноватъ, а не мы, и пусть падишахъ внушитъ ему это. Сами разсудите, Ваша Милость, будетъ ли этотъ миръ надежнымъ. Воевода кіевскій будетъ присутствовать здѣсь при отпускѣ посланниковъ.“*1

Изъ письма отъ 30 августа 1587 г. „Еще ни татаръ, ни чауша не отправили. Отпускъ состоялся бы, да ожидаютъ воеводы кіевскаго, котораго требуютъ татары. Со дня на день долженъ быть. Какъ только онъ прибудетъ, такъ этихъ поганцевъ и выпроводятъ. Я писалъ уже Вашей Милости, каковъ этотъ отпускъ пословъ и каково положеніе дѣлъ. Нѣсколько дней назадъ (25 августа) пріѣхалъ другой чаушъ Ахметъ, что́ былъ когда-то для заключенія перемирія въ Мальборгѣ,—пріѣхалъ по дѣлу того турецкаго купца, который жилъ недавно въ Варшавѣ,—такой высокій съ сѣдою бородою; такъ вотъ падишахъ повѣсилъ его хозяина, а этотъ, узнавши здѣсь о печальномъ событіи, не хотѣлъ ѣхать въ Турцію съ Московскими товарами, которыхъ повидимому онъ имѣетъ на большія суммы; чаушъ добивается, чтобы его принудительно доставили до границы; жалуется также на козаковъ. Удивительно, какъ дерзко заводитъ онъ объ этомъ рѣчь, грозитъ, бранитъ насъ, совсѣмъ какъ будто своихъ подданныхъ. Здѣсь такъ это объясняютъ, будто это признакъ, что онъ насъ боится; кажется, тамъ у падишаха чаще всего онъ ѣздитъ къ персамъ. Жаждетъ видѣться съ подольскимъ воеводою и проситъ короля, чтобы далъ ему позволеніе съѣздить къ воеводѣ. Объ этомъ дано

*1 См. ibid. str. 130.

ему знать и, кажется, ради чауша онъ самъ поспѣшитъ сюда... Чаушъ добивается, чтобы вмѣстѣ съ купцомъ былъ ему выданъ и молдаванинъ Константинъ, сидѣвшій узникомъ въ Мальборгѣ."*1

Изъ письма отъ 10 сентября 1578 г. „Съ турками и татарами мы уже покончили. Сегодня или завтра они должны уже выѣхать. „Упоминки" мы посылаемъ черезъ одного изъ чаушевъ. Съ ними ѣдетъ и нашъ посолъ—Броневскій. Мы вошли съ этими поганцами въ добрую дружбу и часто съ ними выпиваемъ. Были они у пана воеводы подольскаго, другой разъ—у пана канцлера, вчера—у пана воеводы кіевскаго; вездѣ ихъ принимали пышно. Дай Богъ, чтобы эта дружба принесла добрые плоды.... Отъ старосты черкасскаго (князя Михаила Вишневецкаго) пришли письма; Бакай съ Сигозою прислали къ нему пословъ, требуя, чтобы онъ позволилъ имъ переправиться черезъ Днѣпръ, такъ какъ они хотятъ идти на Москву. Онъ поступилъ такъ, что разрѣшилъ имъ переправу; 24 августа ихъ переправилось 3.000 и теперь они уже на пути къ Москвѣ. Его Милость король похвалилъ за это старосту, считая его поступокъ дѣльнымъ, и приказалъ на будущее время, что если и болѣе значительное число ихъ захочетъ еще переправиться, то чтобы староста дозволилъ имъ это и обошелся бы съ ними гуманно. Господа ордынцы хотятъ, кажется, брататься съ нами, но искренне ли, Богъ знаетъ."*2

Изъ письма отъ 17 сентября 1578 г. „Съ чѣмъ отправлены турки и татары,—объ этомъ я достаточно писалъ уже Вашей Милости, мой милостивый государь, черезъ Юзефовича. Вмѣстѣ съ чаушемъ выѣхалъ въ Орду при „упоминкахъ" слуга Вашей Милости Броневскій. Инструкцію, данную ему, я отослалъ Вашей Милости. Чаушъ принялъ на свою отвѣтственность, что перемирная грамота съ царемъ будетъ написана по старымъ договорамъ и что на слѣдующее лѣто царь поможетъ намъ воевать съ Московскимъ государемъ."*3

„Упоминки," которые повезъ въ Орду Броневскій въ сентябрѣ 1578 г., были очень богаты. До насъ дошелъ ихъ списокъ:

*1 См. ibid. str. 133.

*2 См. ibid. str. 136, 137.

*3 См. ibid. str. 144.

1) наличными деньгами 13.800 старыхъ талеровъ по 35 грошей въ каждомъ, что равнялось 9.200 червонцевъ, иначе 16.100 злотыхъ или флориновъ (на наши деньги=21.550 рублей);

2) серебряная чаша;

3) 304 куска Ліонскаго сукна стоимостью въ 11.389 флориновъ (=15.261 р. 26 к.);

4) по нѣсколько кусковъ суконъ: Швебодзинскаго*1 и Ландсбергскаго,*2 фіорета,*3 адамашка*4 и армезина;*5

5) собольи и бобровые мѣха.

Всѣ „упоминки“ оцѣнивались въ круглую сумму 34.448 фл. 24 гр. (=46.161 р. 40 к.)

Самъ Броневскій на путевые расходы получилъ 1.000 флориновъ (=1.340 р.)*6 Въ инструкціи Броневскому отъ 12 сентября 1578 г. сказано было, что если татары вспомнятъ о козакахъ, то чтобы онъ отвѣчалъ: „Знаю де, что Его Милость король принимаетъ мѣры къ ихъ обузданію и послалъ на Украину пана воеводу люблинскаго, но онъ не поручалъ мнѣ вести о нихъ переговоровъ.“....*7

* * *

Прежде чѣмъ разсказать о результатахъ миссій Яна Тарла и Янчи Бегера, мы сообщимъ о томъ набѣгѣ на Молдавію, который произвели козаки лѣтомъ 1578 г., въ то самое время, когда Стефанъ Баторій велъ переговоры съ турецкимъ чаушемъ и съ

*1 *Świebodzin*, въ настоящее время *Schwiebus*, городъ въ Бранденбургѣ, знаменитый и теперь своими суконными фабриками.

*2 *Landsberg*—городъ также въ Бранденбургѣ на р. Вартѣ.

*3 Фіоретъ—какая-то шерстяная матерія; вѣроятно, въ рисунокъ ея входили цвѣты и она называлась такъ отъ итальянскаго слова *fioretto*=маленькій цвѣтокъ.

*4 Адамашекъ—шелковая матерія, украшенная вытканными по ней узорами; первоначально изготовлялась въ г. Дамаскѣ, откуда и ея названіе (франц. *damas*.)

*5 Армезинъ или кармезинъ (итал. carmesino)—гладкая шелковая матерія; употреблялась для изготовленія *знаменъ*:„ *Armesini rubei* emptae ulnae 34 super *vexillum* per gr. 10. *Armesini albi*, ex quo *vexillum* erat p aratum cum una cauda oblonga, emptae uln. 24 per gr. 10, serici unciae 2.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 219.

*6 См. Źr. dz. t. IX, B, str. 193—194.

*7 См. Acta hist. t. XI. Sprawy wojenne etc. str. 143.

татарскимъ посломъ, и стремился внушить имъ убѣжденіе, что ради козацкихъ грабежей и нападеній на турецкія и татарскія поселенія не слѣдуетъ ихъ государямъ становиться во враждебныя отношенія къ Польшѣ.

Первое извѣстіе объ этомъ набѣгѣ подалъ подольскій воевода Николай Мелецкій въ письмѣ отъ 2 іюля 1578 г. къ коронному маршалу Андрею Опалинскому: „Въ Молдавіи водворился было уже повсемѣстный миръ, но вотъ вдругъ сегодня пришла вѣсть отъ слугъ моихъ съ границы, что будто какая-то сволочь съ какимъ-то новымъ господаремъ во главѣ опять тамъ воюетъ.“*1

Предводителемъ на этотъ разъ явился новый самозванецъ Петръ, который выдавалъ себя за сына посаженнаго на колъ Александра. Въ письмѣ отъ 27 іюля, адресованномъ Низовцамъ,*2 король объясняетъ имъ, что молдаванинъ Петръ, поддерживаемый ими,—вовсе не сынъ Александра, а наглый самозванецъ, что дѣйствительный Петръ не находится въ живыхъ: трупъ его лично видѣли при проѣздѣ черезъ Молдавію Христоферъ Дзѣржекъ и нѣкоторые другіе королевскіе слуги; король уговариваетъ козаковъ не ходить въ Молдавію и не нарушать мира съ этой страной и съ ея сюзереномъ—падишахомъ турецкимъ, обѣщаетъ отправить ихъ на войну противъ Москвы, грозитъ за ослушаніе его волѣ суровымъ наказаніемъ.*3

Въ письмахъ къ Молдавскому господарю Петру Хромому отъ 27 іюля и отъ 2 августа Баторій объясняетъ, что козаки, явившіеся въ Молдавію съ Петромъ, собрались не въ Каневѣ и не въ Черкасахъ, а за Днѣпромъ, въ Московскихъ предѣлахъ, что они прошли незамѣченными мимо королевскихъ замковъ, тайно переправились черезъ р. Бугъ и направляются къ г. Сорокѣ.*4

---

*1 См. ibid. str. 113.

*2 Это письмо вмѣстѣ съ другими письмами повезъ къ днѣпровскимъ козакамъ или низовцамъ Андрей Пытовскій: „Andreae Pythowski ad capitaneos Braclavien., Winnicensemque; item *ad Boristenes sive Nizovios* et ad omnes capitaneos finitimos, ut Petrum dictum Waiwodam (чтобы Петра, самозваннаго господаря.....) a finibus Moldawiae arceant et post retrocedant, misso, fl. 17.“ См. Źr. dz. IX, A, 198.

*3 См. Biblioteka ordynacyi Krasińskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego T. V i VI. Warsz. 1881. Str. 130—131, № 82; Кулишъ, Матеріалы для истор. возсоед. Руси, М. 1877, стр. 4—5.

*4 См. Muz. K. Św. t. V i VI, str. 133 i 138, №№ 86 и 93.

Стефанъ Баторій счелъ нужнымъ оказать помощь Петру Хромому въ дѣлѣ отраженія козацкаго набѣга. Полевому гетману Николаю Сенявскому съ его войскомъ предписано было двинуться къ г. Бакотѣ, Каспаръ Бекешъ съ венгерской пѣхотой посланъ былъ къ г. Каменцу. Брацлавскому старостѣ Юрію Струсю и Винницкому подстаростѣ велѣно было собрать мѣстныя ополченія и идти на подкрѣпленіе Сенявскаго къ Бакотѣ.*1

Армянинъ Вартерезъ отправленъ былъ въ Константинополь объясниться по поводу происшедшаго съ Высокой Портой.*2

Самый надежный свидѣтель событій этого времени ксёндзъ Янъ Піотровскій такъ пишетъ о королевскихъ распоряженіяхъ своему корреспонденту коронному маршалу Опалинскому отъ 3 августа:

„Внезапно пришло извѣстіе, что Низовцы съ какимъ-то господарикомъ Петромъ, который называетъ себя сыномъ Александра, идутъ съ трескомъ въ Молдавію. Король приказалъ гетману съ подольскими жолнерами двинуться на спасеніе господаря Молдавскаго. Бекешъ также отправился туда съ венграми и гайдуками. Въ послѣдніе три дня вѣсти эти какъ-то охладѣваютъ; предполагаютъ, что наши въ скоромъ времени вернутся съ дороги; я ужъ не знаю, какъ объясняютъ посылку Бекеша въ Молдавію.“*3

Отъ 11 августа Піотровскій извѣщаетъ Опалинскаго:

„Позавчера спѣшно пріѣхалъ посланецъ господаря Молдавскаго съ письмомъ; пишетъ господарь, что онъ поймалъ этого Петра и приказалъ зарубить, что козаки удрали за Днѣстръ, при чемъ по пути разорили городокъ Сороку и сожгли прилегающее къ его замку предмѣстье. Короля онъ искренне благодаритъ за помощь, которую послѣдній ему оказалъ. Написали уже къ Бекешу и къ гетману, чтобы они возвратились.“*4

* * *

Возвратимся теперь къ миссіямъ Яна Тарла и Яичи Бегера.

О пріѣздѣ Яна Тарла ксёндзъ Піотровскій сообщаетъ Опалинскому въ письмѣ отъ 17 сентября 1578 г.:

---

*1 См. ibid. str. 130—140, №№ 81, 83, 84, 85, 87, 89, 90, 91, 92, 94.

*2 См. ibid. str. 135, № 88.

*3 См. Acta histor. t. XI, Spr. wojenne etc. str. 124.

*4 См. ibid. str. 129.

„На днях'ъ панъ воевода люблинскій Янъ Тарло вернулся изъ своей командировки. Онъ представилъ отчетъ обо всемъ. Сильнѣе всего онъ обвинялъ воеводу кіевскаго, такъ какъ большинство козаковъ выходило на Низъ изъ его двора и изъ его имѣній, а также изъ Немирова, имѣнія пана воеводы брацлавскаго. Однако судить тамъ онъ никого не могъ, потому-что никто не захотѣлъ явиться на его позвы; не явился и панъ воевода кіевскій только по тому, что будто-бы въ позвѣ не былъ выписанъ полностью его титулъ. Тарло поймалъ тамъ одного какого-то бѣднягу и этотъ несчастливецъ поплатится, кажется, за другихъ.“*1 Часто бываетъ такъ и въ наше время, если громоздкая судебная машина выдвигается тамъ, гдѣ нужна только вооруженная сила.

Миссія Янчи Бегера была болѣе удачною. Въ понедѣльникъ 15-го сентября прибылъ онъ во Львовъ и привезъ съ собою пять посланцовъ отъ Низовыхъ козаковъ. Имена ихъ были слѣдующія:

По расходной книгѣ королевскаго казначейства:[*2]
Андрей Лиханскій, старшина,
Иванъ Подолянинъ,
Матвѣй Дидъ,
Иванъ Клюкъ,
Филиппъ Кольруша.

По договорному универсалу короля:
Андрей Лиханскій,
Иванъ Подолянинъ,
Ѳедоръ Дѣдъ,
Иванъ Клинокъ,
Филиппъ Коза.

Они предлагали королю свои услуги и обѣщали идти туда, куда ихъ пошлютъ. Приняты они были ласково, получили въ подарокъ отъ короля сначала по 15 флориновъ (=20 рублей), а потомъ еще по 8 локтейЛіонскаго сукна, на 2 армяка каждому. Съ ними немедленно заключенъ былъ договоръ, по которому принято было на королевскую службу 600 „товарищей“ съ платою по

*1 См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc., str. 145.

*2 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 216: „Nizoviis personis quinque ad S. Mtem R. Leopolim venientibus, nomine videlicet: Andrea Lichanski seniori eorundem, Iwan Podolianin, Matffey Dyd, Iwan Kluk, Philip Kolrusza, istorum cuilibet ex commissione ac de gratia S. Mtis R. per f. 15, omnibus f. 75.

Eisdem cuilibet panni Lundinen. super vestes 2 per uln. 8, facit uln. 40 per f. 1—18, dati f. 64.

Janczemu Begier, *qui cum Nizoviis Leopolim venerat,* de gratia S. Mtis R. ad literas Mtis ejusdem dati f. 25.“

6 копъ литовскихъ или, что̀ тоже, по 15 флориновъ (=20 рублей) и по одному армяку въ годъ каждому. Староста черкасскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій былъ назначенъ надъ ними гетманомъ, помощникомъ его опредѣленъ Янъ Орышовскій, а писаремъ—Янчи Бегеръ. Въ предстоящій день св. Николая т. е. 6 декабря 1578 г. всѣ „товарищи“ должны были принести присягу на вѣрность знамени и въ тотъ же день получить жалованье за четверть года. Они обязывались постоянно быть въ послушаніи и въ командѣ у короля и не дѣлать набѣговъ ни на Молдавію, ни на Турцію.*[1] Договоръ съ Низовцами такъ важенъ для пониманія

*[2] Ксёндзъ Янъ Піотровскій такъ передаетъ содержаніе заключеннаго съ Низовцами договора въ письмѣ къ Опалинскому отъ 17 сентября: „Onegdaj w poniedziałek przyjechało do K. J. M. pięciu posłańców od kozaków Nizowych, służby swe ofiarując, i tam iść obiecując gdzieby kazano. Wdzięczne to poselstwo ich było, odprawieni zarazem z tem. Za sługi ich przyjęto, za 600 Towarzystwa tamtego, przypowiedziano służbę po 6 kóp. Litewskich i po sukni na rok. Starosta Czerkaski Hetmanem nad nimi będzie, któremu na przyszły S. Mikołaj przysięgać wszyscy mają i na tenże czas ten żołd wziąść. Być zawsze pod posłuszeństwem i zwierzchnością królewską, do Wołoch ani do Turek, Boże uchowaj, chodzić nie mają.“ См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 144—145.

Militibus Boristhenis Nizovii dictis.... tam ad custodiendum fines Regni ab incursionibus Tartarorum, quam ad bellum contra ducem Moschorum susceptis; quorum *dux supremus* per S. R. M. *datus generosus Michael Wiśniowiecki*, castellanus Braclaviensis et capitaneus Circasiensis, sub cujus regimine servitia sua prestare S. R. M. et regno juramento astriti esse tenentur.

Servitium eisdem indictum est per S. R. M. a festo sancti Nicolai 1578 in personis 500, in quamlibet pro anno integro per 15 flor. et panni Lundinensis cuilibet per ars. litv. 4.

Solutis eisdem pro anno dimidio remissa est Czercassiam, ibidemque ad quietationem *Janczi Bagier, notarii eorundem*, dati sunt 3.750 fl., eisdem pannum Lundinense, juxta littera S. R. M. stamina 57 per 37—5, fac. flor. 2.118—15. [3500 флор.=5025 р., 2118 ф. 15 гр.=2838 р. 80 к.] Pro quatuor staminibus simplicibus panni ad.... hoc alem pannum stam. 1, fac. 24 flor. Totius facit flor. 2.142—15. [2142 фл. 15 гр.=2870 р. 95 к.]. *Janczi Bagier, notario eorundum Nizoviorum* ratione stipendii illius super officium notariati, ad litteras S. M. R. data Cracoviae 29 Octobris 1578, flor. 50 [50 флор.=67 р.].

Ioanni Oriszowski superintendenti eorundem Nizoviorum in personis № 30, cuilibet pro anno dimidio per flor. 7—15 et pannum Lundinense.

См. Historya piechoty polskiej przez Konstantego Górskiego. Kraków 1893, str. 242—243, nota 37.—Źr. dz. t. IX, B, str. 209—210.

Подъ документомъ 1581 года Янъ Орышовскій подписался такъ: „Ian Oryszowski z Oryszowa, porucznik kozaków zaporoskich ręką własną.“ Линде въ словарѣ изданія 1811 г. опредѣляетъ значеніе слова *porucznik* для XVI вѣка

положенія ихъ въ Рѣчи-Посполитой въ эпоху Баторія, что мы приведемъ здѣсь его въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ въ современной ему рукописи.*2

Postanowienie z Niżowcy.

(De conditionibus, quibus Nisovii fidem suam Regi et Rpblcae obstringunt, litterae universales).

Stefan etc. Wszem wobec i każdemu z osobna komu to wiedzieć należy oznajmujemy: Jż gdy tu do nas do Lwowa Mołojcy Zaporozcy z pośrodka siebie przysłali posły swe, na imię: Jędrzeja Lichańskiego, Iwana Klinka, Iwana Podolanina, Fiedora Dzieda, Filipa Kozę, z ofiarowaniem, że nam są gotowi służyć, my będąc wdzięczni takowego ich ofiarowania, które przez omienione posły swe nam uczynili, przyjęliśmy je na służbę naszą za temi kondycyami, wedle których nam mają służyć. Naprzód że nam wierni mają być i służyć pod władzą urodzonego kniazia Michała Wiśniowieckiego, starosty naszego Czerkaskiego i Kaniowskiego, którego im najwyższego sprawcę dajemy, na miejsce nieboszczyka wielmożnego Jerzego Jazłowieckiego, wojewody Ruskiego, hetmana, i Śniatyńskie-

---

такъ: „Któremu co poruczono, namiestnik czyli zastępca starszych.“ Лучше всего выясняется значеніе слова *porucznik* въ эту эпоху изъ слѣдующаго мѣста Дневника ксендза Піотровскаго, описывавшаго походъ Стефана Баторія подъ Псковъ (wyd. Czuczyńskiego str. 67—68): „Toż iż sam (Янъ Замойскій) wszytkiemu sprostać nie może i na każdem miejscu zawsze być, kiedy przy oblęganiu w szańcach będzie bywał, tedy umyślił na miejscu swem hetmańskiem mieć zawsze P. Wojewodę bracławskiego (князя Януша Николаевича Збаражскаго) w obozie dla nagłych przygód i potrzeb, któreby przypadać mogły na obóz, także i dla dodawania posiłków, gdzieby jaki gwałt był, iż iuż im go odtąd *głównym porucznikiem swoim wszytkiego wojska mianował.*“ Князь Збаражскій являлся такимъ образомъ помощникомъ Замойскаго, заступающимъ его мѣсто по управленію осаждающей арміей.

*2 Напечатанъ впервые въ Bibl. ord. Krasiń. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. T. V i VI, str. 336—338, № 160. Въ предисловіи сказано о рукописи: „Cechy zawnętrzne, jak charakter pisma, papier, oprawa skórzana z wyciskami, świadczą niezaprzeczenie *o współczesności rękopismu z datą aktów w nim zawartych*“.

go, Lubaczowskiego i Czerwonogrodzkiego starosty, któremu hetman ich i inni sprawcy, także wszyscy Mołojcy, w tém co im rozkaże przerzeczony starosta nasz Czerkaski, mają być posłuszni, i tam ku potrzebie naszéj i koronnéj wojować, gdzie gim ukaże.

Przed tymże panem starostą mają uczynić przysięgę na wierność, a iż go będą posłuszni, jako się opisało, a że i inszym niżéj opisanym kondycyom dosyć uczynią, to jest, że nie mają wojować ziemie Wołoskiéj, ani szkód w niéj żadnych, ani rozruchów czynić, i owszem te wszystkie, o których-by wiedzieli, żeby to chcieli czynić, powinni będą hamować, łapać i jako nieprzyjacioły nasze i koronne bić. Także się téż mają zachować z strony Białogrodu, Oczakowa, Tehini, wsiej i pól ich, aby tam żadnéj szkody nie czynili, ani czynić dopuścili; czarowi Krymskiemu, jego państwom, ludziom, włusom, polom, w czeladzi, w bydle, ani żadnéj rzeczy szkody nie mają czynić, gdyż czar z Tatary obowiązał się służyć nam na nieprzyjacioły koronne, wszycy jednak o czarskich ludziach dawać nam mają znać. In summa, wedle rozkazania naszego, które im będzie oznajmiono, pod przysięgą swą zachować się będą powinni, a my za te ich służby będziem im płacić z skarbu naszego na rok, pięciset ludziom, po sześci kóp litewskich i suknie na giermak na każdą osobę; a to ma trwać dokąd wojnę będziem wieść z Moskiewskim, a potém to mają miéć, co mieli za świętéj pamięci Zygmunta Augusta, króla i przodka naszego, tym kształtem i z tą wolnością jako w ten czas było. Mimo to, którzyby się mężnie na służbie naszéj i koronnéj zachowali, i znaczną nam i rzplitéj naszéj posługę uczynili, będą takowi u nas na takiém baczeniu z strony opatrzenia, na jakiém ludzie zasłużone miéć mamy. Pieniądze te będą im dane na pierwszą ćwierć lata z suknem w Czerkasiech, na dzień ś. Mikołaja

blizko przyszły; także potém na każdą ćwierć lata tamże im oddawane będą przez pisarza naszego, którego im naznaczymy. Inne artykuły, jako około więźniów, i drugie, które były przez nieboszczyka wielmożnego Gierzego Jazłowieckiego, wojewodę Ruskiego i hetmana, wymówione, mają też być przez nie pełnione. A na wiarę tego wszytkiego ten list podpisalichmy i pieczęcią koronną zapieczętować kazalichmy.

Datum we Lwowie dnia 16 miesiąca Września, r. Pańskiego 1578, a panowania naszego roku trzeciego.

. . . . . .

Принятіемъ Низовцевъ на королевскую службу закончилось болѣе чѣмъ четырехмѣсячное (съ 13 мая по 17 сентября) пребываніе Стефана Баторія во Львовѣ и на другой же день послѣ подписанія приведеннаго универсала онъ отбылъ въ Краковъ. Въ заключеніе упомянемъ, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ послано было королемъ изъ Кракова вновь организованному козацкому отряду большое знамя (vexillum). Изготовлялъ его нѣкій Зибальдъ,*1 а отвезъ коморникъ Христофоръ Палуцкій.*2

Устраивая козацкій отрядъ, не забылъ Баторій и военно-санитарной части: для раненыхъ и больныхъ козаковъ предположено было устроить госпиталь (reclinatorium) въ королевскомъ имѣніи Трахтемировѣ надъ Днѣпромъ.*3 Вообще нужно замѣтить, что Баторій первый изъ польскихъ королей сталъ заботиться о судьбѣ раненыхъ. При немъ впервые появились при войскахъ хирурги:

*1 „Zibaldo *aucupictori* a labore *vexilli magni Nizoviis misso* et pro serico dati f. 18.“ См. Źr. dz. t. IX, A, str. 217. *Aucupictor* (рисовальщикъ птицъ) потребовался при изготовленіи знамени, вѣроятно, для того, чтобы изобразить на немъ польскаго бѣлаго орла.

*2 См. Źr. dz. t. IX, A, str. 203. Современникъ Стефана Баторія позднѣйшій бискупъ кіевскій Іосифъ Верещинскій въ одномъ изъ неизданныхъ писемъ его къ Яну Замойскому (см. ниже) упоминаетъ, что король Стефанъ пожаловалъ козакамъ „Króliewszką chorągiew.“

*3 См. Путевыя записки Эриха Лассоты. Переводъ Бруна. Од. 1873. Стр. 24.

Бартошъ Мейеръ, Генрикъ Геллеръ, Михаилъ Венгеръ и, знаменитѣйшій изъ нихъ, Вильгельмъ Луценбергеръ.*[1] Содержались при войскахъ и фельдшера (barwierze).*[2]

* * *

Стефанъ Баторій, полагая своимъ универсаломъ начало козацкому войску, съ одной стороны исполнялъ свое обѣщаніе, данное царю Перекопскому, относительно привлеченія разбойничавшихъ козацкихъ купъ и товариществъ на королевскую службу, съ другой стороны увеличивалъ свою постоянную армію новымъ отрядомъ, составленнымъ изъ людей, очень опытныхъ въ военномъ дѣлѣ, о которыхъ, какъ о воинахъ, онъ получилъ самое высокое мнѣніе еще со времени прочтенія книжки Красинскаго „Polonia“, гдѣ, какъ мы видѣли, козаки восхвалялись за ихъ выносливость и храбрость.

Увеличеніе постоянной арміи составляло насущную заботу Стефана Баторія. Война съ Москвою, которую задумывалъ воинственный король въ 1578 г. и которая затянулась потомъ на три года, требовала значительныхъ военныхъ силъ и для веденія ея нельзя было ограничиться стариннымъ способомъ „посполитаго рушенія“ т. е. созванія ополченій изъ жителей отдѣльныхъ воеводствъ—тѣмъ болѣе, что эти старосвѣтскія ополченія ни по своему вооруженію, ни по пріемамъ боевыхъ дѣйствій не соотвѣтствовали требованіямъ военнаго искусства временъ Баторія. Мы имѣемъ одно краснорѣчивое свидѣтельство современника о томъ, въ какомъ состояніи засталъ Баторій военныя силы Польши. „Цвѣ-

*[1] См. Górski. Hist. piech. pol. 1893, str. 23. Луценбергеръ получилъ по 2 флорина (=2 р. 68 к.) въ недѣлю. См. Źr. dz. t. IX, A, str. 60.

*[2] Положеніе раненыхъ въ ту эпоху было плачевное. Ксёндзъ Піотровскій, напримѣръ, отмѣчаетъ: „Barwierzow tak wiele nie masz, coby opatrowaniu wydołali“ (wyd. Czncz. str. 81); въ другомъ мѣстѣ: „Rannych bardzo wiele umiera. Przy namieciech barwierskich, jak na cmyntarzach, pełno grobów stoi“ (ibid. str. 92).

тущіе люди и добрые кони", говоритъ Андрей Лубенецкій*1, „составляли польское войско, но на этихъ молодцахъ и на ихъ пышныхъ коняхъ Баторій засталъ такое военное снаряженіе, какое нѣкогда пригодно было полякамъ и литвинамъ противъ самострѣловъ и луковъ, но безусловно не годилось противъ огнестрѣльнаго оружія. Во-первыхъ, они сѣдлали коней такими высокими сѣдлами, что сѣдло закрывало половину всадника; при этомъ оно бывало оковано желѣзомъ или къ нему привязывалось особое сидѣнье, такъ что оно вѣсило столько, сколько вѣсятъ три теперешнихъ сѣдла вмѣстѣ. На всадника надѣвался панцырь т. е. такое грузное вооруженіе, въ которомъ несчастнаго рыцаря можно было свалить съ коня не только палкой, но даже нагайкой. Кромѣ того принадлежностями вооруженія были: *пашежъ* или тяжелая *тарча* (два рода щитовъ); обыкновенно къ нимъ придѣлывались какія нибудь крылья или китицы изъ павлиньихъ перьевъ; *шишакъ* (шлемъ), высокій и широкій, какъ какой-нибудь ящикъ, увѣнчанный скуфіей, китицей изъ перьевъ или форкетомъ (вилками); все это было очень грузно и при малѣйшемъ вѣтрѣ рыцаря измучивало, а коня ослабляло; дальнѣйшая принадлежность — деревянныя *копья* были такими огромными и тяжелыми, что каждое вѣсило за два нынѣшнихъ копья; къ копью подъ самое яблоко, заканчивающееся пикой, подвязывался прапоръ (маленькій флагъ или значекъ). Иныхъ шутовскихъ вещей, составлявшихъ принадлежность вооруженія, я не хочу перечислять", продолжаетъ Лубенецкій. „Тѣмъ не менѣе польскіе рыцари сохраняли ихъ изъ любви ко всему *старосвѣтскому*, — какъ при выступленіи въ поле, такъ и во время мира. Польское вооруженіе очень не правилось французамъ, нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ. Польскіе пѣхотинцы болѣе похожи были на шутовъ, нежели на рыцарей. Ихъ одѣвали въ клѣтчатыя платья, сшитыя изъ кусковъ сукна разныхъ цвѣтовъ. Каждая куртка и каждые шаравары соединяли въ себѣ нѣсколько разныхъ цвѣтовъ сукна. Оружіемъ пѣхотинца были: мечъ и алебарда, очень рѣдко — ружье. Пѣхотинцы не знали, какъ дѣлались шанцы или туры;

*1 См. Poloneutichia Andrzeja Lubienieckiego. Z rękopismów zakładu naukowego imienia Ossolińskich. Wiadomość o tem rękopismie i życiu Lubienieckiego zebrał Alex. Batowski. Wydanie zakładu naukowego imienia Ossolińskich. We Lwowie 1843, str. 110—111.

фортификаціонныя работы они увидѣли въ первый разъ, когда мы осаждали Ланцкорону,*1 а потомъ – подъ Гданскомъ.“ Прибавимъ къ этому, что старосвѣтскія польскія ополченія изъ шляхты собирались медленно, отличались неповоротливостью и полнымъ отсутствіемъ дисциплины и по своему громоздкому вооруженію и снаряженію не годились для далекихъ и быстрыхъ походовъ. Вотъ какое войско засталъ Баторій въ Польшѣ.

Между тѣмъ ему нужны были постоянныя, пріученныя къ военной дисциплинѣ войска, которыя были бы послушнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и могли бы свыкнуться съ новымъ болѣе легкимъ вооруженіемъ и съ требованіями тогдашней военной тактики. Баторій повсюду искалъ матеріала для такихъ войскъ: онъ заохачивалъ богатыхъ пановъ на свой счетъ вооружать и предоставлять въ распоряженіе короля блестящія, пышно разодѣтыя роты гусаръ и конныхъ стрѣлковъ;*2 онъ обращался заграницу и нанималъ тамъ венгерскихъ гайдуковъ,*3 нѣмецкихъ райтаровъ и

*1 Ланцкорона—городокъ въ Галиціи къ югу отъ Кракова. Событіе, подавшее поводъ къ осадѣ Ланцкороны въ первые дни государствованія Стефана Баторія, заключалось, по словамъ Райнольда Гейденштейна, въ слѣдующемъ: „Тѣмъ временемъ много подозрѣній и боязни будила Ланцкорона, расположенная недалеко отъ Кракова; ею владѣлъ Войцехъ Ласкій, воевода сѣрадзскій, нынѣшній посолъ у императора. Пожизненное право на нее имѣла вдова Сигизмунда Вольскаго, каштеляна черскаго и старосты ланцкоронскаго, но Ласкій силою завладѣлъ ею во время бѣгства Генриха. Призванный къ суду въ эпоху безкоролевья, онъ нѣсколько разъ былъ признанъ виновнымъ и приговоръ объ его удаленіи изъ Ланцкороны былъ постановленъ, но никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. Король, чтобы избавить Краковъ отъ этой угрозы и дать силу праву, послалъ Гурку и Циковскаго, назначенныхъ въ Андреевѣ вождями вооруженной силы, съ приказомъ взять Ланцкорону силой. Онъ далъ имъ венгерское войско подъ начальствомъ Бамфи. Тамъ находился гарнизонъ, составленный изъ итальянцевъ и нѣмцевъ, а начальствовалъ имъ, по уполномочію Ласкаго, Захарій Горецкій. Изнеможенный пушечной стрѣльбой и штурмомъ гарнизонъ сдался, тѣмъ болѣе, что стѣны кое-гдѣ были уже проломлены. Горецкій потомъ былъ пойманъ Ласкимъ въ Ополе (въ Силезіи) и казненъ. Думали срыть замокъ, но послы отъ шляхты выпросили ему пощаду; староство было отдано вдовѣ Вольскаго подъ условіемъ, чтобы она поручила его охрану какому нибудь своему родственнику, занимающемуся военнымъ ремесломъ См. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII Francofurti ad Moenum MDCLXXII. Pag. 98.

*2 См. Źródła dziejowe, t. IV, 1877, стр. 165, № 96; t. VIII, стр. 232.

*3 См. напр. Źr. dz. t. IX, B, стр. 156, статьи расхода 1576 г.: in conductionem *militum Hungarorum* in finibus Hungariae; in solutionem equitibus et peditibus *Ungaris;* emptio panni peditibus *Ungaris.*

ландскнехтовъ,[*1] шотландскихъ пѣхотинцевъ;[*2] онъ набиралъ пѣхотные отряды изъ польскихъ хлоповъ, которые назывались выбранцами или лановой пѣхотой.[*3] Когда Крымскій ханъ напомнилъ черезъ своего посла Стефану Баторію, что для отвлеченія козаковъ отъ пограничныхъ разбоевъ полезно было бы завербовать ихъ на службу въ королевскихъ войскахъ, то король съ жадностью ухватился за эту мысль, тѣмъ болѣе, что для польскаго королевскаго двора она не была новою.

Еще при Сигизмундѣ Старомъ въ 1524 г. державца рѣчицкій Сенько Полозовичъ и державца чернобыльскій Криштофъ Кмитичъ собрали небольшой отрядъ („малый почотъ“) козаковъ, отправились съ ними внизъ по Днѣпру къ Кіеву и далѣе къ Тавани, перехватили на переправѣ черезъ Днѣпръ татаръ, возвращавшихся съ набѣга на литовско-русскія области, сражались съ ними цѣлую недѣлю и многихъ изъ нихъ убили и потопили. Это предпріятіе очень понравилось королю и великому князю Сигизмунду. Онъ обращается къ своимъ панамъ-радамъ: „Кгдыжъ они съ тымъ малымъ почтомъ людей таковыи послуги намъ, господарю, чынили, мы на то бачымы, кгды бы тамъ тисяча або двѣ людей нашихъ козаковъ на Днѣпрѣ мѣшкали, снать бы и овшемъ была отъ нихъ большая и знаменитая послуга и оборона панствомъ нашимъ. А такъ и о то жедамы вашое милости, радъ нашихъ, рачте о томъ радити и мыслити. И видѣлося бы вашое милости тамъ по Днѣпру козаковъ мѣти на прышлое лѣто для осторожности и обороны панствомъ нашимъ, и ваша милость рачте обрати зъ дворянъ нашихъ которого годного и доброго человѣка и казали бы ему скоро по Велицѣдни до Киева ѣхати и козаковъ збирати, и казали бы ваша милость къ тому часу суконъ и пѣнязей на нихъ колко сотъ копъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ разложити, абы намъ и Рѣчи-посполитое земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колко имъ Богъ милый помо-

---

[*1] См. тамъ же, стр. 155, статьи расхода: peditibus *Germanis Lanczknechtis;* peditibus dictis *Knechty,* стр. 156—in equites *Germanos 50 raithary* dictos.

[*2] См. тамъ же, стр. 294: „Szkocka piechota z mniejszym kosztem zbierana.

[*3] См. Górski, Historya piechoty polskiej, Kraków 1893, стр. 23, § 8.

жетъ."*1 Кажется, проектъ Сигизмунда I не получилъ практическаго осуществленія.

При Сигизмундѣ-Августѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и универсалъ Баторія, гетманъ Юрій Язловецкій, воевода русскій, староста снятинскій, любачевскій и червоногродскій, по порученію короля, навербовалъ среди козаковъ отрядъ, служившій королю и Рѣчи-Посполитой подъ его командою—*„певный почетъ тыхъ козаковъ ку службѣ нашой, которымъ юргелтъ зъ скарбу нашого ити маетъ, обралъ,"* по словамъ королевской грамоты отъ 5 іюня 1572 г. Юрій Язловецкій—герой той знаменитой рекогносцировки вдоль всей границы отъ Бара до Кіева и далѣе отъ Кіева внизъ по Днѣпру до Хортицы, которая была предпринята лѣтомъ 1571 г. (отъ 16 мая до 22 іюля) для очищенія степей отъ татарскихъ загоновъ и дневникъ которой занесенъ Бартошемъ Папроцкимъ въ его сочиненіе о Гербахъ (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222).*2 Такъ какъ козаки жаловались, будто бы они терпѣли „великое утисненіе и кривды"—„отъ воеводъ, старостъ украинныхъ и врадовъ," но въ тоже время, очевидно, и сами позволяли себѣ „своволенства," то Юрій Язловецкій освободилъ ихъ отъ „владзы и присуду всякихъ врадовъ" и „шляхетнаго Яна Бадовскаго.... старшимъ и судьею надъ всими козаки низовыми поставилъ тымъ обычаемъ, ижъ онъ каждому, хто бы якое дѣло до козаковъ, *игды до замковъ и мѣстъ нашихъ знизу придутъ*, мѣлъ, справедливости зъ нихъ чинити маетъ." Янъ Бадовскій*3 былъ жителемъ Бѣлой Церкви, гдѣ имѣлъ „два домы... зъ огороды, кгрунты и зо всими ихъ належитостями." Король и великій князь утвердилъ распоряженіе Язловецкаго: „Маетъ Янъ Бадовскій не отступуючи ни въ чомъ постановеня пана воеводы Руского *зо всихъ козаковъ низовыхъ кождому справедливость неодвлочную водлугъ права посполитого чинити* и въ томъ слушне и пристойне справовати, не буду-

*1 См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора-лѣтописца. Кн. VIII, 1894, ст. И. М. Каманина „Къ вопросу о козачествѣ до Богдана Хмельницкаго," стр. 81, примѣчаніе.

*2 См. Кулишъ, Исторія возсоед. Руси, т. I, Спб. 1874, стр. 40—41, примѣчаніе.

*3 По мнѣнію Бонецкаго, этотъ Янъ Бадовскій принадлежалъ къ гербу *Сас*. См. Herbarz Polski. T. I, W. 1899, str. 73.

чи повиненъ съ того враду судейского и зъ домовъ Бѣлоцерковскихъ передъ воеводами, старостами и врадами нашими и ни передъ кимъ иншимъ (окромъ кгвалту и речей крвавыхъ) управедливяти, толко передъ нами господаремъ, або передъ паномъ воеводою Рускимъ и по немъ будучими гетманы иншими до своего живста.“*[1] За несеніе возлагаемой на него должности Янъ Бадовскій освобождался отъ всякихъ „капщинъ, платовъ и повинностей“ и получалъ право имѣть „шинкъ вольный“ для продажи меда, пива и горѣлки.*[2]

Такимъ образомъ мысль о наймѣ низовыхъ козаковъ на королевскую службу не Баторію впервые пришла въ голову. Крымскій ханъ совѣтовалъ также то самое, что̀ было уже испробовано польско-литовскимъ правительствомъ. Но есть и разница между распоряженіями Баторія съ одной стороны и его предшественниковъ съ другой. Послѣдніе платили козакамъ по 10 флориновъ въ годъ и по армяку,*[3] довольствовались такимъ численнымъ составомъ нанимаемыхъ козацкихъ купъ, какой случайно подбирался, и не стремились придать этимъ отрядамъ спеціальной организаціи войсковыхъ тактическихъ единицъ. Баторій повысилъ жалованье съ 10 до 15 флориновъ въ годъ (хотя было оговорено, что это дѣлается только на время войны съ Москвою), опредѣлилъ численность рядовыхъ козацкаго полка,*[4] какъ тактической единицы, по венгерскому образцу, въ 500 человѣкъ, строившихся въ 50 рядовъ по 10 человѣкъ въ ряду, во главѣ полка поставилъ начальника (superintendens), являвшагося представителемъ (porucznikiem) высшей войсковой команды,*[5] организовалъ полковой штабъ съ пи-

---

*[1] Подробнѣе значеніе этой должности будетъ разъяснено ниже въ одномъ изъ примѣчаній къ издаваемымъ письмамъ бискупа Верещинскаго.

*[2] См. Акты южной и западной Россіи, т. II, Спб. 1865, стр. 175—176, № 149. Капщина=питейная пошлина

*[3] „In arce Ravensi 1575. Percepta pecuniarum quartae partis ex proventibus Regni anno 1574 et distributa earundem pecuniarum.... Item super *Kozacy Niżowe* № 300, excepto panno per 2½ fl. facit 750 fl.“ См. Hist. piech. polskiej przez K. Górskiego, Krak 1893, str. 242, nota 36.

*[4] Слово *полкъ, połek* (pułk) употребляетъ Іоакимъ Бѣльскій для обозначенія извѣстной тактической единицы. См. t. XIX, str. 99.

*[5] Іоакимъ Бѣльскій называетъ командира этого полка прямо *гетманомъ*: „Kozaków trochę powściągnąwszy, nad któremi Oryszowskiego Prawdzica naszego

саремъ (notarius) во главѣ и корпусъ офицеровъ полка, наконецъ, далъ полку знамя (vexillum, chorągiew). Личный составъ полка достигалъ при этомъ цифры 530 человѣкъ.

* * *

Уѣзжая изъ Львова 17 сентября 1578 г., Стефанъ Баторій полагалъ, что принятіе Низовцевъ на королевскую службу отвлечетъ ихъ отъ вторженій въ Молдавію и отъ нападеній на татарскія и турецкія юрты и улусы. Но при этомъ онъ упускалъ изъ виду, что по финансовымъ соображеніямъ ихъ было принято на службу только 500 товарищей, а между тѣмъ собиралось ихъ въ степяхъ каждое лѣто не менѣе 3000 человѣкъ, какъ объ этомъ неоднократно сообщалъ и Крымскій ханъ. Такимъ образомъ оставалось довольно еще свободнаго народа, чтобы для желающихъ являлась возможность устраивать съ помощью козаковъ тѣ разбойническіе набѣги на сосѣднія области, которые такъ раздражали Стефана Баторія.

Надежды короля оказались обманутыми на первыхъ же порахъ. Уже въ ноябрѣ какой-то козакъ *Лукьянъ* со своей шайкой ходилъ грабить въ Молдавію, а затѣмъ прошелъ подъ Очаковъ и тамъ захватилъ 180 татарскихъ лошадей.*[1] Вскорѣ явился возбуждать козаковъ новый молдавскій претендентъ Константинъ Лакуста (Саранча).

Hetmanem uczynił.“ Такимъ образомъ званіе Орышовскаго опредѣлялось тремя терминами: superintendens, porucznik, hetman. Очевидно, значеніе слова *hetman* къ этому времени еще не установилось; имъ обозначали какъ главнокомандующаго (dux supremus), такъ и начальника отдѣльнаго, хотя бы и немногочисленнаго, военнаго отряда; напр. въ Дневникѣ гнѣзненскаго каштеляна Яна Зборовскаго о взятіи крѣпостей Велижа, Усвяты и Великихъ Лукъ подъ 21 августа есть такое мѣсто: „W Inflanciech, iż tam jest wojsko Króla Jmści za pieniądze około 3000 wszystkiego. Nad tem wojskiem pan Dębiński, którego szopą zową z pałuk, *Hetmanem na ten czas albo namiestnikiem* Pana Wojewody Wileńskiego.“ Такимъ образомъ званіе *hetman* считается равносильнымъ званію *namiestnik*. Szopa z pałuk (сарай изъ палокъ)—насмѣшливое прозвище Дембинскаго. См. Zbiór etc. t. XIX, str. 76, и Acta histor. t. XI, Spr. wojen. etc. str. 195.

*[1] См. Acta hist. t. XI, Sprawy wojenne etc., str. 150.

Онъ былъ *повидимому* сыномъ Стефана Лакусты, занимавшаго короткое время господарскій столъ въ 1539—1540 гг. и прозваннаго Лакустой (Саранчей) вслѣдствіе того, что въ его правленіе массы налетѣвшей саранчи истребили въ Молдавіи всѣ хлѣбные посѣвы.*[1] Въ актахъ онъ называется „*palatinides Moldaviae*“ (т. е. сынъ молдавскаго господаря), но нигдѣ нѣтъ указанія, какъ именно звали его отца. Онъ сталъ сообщникомъ Подковы, вмѣстѣ съ которымъ прибылъ въ январѣ 1578 г. въ Варшаву. Стефанъ Баторій отнесся къ нему почему-то милостивѣе, чѣмъ къ Подковѣ. Когда Константину понадобились деньги, то, по распоряженію короля, ему выдано было 5 февраля 1578 г. 40 флориновъ (=53 р. 60 к.).*[2] Когда турки требовали, чтобы Константинъ былъ казненъ одновременно съ Подковою, король настаивалъ, что онъ не виновенъ, и, дѣйствительно, не предалъ его казни, взявши только съ него слово, что онъ будетъ оставаться при особѣ короля во Львовѣ и не станетъ предпринимать набѣговъ на Молдавію. Тѣмъ не менѣе вскорѣ Константинъ Лакуста тайкомъ отъ короля бѣжалъ изъ Львова въ степи, собралъ тамъ около себя много всякихъ праздныхъ грабителей (hultajstwa i łotrowstwa) и въ декабрѣ 1578 г. произвелъ набѣгъ на Молдавію, но былъ отраженъ силами одного молдавскаго господаря Петра. Послѣ этого онъ ушелъ въ предѣлы Московскаго государства и Стефанъ Баторій полагалъ, что онъ не вернется уже болѣе къ козакамъ. Но случилось иначе. Весною 1579 г. пришли вѣсти, что Константинъ Лакуста опять появился въ степяхъ, собралъ въ окрестностяхъ Канева и Черкасъ значительный отрядъ козаковъ и готовится къ походу въ Молдавію. Король находился въ это время въ Вильнѣ, занятый приготовленіями къ войнѣ съ Москвою. Боясь какъ-бы Константинъ Лакуста въ самую критическую минуту, когда всѣ войска стянуты были для военныхъ дѣйствій противъ московскихъ крѣпостей и южная граница государства оставалась почти открытою, не возбудилъ недоразумѣній съ татарами и турками, король написалъ 6 и 11

---

*[1] См. Xénopol, Histoire des Roumains etc., I vol., 1896, p. 306—308.

*[2] „Constantino palatinidi Moldaviae juxta cedulam ejusdem, de gratia suae Mtis die 5 Februarii dati f. 30. Eidem ad cedulam dni vicecancellarii de gratia Mtis R. dati fl. 10.“ См. Żr. dz. t. IX, A, str. 208.

апрѣля 1579 г. цѣлый рядъ универсаловъ къ пограничнымъ (украинным) старостамъ, державцамъ, подстаростамъ, и ихъ замѣстителямъ, къ ротмистрамъ и рядовымъ пограничныхъ гарнизоновъ и вообще ко всѣмъ военнымъ людямъ, а также къ Низовцамъ, въ которыхъ онъ объясняетъ, что для поимки Константина Лакусты посланъ имъ коморникъ Андрей Лозевицкій, и проситъ, чтобы всѣ, къ кому обращены универсалы, оказали всяческое содѣйствіе Лозевицкому въ возложенномъ на него порученіи. Козакамъ за поддержку Константина онъ грозитъ жестокимъ наказаніемъ. Какой результатъ имѣла миссія Андрея Лозевицкаго, намъ неизвѣстно, какъ неизвѣстна и дальнѣйшая судьба Константина Лакусты.*[1] ....

Съ теченіемъ времени еще болѣе выяснилось, что служба въ королевскомъ войскѣ можетъ занять только небольшую часть козаковъ, собиравшихся лѣтомъ въ степяхъ для промысловъ и разбоевъ.

* * *

Война Польши съ Москвою при Баторіи распадается собственно на три лѣтнихъ похода: 1579 г.—къ Полоцку, 1580 г.—къ Великимъ Лукамъ и 1581 г.—къ Пскову. Только послѣдній походъ затянулся въ глубокую зиму и закончился Запольскимъ миромъ. Параллельно этимъ походамъ корсля староста черкасскій и каневскій князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій ежегодно предпринималъ набѣги на юго-западныя области Московскаго государства: въ 1579 г. онъ осаждалъ Черниговъ, хотя безуспѣшно, а затѣмъ опустошилъ всю страну до самого Стародуба; въ томъ-же году онъ сжегъ города: Черниговъ, Радогощъ (Погаръ), Почепъ, Брянскъ, Карачевъ, Орелъ, Рыльскъ и Путивль; въ 1580 г. опять были разорены имъ города Рыльскъ, Брянскъ, Карачевъ и Орелъ, а окрестности ихъ опустошены; въ 1581 г. походъ былъ направленъ противъ г. Трубчевска и кончился взятіемъ этого укрѣпленнаго замка и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда на

*[1] См. Bibl. ord. Krasiń. Muzeum Konstantego Świdzińskiego, tt. V i VI, str. 394—401, №№ 187—195.—Acta hist. t. XI, Sprawy wojenne etc. str. 151.

берегахъ р. Судости.*1 Организованный въ 1578 г. козацкій полкъ, кажется, не участвовалъ въ походахъ 1579 г. къ Полоцку и Стародубу, а оставался въ Черкасахъ и наблюдалъ, чтобы татары не измѣнили своимъ обѣщаніямъ и не вторглись въ предѣлы Рѣчи-Посполитой въ то время, когда всѣ военныя силы ея были заняты московской войной. Но козаки, остававшіеся свободными, пользовались случаемъ, чтобы принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, которыя, по обычаю тѣхъ временъ, всегда сопровождались грабежами и могли сулить имъ значительную добычу. Есть извѣстіе, что въ лагерь короля подъ Полоцкомъ прибыли на службу пѣшіе Днѣпровскіе козаки подъ начальствомъ *Матвѣя Шамоватаго* и какого-то *Николая*.*2 Въ войскахъ князя Вишневецкаго также служили въ 1579 г. Днѣпровскіе козаки (mężni Podnieprzanie).

Въ 1580 г., послѣ того, какъ въ декабрѣ 1579 г. Михаилъ Гарабурда отвезъ въ Орду богатѣйшіе „упоминки,“*3 безопасность со стороны татаръ казалась гарантированною*4 и козацкій полкъ подъ начальствомъ Яна Орышовскаго двинутъ былъ на войну съ Москвой. Рейнольдъ Гейденштейнъ такъ описываетъ его дѣйствія: „Между тѣмъ низовые козаки подъ предводительствомъ Яна Орышовскаго вторглись съ другой стороны*5 въ московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и впоперекъ, сожгли его предмѣстья и нѣкоторыя крайнія укрѣпленія замка. Повернули они потомъ къ Почепу, но отбитые отъ этого замка, *съ большою добычею**6 вернулись домой.“*7 Много козаковъ участво-

---

*1 См. Epicedion to iest zálobny wirsz o zacnym á wieczney pámięći godnym Książęciu Michale Wisniewieckim, kaszthelanie Kijewskim etc. 1585, z Drukárnie Máciejá Wirzbięty, str. 35—42.

*2 См. Źr. dz. t. IX, B, str. 204.

*3 См. Źr. dz. t. IX, B, str. 206.

*4 „Mikołay Sieniawski Hetman Polny, ktory *iż pokoy był z Tatary żołnierza zwiodł z pola*, y tam (къ Усвяту) przyjechał.“ См. Хрон. І. Бѣльскаго, t. XIX, str. 113.

*5 Т. е. въ то время, когда главныя силы двигались къ Великимъ Лукамъ.

*6 Добыча (praeda)—всегда на первомъ планѣ во всѣхъ козацкихъ предпріятіяхъ.

*7 См. Reinoldi Heidensteni secr. regii de bello Moscovitico quod Stephanus rex Poloniae gessit Commentariorum Libri VI. Basileae 1588, pag. 100—101; хроника Іоакима Бѣльскаго, изд. Галензовскаго t. XIX, str. 128.

вало въ Московской войнѣ 1580 г. въ отрядахъ князя Константина Константиновича Острожскаго и его сына Януша, князя Михаила Александровича Вишневецкаго, князя Януша Николаевича Збаражскаго, Филона Семеновича Кмиты и остерскаго старосты Лаврина Ратомскаго, живших на пограничьи въ близкомъ сосѣдствѣ съ промышлявшими въ степяхъ козаками, которые къ нимъ въ имѣнія укрывались преимущественно на зимовку. Было, наконецъ, нѣсколько самостоятельныхъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ подъ начальствомъ мелкихъ ватажковъ: Иванъ Новельскій имѣлъ 100 пѣшихъ козаковъ, Корнилій Перевальскій — 100, Гаврило Бируля—500, Хведоръ Кишивичъ—100, Григорій Чѣлуня—100, Константинъ Величко—100, Борисъ Жаба—300.*[1] Всего было занято на войнѣ съ Москвою около 4000 низовыхъ козаковъ т. е. сполна все то количество ихъ, которое промышляло въ степяхъ въ лѣтнее время въ эпоху Баторія. Неудивительно поэтому, что въ лѣто 1580 г. ничего не было слышно о козацкихъ набѣгахъ на татаръ или въ Молдавію. Универсалы Баторія, разосланные въ январѣ 1580 г. „Wszystkim w obec i każdemu z osobna, starostom, podstarościem, dzierżawcom, książętom, panom i rycerstwu *na ukrainie ruskiej, kijowskiéj, wołyńskiéj, podolskiéj i bracławskiéj* mieszkającem“*[2] о поимкѣ козаковъ, нарушающихъ пограничный миръ, оказались на этотъ разъ излишними.... 30 марта 1581 года Севастіанъ Нѣдзвѣцкій, слуга каштеляна перемышльскаго и казначея русскихъ земель Станислава Дрогоевскаго, роздалъ въ Черкасахъ ходившимъ на Москву подъ начальствомъ Яна Орышовскаго козакамъ деньги и сукна за послѣднюю выслуженную ими четверть года и составленный имъ списокъ козаковъ служитъ теперь лучшимъ источникомъ для опредѣленія состава низоваго козачества въ эпоху Баторія.

* * *

Ни сформированный въ 1578 г. козацкій полкъ, ни командиры его князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и Янъ Орышовскій не участвовали въ богатырскомъ походѣ Стефана Бато-

*[1] См. Żr. dz. t. IX, B, str. 216.

*[2] См. Żr. dz. t. XI, 1882, str. 120—122.

рія подъ Псковъ. Лѣтомъ 1581 г. козацкій полкъ служилъ въ Подоліи, на границѣ со стороны татаръ, какъ прямо указываетъ на это казначейская книга 1581 г., гдѣ записано: „*Niżowcom.* In anno 1581 piechoty 530 od popisu za półroku każdemu po zł. 7—15. Na starszego zł. 200. Sukien na ten czas nie brali, ale i do Moskwy nie chodzili, jedno *z drugiem wojskiem na Podolu na służbie byli.*“*1 Янъ Орышовскій стоялъ во главѣ полка, а князь М. А. Вишневецкій проживалъ въ это время въ Черкасахъ, подготовляя новый набѣгъ на юго-западныя области московскаго государства, кончившійся потомъ взятіемъ Трубчевска и разгромомъ трехтысячнаго московскаго отряда на берегахъ р. Судости.*2

Между тѣмъ въ осажденномъ Псковѣ храбро сражались за Московскаго государя донскіе козаки подъ начальствомъ Черкасскаго козака, королевскаго подданнаго, Миська или Николая,*3 который и палъ геройскою смертью на стѣнахъ Пскова.*4 Гейденштейнъ разсказываетъ: „Козаки въ нѣкоторомъ количествѣ (по извѣстію Піотровскаго—500) прибыли туда (во Псковъ) подъ начальствомъ Николая, родившагося въ королевской области, въ г. Черкасахъ, но давно уже служившаго Московскому государю. Намѣреніе ихъ было то, чтобы по своему воинскому обычаю устраивать засады для захвата въ плѣнъ бродившихъ по полямъ и для грабежа добычи. Привыкши на практикѣ къ такому роду военной службы, не имѣя на себѣ почти никакого оружія, едва только прикрывшись одеждою для защиты противъ непогодъ, они

---

*1 См. Źródła dziejowe, tom IX (Павинскаго), B, str. 294—295.

*2 См. Epicedion etc. 1585, str. 41.

*3 „Dońskich kozaków 500, nad którymi starszy Misko jakiś, Czerkasanin, poddany królewski.“ См. X. Jan Piotrowski. Dziennik etc. Wydał A. Czuczyński. W Krak. 1894, str. 58. Объ отношеніяхъ Днѣпровскихъ козаковъ къ Донскимъ Іоакимъ Бѣльскій говоритъ такъ: „Są też kozacy Moskiewscy co ie zowiemy Dońskiemi, na Donie abo Tanais rzece mieszkaią.... Schodzą sie też niekiedy naszy Nizowi z nimi, ale ziemią muszą do siebie, bo wodą nie mogą.. У na ten czas gdy ich Stephan Krol chciał koniecznie wygubić brali sie do Moskwie do tych drugich kozaków“.... См. т. XVIII, стр. 194—195.

*4 „Magnum hostes quoque detrimentum acceperunt: caesi complures: in quibus primarii peditum ductores, *Nicolausque Cirkassius praefectus kosakkorum:* plurimi vulnerati.“ См. Rein. Heidensteni secr. regii de bello Moscovitico etc. Basileae 1588, pag. 128.

сражаются вооруженные саблею и однимъ копьемъ, очень часто владѣя, впрочемъ, и ружьемъ; какъ по легкости оружія, по способности переносить жажду, голодъ и труды, такъ по привычкѣ и сноровкѣ своей, они въ особенности годятся для того, чтобы окружать и захватывать одиночныхъ, для разслѣдованія дорогъ, мѣстностей, силъ непріятельскихъ; они могутъ на челнокахъ и бревнахъ переплывать рѣки, проходить по самымъ дремучимъ лѣсамъ и непроходимымъ мѣстамъ,—въ этомъ они превосходятъ почти всѣхъ прочихъ военныхъ людей.*1

Служба козаковъ Орышовскаго въ лѣто 1581 года ознаменовалась эпизодомъ поимки ими двухъ бѣглыхъ крымскихъ царевичей. Дѣло было такъ: Бывшій у Стефана Баторія въ Вильнѣ около 20 іюня татарскій посолъ жаловался на козаковъ Орышовскаго, будто они причинили татарамъ какія-то обиды. Король отвѣчалъ, что во всякомъ случаѣ это произошло не по его распоряженію. Татарскому послу приказано было ѣхать въ Черкасы, гдѣ находился въ то время королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ, съ тѣмъ, что если козаки, дѣйствительно, въ чемъ либо виновны, то Косъ привлечетъ ихъ къ отвѣтственности.*2 Но Косъ, живя въ Черкасахъ, прекрасно зналъ, что козаки Орышовскаго никакихъ обидъ татарамъ въ послѣднее время не чинили, а что ханское правительство недовольно на нихъ за то, что они захватили въ плѣнъ двухъ бѣжавшихъ изъ Крыма татарскихъ царевичей. Дѣло царевичей возникло на почвѣ обычаевъ татарскаго престолонаслѣдія. Оно было началомъ тѣхъ междоусобій среди рода Гераевъ, которыя кончились сверженіемъ и задушеніемъ хана Мухаммедъ-Герая II. Раздоры въ ханской семьѣ произошли изъ-за того, что Мухаммедъ-Герай хотѣлъ сдѣлать наслѣдникомъ престола (калгой) сына своего Сеъадетъ-Герая, между тѣмъ какъ по татарскому порядку престолонаслѣдія тронъ долженъ былъ перейти къ старшему изъ братьевъ царствующаго хана Алпъ-Гераю.*3 Законный калга Алпъ-Герай и слѣдующій за нимъ братъ Селяметъ-Герай, боясь, какъ

*1 См. Rein. Heidensteni etc. Bas. 1588, pag. 122—123. Рус. перевода. въ изд. Археограф. Комм. стр. 201.

*2 См. X. Jan Piotrowski. Dziennik etc. Wyd. A. Czuczyński, 1894, str. 3.

*3 См. Смирновъ, Крым. ханство подъ верховенствомъ Отом. Порты, Спб 1887, стр. 436—144.

бы ханъ не подвергъ ихъ казни, бѣжали изъ Крыма на берега Днѣпра. Пойманные козаками Орышовскаго, которымъ они случайно попали въ руки, царевичи доставлены были въ Черкасы къ старостѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, который заключилъ ихъ подъ стражу. Не зная точно, въ чьихъ рукахъ находятся царевичи, Мухаммедъ-Герай II стремился какъ-нибудь добиться выдачи ихъ польскимъ правительствомъ или козаками для преданія ихъ, по обычаю предковъ, смертной казни. Въ виду этого съ одной стороны онъ отправилъ посла къ Стефану Баторію съ жалобами на козаковъ, которые будто-бы разбойнически захватили царевичей въ плѣнъ, и съ предательской просьбой освободить царевичей, съ другой стороны онъ послалъ нѣсколькихъ мурзъ къ Низовцамъ предложить имъ за выдачу царевичей 70,000 червонцевъ и 400 атласныхъ кафтановъ. Въ случаѣ успѣха мурзамъ приказано было отрубить царевичамъ головы немедленно послѣ принятія ихъ отъ козаковъ. Упомянутый выше королевскій коморникъ Флоріанъ Косъ собирался въ это время въ обратный путь. Командиръ козацкаго полка Янъ Орышовскій, также бывшій королевскій коморникъ, въ особомъ письмѣ описалъ королю ходъ событій, а царевичи съ своей стороны написали королю письмо, въ которомъ усердно его просили отправить ихъ къ турецкому падишаху, у котораго находился третій ихъ братъ Исламъ-Герай. Черезъ Коса они передали еще устную просьбу королю, чтобы онъ или съ помощью оружія водворилъ ихъ въ ханствѣ, или отпустилъ ихъ къ туркамъ, обѣщая, что за это они до смерти будутъ вѣрны королю, будутъ его слушаться и охранять миръ татаръ съ Польшею и соглашаясь подкрѣпить свои обѣщанія самыми крѣпкими присягами. 19 іюля 1581 года Флоріанъ Косъ пріѣхалъ въ Полоцкъ, гдѣ въ то время пребывалъ Стефанъ Баторій, передалъ ему письма и сдѣлалъ изустный докладъ. Король послалъ приказаніе черкасскому и каневскому старостѣ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому, чтобы тотъ тщательно стерегъ царевичей и не дозволилъ имъ бѣжать, пока не получитъ окончательнаго о нихъ распоряженія, но чтобы обращался съ ними человѣчно и не причинялъ имъ никакихъ обидъ. Ксёндзъ Піотровскій, разсказавъ всѣ эти подробности, добавляетъ:

„Пользуясь этими обстоятельствами, король могъ бы заключить съ татарами трактаты, направленные къ нашей пользѣ".*1

Между тѣмъ 31-го августа явился турецкій чаушъ для переговоровъ по дѣлу царевичей. Баторій находился уже подъ Псковомъ. Повидимому чаушъ настаивалъ на отсылкѣ царевичей въ Константинополь. Было подозрѣніе, что онъ явился не столько для переговоровъ, сколько въ качествѣ шпіона, для ознакомленія съ ходомъ военныхъ дѣйствій противъ осажденнаго Пскова. Вѣрный свидѣтель событій того времени Піотровскій такъ характеризуетъ чауша: „Мужикъ старый, сѣдой и, кажется, хитрый; все это устроено для подсматриванія того, что у насъ дѣлается." Приняты были мѣры, чтобы польская армія показалась чаушу внушительною, и постарались скорѣе его выпроводить. Въ отвѣтномъ письмѣ падишаху король написалъ, что въ принципѣ онъ согласенъ на отсылку царевичей въ Константинополь, но что въ настоящую минуту еще не можетъ этого исполнить, такъ какъ находится вдали отъ границы государства, на тяжкой войнѣ, и не знаетъ въ подробностяхъ относительно царевичей, что̀ съ ними дѣлается, какимъ образомъ и по какимъ причинамъ они бѣжали изъ Крыма. Король обѣщалъ по возвращеніи домой и разсмотрѣніи ихъ дѣла поступить по желанію падишаха, но съ своей стороны просилъ падишаха посадить старшаго царевича на ханскій тронъ, а младшаго оставить заложникомъ въ рукахъ короля для обезпеченія мира съ татарами.*2 Еще въ 1582 г. командированъ былъ въ Черкасы стольникъ (dapifer) Станиславъ Бѣгановскій для производства слѣдствія о захваченныхъ въ плѣнъ братьяхъ царя Перекопскаго,*3 но подробностей о томъ, какъ развязалось съ этимъ дѣломъ польское правительство, мы не знаемъ.

Что касается главной массы Днѣпровскаго козачества, то лѣто 1581 г. она провела въ занятіяхъ обычными промыслами и не предпринимала никакихъ разбойничьихъ нападеній на сосѣднія страны. Есть основаніе думать, что къ этому именно лѣту относится пребываніе среди козаковъ Самуила Зборовскаго. Описаніе

*1 X. Jan Piotrowski, Dziennik etc. str. 31—32.

*2 См. ibid. str. 69, 70, 71, 72, 74, 75.—Рейн. Гейденштейна Зап. о Моск. войнѣ. Изд. Археогр. Комм. стр. 179—180.

*3 См. Źr. dz. t. IX, B, str. 84.

экспедиціи Зборовскаго, составленное несомнѣнно съ его словъ пріятелемъ дома Зборовскихъ Бартошемъ Папроцкимъ, было затѣмъ внесено послѣднимъ въ его книгу Herby Rycerstwa Polskiego,*1 изданную въ Краковѣ въ 1584 году, и является первымъ по времени обстоятельнымъ и картиннымъ изображеніемъ жизни и быта Днѣпровскаго козачества, на 13 лѣтъ предшествующимъ дневнику Эриха Лассоты.

Ключомъ къ разрѣшенію вопроса о времени экспедиціи Самуила Зборовскаго является, по нашему мнѣнію, та фраза Папроцкаго, которою онъ объясняетъ цѣль предпринятой экспедиціи: „umyślił (Самуилъ Зборовскій) inną stroną do Moskwy z nimi (съ козаками) wtargnąć.“ Изъ этой фразы ясно, что тогда, когда состоялась экспедиція, война Польши съ Москвою еще длилась и что Зборовскій задумалъ вторгнуться въ Московскіе предѣлы не съ той западной стороны, съ которой велись военныя дѣйствія Стефаномъ Баторіемъ, а съ иной—южной или юго-западной. Такъ какъ мы знаемъ, что миръ Польши съ Москвою былъ заключенъ въ дер. Киверовой Горѣ 6 января 1582 г., то, слѣдовательно, экспедиція Зборовскаго могла относиться только къ годамъ предшествующимъ—1579, 1580 или 1581, когда Стефаномъ Баторіемъ предпринимались походы къ Полоцку, Великимъ Лукамъ и Пскову. Изъ біографіи Самуила Зборовскаго мы знаемъ, что въ 1579 г. онъ вторгался съ отрядомъ слугъ своихъ въ Молдавію, думая соперничать въ притязаніяхъ на молдавскій столъ съ Янкулою, но неудачно; затѣмъ онъ занялся борьбою съ своею тещею Анной Іорданъ, вдовой краковскаго каштеляна Спытка Іордана, у которой онъ силою отнялъ перешедшія къ ней отъ мужа имѣнія: въ Галицкомъ повѣтѣ—мѣстечко Заволовъ и села Наславцы, Заторинъ и Срединне; въ Теребовльскомъ повѣтѣ—села Микулинцы, Владычинъ, Луку, Скомрошъ и Козовку. Анна Іорданъ жаловалась на самоуправство зятя королю Стефану Баторію и 18 декабря 1579 г. послѣдовали универсалы короля старостѣ Галицкому и Коломыйскому Іерониму Сенявскому и старостѣ Теребовльскому Іакову Претвичу, а также шляхтѣ обоихъ повѣтовъ о выдвореніи Самуила Зборовскаго изъ захваченныхъ имъ имѣній и о возвращеніи

*1 Изд. 1858 г. стр. 156—167.

таковыхъ ихъ законной владѣлицѣ Аннѣ Іорданъ.*1 Такимъ образомъ въ 1579 г. Самуилъ Зборовскій не имѣлъ времени находиться среди Днѣпровскихъ козаковъ.

Въ 1580 г. Самуилъ Зборовскій участвовалъ въ походѣ Стефана Баторія къ Великимъ Лукамъ. Въ Дневникѣ Луки Дзялынскаго подъ 4-мъ сентября записано слѣдующее: „Въ этотъ день Самуилъ Зборовскій просилъ Его Милость короля, чтобы король освободилъ его отъ банниціи,*2 дабы онъ могъ проживать въ Польшѣ. На это король повелѣлъ отвѣтить ему, что такъ просто онъ ничего не можетъ для него сдѣлать, но что если Зборовскій хочетъ заслужить то, о чемъ проситъ, то пусть теперь при осадѣ замка (Великихъ Лукъ) совершитъ какой-нибудь подвигъ.“ Дзялынскій отмѣчаетъ далѣе, что въ виду словъ короля Зборовскій рѣшился идти впереди всѣхъ на штурмъ и, сидя въ шанцахъ, ожидалъ, пока поданъ будетъ сигналъ; вмѣстѣ съ нимъ изготовились къ штурму нѣсколько „панятъ“ и около ста „товарищей“ изъ шляхты. Но штурмъ не состоялся: въ ночь съ 4 на 5 сентября деревянныя крѣпостныя стѣны замка загорѣлись отъ выстрѣловъ и замокъ сдался; „городъ вашъ, ради Бога не стрѣляйте,“ кричали москвитяне передъ сдачей.*3 Не добившись отличій здѣсь, Самуилъ Зборовскій съ своими стрѣлками (arkabuzyry)*4 отправился подъ начальствомъ князя Януша Николаевича Збаражскаго въ экспедицію къ г. Торопцу. Въ этомъ походѣ, подробно описанномъ Дзялынскимъ и Папроцкимъ,*5 Самуилъ Зборовскій проявилъ за-

---

*1 См. Żr. dz. t. XI (1882), str. 82—85, №№ XLVII, XLVIII и XLIX.

*2 *Банниція*—наказаніе, въ силу котораго обыватель изгонялся изъ отечества и лишался въ немъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Банниція была разнаго рода: 1) временная и вѣчная; 2) главная и меньшая. См. Горбачевскій, Словарь древняго актоваго языка, Вильна 1874, и Zygmunt Gloger Encyklopedja staropolska, T. I, W. 1900, подъ словомъ: bannitio, bannicja. Самуилъ Зборовскій былъ присужденъ къ банниціи за убійство въ пылу ссоры во время коронаціи Генрихъ Валуа каштеляна перемышльскаго Андрея Ваповскаго.

*3 См. Acta histor. T. XI, Spr. wojenné etc. str. 233—234.

*4 Arkabuz съ итальян. arcobugio, archibuso—самый древній видъ ручного огнестрѣльнаго оружія. См. Gloger. Encyklopedja staropolska. T. I (1900), str. 70—71.

*5 См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 257—259, Herby etc. str. 832 - 835.

мѣчательную храбрость; въ одной стычкѣ подъ нимъ раненъ былъ конь, а при окончательномъ пораженіи московской арміи во вторникъ 20 сентября 1580 г. онъ и четыре товарища убили впятеромъ изъ стѣснившихся на мосту москвитянъ около семидесяти; доблесть Зборовскаго понижаетъ только замѣтка очевидца: „убивали ихъ какъ скотъ, потому что они не оборонялись.“ Тѣмъ не менѣе всѣ подвиги Самуила Зборовскаго оказались напрасными и онъ не получилъ отъ короля желаннаго прощенія. Вотъ почему въ 1581 г. онъ уже не присоединился къ королевской арміи, двинувшейся подъ Псковъ, а отправился съ отрядомъ товарищей и слугъ къ берегамъ Днѣпра въ Каневъ, а оттуда за Пороги, чтобы вмѣстѣ съ Днѣпровскими козаками вторгнуться въ Московскія владѣнія со стороны Путивля, т. е. задумалъ экспедицію, какъ-бы параллельную походу Стефана Баторія подъ Псковъ. Онъ предполагалъ сформировать войско изъ Днѣпровскихъ козаковъ, присоединить къ нимъ наемныхъ татаръ, получить еще помощь въ 500 всадниковъ отъ бывшаго молдавскаго господаря Петра Хромого за отказъ отъ соперничества съ нимъ на полученіе молдавскаго стола и такимъ образомъ въ большихъ силахъ двинуться отъ устья р. Пела къ Путивлю, чтобы обратить на свои предпріятія вниманіе короля и такимъ образомъ вынудить у него амнистію. Онъ надѣялся еще на присоединеніе къ себѣ „одного украинаго старосты,“ какъ таинственно выражается Бартошъ Папроцкій, т. е. князя Михаила Александровича Вишневецкаго, который также готовился къ походу на юго-западныя окраины Московскаго государства, но дѣльный князь уклонился отъ сообщества самонадѣяннаго, дерзкаго и легкомысленнаго баннита, а предпочелъ соединиться для предстоящаго похода съ сосѣдними старостами княземъ Ярошемъ*[1] Жижемскимъ и Аврамомъ Мышкой да съ храбрымъ Кирiаномъ Лятошинскимъ, сыномъ знаменитаго рыцаря Гроба Господня (miles dominici sepulchri) также Кириана Лятошинскаго,—какъ объ этомъ повѣствуется въ Надгробной Поэмѣ, сочиненной въ честь князя Михаила Александровича тотчасъ послѣ его смерти (15 октября новаго стиля 1584 г.):

Przybył mu w towárzystwo mąż wielkiey dzielności,
Domu starożytnego y wielkiey zacności,

*[1] Ярошъ=Іеронимъ.

Książę Járosz Zyzemski, starostá Reczycki,
K nim zacny Abrám Myszká, starostá Owrucki,
Sławny domem przodkow swych, Rycerskiey dzielności,
Wzbudzáiąc męską dzielność, lat młodych czyrstwości.
Kiryan Látoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztem swoim też przybył do woyska onego.
By Rzeczypospolitey znácznie posłużyli,
Przeto k książęcym pocztom swoie przyłączyli.
У támże społecznymi zgodnie namowámi
Ruszyli sie w Boży czás s swoimi pocztámi
Jako przećiw Tyrannu kniáziu Moskiewskiemu,
Umyslili ku zámku prosto Trubeckiemu.*[1]

Думалъ еще Зборовскій отправиться съ крымскимъ ханомъ на помощь туркамъ въ Персію; тянуло его и въ Молдавію попробовать счастья въ добываніи при помощи козаковъ молдавскаго стола; но всѣ эти затѣи кончились ничѣмъ. Пошатавшись долгое время среди козаковъ, натерпѣвшись голода и всякой нужды, Самуилъ Зборовскій пробрался, наконецъ, къ Саврани и оттуда ушелъ въ предѣлы Польши. Разсказомъ Папроцкаго, какъ памятникомъ, выясняющимъ бытъ Днѣпровскаго козачества въ эпоху Баторія, мы займемся ниже въ особомъ экскурсѣ.

* * *

Нападенія козаковъ на татарскихъ скотоводовъ съ цѣлью захвата ихъ стадъ, набѣги за Днѣстръ на молдавскія и турецкія области, мелкіе пограничные грабежи и разбои—всѣ эти обычныя проявленія дѣятельности козаковъ въ лѣтнее время, стихшія было въ періодъ войнъ Стефана Баторія съ Москвою, возобновились со свѣжею силою съ весны 1582 года. Это и понятно. Пока тяну-

*[1] См. Epicedion etc. str. 39—40. - Самуилъ Зборовскій, по словамъ Папроцкаго, торопилъ Петра Хромого прислать ему обѣщанную помощь, „bo też już *drudzy starostowie ukraińni* wyjeżdżać mieli.“ Эта фраза еще болѣе подтверждаетъ наше мнѣніе, что экспедиція Зборовскаго за Пороги должна быть отнесена къ лѣту 1581 года, такъ какъ именно трое пограничныхъ (украинныхъ) старостъ: кн. Жижемскій, Мышка и кн. Вишневецкій—собрались въ походъ въ эту пору.

лась война съ Москвою, наиболѣе безпокойные элементы Днѣпровскаго козачества находили себѣ примѣненіе въ рядахъ войскъ, сражавшихся противъ Москвы, а въ 1580 г. даже чуть не поголовно всѣ козаки были заняты на театрѣ военныхъ дѣйствій. При опустошеніи московскихъ городовъ и селъ козаки получали столько добычи, что ихъ „козацкій хлѣбъ“ былъ имъ щедро обезпеченъ. Если при описаніи походовъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго пѣвецъ ихъ постоянно повторяетъ о князѣ и его соратникахъ:

Łupow więźniow korzyśći bez miáry nábráli,

или:

Więźniow inych korzyśći bez miáry nábráli,

то, конечно, козаки также не пропускали случая разбогатѣть, захватывая въ плѣнъ жителей опустошаемыхъ войною московскихъ областей для перепродажи ихъ татарамъ*[1] и отнимая у нихъ все найболѣе цѣнное имущество. Съ окончаніемъ московскихъ войнъ не только кореннымъ козакамъ, но и массѣ военнаго люда, нанятаго Стефаномъ Баторіемъ противъ Москвы, нечего было дѣлать. Богатые паны со своими ополченіями разъѣхались по замкамъ, осѣдлые шляхтичи также вернулись къ семьямъ подъ свои сельскія стрѣхи, но оставалась бездомная голытьба, которая только и питалась жалованьемъ за кровавую службу да возможностью во время войны пограбить. Въ королевской казнѣ не хватало денегъ, чтобы щедро расплатиться съ бѣдняками и обезпечить имъ способы мирнаго существованія. Откладывали разсчеты до предстоящаго сейма, созваннаго на 2 октября стар. стиля 1582 г. Но не всѣ имѣли терпѣніе дождаться сейма, чтобы получить часть жалованья и заручиться обѣщаніями короля насчетъ уплаты остальнаго. И вотъ съ ранней весны многіе изъ этихъ оборванцевъ вмѣстѣ съ коренными козаками потянулись въ придніѣпровскія и прибужскія степи, чтобы, по тогдашнему выраженію, молотить хлѣбъ на татар-

*[1] Торговля плѣнными была тогда въ общемъ обычаѣ у козаковъ. Ксёндзъ Піотровскій въ своемъ Дневникѣ подъ 27 сентября 1581 г. (Wyd. Czucz. str. 100) сообщаетъ, напримѣръ, такой фактъ: „Dwaj Włosiska (итальянчика) jakieś dwie moskiewskie dziewczęta *pokupili u kozaków, dali im za nie po rusznicy* i dziś w nocy w namiecie swym, tuż niedaleko P. Hetmana, że ależ sam krzyk słyszał leżąc, uczciwszy uszy WMci, mego Miłościwego Pana, zgwałcić usiłowali. Rano naleziono u nich te Moskiewki i wzięto; zwiezie się podobno Włochom (итальянцамъ), jako cudzoziemcom.“

скихъ спинахъ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ 1582 г. послышались жалобы татаръ на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ. Ихъ заявлялъ королю татарскій посолъ, пріѣхавшій въ началѣ мая въ Вильну, куда вскорѣ прибылъ Стефанъ Баторій на обратномъ пути изъ Риги „Тамъ (т. е. въ Вильнѣ)“, пишетъ Гейденштейнъ, „далъ король аудіенцію татарскому посольству, прибывшему туда нѣсколько раньше отъ Мухаммедъ-Герая, хана крымскихъ татаръ. Послѣдній. просилъ обѣщанныхъ даровъ, жаловался на притѣсненія и обиды со стороны козаковъ; хотя послѣднія и въ самомъ дѣлѣ бывали нерѣдки, однако татарскій ханъ еще нарочно преувеличивалъ ихъ, чтобы, притворно указывая на домашніе страхи и близкія опасности, избѣгнуть персидскаго похода, на который въ то же время вызывалъ его турецкій падишахъ. Отвѣтъ отъ короля сказанъ былъ татарамъ такой: что дары даны будутъ по обыкновенію предковъ и что съ ихъ ханомъ будетъ миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ былъ раньше. Относительно же козаковъ было сказано тоже, что нѣсколько разъ и раньше выставлялась на видъ: эта толпа людей, составившаяся изъ разноплеменнаго сброда, кочующая и не имѣющая прочной осѣдлости, не признаетъ ничьей власти, но тѣмъ не менѣе, насколько возможно ему будетъ, король постарается о томъ, чтобы удержать ихъ отъ непріязненныхъ дѣйствій и враждебныхъ набѣговъ. Этотъ отвѣтъ короля былъ принятъ варварами съ нѣкоторою надменностью, и главный посолъ, выслушавъ его, при самомъ какъ бы отъѣздѣ публично засвидѣтельствовалъ, что какъ бы тамъ ни было, но если козаки не будутъ обузданы, то они тоже не будутъ хранить мира.“*[1] Хотя дѣло не доходило еще до открытаго разрыва между царемъ Перекопскимъ и Польшею, тѣмъ не менѣе козацкія нападенія не замедлили вызвать и отвѣтныя дѣйствія татаръ. Во время пребыванія въ Вильнѣ татарскаго посла пришла уже вѣсть, что татары прорвались черезъ границу королевской земли, опустошили одно село и захватили около тысячи душъ въ плѣнъ. Ксёндзъ Піотровскій такъ передаетъ настроеніе короля по полученіи этого извѣстія: „Его Милости королю очень жаль бѣднаго крестьянства (pospólstwa), но совсѣмъ не жаль шляхты, которая сама себя доводитъ до этого, потому что отни-

*[1] См. Рейн. Гейденштейна Записки о Москов. войнѣ. Рус. пер. въ изд. Археограф. Комм. Спб. 1889, стр. 279.

маетъ у короля право карать козаковъ, предоставляя судить ихъ только сейму.“*1 Въ объясненіе этихъ словъ ксендза Піотровскаго нужно замѣтить, что между 1578 и 1582 г. послѣдовала перемѣна въ воззрѣніяхъ сеймующей шляхты на право короля преслѣдовать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніяхъ мира съ татарами и турками. Въ 1578 г. въ виду предстоявшей войны съ Московскимъ государствомъ сеймующая шляхта боялась, что козацкіе набѣги могутъ вызвать вторженіе татаръ или турокъ какъ разъ въ ту минуту, когда всѣ войска будутъ стянуты на сѣверо-западѣ государства и южная граница его будетъ совершенно открыта. Поэтому на сеймѣ 1578 г. она охотно предоставила королю дискреціонную власть разыскивать и казнить виновныхъ въ набѣгахъ козаковъ. Король сейчасъ же воспользовался своими полномочіями, чтобы казнить Подкову и снарядить экспедицію Яна Тарла. При снабженіи короля дискреціонною властью шляхта закрывала глаза на то обстоятельство, что въ числѣ виновныхъ козаковъ могутъ оказаться и шляхтичи, которыхъ не мало было въ козацкихъ рядахъ. Иначе стояло дѣло въ 1582 г. Война съ Москвою была уже закончена. Шляхта знала, что многіе изъ ея представителей, не имѣя болѣе занятій на войнѣ, пристанутъ къ козакамъ для нападеній на татаръ и турокъ и такимъ образомъ подвергнутся тѣмъ карамъ, на которыя уполномоченъ король. Понятно, что началась агитація объ отнятіи у короля исключительныхъ правъ, которыя могли бы оказаться тягостными для самихъ законодателей. Кончилось тѣмъ, что на сеймѣ 1582 г. полномочія короля были опять ограничены и право наказанія приставшихъ къ козакамъ шляхтичей оставлено только за сеймомъ. Сложная прецедура сеймового суда обезпечивала безнаказанность разнымъ сорвиголовамъ. Такой постановкѣ дѣла сочувствовали и пограничные старосты, которые вмѣсто того, чтобы охранять спокойствіе на границахъ, сами организовали козацкіе набѣги, снабжали козаковъ боевыми снарядами и продовольствіемъ, подкрѣпляли ихъ своими подданными и слугами, дабы потомъ, при дѣлежѣ награбленной добычи, воспользоваться лучшею ея долею. Вѣроятность безнаказанности очень имъ улыбалась.

*1 См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 358.

* * *

Подъ осень 1582 года повторилась такая же самая исторія, какую мы описывали уже (см. выше, стр. 42), излагая событія 1577 года. Изъ Москвы ѣхали татарскіе послы съ богатыми „упоминками“, подаренными имъ московскимъ правительствомъ. Слѣдовали они Муравскимъ шляхомъ. На Самарскомъ перевозѣ напали на нихъ низовые козаки и дочиста ихъ ограбили. Мухаммедъ-Герай, царь перекопскій, немедленно отправилъ посла къ Стефану Баторію съ требованіемъ, чтобы король отобралъ отъ козаковъ загребленные ими „упоминки“ и вернулъ ихъ по принадлежности ему, царю перекопскому, а въ тоже время снарядилъ противъ короля большое войско и расположился съ нимъ у берега р. Двѣпра въ урочищѣ Майманаѣ [*1] въ полной готовности вторгнуться въ предѣлы Рѣчи Посполитой, если только его требованія не будутъ исполнены королемъ. [*2]

Пока все это происходило въ степяхъ, въ Варшавѣ готовились къ сейму. Вальный сеймъ 1582 года собрался къ 4 октября стараго стиля. 4-го октября высшее католическое духовенство столицы служило обѣдню въ присутствіи сейма о ниспосланіи на сеймующихъ Св. Духа. Съ 5-го октября начались совѣщанія. Этотъ день былъ, какъ извѣстно, днемъ перемѣны въ Европѣ стараго стиля на новый. Папою Григоріемъ XIII опредѣлено было 5-е октября считать 15-мъ. Составитель дневника сейма вмѣсто 5-го написалъ 15 октября и потомъ оговорился: „это слѣдующій день за четвертымъ; такъ слѣдуетъ писать по вновь изданному календарю.“ [*3] До насъ дошли только фрагменты дневника сейма 1582

[*1] „Na co pogotowiu z wojskiem *na Majmanaju* czekał“—изъ инстр. короля Стефана повѣтовымъ сеймикамъ 1584 г. Dyar. sejm. r. 1585. Wydał Al. Czuczyński, Kr. 1901 r., str. 349.

Урочище *Майманай*, вѣроятно, то древнее городище или валовая насыпь (Wahlstadt) на татарской сторонѣ Днѣпра, которыя Эрихъ Ляссота называетъ *Мамайсурка* (Mamaisor). См. Черноморье Ф. Бруна, часть II, Одесса 1880 г. стр. 373.

[*2] См. Dyaryusze sejmowe r. 1585, str. 349. Гейденштейна рус. пер. стр. 308

[*3] См. Dyaryusze sejmowe r. 1585 etc. str. 333.

года, а потому происходившія на немъ пренія въ подробностяхъ намъ неизвѣстны. Тѣмъ не менѣе изъ разсказа Гейденштейна, изъ письма короля къ маститому Кромеру отъ 12 сентября нов. ст. 1583 г. и изъ инструкцій Стефана Баторія повѣтовымъ сеймикамъ 1584 г. мы знаемъ, что на сеймѣ 1582 года король добивался, чтобы за нимъ оставлена была дискреціонная власть преслѣдовать и карать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи мира съ татарами и турками, и въ пограничныхъ разбояхъ и грабежахъ, но что сеймующая шляхта на это не согласилась. „Много разъ на предшествующихъ сеймахъ“, горько жалуется король Кромеру, „мы напоминали, выясняли и указывали, что если это своеволіе не будетъ обуздано, то, что оно подготовитъ и создастъ для Рѣчи-Посполитой великія затрудненія, но не захотѣли къ этому прислушаться и отнестись внимательно, не захотѣли оставить въ силѣ и сеймовой конституціи (1578 г.), которая состоялась по этому поводу, хотя въ силу ея никто не былъ осужденъ, да даже, кажется, никто не былъ и преданъ суду (намекъ на неудачную экспедицію Яна Тарла— см. выше, стр. 70). Опять таки на прошломъ сеймѣ (т. е. 1582 г.) мы напоминали и указывали опасности, которыя могутъ отсюда вырости и случиться, но и это наше обращеніе не нашло себѣ сочувствія.“ *1 Вообще сеймъ 1582 г. прошелъ безпорядочно и не разрѣшилъ ни одного изъ тѣхъ вопросовъ, которые были предложены на его обсужденіе королемъ (напр. вопросъ о порядкѣ избранія короля, объ уплатѣ жалованья войскамъ за Псковскій походъ и др.) Протянувшись почти два мѣсяца, онъ разъѣхался въ началѣ декабря нов. ст., а 7-го декабря того-же стиля и король выѣхалъ изъ Варшавы въ Краковъ. *2 Здѣсь его встрѣтило татарское посольство. Какъ сказано выше, оно жаловалось на низовыхъ козаковъ, ограбившихъ татарскихъ пословъ, требовало возвращенія „упоминковъ“ и угрожало войною, если это требованіе не будетъ немедленно исполнено. Великій визирь турецкій Синанъ-баша также прислалъ чауша съ письмомъ, въ которомъ грозилъ, что если требованія татаръ относительно наказанія козаковъ и возвращенія

*1 См. Acta hist. T. XI. Sprawy wojenne etc. Krak. 1887, str. 404—405. Гейденштейна рус. пер. стр. 290.

*2 См. Źródła dziejowe, t. IX, B, str. 77.

„упоминковъ“ не будутъ исполнены, то что 40,000 турокъ присоединится къ татарскому войску для совмѣстнаго вторженія въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Хотя король былъ совсѣмъ не готовъ къ войнѣ („imparatissimus“, по выраженію Гейденштейна), тѣмъ не менѣе, не желая жертвовать честью Рѣчи-Посполитой, онъ отвѣчалъ татарскому послу, что его требованія не могутъ быть выполнены, такъ какъ козаки находятся внѣ сферы королевской власти, составлены изъ отбросовъ всевозможныхъ народовъ („e diversarum gentium colluvie“—Гейденштейнъ), не исключая и самихъ татаръ, коихъ не мало промышляетъ въ козацкихъ рядахъ; всѣ эти люди собираются на границахъ для занятій разбоями („ad latrocinia exercenda“—ibid). Между тѣмъ Замойскій былъ посланъ во Львовъ готовить войска для отпора татарамъ въ случаѣ ихъ вторженія. Онъ частью вновь нанялъ войска, частью уговорилъ продолжать службу тѣ отряды, которые отказывались отъ нея, не получая до сихъ поръ жалованья за московскіе походы. Удалось ему вызвать на службу и болѣе усердныхъ изъ шляхты. Остальныхъ онъ увѣщевалъ быть готовыми къ общему ополченію противъ врага. Князь Константинъ Острожскій также явился на помощь съ значительнымъ войскомъ, собраннымъ изъ его домочадцевъ и арендаторовъ. Замойскій выслалъ развѣдчиковъ во всѣ стороны, чтобы они слѣдили за движеніями татаръ, а самъ ожидалъ во Львовѣ, готовый двинуться противъ непріятеля при первомъ извѣстіи о его вторженіи. Между тѣмъ татары стояли на берегу Днѣпра, поджидая, чтобы рѣка замерзла. Они имѣли обыкновеніе переправляться черезъ Днѣпръ или позднимъ лѣтомъ, при наиболѣе низкомъ уровнѣ водъ, или зимой по льду. Въ эту зиму (съ 1582 на 1583 г.) Днѣпръ у мѣста стоянки татарскаго войска не замерзъ, приближалась весна, дошли до татаръ слухи о приготовленномъ имъ Замойскимъ отпорѣ, и татары сочли за лучшее оставить мысль о войнѣ, и разошлись по своимъ улусамъ. Въ началѣ весны 1583 г. Замойскій возвратился уже въ Краковъ, гдѣ ему вскорѣ предстояло получить изъ королевскихъ рукъ высшую награду за его государственныя заслуги—молодую жену въ лицѣ королевской племянницы Гризельды Баторій. *1

*1 См. Reinholdi Heidensteinii secretarii regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Lib. XII, pag. 207-8 по франкфуртскому изданію 1672 г.

* * *

Лѣто 1583 года проходило въ степяхъ очень тревожно. Съ ранней весны среди собравшихся на промыслы козаковъ появился новый претендентъ на молдавскій столъ, по имени Эммануилъ, выдававшій себя за сына покойнаго Ивони, несмотря на то, что другой подобный же сомнительный сынъ Ивони находился уже въ рукахъ польскаго правительства, постоянно стремившагося прекращать въ самомъ зародышѣ попытки самозванцевъ къ завладѣнію Молдавскимъ столомъ. Эммануилъ нашелъ, конечно, среди козаковъ много охотниковъ оказать ему поддержку въ его затѣяхъ. Знатокъ условій пограничной жизни и козацкаго быта, брацлавскій воевода князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій очень мѣтко объяснялъ королю Стефану Баторію, что такъ ужъ полагается среди пограничныхъ козаковъ, чтобы между ними проживалъ хоть одинъ молдавскій претендентъ, если нѣтъ спроса на нѣсколькихъ. [*1] Кромѣ козаковъ, примкнули къ Эммануилу нѣкоторые представители знатной шляхты, стали во главѣ козацкихъ отрядовъ и двинулись степями въ Молдавію. [*2] Повидимому, шайкамъ претендента не удалось прорваться въ Молдавію, такъ какъ на дорогѣ еще встрѣтилъ ихъ и разгромилъ брацлавскій староста. [*3] О томъ, какая судьба постигла самого Эммануила, источники умалчиваютъ. [*4]

Но попыткой провести Эммануила въ Молдавію не ограничилась дѣятельность козаковъ въ лѣто 1583 г. Какъ разъ въ то время, когда въ Краковѣ праздновалась свадьба канцлера Замойскаго съ Гризельдой Баторій (12 іюня нов. ст.), козаки подъ предводительствомъ нѣсколькихъ пограничныхъ шляхтичей („duces ex finitima nobilitate aliquot nacti,“ по выраженію Гейденштейна) [*5] предпри-

---

[*1] „Bez Wołoszyna i bez kilku, jako na pograniczu, nigdy między niemi być nie może“—изъ отвѣтнаго письма князя Збаражскаго на письмо Стефана Баторія отъ 26 августа 1583 года. См. Acta histor. T. XI, Sprawy wojenne etc. str. 404.

[*2] Ibid. str. 405.

[*3] Мы не могли доискаться въ современныхъ актахъ, какъ была фамилія тогдашняго брацлавскаго старосты. Не опредѣлилъ этого и издатель сеймовыхъ дневниковъ 1585 года г. Александръ Чучынскій въ своемъ указателѣ именъ (стр. 465).

[*4] См. Acta histor., T. XI. Sprawy wojenne etc. str. 405; Dyaryusze sejmowe z roku 1585 etc. str. 350.

[*5] Кто-то изъ сотрудниковъ Замойскаго, составившій замѣчанія на пѣсню о заключенномъ въ тюрьму С. Зборовскомъ (Pieśń o uwięzionym Samuelu

няли большой набѣгъ на турецкія владѣнія, разрушили вновь выстроенную турецкую деревянную крѣпость Ягорлыкъ (при впаденіи р. Мокраго Ягорлыка въ Днѣстръ) и разграбили старинный турецкій городъ Тегинь (Бендеры), гдѣ имѣлъ пребываніе турецкій правитель или губернаторъ (санджакъ). Такъ какъ этотъ городъ долгое время не подвергался нападенію непріятелей, то добыча, захваченная въ немъ козаками, была очень богата; по доставленнымъ королю Стефану Баторію свѣдѣніямъ, она была продана ими на какой-то ярмаркѣ за 12,000 злотыхъ. *1 Повидимому, главными зачинщиками этого набѣга были братья Христофоръ и Самуилъ Зборовскіе, изъ которыхъ послѣдній, какъ мы знаемъ (см. выше, стр. 89—93), проживалъ среди козаковъ въ 1581 г. и съ тѣхъ поръ поддерживалъ съ ними пріязненныя отношенія. *2 Лѣто 1583 г. онъ также проводилъ „на Низу“ и, кажется, лично участвовалъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинь. Объ этомъ можно догадываться изъ словъ письма Христофора Зборовскаго къ козакамъ: „z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochotnie waży“ (т. е. „нашъ братъ совмѣстно съ вами охотно пробуетъ счастья противъ непріятеля святого креста“; непріятель святого креста—обычное въ то время обозначеніе турокъ и татаръ), а также изъ сообщенія Гейденштейна: „cujus insursionis (набѣга) *partim autor, partim adjutor* Samuel Zborovius in certa fama ferretur“ (Франкф. изд. 1672 года стр. 219). Въ послѣдней фразѣ слово *autor*, по нашему мнѣнію, значитъ: зачинщикъ, а слово *adjutor*—участникъ. Противники Замойскаго, державшіе сторону дома Зборов-

---

Zborowskim), назвалъ такого типа шляхтичей *Polacy niżowi*: „Niechaj każdy baczny uzna, qua intentione tam się drudzy biorą, albo chodzą: jeśli dla miłości ojczyzny, jeśli dla łupieztwa; nie tajno, na czem zasadzili żywot swój *Polacy niżowi* i na czem wiek swój trawią.“ См. Pam. do życia i sprawy Sam. i Kryszt. Zborowskich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846, str. 98.

*1 См. Reinholdi Heidensteinii secretarii Regii Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti Libri XII. Francofurti ad Moenum. 1672. Pag. 213—214.—Dyaryusze sejmowe r. 1585 etc. Krak. 1901, str. 350. 12,000 злотыхъ на наши деньги=16,000 рублей.

*2 Одинъ изъ братьевъ Зборовскихъ, Янъ Зборовскій, каштелянъ Гнѣзненскій, говорилъ на сеймѣ 1585 г. въ засѣданіи 31 января н. ст. о Самуилѣ Зборовскомъ: „Brat mój dla potrzeb swoich własnych ... onych (Nizowców) *szanował*, z niemi *w pola chadzał* i do potrzeb swoich je *za pieniądze swoje zwodził*.“ Dyar. sejm. 1585 r. etc. str. 329.

скихъ въ возникшей между канцлеромъ и Зборовскими борьбѣ, какъ напр. Бартошъ Папроцкій, распространяли слухъ, будто самъ Замойскій тайно устроилъ этотъ набѣгъ при посредствѣ нѣкоего козака Янчи, желая, чтобы побольше козаковъ погибло, *1 а будто потомъ, когда турки стали угрожать польскому правительству возмездіемъ, онъ свалилъ всю вину на Зборовскихъ. Но слухъ этотъ представляется совершенно неправдоподобнымъ *2 при томъ свѣтѣ, какой бросаютъ на сношенія Зборовскихъ съ козаками лѣтомъ 1583 г. – письмо Христофора Зборовскаго къ Самуилу Зборовскому изъ Кракова отъ 17 іюля н. ст. 1583 г. и копія письма того же Христофора Зборовскаго къ козакамъ безъ даты, приложенная къ предыдущему письму. Оба документа были выкрадены у Самуила Зборовскаго его лютнистомъ (въ первоисточникѣ у Лаврентія Мюллера „Septentrionalische Historien," Amberg 1595,– *der Lauteniste)* Войташкомъ по подговору венгерскаго офицера на польской службѣ Цобера, который отобралъ ихъ у Войташка и доставилъ вмѣстѣ съ самимъ виновникомъ кражи въ Краковъ королю. *3 Королевскій инстигаторъ Андрей Ржѣцицкій напечаталъ ихъ въ приложеніи къ обвинительному акту противъ Христофора Зборовскаго, приготовленному къ сейму 1585 года, подъ заглавіемъ: „Andreae Recicii Instigatoris Regii V. Nob. Accusationis in Christophorum Sboro-

---

*1 См. Bartosza Paprockiego Dwie broszury polityczne z lat 1587 i 1588 wydał Jan Czubek. Krak. 1900, str. 48. *Янчи*, вѣроятно, тоже самое лицо, что и *Janczi Bagier, notarius Nizoviorum* (см. выше, стр. 71). Фамилія *Bagier* измѣняется иногда въ документахъ въ *Begiel* и *Beger*, *Begier* или *Beggier*. Между 1578 и 1583 гг. мы знаемъ его, какъ королевскаго коморника (cubicularius). См. Źr. dz. t. IX, A, 195, 198, 203; B, 9, 48, 86, 120.

*2 Князь Я. Н. Збаражскій въ письмѣ къ Стефану Баторію прямо говоритъ: „Otoż jam tego pewien, że bez rozkazania chodzili." См. Acta hist., t. XI etc. str. 404.

*3 Любопытныя подробности этой исторіи изложены современникомъ Лаврентіемъ Мюллеромъ въ книгѣ: Septentrionalische Historien oder wahrhafte Beschreibung der fürnembsten polnischen, liflandischen, moscowiterischen, schwedischen und andern Geschichten, so sich bey Regierung beeder Könige in Polen Stephani und Sigismundi des III dieses Namens von Anno 1576 bis auf das 1593 Jahr zugetragen. Amberg 1595, стр. 86. Первая часть этой книги сочинена Лаврентіемъ Мюллеромъ, вторая—не назвавшимъ себя по имени „любителемъ исторіи" (durch einen Liebhaber der Historien). Предисловіе къ 1-й части написано Лаврентіемъ Мюллеромъ и помѣчено 31 марта 1585 г. Мы пользовались экземплярами Варшавской и Кіевской университетскихъ библіотекъ.

vium Actiones tres. De fide publica. De praescriptionibus ante iudicium oppositis. De criminibus. Cracoviae. Typis Lazarianis. Anno Domini 1585.“ Оба письма переизданы были въ новѣйшее время дважды: въ 1844 г.—Люціаномъ Семеньскимъ съ книжкѣ „Pamiętniki o Samuelu Zborowskim. Zebrane z współczesnych dzieł i rękopismów biblioteki Kórnickiej. Poznań 1844“ (str. 28), въ 1846 г.—Жеготою Паули въ книжкѣ „Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krysztofa Zborowskich zebrał Żegota Pauli. Lwów 1846“ (str. 43). Въ виду важности этихъ документовъ для выясненія козацкихъ отношеній въ эпоху Баторія приводимъ здѣсь въ оригинальномъ текстѣ—изъ письма къ Самуилу Зборовскому пунктъ, относящійся къ его экспедиціи „на Низъ“, письмо же къ козакамъ цѣликомъ.

. . . . . .

Выдержка изъ письма къ Самуилу Зборовскому.

„Reliquum est z strony tej tam zabawki niżowskiej *1 WM. wolałbym był, abyś tam WM. był nie jeździł. Przyczyn dosyć, ale to u mnie przedniejsza, że się o WM. boję, aby to królewska naprawa *2 nie była. Ale iżeś już WM. tam jest, staraj się WM. o dwie rzeczy. Pierwsza, abyś w dobrem zachowaniu, w dobrem porozumieniu to tam rycerstwo z domem Zborowskim zadzierzał. Jakoż ja wiem, co na tem należy nam. I dla tego piszę ja imieniem moim i pana marszałkowem *3 do nich list, którego kopią WM. propter informationem, aby wiedzieć, do czego i jako je wieść, posyłam; z owymi też sam posły i mówiło i obeszło się tak, jako się godziło. Druga, abyś się WM. z tamtąd

*1 *Zabawka niżowska*—прогулка на Низъ. Христофоръ Зборовскій, очевидно, смотрѣлъ на походъ Самуила на Низъ, какъ на пріятное для брата препровожденіе времени, но по семейнымъ интересамъ былъ бы болѣе доволенъ, если бы братъ сидѣлъ дома.

*2 Отголосокъ слуха, будто походъ на Ягорлыкъ и Тегинь предпринятъ козаками по наущенію короля и канцлера, разсчитывавшихъ, что въ сраженіяхъ съ турками будутъ убиты самые безпокойные люди.

*3 Pan marszałek—братъ Зборовскихъ Андрей Зборовскій.

jako najprędzej pokwapił. O co i dla Boga prosimy; bo nam niewymownie trzeba WM. Co nam racz dać, o Boże nasz, abyśmy rychło WM. zdrowego mieli.“

Письмо Христофора Зборовскаго къ Низовымъ козакамъ.

„Zacne rycerstwo, *1 panowie i przyjaciele nam łaskawi! Za tem zachowaniem dobrem, które wiedziecie z Jego Mością panem Samuelem bratem naszym, nie mogliśmy zaniechać tem pisaniem was nawiedzić, i chęci przyjacielskie nasze wam zalecić, prosząc was, abyście tak w miłowaniu i w szanowaniu osoby pana brata naszego, takowemi się nam popisywali, jako była przyjaźń nasza się przymnażała i za czasem do lepszego porozumienia z domem naszym przyjść mogła. Co jako wam nie tylko nie szkodzić, ale i za czasem pomocnem być może, wy jako baczni będziecie to umieć u siebie uważać, i nie wątpiemy w tem nic, że to dobre porozumienie wasze z nami, nie jedno i tu w Polsce, będzie uważało; ale my na to jako oglądać się nie jesteśmy powinni, tak i o to mało dbać będziemy. Wy też większego i pewniejszego zakładu chęci i przyjaźni naszych mieć ani żądać od nas nie możecie, jedno i kogo teraz macie, krew naszę, JM. pana brata naszego, któremu nie tylko abyśmy ganić mieli, że się towarzystwem was tak zacnego, sławnego rycerstwa bawi, a zdrowie swe i wam powierza, i z wami pospołu przeciwko nieprzyjacielowi krzyża świętego ochotnie waży, ale i owszem chwalimy mu to,

*1 Слово *rycerstwo* употреблялось въ ту эпоху въ значеніи сборища вооруженныхъ людей. Напр. у Стрыйковскаго: „Stanisław Pac... zebrawszy ze dwa tysiąca *ricerstwa* tak żołnierzów, jako szlachty i kozaków Witebskich, posłał ich na odsiecz pod Ozieriszcza zamek“. См. Kronika Macieja Stryjkowskiego. Warsz. 1846. T. II, str. 415.

Исторію употребленія въ польскомъ языкѣ слова *rycerstwo* находимъ у Лебинскаго: Materyały do słownika historycznego języka i starożytności polskich. I. Militaria. Zebrał dr. W. Lebiński. Poznań 1889, str. 458—461.

i do tego go radą i prośbami naszemi wiedziemy. *1 Rozumiemy to o was, że w osobie jego nas i przyjaźń naszę uszanować nie zaniechacie. A my w każdej potrzebie takiemi się przyjaciołmi wam popisać chcemy, jakoście tego są iście godni. Jakoż za tą dobrą sławą waszą, którą nie tylko tu w Polszcze, ale i po cudzych krajach, u cesarzów i wielkich królów słyniecie, nie długo nam da Bóg tego czasu czekać przyjdzie, że się sobie w jakiej ważnej sprawie przygodzić będziem mogli. O czem iż się pisać nie godzi, wolemy tu zawsze JM. Panu naszemu, a niż listowi powierzać.

Na ten czas nic inszego, tylko chęci przyjacielskie nasze WM. zalecając, wam bożej łaski i fortunnego przeciw wszystkim nieprzyjaciołom powodzenia winszujemy.“

. . . . . .

По возвращеніи изъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь козаки расположились на квартиры въ пограничныхъ селахъ и мѣстечкахъ брацлавскаго воеводства, обременяя жителей всевозможными поборами. Свое право на эти требованія они основывали на той службѣ, какую они будто-бы сослужили Рѣчи-Посполитой разгромомъ турецкихъ крѣпостей. Въ особенности безчинствовалъ козацкій предводитель Янчи, который, по словамъ Папроцкаго, какъ мы знаемъ, былъ яко-бы главнымъ зачинщикомъ набѣга. *2 Турецкое правительство не оставило безъ вниманія дерзкаго раззоренія цѣлой области, принадлежавшей къ владѣніямъ Турціи, съ двумя важными крѣпостями, и потребовало отъ польскаго короля удовлетворенія и наказанія виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира. Въ это время какъ разъ случилось убійство въ одномъ селеніи

*1 Христофоръ Зборовскій самъ *признался*, что по его совѣту и *просьбѣ* Самуилъ Зборовскій принялъ участіе въ дѣйствіяхъ козаковъ противъ турокъ.

*2 См. выше, стр. 102. Князь Янушъ Николаевичъ Збаражскій въ упомянутомъ письмѣ къ Стефану Баторію говоритъ: „Ja przedtem skarzę *na Janczego*, iż gwałtem sobie przystawstwa był pozabierał i szkody niemałe poczynił“. См. Acta hist. T. XI etc. str. 403—404.

невдалекѣ отъ Константинополя королевскаго конюшаго Якова Подлодовскаго, слѣдовавшаго въ Польшу съ закупленными для Стефана Баторія арабскими лошадьми. *1 Это обстоятельство поставлено было польскимъ правительствомъ на счетъ турецкому и умѣрило нѣсколько требованія турокъ. Тѣмъ не менѣе, по приказу короля, правительственные отряды посланы были на поимку участвовавшихъ въ набѣгѣ на Ягорлыкъ и Тегинь козаковъ. Почуявъ опасность, козаки пустились бѣжать кіевскимъ трактомъ по направленію къ Корсуни и по дорогѣ побросали захваченныя въ турецкихъ крѣпостяхъ пушки, которыя и достались королевскимъ войскамъ. Нѣкоторыя шайки спаслись въ московскіе предѣлы, другія же были разсѣяны или попались въ плѣнъ. *2 Особый коморникъ, по фамиліи Подольскій, былъ командированъ въ Черкасы, чтобы изловить тамъ участвовавшихъ въ набѣгѣ козаковъ. *3 Въ Гроднѣ былъ также арестованъ какой то козацкій начальникъ или гетманъ, казненный потомъ по настоянію турокъ. Можно думать, что это былъ никто иной, какъ Янчи Багеръ, Бегеръ или Бегель, бывшій писаремъ козацкаго полка въ 1578 г. Хотя главную роль въ организаціи набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь игралъ Самуилъ Зборовскій, но несомнѣнно, что и Янчи былъ однимъ изъ видныхъ предводителей: не безъ основанія выставляетъ его на первый планъ Папроцкій, да и въ жалобѣ князя Збаражскаго королю, онъ не былъ бы названъ, если бы не занималъ командnаго мѣста въ козацкомъ скопищѣ. Объ этомъ лицѣ Лаврентій Мюллеръ разсказы-

*1 „Dno Jacobo Podlodowszki *in Arabiam* Cracovia a S. Mte R. misso pro expensis itineris ac *in emptionem equorum* dat. fl. 3000.“ Запись 1583 года. См. Źr. dz. T. IX, B, 121.—Лаврентій Мюллеръ говоритъ: „*Im November* (1583) kame dem Könige zu Polen Zeitunge, die sich dann auch also in der That erfolgete. dass die Türcken des Königes Abgesandten unnd Stallmeister den Polydovsky umbbracht und alle seine Gefehrten auf Stücken zurhawen biss auf einen kleinen Jungen, der wunderlich sich verborgen und darnach darvon kommen“. См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, S. 77. Dyar. sejm. r. 1585 etc. str. 9.

*2 См. Reinh. Heidensteinii secr. R. Rerum Polon. etc. Fr. ad. Moenum 1672, pag. 213—214.

*3 „Podolszki cubiculario per magcum dnm thesaurarium curiae *Czerkassi* cum literis S. Mtis R. capiendorum Kozakorum causa proficiscenti, qui incursionem in terras caesaris Turcarum fecerunt arcemque Tehina devastarunt, fl 60.“ Запись 1583 года послѣ 20 октября. См. Źr. dz. T. IX, B., 116.

ваетъ слѣдующее: „Около того же времени *1 пріѣхалъ въ Гродно турецкій посолъ чаушъ Мустафа, а король также тотчасъ собрался и прибылъ туда изъ Вильна. Посольство это должно было принести окончательное извиненіе за убійство польскаго посланника и конюшаго Подлодовскаго. Этотъ послѣдній вышелъ за границы своихъ полномочій, ибо остановился и присматривался къ полчищамъ, которыя турецкій падишахъ вооружилъ противъ персовъ. *2 За это онъ былъ убитъ турками безъ всякаго приказанія падишаха. Послѣдній, напротивъ, прислалъ убійцъ королю, чтобы король могъ ихъ казнить. Въ виду того, что козаки причинили туркамъ большой вредъ, посолъ требовалъ, чтобы ему дали за это вознагражденіе и чтобы выдали ему козацкаго гетмана (dem Kusackischen Obersten), который содержался подъ стражей въ Гроднѣ, будучи заманенъ туда тѣми же дружески-ласковыми обѣщаніями, какимъ нѣкогда поддался Подкова. *3 Этотъ козацкій гетманъ (Kusacken Oberster) былъ очень храбрый воинъ и причинилъ туркамъ много вреда и его то выдачи требовалъ турецкій посолъ, въ обмѣнъ на двухъ разнузданныхъ и нагихъ негодяевъ, которые и безъ того врядъ ли были бы преданы казни; такъ какъ за козацкаго гетмана просили самые знатные люди и король чувствовалъ, что онъ не въ состояніи имъ отказать, то онъ приказалъ отвезти его на границу Руси *4 подъ тѣмъ предлогомъ, якобы онъ желаетъ уда-

*1 Въ ноябрѣ 1583 года. Конецъ 1583 г., начиная съ 14 октября н. ст. Стеф. Баторій проводилъ въ Литвѣ, преимущественно въ Гроднѣ.

*2 Тоже самое говоритъ и Гейденштейнъ.

*3 Князь Янушъ Збаражскій уговорилъ Подкову ѣхать къ королю въ Варшаву; можетъ быть, онъ же уговорилъ теперь Янчи поѣхать къ королю въ Гродно, чтобы избавиться отъ поборовъ, которые чинилъ Янчи въ селеніяхъ, принадлежавшихъ князю.

*4 Въ подлинникѣ сказано: „liess er ihn nach der Reussischen Briesse führen.“ Ни въ одномъ изъ историческихъ нѣмецкихъ словарей не удалось намъ найти объясненія слова „Briesse.“ Одно изъ двухъ: или это искаженное названіе какой-нибудь мѣстности напр. Русскій Брыжъ т. е. Ruski Brzeg, Русскій Берегъ (на бѣлорусскомъ нарѣчіи *брыжъ*—берегъ, край); или Лаврентій Мюллеръ такъ пишетъ нѣмецкое слово *Brise*, значащее: воротъ (у рубашки), обшлагъ (у рукава), употребляя его въ переносномъ смыслѣ для обозначенія *границы Руси*. Подъ Русью Мюллеръ разумѣлъ, конечно, ту часть Рѣчи-Посполитой, которая въ обыкновенномъ разговорѣ постоянно объединялась подъ названіемъ „Русь,“ т. е. воеводство Русское (гл. гор. Львовъ) и Бельзское (гл. гор. Бельзъ) и землю Холмскую. Ближайшимъ къ Гродну пунктомъ границы

лить его съ глазъ турокъ и затѣмъ показать видъ, будто онъ убѣжалъ. Но скоро пришли вѣрныя извѣстія, что онъ былъ обезглавленъ въ угоду туркамъ.“ *1

Наша догадка о тожественности личностей обезглавленнаго козацкаго гетмана и Янчи Бегера подтверждается еще и тѣмъ, что съ 1583 г. имя Янчи Бегера исчезаетъ навсегда изъ современныхъ актовъ.

Казнью Янчи турецкое правительство не удовольствовалось и продолжало настаивать на дальнѣйшемъ наказаніи участниковъ набѣга. Но къ этому пришло не скоро. Янъ Замойскій, озабоченный борьбою съ Зборовскими, не имѣлъ времени заняться расправою надъ козаками. Только когда Самуилъ Зборовскій попался въ его руки и по тайному соизволенію короля былъ казненъ 26 мая н. ст. 1584 г. въ Краковѣ на лобномъ мѣстѣ за стѣной замка, обращенной къ пригороду „Казимиру,“ *2 тогда лишь Замойскій вслѣдъ за вновь пріѣхавшимъ турецкимъ чаушемъ отправился во Львовъ, гдѣ содержались подъ стражей плѣнные козаки, и предалъ казни на глазахъ чауша болѣе тридцати козаковъ. Все это были люди низкаго происхожденія, не принадлежавшіе къ шляхетству, и, слѣдовательно, не имѣвшіе права обращаться къ сеймовому суду. Казнью ихъ „варваръ насытился,“ по выраженію Гейденштейна, т. е. турецкій чаушъ, какъ представитель турецкаго правительства, счелъ себя удовлетвореннымъ. „Можно думать,“ продолжаетъ Гейденштейнъ, „что не мало также послужило къ смягченію турокъ преданіе казни Самуила Зборовскаго, человѣка, пользовавшагося среди нихъ громкою славою. Хотя онъ былъ казненъ по другой причинѣ, но такъ какъ однако шла молва, что онъ наиболѣе возбуждалъ пограничныхъ козаковъ къ подобнаго рода набѣгамъ, то

Руси была южная часть нынѣшняго Владавскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, такъ какъ тамъ по р. Владавкѣ проходила граница между воеводствомъ Брестъ-Литовскимъ и землею Холмскою См. Jan Karłowicz. Słownik wyrazów obcego. a mniej jasnego pochodzenia, używ. w jęz. polskim. Zesz. I. 1894, str. 69 подъ словомъ *Bryś*.

*1 См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, str. 83—85.

*2 Документальную исторію Краковскаго пригорода Казимира написалъ въ недавнее время Клеменсъ Бонковскій: Historya miasta Kazimierza pod Krakowem do XVI wieku. Przez D-ra Klemensa Bąkowskiego. W Krak. 1903.

турки полагали, что его казнь была вызвана именно нарушеніемъ международнаго мира, со стороны же нашихъ это мнѣніе если не подтверждалось, то и не отрицалось.“ *1

* * *

Обезпокоенный набѣгомъ козаковъ на Ягорлыкъ и Тегинь (Бендеры), который чуть было не навлекъ на Польшу турецкаго нашествія, Стефанъ Баторій не ограничился устрашеніемъ козаковъ казнями надъ ихъ предводителемъ Янчи и надъ тридцатью съ лишнимъ козаками, преданными смерти Замойскимъ во Львовѣ, но возвратился еще къ тому способу обезвреженія ихъ, который въ 1578 г. рекомендовалъ ему царь перекопскій черезъ Хоромалу (см. выше, стр. 56 – 57), а именно къ вербовкѣ ихъ на королевскую службу. Какъ разъ въ это время поступила къ королю отъ мѣщанъ города Черкасъ жалоба на невыносимыя притѣсненія, чинимыя имъ низовыми козаками. Нужно было послать кого нибудь изъ коморниковъ для успокоенія на мѣстѣ распри, возникшей между черкасскими мѣщанами и козаками. Исполнителемъ этого порученія избранъ былъ ротмистръ Янъ Оржельскій, которому король приказалъ, чтобы онъ, разсудивъ мѣщанъ и козаковъ, навербовалъ въ войско Рѣчи-Посполитой 600 отборныхъ козаковъ, которые сражались бы только подъ знаменами Рѣчи-Посполитой. Этимъ путемъ король надѣялся предупредить нападенія козаковъ на мирныхъ татаръ и разбойничьи набѣги на Крымъ. „Оба эти порученія,“ разсказываетъ Янъ Оржельскій въ своихъ мемуарахъ, „мнѣ удалось выполнить только послѣ огромныхъ затрудненій и хлопотъ, ибо черкасскіе мѣщане, люди на половину дикіе и лишенные всякаго просвѣщенія, съ трудностію поддались убѣжденіямъ о необходимости вознаградить Низовцевъ за причиненныя имъ обиды. Низовцы же съ своей стороны, привыкшіе къ разбоямъ, живущіе безъ правительства и безъ начальника, упорно ставили сомнительную надежду на добычу отъ грабежа выше вѣрнаго жалованья.“ *2 Тѣмъ не менѣе 600 человѣкъ козацкой пѣхоты

*1 См. Reinh. Heidensteinii secr. R. Rerum Polonicarum etc. Francofurti ad Moenum 1672, pag. 224—225.—Dyar. sejm. 1585 r. etc. str. 350.

*2 См. Roczniki domu Orzelskich, przez Jana Orzelskiego spisane r. p. 1611. въ книгѣ Zbiór pamiętników do dziejów polskich. Wydal Wł. St. hr. de Broel-Plater.

поступило въ 1583 г. на королевскую службу. Имъ назначено было жалованья по 5 злотыхъ за четверть года и по 5 локтей (=4 литовскихъ аршина) лондонскаго сукна въ годъ на рядового; жалованье командиру или гетману опредѣлено было въ 100 злотыхъ за годъ. Принятые на службу Низовцы находились въ 1583 г. въ составѣ войскъ, охранявшихъ границу Подолья. *1

Есть указаніе, что этотъ отрядъ продолжалъ службу и въ 1584 г., такъ какъ отъ 18 іюня 1584 г. дошло до насъ сознаніе луцкаго вознаго Франца Бромирскаго, что дѣйствительно въ его присутствіи королевскій коморникъ Старенскій оставилъ на храненіе въ церкви св. Іоанна Богослова въ Луцкомъ замкѣ четыре тюка („чотыры белы“) сукна, вѣроятно, предназначеннаго королемъ для роздачи козакамъ въ день св. Николая (6 декабря) 1584 г. по окончаніи ими служебнаго года; каждый тюкъ („бела“) былъ опечатанъ печатями Старенскаго. *2

* * *

Около описываемаго времени жажда днѣпровскаго козачества къ выгоднымъ въ отношеніи добычи военнымъ предпріятіямъ достигла уже такой стихійной силы, что ея не могла утушить казнь нѣсколькихъ десятковъ второстепенныхъ участниковъ набѣга на Ягорлыкъ и Тегинь. Улыбку недоумѣнія вызываетъ также попытка Стефана Баторія направить дѣятельность козачества въ иную сто-

---

Tom 4. Warsz. 1859, str. 114 Въ этомъ изданіи „Лѣтописи дома Оржельскихъ“ переведены *съ латинской рукописи* нѣкимъ S. B. и снабжены предисловіемъ гр. Дзялынскаго.

*1 „Niżowcom. In anno 1583 piechoty 600, k którym *p. Orzelski* rotmistrz posłany będąc, postanowił na każdego po zł. 5 na kwartał, starszemu zł. 100. Tymże sukna łuńskiego *Staręski* dawał każdemu po arszyny 4, które czynią polskich łókci 5. Ale do Moskwy także nie chodzili, przy wojsku Podolskiem byli“—См. Żr. dz. 1881, T. IX, B, str. 294—295.

*2 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 14. *Бела, белица, балица, белка,* значитъ вообще тюкъ, кипа какого нибудь товара. Слово это есть польская передѣлка нѣмецкаго слова *Balle*=узелъ, кипа, тюкъ,—заимствованнаго при торговыхъ сношеніяхъ у нѣмцевъ. *Бела сукна* заключала въ себѣ 20 поставовъ, а поставъ имѣлъ обыкновенно 32 локтя. Всего такимъ образомъ Старенскій оставилъ въ Луцкѣ 2560 локтей сукна. Такъ какъ каждому козаку выдавалось по 5 локтей, то оказывается, что сложенный въ Луцкѣ запасъ

рону принятіемъ на королевскую службу 500—600 козаковъ изъ 4,000—5,000 ихъ, собиравшихся въ эту пору „на Низу“ весною. Для прекращенія козацкаго своеволія нужны были иныя мѣры: устройство въ степяхъ нѣсколькихъ линій крѣпостей съ сильными въ нихъ гарнизонами изъ регулярныхъ войскъ, развитіе подъ прикрытіемъ крѣпостей правильной колонизаціи всего степного пространства осѣдлыми жителями, наконецъ, покореніе крымскихъ татаръ, отъ которыхъ козаки заимствовали не только имя, но и всѣ свои грабительскіе навыки. Конечно, для такихъ мѣропріятій не приспѣло еще время, хотя о нихъ и мечталъ канцлеръ Янъ Замойскій, поддерживаемый сочувствіемъ дальновидиѣйшихъ людей своего общества, да они были и не по силамъ польскому государству, лишенному могучей самодержавной власти въ стилѣ Петра I или Екатерины II, власти, способной подчинить всѣхъ подданныхъ желѣзной дисциплинѣ и направить ихъ силы туда, куда этого требуютъ выгоды всего государства, а не интересы отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ, партій и сословій. Задачу искорененія козацкаго своеволія судьба передала въ руки восточнаго сосѣда Польши, царства Московскаго, превратившагося затѣмъ въ Россійскую Имперію, которая и покончила съ нею въ царствованіе Екатерины II уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи въ 1775 г. и присоединеніемъ Крыма къ Россіи въ 1783 г.

Лѣтомъ 1584 г. козачество промышляло обычнымъ порядкомъ, какъ будто ни Львовскихъ казней, ни вербовки козацкаго полка въ 600 человѣкъ вовсе не было. Во вторую половину лѣта состоялся набѣгъ, цѣлью котораго избранъ былъ Очаковъ, по словамъ Яна Сѣннинскаго, „первостепенный у татаръ городъ“ (primarium oppidum Scytharum), хотя Мартинъ Броневскій, также посѣщавшій Очаковъ, разсказываетъ, что „въ немъ крѣпость каменная, но *не хорошо укрѣпленная*, городъ—*незначителенъ*.“ *1 Очаковъ былъ раз-

---

сукна могъ удовлетворить 512 человѣкъ. Цифра эта какъ разъ соотвѣтствуетъ опредѣленной Баторіемъ численности козацкаго отряда (см. выше, стр. 80).— См. Z. Gloger. Encyklopedja staropolska ilustrowana. T. I, W. 1900, str. 140.— Горбачевскій, Словарь древняго актоваго языка, Вильно 1874, стр. 38, 270.— I. Karłowicz. Słownik wyrazów obcego, a mniej jasnego pochodzenia używ. w jęz. polskim. Żesz. I, Krak. 1894, str. 26.

*1 См. Descriptio veteris et novae Poloniae, 1585, подъ словомъ *Oczakow*.— Рус. пер. М. Броневскаго, стр. 337.

ограблень и сожженъ, но кромѣ того въ степяхъ козаки захватили и угнали въ пограничныя мѣстности Подолья и Волыни многочисленныя стада татарскаго скота. На козацкій набѣгъ татары отвѣтили вторженіемъ въ предѣлы Подолья. Много мѣстностей было разорено, многіе жители попались въ татарскій плѣнъ, наконецъ, барскій староста Николай Творовскій-Бучацкій *1 разгромилъ татаръ и прекратилъ ихъ дальнѣйшія насилія. На коронномъ вальномъ сеймѣ, засѣдавшемъ въ Варшавѣ съ 17 января по 28 февраля нов. ст. 1585 г., очень волновались изъ-за козацкаго набѣга на Очаковъ, опасаясь, какъ бы онъ съ наступленіемъ весны не послужилъ Турціи поводомъ для объявленія войны Польшѣ. *2 „Co dalej, to bardziej irritatur animus tego smoka“ т. е. „чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе раздражается духъ этого дракона (змѣя)“, говорилъ 17 января коронный канцлеръ Янъ Замойскій о Турціи, „а всему причиною эти своевольные, неукротимые люди, которые, не уважая верховной власти Его Королевскаго Величества и не оглядываясь на грозящія коронѣ опасности, опять сожгли злополучный Очаковъ.“ *3 Для успокоенія возникшей между татарами и козаками распри посланъ былъ весною 1585 года королевскій гонецъ (praecursor) Георгій Глембоцкій. Онъ долженъ былъ разыскать на Волыни и Подольи похищенныя козаками татарскія стада и отогнать ихъ обратно въ Орду на распоряженіе царя перекопскаго. *4 Миссія Глембоцкаго кончилась для него очень несчастливо: онъ былъ до смерти замученъ непокорными козаками и тѣло его было

---

*1 Издатель дневниковъ сейма 1585 года Александръ Чучынскій на стр. 465 и 472 книги почему-то называетъ барскимъ старостой Бернарда Претвича, но спеціалисты по исторіи Барскаго староства Грушевскій и Михаилъ Ролле считаютъ, что въ 1585 г. старостой барскимъ былъ еще Николай Творовскій и оставался имъ до 1588 г. См. Барское староство, историческіе очерки, Кіевъ 1894, стр. 107—108; Z przeszłości. Okręg Rowski, starostwo Barskie do r. 1774, Lwów 1896, str. 133—141.

*2 См. Dyar. sejm. 1585 r. etc. str. 8, 9, 29, 282, 321.

*3 См. ibid. str. 9.

*4 „Expeditio Georgii Glemboczki, praecursoris in Ordam a S. R. Mte missi in Podoliam et Wolhiniam causa investigandorum gregium per milites Kozakos ex campis caesaris Praecopscensis abactorum indeque cum eisdem gregibus recuperatis ad caesarem Praecopscensem eunti pro expensis itineris dati fl. 300.“ Źr. dz. t. IX, B, str. 243.

выброшено въ воду, вѣроятно, гдѣ-то на Днѣпрѣ. Непосредственныхъ участниковъ убійства было одиннадцать человѣкъ. Какъ видно, большинство промышлявшихъ въ это время на Низу козаковъ не одобрило поступка своихъ одиннадцати товарищей. По крайней мѣрѣ мы видимъ фактъ, что тогдашній предводитель или гетманъ князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій „и зъ иншими козаками, товарышми своими запорожскими“, — арестовали виновныхъ въ убійствѣ Глембоцкаго, заковали ихъ въ цѣпи и подъ конвоемъ, которымъ начальствовали козаки Алексѣй Орелъ *1 и Войтѣхъ Мясопустъ, *2 доставили въ Кіевъ на распоряженіе тамошняго представителя правительственной власти кіевскаго намѣстника князя Матвѣя Войнича Воронецкаго. Это случилось 12 ноября нов. ст. 1585 года. Доставленные въ Кіевъ, козаки помѣщены были не въ замковой темницѣ на гор. Кисилевкѣ, занятой нынѣ кладбищемъ Флоровскаго монастыря, а въ городской — на Подолѣ при ратушѣ. „Войтъ, бурмистръ и радцы съ присяжники, и все посполство“ города Кіева записали въ Житомирскія гродскія книги жалобу на князя Воронецкаго, будто онъ, не желая держать арестантовъ у себя въ замкѣ, *насильно заставилъ* магистратъ помѣстить ихъ въ городской темницѣ, чѣмъ нарушилъ привиллегіи, обезпеченныя за кіевскими мѣщанами пожалованнымъ имъ королями магдебургскимъ правомъ. Въ такомъ смыслѣ подали кіевскіе мѣщане жалобу на князя Воронецкаго и самому королю Стефану Баторію. Коморникъ Лозовинскій или Лозовицкій посланъ былъ произвести разслѣдованіе. И устно присланному коморнику, и письменно въ особомъ донесеніи королю отъ 14 февраля н. ст. 1586 г. князь Воронецкій объяснялъ, что арестованные козаки помѣщены были имъ въ городскую тюрьму не самоуправно, а по соглашенію съ мѣщанскими властями, собственно ради того, что

---

*1 Козакъ Алексѣй Орелъ былъ родомъ изъ Кричова на р. Сожѣ, нынѣ Чериковскаго у. Могилевской губ. Онъ служилъ въ козацкомъ полку, ходившемъ въ Московскій походъ 1580 г., и записанъ въ составленный 30 марта 1581 г. реестръ козаковъ этого полка, какъ атаманъ 18-го десятка или ряда: Orel Olexa z Kriczowa. См. Żr. dz. t. XX, 1894, str. 158.

*2 Въ одномъ десяткѣ съ Алексѣемъ Орломъ записанъ козакъ: Wojczіech Biels. powietu. Не онъ-ли назывался и Мясопустомъ? Судя по имени, это былъ католикъ.

городская тюрьма крѣпче устроена и что оттуда бѣгство для заключенныхъ козаковъ затруднительнѣе. Слѣдуетъ предполагать, что кіевскіе мѣщане нарочно выдумали, будто они приняли козаковъ въ свою темницу по принужденію князя Воронецкаго, такъ какъ боялись мести со стороны низовыхъ козаковъ; они сами сознаются: „а мы дей отъ таковыхъ своевольныхъ людей козаковъ и сами въ домехъ нашихъ, яко на Украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровю своемъ не безпечны.“ Когда и какая кара постигла убійцъ Глембоцкаго, извѣстные намъ источники не сообщаютъ. *1

* * *

Мы видѣли, что въ 1585 г. однимъ скопищемъ козаковъ предводительствовалъ гетманъ князь Михаилъ Ивановичъ Ружинскій, владѣлецъ имѣній Ружинъ, Твориничи, Яловичи и Воршинъ въ Луцкомъ повѣтѣ. *2 Но въ то же время былъ среди козаковъ и другой вождь или гетманъ—знакомый намъ Янъ Орышовскій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый С. М. Соловьевымъ въ VII томѣ „Исторіи Россіи“ на основаніи „Крымскихъ дѣлъ“ въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. „Большую услугу также оказывали Москвѣ,“ говоритъ Соловьевъ, „Запорожскіе козаки, которые не давали покоя туркамъ и татарамъ, раздражали султана и хана противъ Литвы, отвлекали вниманіе ихъ отъ Москвы. Козаки то приходили войной на Крымскіе улусы, то присылали къ хану съ предложеніемъ своей службы, и потомъ опять нападали на Крымъ. Такъ, *въ 1585 году, козаки съ атаманомъ своимъ Яномъ Ярышевскимъ* (читай: Орышовскимъ), *два раза приходили на Крымскіе улусы, отогнали лошадей и всякаго скота больше 40.000, и людей многихъ въ плѣнъ взяли.* А потомъ *отъ этого же Ярышевскаго* (Орышовскаго) и отъ всѣхъ атамановъ пріѣхали къ хану четыре козака и говорили ему: „Прислали насъ атаманы Днѣпровскіе, чтобы ты, государь, ихъ пожаловалъ, съ ними помирился, и

---

*1 См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. III, т. 1, 1863, стр. 15—18, док. № VII; Źródła do dziejów polskich, wydawane przez Michała Grabowskiego i Alexandra Przezdzieckiego. T. I, Wilno 1843, str. 66—67.

*2 См. Józef Wolff. Kniaziowie litewsko-ruscy. Warsz. 1895, str. 415.

давалъ имъ свое жалованье; атаманы же и всѣ Черкасы тебѣ хотятъ служить: куда ихъ пошлешь на своего недруга, кромѣ литовскаго короля, и они готовы.“ Ханъ отвѣчалъ: „Я атамановъ и всѣхъ Черкасъ радъ жаловать, и какъ они будутъ мнѣ надобны, то я имъ тогда свое жалованье пришлю, и они бъ были готовы.“ Но вмѣсто службы хану, козаки взяли Очаковъ.... *1

Въ 1586 году запорожскими вождями или гетманами выступаютъ Богданъ Микошинскій *2 и тотъ же Янъ Орышовскій. Отъ перваго изъ нихъ дошло до насъ письмо его къ двумъ товарищамъ Каспару Подвысоцкому *3 и Юрію Владыкѣ отъ 22 мая стараго стиля 1586 г. съ острова Таволжанскаго. Въ латинской транскрипціи съ плохо сохранившагося рукописнаго западно-русскаго оригинала оно напечатано извѣстнымъ княземъ Ѳаддеемъ Любомирскимъ въ изданіи „Listy Stanisława Żółkiewskiego“ (w Krakowie, 1868) на стр. 34. Приводимъ его здѣсь въ переложеніи на современный языкъ.

„Господинъ Касперъ и господинъ Юрій! Сообщаю вамъ, что случилось у насъ новаго послѣ отъѣзда вашего отсюда. Прискакала стража съ Низу отъ Тавани и городковъ, *4 посланная Криштофомъ, *5 и дала знать, что царь перекопскій пришелъ туда со всею своею силою и хотѣлъ переправляться (черезъ Днѣпръ) того же дня, во вторникъ, но видя, что вода очень высока и что переправа будетъ чрезвычайно затруднительною, раздумалъ перепра-

---

*1 См. Исторія Россіи, т. VII, по 1-му изданію М. 1857, стр. 343.

*2 Этотъ самый Богданъ Микошинскій былъ гетманомъ у козаковъ лѣтомъ 1594 г., когда Эрихъ Ляссота посѣтилъ Базавлуцкую Сѣчь. См. Мемуары, относящіеся къ исторіи Южной Руси, Вып. I, К. 1890, переводъ дневника Эриха Ляссоты, стр. 166, 167, 182.

*3 Каспаръ Подвысоцкій принималъ дѣятельное участіе черезъ десять лѣтъ въ событіяхъ 1596 г.

*4 Тавань—островъ на Днѣпрѣ, у котораго татары любили переправляться, предпринимая набѣги въ предѣлы Рѣчи-Посполитой. Противъ этого острова расположенъ теперь г. Берославль. См. Эварницкій, Запорожье въ остаткахъ старины, ч. II, Спб. 1888, стр. 131—132. „Городки“—татарскія крѣпостцы на лѣвомъ берегу Днѣпра въ окрестностяхъ Тавани.

*5 Криштофъ—, вѣроятно, Криштофъ Косинскій, козацкій гетманъ въ 1593 году.

вляться и пошелъ къ намъ, къ Таволжанскому острову. *1 И вотъ когда сегодняшняго дня, въ субботу, *2 прибылъ царь къ Таволжанскому острову и началъ переправляться, то тутъ съ помощью Божіею мы татаръ громили на водѣ и по милости Божіей не мало мы ихъ побили. Только тѣхъ, которые выплывали къ намъ на берегъ, мы побили и поранили, я думаю, не менѣе трехъ тысячъ.... Мы захватили у берега много челновъ, сѣделъ и съѣстныхъ припасовъ.... Мы послали бы къ вамъ „свѣжаго языка“ (т. е. плѣнника, который могъ бы сообщить новыя свѣдѣнія о происходящемъ), да не случилось захватить въ плѣнъ живого татарина, хотя многіе изъ нихъ были поколоты рогатинами.... Мы спрашивали раненыхъ, почему царь такъ поспѣшно вышелъ изъ Перекопа, переночевавъ тамъ только одну ночь. Они отвѣчали намъ, что падишахъ турецкій грозилъ прислать другого царя на царство, если бы царь перекопскій не захотѣлъ немедленно, сію же минуту, пойти войною,— и не въ иное мѣсто, а именно въ нашу землю, въ молдавскую и валашскую. Послѣ погрома царь двинулся далѣе вверхъ (по Днѣпру), а мы за нимъ. Тутъ мы укрѣпились.... Дай Богъ. чтобы и впредь такъ отбивать татаръ отъ каждой переправы..., Мы сами работали днемъ и ночью, чтобы язычники какъ нибудь не настигли васъ въ полѣ. На Украинѣ говорите ихъ милостямъ господамъ старостамъ, чтобы они не считали себя безопасными. Затѣмъ пошли вамъ Богъ счастливую дорогу. На Таволжанскомъ островѣ мая 22 дня 1586 года. Вамъ благожелательный Богданъ Микошинскій, гетманъ войска запорожскаго. Письмо это должно быть вручено нашимъ товарищамъ г. Касперу Подвысоцкому и г. Юрію Владыкѣ.“

Въ 1586 году Орышовскій появляется въ источникахъ по совершенно частному поводу. Князь Матвѣй Войничъ Воронецкій, намѣстникъ воеводы кіевскаго, по письменному приказанію своего

---

*1 О мѣстоположеніи Таволжанскаго острова см. Эварницкаго Запорожье и пр. ч. I, стр. 188—189. Эрихъ Лясcота писалъ: „Здѣсь въ настоящее время находится самая обычная и извѣстная изъ татарскихъ переправъ, простирающаяся за островъ *Таволжанскій*, такъ какъ Днѣпръ течетъ здѣсь однимъ только русломъ и не слишкомъ широкъ.“ Мемуары и пр. переводъ дневника Эриха Лясcоты, стр. 165.

*2 Письмо писано, какъ видно, въ два дня, потому-что суббота въ 1586 году приходилась *21 мая* стараго стиля.

воеводы, князя Константина Острожскаго, основалъ на старомъ городѣ около Софійскаго собора, между валами, слободу съ дарованіемъ слобожанамъ всякихъ вольностей на 24 года. Вновь поселившіеся слобожане начали торговать безпошлинно крѣпкими напитками и составляли этимъ такую конкуренцію Кіево-подольскимъ мѣщанамъ, что послѣдніе сочли невыгоднымъ для себя содержать шинки, за которые они платили аренду кіевскому воеводѣ, и съ 8 (18) сентября 1586 года закрыли въ нихъ торговлю. Князь Воронецкій, не желая лишаться аренды отъ Кіево-подольскихъ мѣщанъ, составлявшей около 2.000 злотыхъ, отправился въ слободу и запретилъ жителямъ ея содержать шинки, да кромѣ того обложилъ ихъ ежегоднымъ налогомъ по 4 копы съ каждаго хозяина. Слобожане отказывались платить, говоря: „таковая слобода нигдѣ на свѣтѣ не слыхана, абы на початку мяно аренду давати.“ Продажу напитковъ они прекратили. Между тѣмъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1586 года князь Воронецкій выѣхалъ на время изъ Кіева. Тогда его жена Анастасія, урожденная Гулевичъ, послала своихъ слугъ произвести нападеніе на Кіево-софійскую слободу, и они ограбили слобожанъ и многихъ изъ нихъ захватили и посадили въ тюрьму. Слобожане не могли найти защиты у мѣстныхъ властей (напр. у вознаго). Вотъ тутъ-то они обратились къ слугѣ Его Королевской милости *пану Орышовскому, гетману запорожскому*. Орышовскій выслушалъ ихъ и, какъ говорили потомъ слобожане, „яко-жъ дей его милость панъ гетманъ обѣщался устне передъ его королевскою милостью сознати тое наше оповедане.“ [*1] Вѣроятно, онъ не успѣлъ довести до свѣдѣнія своего государя жалобы Кіево-софійскихъ слобожанъ, потому-что въ половинѣ ноября нанесена была имъ обида, а $^{2}/_{12}$ декабря скончался въ Гроднѣ Стефанъ Баторій.

Стефанъ Баторій умеръ. Кончина его прервала цѣпь тѣхъ фактовъ, которые составляютъ содержаніе исторіи Днѣпровскаго козачества за его время.

Что же мы видѣли?

[*1] См. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, Кіевъ 1886, стр. 253—256, док. № 35.

Козаки при Стефанѣ Баторіи продолжали быть тѣмъ же, чѣмъ они были при его предшественникахъ на польско-литовскомъ тронѣ. Это были степные промышленники и разбойники, слетавшіеся на лѣто со всѣхъ концовъ Рѣчи-Посполитой и даже изъ сосѣднихъ странъ въ дѣвственныя степи, отдѣлявшія татарскія кочевья отъ пограничныхъ крѣпостей польско-литовскаго государства. Ни религія, ни народность, ни принадлежность къ тому или другому сословію—не имѣли среди козаковъ никакого значенія. Всѣхъ объединяла одна цѣль—добыча. Христіане, конечно, преобладали въ козацкихъ рядахъ, но и татаръ было тамъ не мало, а татарскіе нравы и обычаи оказывали на козацкія скопища такое вліяніе, что иногда казалось, будто всѣ козаки—„татарской вѣры.“ Съ каждымъ годомъ численность козацкихъ купъ увеличивалась и дѣятельность ихъ принимала все болѣе военный характеръ. Охота, рыбная ловля, пчеловодство—отходили на второй планъ, а главнымъ занятіемъ становилась война въ видѣ походовъ въ Молдавію съ претендентами на тамошній столъ, нападеній на татарскія и турецкія поселенія и пастбища, и участія въ ополченіяхъ пограничныхъ старостъ во время войнъ съ Москвою или отпора татарскимъ набѣгамъ. При этихъ условіяхъ вырабатывались среди козаковъ вожди, которые и руководили козацкими предпріятіями подъ именемъ гетмановъ или старшихъ. Они или смѣняли другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распредѣлялись на нѣсколько предпріятій. Явилась и своего рода козацкая столица въ видѣ деревяннаго укрѣпленія (сѣчи) на одномъ изъ днѣпровскихъ острововъ, гдѣ часть козаковъ оставалась на зиму для охраны общекозацкаго имущества, какъ-то: лодокъ, пушекъ и пр. Отсюда, какъ изъ центра, давалось направленіе козацкимъ предпріятіямъ. Желая поддерживать миръ съ падишахомъ турецкимъ и съ царемъ перекопскимъ, Стефанъ Баторій негодовалъ на козаковъ за то, что они постоянно создавали поводы къ недоразумѣніямъ между Рѣчью-Посполитой и этими ея опасными юго-восточными сосѣдями. Онъ надѣялся сдержать козаковъ страхомъ передъ казнями, которымъ хотѣлъ подвергать козаковъ, виновныхъ въ нарушеніи международнаго мира, и въ виду этого выхлопоталъ для себя въ 1578 г. отъ сейма дискреціонное право карать и казнить тѣхъ изъ нихъ, которые будутъ изобличены въ набѣгахъ и грабежахъ; но такое

полномочіе было непріятно пограничнымъ старостамъ, получавшимъ отъ козаковъ значительные доходы, равно и шляхтичамъ, охотно становившимся въ козацкіе ряды; началась агитація объ отнятіи у короля дискреціонной власти и сеймъ 1582 г. окончательно отмѣнилъ постановленіе сейма 1578 г. Козацкому своеволію открылся послѣ этого полный просторъ. По совѣту царя перекопскаго, Стефанъ Баторій пробовалъ въ 1578 и 1583 гг. нанимать козаковъ на королевскую службу. Чтобы нанять всѣхъ, для этого не могло хватить средствъ ни въ скудной казнѣ Рѣчи-Посполитой, ни въ собственной шкатулкѣ короля, а вербовка 500—600 человѣкъ изъ 5.000—6.000 промышлявшихъ на Низу козаковъ—ни къ чему не вела, потому-что не попавшіе на жалованье козаки продолжали промышлять по прежнему, грабили татаръ и турокъ, и знать не хотѣли королевскаго гнѣва. Стефанъ Баторій и Янъ Замойскій отлично понимали, что̀ нужно сдѣлать для укрощенія козацкаго своеволія, но они видѣли, что по условіямъ ихъ времени и при механизмѣ польско-литовскаго государственнаго управленія они безсильны предпринять что либо серьезное. Въ послѣдніе годы своего королевствованія Стефанъ Баторій смотрѣлъ уже безнадежно на козацкій вопросъ и предугадывалъ, что военная сила, организовавшаяся на самой границѣ Рѣчи-Посполитой, но ей не подчиненная, скоро превратится въ сословіе, совершенно аналогичное шляхтѣ,—сословіе, которое пожелаетъ раздѣлить со шляхтою ея роль въ управленіи Рѣчью-Посполитою, а получивъ съ ея стороны грубый отпоръ, устроитъ свою новую Рѣчь-Посполитую, старую же приведетъ къ гибели. Съ возникновеніемъ при Богданѣ Хмельницкомъ подъ протекторатомъ Москвы козацкой гетманщины сначала „обѣихъ сторонъ Днѣпра,“ а затѣмъ только лѣвобережной, гдѣ высшую шляхту смѣнила козацкая старшина, а мелкую, околичную—рядовое козачество, гдѣ козацкая рада стала собираться вмѣсто вальнаго сейма, гдѣ ясновельможный гетманъ занялъ мѣсто польскаго электа (выборнаго короля), а генеральный писарь—коронnаго канцлера, гдѣ полковники, полковые писаря, судьи, обозные, есаулы, хорунжіе, сотники, городовые атаманы и прочіе старшины замѣнили собою воеводъ, каштеляновъ, земскихъ судей, хорунжихъ, старостъ и иныхъ старыхъ земскихъ чиновъ, но гдѣ всѣ основныя черты общественнаго строя, въ томъ числѣ и положеніе

посполитыхъ людей (крестьянъ), остались прежними,—предчувствія Стефана Баторія сбылись въ полной мѣрѣ. . . . *1

Такимъ образомъ исторія козачества въ эпоху Стефана Баторія—теперь, при свѣтѣ современныхъ ей актовъ, писемъ и мемуаровъ, представляется въ совершенно ясныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ. Въ виду этого очень любопытно прослѣдить, какъ она въ теченіе вѣковъ искажалась въ сочиненіяхъ польскихъ историковъ и поэтовъ, и въ хроникахъ малороссійскихъ бытописателей. Искаженія эти очень просто объясняются тѣмъ, что старые историческіе писатели совсѣмъ не знали еще, что̀ такое историческая критика, и обыкновенно не обращались къ первоисточникамъ, а довольствовались или повтореніемъ вычитаннаго изъ книгъ, или устной передачей извѣстныхъ фактовъ, преданіе же о временахъ Баторія въ козацкой средѣ очень скоро исказилось въ виду того, что козачество свое стремленіе создать новую Рѣчь-Посполитую и занять въ ней мѣсто шляхты—хотѣло подкрѣпить ссылкой на

---

*1 Сознаніе того, что зарожденіе при Богданѣ Хмельницкомъ полу-независимой малороссійской гетманщины является исполненіемъ предчувствій Стефана Баторія, не было чуждо умамъ современниковъ и очевидцевъ этого событія. Самуилъ Твардовскій, описавши условія такъ называемаго Гадяцкаго договора (6/16 сентября 1658 г.), продолжаетъ:

Dosyć że się o to
Nie kłaniali nikomu, ani też przez złoto
I fawory dworowe żadne dokupili,
Ale męstwem i szablą tego się dobili,
Czym teraz zostawają. Mnieysza to, że chłopi,
Bo tacy Macedoni, i grubi Dolopi
Kiedyś byli; tak z pastuch Rzymianie powstali;
Tak Turcy z rozboyników głowę pokazali
Na swiat wszytek. I naszy przed nami przodkowie
Nie wprzod szlachta. aż przez krew i ważone zdrowie
Także to zarobili. *W czym nie próżna owa*
Żartem praktykowana wrożka Stefanowa,
Że kiedyś z tych łotrzykow Rzecz bydz Pospolita
Miała wolna. Jużże iest: i tak znamienita
I dobrze sporządzona. Żeby iednak trwała,
Patrząc zwłaszcza po czerni, iako iest zuchwała,
Temu tuszyć nie mogę.

См. Woyna Domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry. Calissii A. D. 1681. Стр. 264—265. Курсивъ нашъ.

авторитетъ Стефана Баторія, который яко-бы заложилъ ея первыя основанія. Изъ козацкой среды искаженное преданіе перешло и въ польское общество, и въ сочиненія польскихъ авторовъ. *1

* * *

Ложное изображеніе исторіи Днѣпровскаго козачества въ эпоху Стефана Баторія впервые встрѣчается въ сочиненіи Павла Пясецкаго „Chronica gestorum in Europa singularium a Paulo Piasecio episcopo Praemisliensi accurate ac fideliter conscripta ad utilitatem publicam divulgata et typis expressa. Cracoviae in Officina typographica Francisci Caesarij A. D. 1645," съ котораго мы и начнемъ обзоръ этихъ искаженій.

Павелъ Пясецкій родился какъ разъ въ ту пору, когда Стефанъ Баторій торжествовалъ по случаю взятія Полоцка, а именно 17 октября нов. ст. 1579 г. Родиной его была нынѣшняя Кѣлецкая губернія. Онъ увидѣлъ свѣтъ въ с. Вздулѣ Кѣлецкаго уѣзда, гдѣ отецъ его былъ пожизненнымъ солтысомъ. Образованіе свое Павелъ Пясецкій получилъ въ Прагѣ (1596—98) и Римѣ (1598—1601). Въ 1601 г. онъ возвратился на родину и въ 1606 г. получилъ должность каноника въ г. Познани. Съ этихъ поръ онъ началъ принимать участіе въ политической жизни своего отечества. Позднѣе онъ былъ послѣдовательно бискупомъ каменецкимъ (1627—1640), холмскимъ (1640—1644) и перемышльскимъ (1644—1649). Скончался Павелъ Пясецкій 1 августа нов. ст. 1649 г. въ Могильскомъ кляшторѣ близъ Кракова. Хроника Пясецкаго начинается описаніемъ королевствованія Стефана Баторія и оканчивается 1645 годомъ, въ которомъ вышло въ свѣтъ первое ея изданіе. *2 Вотъ что читаемъ въ ней объ отношеніи Баторія къ Днѣпровскому козачеству:

---

*1 См. Kozaczyzna a Legitymizm. Dwie legendy polityczno-historyczne Ukrainy: batoryańska i baturyńska. Статья Александра Яблоновскаго въ журналѣ Ateneum, 1896, Sierpień, str. 246—270.

*2 См. этюдъ о Пясецкомъ Шеліонговскаго въ журналѣ „Przewodnik naukowy i literacki" за 1898 г. №№ 7—12 и нашу замѣтку въ журн. Кіевская Старина, 1899, т. 65, отд. II, стр. 39—40.

„Nec minus providit confinium illorum securitati Rex Stephanus, militia Cosacorum melioribus legibus sociata: Ista enim eousque in incerto consiliorum fluctuans, et nullis legibus, nulla disciplina militari cohaerens, magis latrocinii, vel alicuius tumultuariae manus speciem praeferebat. Et praemonemus, ne quis erret in nomine Cosacorum, ut plurimi rerum ignari putant esse gentem propriis Terrarum terminis, et proprio Reipub. vel Tetrarchiae statu consistentem; sed non sunt, nisi species una ex genere militiarum Polonicarum, nempè militia celerum seu velitum, vel levis armaturae. Quod satis exprimit Ethymon nominis *Kosacy* dictum à *Kozá* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequent vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa. Ac quicunque per Poloniam vel apud Regem, vel apud Principes ac nobiles privatos, aut etiam in exercitu stipendia levioris armaturae merentur, nonnisi Kozacy nominantur, iisque arma, arcus, et pharetra, acinax, et nunc etiam bombardis et loricis ferreis utuntur.

Omnes autem sunt Poloni, seu ex Provinciis Poloniae oriundi, et illi qui iam societatem Cosacam Zaporovianam repraesentant, maximè ex Provinciis Poloniae Russicis vicinioribus Chersonesso Tauricae prodeunt, potissimumque primo vere familiis, uxoribusque domi quisque suae, donec pro hybernis ad eas redierint relictis, ad Insulas Boristhenis conveniunt.

Hanc itaque militiam Stephanus Rex ordinatiorem habere desiderans, attribuit illi Castrum Techtimirow cum suo Territorio, situm ad ripas Boristhenis infra Kijoviam viginti milliaribus Germanicis, ubi consiliorum et Magistratus militaris sedem, ac armamentarium, receptaculumque bellicorum apparatuum habeat; cum ante nullo certo Magistratu, nulla firma sede constaret, sed eius milites tumultuarie collecti singulatim, iterumque pro hybernis per Poloniam dilapsi ad propria, nullam stabilitatem societati suae providebant. Nunc unum ducem, quem Rex Poloniae illis praeficit habent, Praefectos verò alios militares ipsi sibi deligunt, et tam Dux quàm Praefecti sive Ductores Ordinum Techtimirii resident, praediumque militare circum se sufficiens retinent. Imò et ad custodiam Insularum Zaporohi, non minùs quam bis mille viros selectiores relinquunt, reliquo vulgo per Provincias Poloniae ad domos proprias hybernatum remeante. Iterum tamen facilè conveniunt

vocati, legitimum Magistratum et perfectioris iam societatis leges studiosius observantes.“ *1

Въ разсказѣ Пясецкаго очень интересно наблюдать смѣшеніе дѣйствительности съ вымысломъ. Пясецкій вслѣдъ за современниками Стефана Баторія Рейнгольдомъ Гейденштейномъ и Іоакимомъ Бѣльскимъ правильно изображаетъ козаковъ, какъ людей, которые съ наступленіемъ весны (primo vere) оставляютъ на родинѣ женъ и дѣтей, и отправляются промышлять на днѣпровскіе острова (ad insulas Boristhenis) съ тѣмъ, чтобы провести тамъ цѣлое лѣто и только на зиму возвратиться по домамъ (ad domos proprias hybernatum).

Правильно Пясецкій отмѣчаетъ, что нѣкоторые козаки оставались на зиму въ Сѣчи за порогами для охраны общекозацкаго имущества.

Точно также правильно напоминаетъ Пясецкій (praemonemus), что козаки не составляли особаго народа, живущаго въ опредѣленныхъ границахъ, а являлись только выходцами изъ различныхъ провинцій польско-литовскаго государства, въ особенности изъ ближайшихъ къ степямъ русскихъ (т. е. населенныхъ русскими) провинцій (ex provinciis Poloniae Russicis).

Не ошибается Пясецкій и въ томъ, что какъ въ его время, такъ и ранѣе, король, князья и магнаты содержали военные отряды, вооруженные и снаряженные по козацки, которые и назывались козацкими хоругвями.

Но далѣе начинается вымыселъ.

Пясецкій не знаетъ уже того, что̀ зналъ Длугошъ, когда писалъ: „frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos *sua lingua Kozakos* appelant, collectus,“ а придумываетъ нелѣпую этимологію: „Ethymon nominis *Kosacy* dictum a *Koza* in Polonico idiomate, in Latino sonante *Capra*, quasi qui aequent vel assimilent capram agilitate et curiositate penetrandi inaccessa“.

Ранѣе мы выяснили, что по совѣту царя перекопскаго Стефанъ Баторій въ 1578 и 1583 гг. дважды нанималъ по 500 съ лишнимъ человѣкъ днѣпровскихъ козаковъ на королевскую службу

*1 См. изданія 1645 г. стр. 52—56.

съ цѣлью отвлечь козачество отъ походовъ въ Молдавію и отъ набѣговъ на татарскія и турецкія владѣнія, но что эта цѣль оставалась недостигнутою, такъ какъ остальное козачество, представлявшее массу въ десять разъ большую, чѣмъ нанимаемые отряды, продолжало промышлять по прежнему. Въ этихъ отрядахъ или полкахъ существовала правильная военная іерархія и былъ введенъ венгерскій воинскій строй. Въ 1578 г. въ нанятый полкъ гетманомъ или старшимъ опредѣленъ былъ черкасскій староста князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, помощникомъ его—Янъ Орышовскій, писаремъ—Янчи Бегеръ; личный составъ начальства полка, нанятаго въ 1583 г., по именамъ намъ неизвѣстенъ. Атамановъ, командовавшихъ десятками или рядами, выбирали, вѣроятно, сами козаки. Что касается главной массы козачества, то она имѣла, когда этого требовали обстоятельства, свободно избираемыхъ вождей или гетмановъ, которые, какъ мы говорили уже выше, или смѣняли другъ друга, или дѣйствовали одновременно, если козацкія скопища распредѣлялись на нѣсколько предпріятій. Подъ вліяніемъ сложившейся уже къ его времени козацкой легенды о временахъ Баторія Павелъ Пясецкій допускаетъ ту ошибку, что воображаетъ, будто Стефанъ Баторій всему днѣпровскому козачеству далъ то чиноначаліе и тотъ воинскій уставъ (perfectioris societatis leges), которые на самомъ дѣлѣ введены были только въ козацкихъ полкахъ, состоявшихъ на королевской службѣ въ 1578—1581 и въ 1583—1584 гг.

Относительно Трахтемирова мы знаемъ, что это былъ городокъ или замочекъ, построенный при Стефанѣ Баторіи на стародавнемъ селищѣ *1 и предназначенный королемъ для устройства въ немъ госпиталя, гдѣ могли бы находить пріютъ раненые и больные козаки изъ числа находившихся на королевской службѣ; забота о раненыхъ была свойственна, какъ мы указывали выше (стр. 74—75),—Стефану Баторію.

Исходя изъ этого факта, передаваемая Пясецкимъ легенда рисуетъ цѣлую фантастическую картину, въ которой Трахтемировъ является пышной козацкой столицей, гдѣ пребываетъ козацкое правительство (tam Dux quam Praefecti sive Ductores Ordinum

*1 См. Арх. Юго-Зап. Россіи, ч. VII, т. 1, К. 1886, стр. 98—99.

Techtimirii resident), гдѣ собираются козацкія рады, гдѣ помѣщаются — арсеналъ и складочный магазинъ всякихъ военныхъ вещей.

Такимъ образомъ зрѣли въ умахъ сѣмена понятій, изъ которыхъ при Богданѣ Хмельницкомъ выросла козацкая Рѣчь-Посполитая.

* * *

Самуилъ Грондскій — писатель XVII вѣка, хотя онъ сдѣлался извѣстенъ только въ 1789 году, когда пештскій профессоръ Карлъ Коппи напечаталъ сочиненіе его „Historia belli cosacco-polonici," законченное еще въ 1676 году, но остававшееся до того въ рукописи. Грондскій, по изслѣдованію Коппи, происходилъ изъ зажиточнаго шляхетскаго дома, исповѣдывавшаго реформатскую религію. Годъ рожденія его даже приблизительно не можетъ быть опредѣленъ. По окончаніи образованія онъ служилъ нѣкоторое время при королевскомъ дворѣ, а затѣмъ въ военной службѣ. Получивъ по смерти отца богатое наслѣдство, онъ женился и поселился дома. Гдѣ находилось имѣніе Грондскаго, съ точностью нельзя указать; можно догадываться только, что — въ окрестностяхъ г. *Преворска*, гдѣ его встрѣтилъ въ октябрѣ 1655 г. Любовицкій и уговорилъ ѣхать вмѣстѣ на переговоры къ Хмельницкому; [*1] нѣсколько подтверждается эта догадка и той подробностью, что во время нашествія на Галицію Ракочія въ началѣ 1657 года семейство Грондскаго укрылось отъ превратностей войны въ недалекомъ отъ Преворска Львовѣ. По возвращеніи отъ Хмельницкаго Грондскій подобно бывшему подканцлеру Радзѣевскому и многимъ другимъ полякамъ, особенно изъ диссидентовъ, — измѣнилъ Яну-Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла-Густава [*2] Отъ послѣдняго онъ вторично ѣздилъ посломъ къ Хмельницкому весною 1656 года. Боясь наказанія за свою измѣну, Грондскій не возвратился отъ Хмельницкаго прямо на родину, а отправился въ Седмиградье или Трансильванію къ тамошнему князю Юрію II Ракочію. Онъ прибылъ въ трансильванскій Бѣлградъ 10 мая н. ст.

[*1] См. изданія Коппи стр. 239.

[*2] Причины этихъ измѣнъ объясняетъ Антоній Валевскій въ своей превосходной работѣ: Historya wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazmierza. Kraków 1866 T. I, str. 50, T. II, str. 37.

1656 года. *1 Съ этихъ поръ Грондскій сталъ горячимъ приверженцемъ седмиградскаго князя и желалъ видѣть его на польскомъ тронѣ, хотя и не одобрялъ вторженія его въ предѣлы Польши въ началѣ 1657 г. Когда Рѣчи-Посполитой удалось освободиться отъ нашествія шведовъ и трансильванцевъ и Янъ-Казимиръ укрѣпился на своемъ престолѣ, то Грондскій и нѣкоторые другіе измѣнники были лишены имуществъ и изгнаны изъ отечества. Грондскій навсегда поселился въ излюбленной имъ Трансильваніи, гдѣ велъ жизнь, посвященную главнымъ образомъ научнымъ занятіямъ. Здѣсь написалъ онъ и свое сочиненіе о войнѣ Рѣчи-Посполитой съ Хмельницкимъ. Въ этой книгѣ о козачествѣ временъ Стефана Баторія Грондскій пишетъ такъ:

„Qui autem ex hac Ruthenorum gente ad arma tractanda magis idonei reperiebantur neque Dominorum Terrestrium iugum jobbagyonale *2 subire voluerunt, illi ad remotiora loca, tunc temporis adhuc-inhabitata, sese recepiebant, et libertatem Juris sui asserendo, novas subinde ducebant colonias, atque ad discrimen coeterorum Russorum dominis terrestribus subjectorum nuncupati sunt *Cosacci*, Pol. *Cozacy*, quod Latine denotat milites levioris armaturae. *3

Tempore Stephani Bathorei Regis Poloniae, ex consilio ejusdem (qui postquam cognovisset, quam multa adhuc in partibus Ukrajnae reperiantur inhabitata loca et quam populosa sit gens illa Russorum, in territoriis Magnatum degentium, suasit, ut ad formam militiae Hungaricae versus confinia Turcica habitantis, qui *Haydones* dicuntur, Domini terrestres subditorum suorum filiis, qui complures apud eundem patrem reperiebantur, darent facultatem uni illorum exeundi ex possessione sua ad servitia Regni subeunda; quod si etiam in bonis Domini sui manserit, dummodo arma tractat, et quoties jussum fuerit a supremo Generali Exercituum Regni, immunitas ei ab omnibus servitiis Domini sui, praesertim ab agrestibus laboribus, concedatur) novum Cosaccorum genus est ad inventum, nimirum *Rejestrowi Kozacy*, hoc est, in computum seu regestrum recepti, et Regimini Generalis Exercituum Regni subjecti. Computus autem illorum non debebat excedere numerum sex

---

*1 См. изданія Коппи стр. 283.

*2 Jugum jobbagyonale—крѣпостная зависимость.

*3 См. изд. Коппи стр. 15.

millium; ad quos conscribendos de novo et post collustrandos designabatur Notarius, Campestris dictus, a dicto Generali. Quod equidem consilium dicti Regis initio videbatur saluberrimum Reipublicae; at brevi post compertum est summe nocivum.“ *1

Разсказъ Грондскаго совсѣмъ иного характера, чѣмъ разсказъ Пясецкаго. У Пясецкаго замѣтно смѣшеніе вычитаннаго изъ книгъ съ преданіемъ, дошедшимъ до него изъ козацкой среды. У Грондскаго совершенно не видно никакой начитанности, нѣтъ и слѣда знакомства съ сочиненіями Яна Длугоша, Іоакима Бѣльскаго, Рейнгольда Гейденштейна. Онъ черпаетъ свои свѣдѣнія объ отдаленной эпохѣ Баторія изъ устъ собесѣдниковъ въ лагерѣ Хмельницкаго и примѣняетъ ихъ къ понятіямъ трансильванцевъ, для которыхъ предназначался его трудъ.

Вотъ почему Грондскій не знаетъ, что козакъ — слово татарское, обозначающее вольнаго, независимаго человѣка, искателя приключеній, бродягу и разбойника, что козачество при Баторіи было — „colluvies ex variis nationibus collecta“ (сбродъ, составившійся изъ различныхъ народовъ); онъ подчеркиваетъ, будто при Баторіи тѣ *изъ русскаго народа* (ex Ruthenorum gente), которые были болѣе способны носить оружіе и не желали подчиняться крѣпостной зависимости отъ помѣщиковъ, шли въ отдаленныя необитаемыя пустыни, основывали тамъ для возстановленія своей свободы новыя поселенія и *въ отличіе отъ остальныхъ русскихъ*, закрѣпощенныхъ помѣщикамъ, стали называться *козаками* т. е. въ переводѣ на латинскій языкъ: milites levioris armaturae. Такимъ образомъ у Грондскаго впередъ выдвигается еще и то обстоятельство, что козачество составилось изъ крестьянъ, бѣжавшихъ отъ крѣпостной зависимости, и что по національному составу оно было русскимъ. Для эпохи Баторія такое воззрѣніе на козачество невѣрно: какъ мы видѣли, въ составѣ козачества при Баторіи первенствующее мѣсто занималъ элементъ шляхетскій, а русское національное самосознаніе проявилось въ козачествѣ только при Хмельницкомъ.

Этимъ же объясняется, почему Грондскій, примѣняясь къ понятіямъ трансильванцевъ, приравниваетъ козаковъ къ знакомымъ

*1 См. тамъ же стр. 20—21.

имъ *гайдукамъ* и приписываетъ Стефану Баторію, будто онъ внушилъ поземельнымъ владѣльцамъ Украины (т. е. пограничья— см. выше, стр. 8, прим. 2) устроить для защиты отъ татаръ линію пограничныхъ поселеній на подобіе тѣхъ гайдуцкихъ поселеній, которыя прикрывали венгерскую границу со стороны Турціи. Для этого будто бы предназначалось по одному сыну изъ тѣхъ семействъ крѣпостныхъ крестьянъ, гдѣ было по нѣскольку сыновей. Эти избранники освобождались будто бы отъ полевыхъ работъ, считались поступившими на королевскую службу, записывались въ особый списокъ или реестръ, подчинялись власти великаго коронаго гетмана и получали названіе реестровыхъ козаковъ. Число ихъ не должно было превышать шести тысячъ. Для постоянной повѣрки наличности козаковъ устанавливался будто бы особый правительственный органъ въ лицѣ полевого писаря (notarius campestris), который долженъ былъ слѣдить, чтобы дѣйствительное число козаковъ не превышало числа вписанныхъ въ реестръ, и оказавшихся излишними долженъ былъ возвращать обратно въ подчиненіе владѣльцамъ. Послѣ предыдущаго изложенія намъ не нужно доказывать, что все это—сплошной вымыселъ предполагаемыхъ собесѣдниковъ Гродскаго въ лагерѣ Хмельницкаго и что Стефанъ Баторій не могъ совѣтовать ничего подобнаго пограничнымъ владѣльцамъ, тѣмъ болѣе, что и поселеніе гайдуковъ по границѣ въ Венгріи (въ нынѣшнемъ Шаболчскомъ комитатѣ) состоялось въ 1605 г., когда Стефана Баторія не было уже въ живыхъ.

* * *

Третьимъ писателемъ XVII вѣка, изображавшимъ отношенія Стефана Баторія къ Днѣпровскому козачеству, былъ Самуилъ Твардовскій, авторъ первой огромной эпической поэмы на польскомъ языкѣ, озаглавленной: „Woyna domowa z Kozaki i Tatary, Moskwą, potym Szwedami i z Węgry przez lat dwanaście za panowania Nayjaśnieyszego Jana Kazimierza Króla Polskiego tocząca się, na cztery podzielona księgi. Oyczystą Muzą od Samuela ze Skrzypny Twardowskiego“ и изданной впервые къ Калишѣ въ 1681 году уже послѣ смерти автора (opus posthumum).

Самуилъ Твардовскій, герба Огоньчыкъ, родился, кажется, около 1600 г. въ нынѣшнихъ прусскихъ владѣніяхъ въ с. Твардовѣ

на р. Лютынѣ, притокѣ Варты. Отецъ его Матвѣй Твардовскій былъ писаремъ гродскаго суда въ г. Калишѣ. Здѣсь Самуилъ получилъ образованіе въ знаменитой іезуитской коллегіи, основанной архіепископомъ Карнковскимъ. Въ 1621 году онъ ѣздилъ въ Константинополь въ свитѣ польскаго посланника къ Портѣ князя Христофора Збаражскаго. Съ этихъ поръ онъ оставался на службѣ у князя Збаражскаго до самой смерти послѣдняго (†1627) и получилъ отъ него въ пользованіе имѣніе Зарубинцы неподалеку отъ Збаража. Зарубинцы оставлены были за Твардовскимъ и наслѣдниками князя Христофора — сначала братомъ его Юріемъ, а затѣмъ княземъ Янушемъ Вишневецкимъ; въ нихъ онъ прожилъ до первой войны съ Хмельницкимъ, въ которой онъ принималъ непосредственное участіе. Послѣ Зборовскаго договора Самуилъ Твардовскій переселился въ Великую Польшу, гдѣ онъ держалъ въ арендѣ отъ Петра Сенюты имѣнія Старыгродъ и Дзѣржановъ вблизи м. Кобылина (нынѣ Кротошынскаго уѣзда Познанской провинціи). Въ 1655 году онъ вмѣстѣ съ другими великополянами подобно Гродскому измѣнилъ Яну Казимиру и перешелъ на сторону шведскаго короля Карла Густава, но вскорѣ раскаялся въ своемъ поступкѣ и отступился отъ шведовъ. Умеръ Самуилъ Твардовскій послѣ 1660 г. и похороненъ былъ въ бернардинскомъ кляшторѣ въ м. Кобылинѣ. *1 Изъ-подъ пера Твардовскаго вышелъ цѣлый рядъ мелкихъ и крупныхъ стихотворныхъ произведеній (Przeważna legacya t. j. historyczny opis poselstwa polskiego do Porty Ottomańskiej Krz. ks. na Zbarażu w r. 1621; Władysław IV król; Książę Wiśniowiecki Janusz, koniuszy koronny, ojczystą Muzą przypomniany; Nadobna Paskwalina; Daphnis; Satyr, na twarz Rzeczypospolitej etc.), но важнѣйшимъ является та огромная эпическая поэма, заглавіе которой мы привели выше. *2 Интересующій насъ предметъ изложенъ въ ней такъ:

Acz ieszcze, zkąd narody mieczem te podbite
Kiedyś od Bolesławow, zaraz znakomite
I iako przyrodzone były ich rankory
Ku nam zawsze; a iednak Monarchow dozory

*1 См. Lud. Przedstawił Oskar Kolberg. Serya X. W. Ks. Poznańskie. Cz. 2. Krak. 1876. str. 131.

*2 См. Samuel's von Skrzypna Twardowski „Wojna Domowa". Inaugural Dissertation von Alexander Czechowski. Posen 1894. S. 5—11.

I moc w ręku wybiiać gory im nie dała
I coraz porywanych szablą uskramniała.
Wszakże ci z nich daleko byli swowolnieyszy,
Ktorzy morzu i pladze tamtey przylegleyszy,
Ustawicznym rozboiem w polach się bawili,
Lubo to wirozuby *[1] po Dnieprze łowili,
Lubo lądem liscie strzelali i kozy
(Zkąd zowią się Kozaki). To tajemne łozy
I trawy przypadaiąc, kogo gdzie napadli,
Turki li Tatary li koczuiące, kradli,
Do takiego w lekkości swego przyrodzenia
Przykładając zwyczaju oraz i cwiczenia.
Żyli iednak bez rządu i żadnej zwierzchnosci,
Procz, gdy zima wstawała, schodzili na włości.
Na wiosne zaś i nowe rozpary słoneczne
Jako muchy ożyli, gdzie maiąc tamteczne,
I lasy, i sposobność wszytkę do żegługi,
Wodą się opuszczali w ostrowy i ługi,
Ktorych tam iest nie mało, przez Dnieprowe progi.
Aż Stefan Krol waleczny, będąc Moskwie srogi,
Żeby także z tej strony Turczynowi stawił
Abszach w oczy, w ryze ich i lepszy rząd wprawił,
Podawszy im Hetmana. I gdzieby swe rady
I armatę miewali i woienne składy
Naznaczył Trechtymirow z iego społ powiatem
I polkom swe zimowle. Jakoż długo na tem
Kontenci przestawali. I z tego początku
Wiele dokazowali w takim swym porządku
Na morzu i na ziemi. A dzieł ich dawnieyszych
Tu nie licząc, co mogło naszych lat poznieyszych
Turkam bydź strasznieyszego? Jako kiedy dali
Nad tysiąc mil w Azyą samę zaiezdżali,

---

[1]* Wirozuby. *Вырезубъ* или *верезубъ*—рыба, принадлежащая къ семейству карповыхъ (Leuciscus Friesii), водящаяся въ моряхъ и рѣкахъ южной Россіи. Объ изобиліи вырезубовъ говорится въ люстраціи Брацлавскаго замка 1552 года такъ: „зубровъ, оленей, лисицъ и иншого зверу множъство, и бобровъ по речъкахъ, рыбъ, *а звлаща верезубовъ;* а рыбицъ усходитъ тамъ рекою Богомъ з моря множъство великое". См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2-й, Кіевъ 1890, стр. 21.

Wyścinali Trapezunt, Synop z gruntu zniesli
I pod Konstantynopol nieraz sam podeśli,
Prętkoscią niesłychaną mury okurzywszy.
Ale nie mniey i ziemią bywali szczęśliwszy,
Nadewszytko z Osmanem, gdy nam wszytko czoło
I przedmur wytrzymali. Wieleby około
Tego mowić. *1

Если мы сравнимъ стихи Твардовскаго съ разсказомъ Пясецкаго, *2 то легко убѣдимся, что Твардовскій въ этомъ отдѣлѣ своей поэмы перекладывалъ въ стихи прозу Пясецкаго, замѣня иногда сухой слогъ послѣдняго выраженіями болѣе образными и лучше подходящими къ складу поэтической рѣчи. Приведемъ одинъ наглядный примѣръ.

У Пясецкаго сказано было о козакахъ, что они „*primo vere.... ad insulas Boristhenis conveniunt*“. У Твардовскаго эти простыя слова превращены въ цѣлую картину, при чемъ козаки сравниваются съ ожившими послѣ зимняго оцѣпенѣнія мухами: „Na wiosne zaś i nowe rozpary słoneczne *iako muchy ożyli*, gdzie maiąc tamteczne i lasy, i sposobnośc wszytkę do żegługi, wodą się opuszczali w ostrowy i ługi, ktorych tam iest nie mało, przez Dnieprowe progi“.

Такихъ параллелей можно было бы привести нѣсколько, но для насъ важно только установить, что Твардовскій содержаніе своихъ стиховъ цѣликомъ почерпнулъ изъ хроники Пясецкаго, не прибавивъ отъ себя ни одной черты.

* * *

Въ лѣтописи, приписываемой галяцкому полковнику Григорію Грабянкѣ, *3 относимой къ 1710 г. и изданной Кіевскою коммиссіею

---

* По изд. 1681 г. стр. 3—4 части I-й.

*2 Кромѣ мѣстъ, приведенныхъ нами выше въ подлинникѣ, нужно имѣть въ виду и остальную часть разсказа Пясецкаго о дѣятельности козаковъ См. Kronika Pawła Piaseckiego. Polski przekład. Krak. 1870. str. 43—46, § XIX-го вторая половина.

*3 Въ 1894 году, издавая въ „Кіевской Старинѣ“ (1894, т. 47, стр. 297—300) опущенную въ печати страницу изъ лѣтописи Грабянки, А. М. Лазаревскій выражалъ сомнѣніе, правильно-ли лѣтопись приписывается Грабянкѣ, такъ какъ онъ видѣлъ болѣе десяти ея списковъ, озаглавленныхъ „Дѣйствія презѣльной брани Богдана Хмельницкого“, но ни въ одномъ не встрѣтилъ п

въ 1854 году, на стр. 21—22 читаемъ слѣдующее: „Въ лѣто 1576 за Стефана Баторія короля полского козаки въ лучшій еще строй учиненни. Той-же король, видя у козаковъ мужество великое изъ татари на бранехъ, постави имъ гетмана, присла имъ короговъ, бунчукъ и булаву, и на печати гербъ, рицарь зъ самопаломъ и на головѣ колпакъ перекривленній, армать и всякихъ военнихъ припасовъ и сами козаки замки турецкіе воююще много набрали, и учинивъ имъ строй, и начаша по гетманѣ быти обозніе, судьи, асаули, полковники, сотники, атамани, и повелѣ стреши отъ татаръ около пороговъ. Но всегда король Стефанъ, отъ храбрости козаковъ поразумѣвая, пророчески глаголаше: „*будетъ* (рече) *когдась отъ тихъ юнаковъ Речь Посполитая вольная*“. Еже сбыстся послѣди. Той же король Баторій опрочъ давнего старинного града складового Чигирина далъ еще низовимъ козакамъ въ пристанище градъ Терехтемировъ зъ монастиромъ, да во время зими тамо всегда пребываютъ, и въ годъ платилъ имъ по червоному и по кожуху; и симъ козаки бяху надолзѣ доволни и многія брани имѣяху съ татари на земли, а съ турки на мору, обаче всегда побѣждаху ихъ. Въ то время Азію козаки нападше, на тисячу миль повоеваша и Трапезонъ взяша и изсѣкоша, Синопъ до основанія опровергоша, и подъ Константинополемъ многія взяша користи. А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху, еже видѣлъ король Стефанъ смущашеся зѣло, вкупѣ и бояся, да не како укрѣпившеся козаки тяжци будутъ ляхомъ, и хотя внизу около Днѣпра побити ихъ; но козаки, разумѣя кролевскій замислъ, пойдоша отъ кочевискъ своихъ къ Донскимъ козакомъ и отсюду еще въ большій страхъ ляхи впадоша, обаче до времени король остави козаковъ тамо пребывати; они-же паки, зъ Дону возвращшеся въ луги Днѣпровіе, мечемъ и бранію на татаръ упражняхуся“.

намека на авторство Грабянки. Онъ полагалъ, что надпись о принадлежности лѣтописи Грабянкѣ на спискѣ, съ котораго издавала ее Кіевск. коммиссія сдѣлана была по догадкѣ или по преданію бывшимъ владѣльцемъ списка Григоріемъ Андреевичемъ Полетикою. Въ 1897 г. сомнѣніе А. М. Лазаревскаго было, повидимому, опровергнуто, такъ какъ въ числѣ рукописей, поступившихъ въ Кіевскую публичную библіотеку по завѣщанію В. М. Юзефовича нашелся списокъ „Дѣйствія презѣльной брани“, написанный въ Сорочинцахъ въ 1756 г., съ точнымъ указаніемъ, что лѣтопись составлена въ г. Гадячѣ въ 1710 г. „трудолюбіемъ Григорія Грабянки“. См. Кіев. Стар. 1897, т. 56, отд. II, стр. 41—42.

Большая часть этого разсказа является распространеннымъ переложеніемъ приведенныхъ выше (на стр. 120 и 130) стиховъ Твардовскаго и такимъ образомъ является въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отраженіемъ при посредствѣ Твардовскаго разсказа Пясецкаго. Но между тѣмъ какъ Твардовскій ограничивается сообщеніемъ, что Стефанъ Баторій привелъ козаковъ въ лучшій порядокъ, назначивши имъ гетмана (w lepszy rząd wprawił, podawszy im hetmana), авторъ разсказа желаетъ вести отъ Баторія и тѣ эмблемы гетманской власти и тѣ козацкіе чины, которые существовали въ лѣвобережной гетманщинѣ во времена Мазепы; точно также Твардовскій довольствуется краткимъ упоминаніемъ о Трахтемировѣ, какъ о городкѣ, предоставленномъ Стефаномъ Баторіемъ козакамъ для ихъ столицы, тогда какъ авторъ разсказа желаетъ выставить учрежденіе столицы въ Трахтемировѣ какъ-бы замѣною старой козацкой столицы въ Чигиринѣ, не зная того, что во времена Баторія Чигиринъ былъ еще не поселеніемъ, а степнымъ урочищемъ, на которомъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій однажды мужественно сразился съ татарами:

A gdy ich na *Cyhrynie* nászy dogonili,
Tam bitwę z Pogańcami mężnie uczynili. *1

Любопытно, что непріятное для козацкаго самолюбія слово łotrzyk (разбойничекъ) въ стихѣ: „Że kiedyś z tych łotrzykow Rzecz bydz Pospolita“ etc.—авторъ разсказа замѣняетъ словомъ юнакъ.

Окончаніе разсказа отъ словъ: „А оттолѣ болѣе въ силу козаки растяху“.... отражаетъ разсказъ Іоакима Бѣльскаго (см. выше стр. 86, прим. 3), но не прямо, а черезъ посредство такъ-называемой „Хроники Европейской Сарматіи“ Гвагнина, передѣланной Мартиномъ Пашковскимъ и изданной въ 1611 году подъ заглавіемъ: „Kronika Sarmacyey Europeyskiéy, w któréy się zamyka królewstwo Polskie, ze wszystkiemi państwy księstwy y prowincyami swemi, tudzież też Wielkie Księstwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Żmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y część Tartarów przez Alexandra Gwagnina z Werony hrabie pałacu Laterańskiego rycerza pasowanego, y rotmistrza J. K. Mci pierwéy roku 1578 po łacinie wydana, a teraz zaś z przyczynieniem tych krolów, których w łacińskiéy niemasz, tudzież królewstw, państw, insuł, ziem y prowincyi ku téy Sarmacyey przyleg-

*1 См. Epicedion etc. 1585, str. 29.

łych, iako Grecyey, ziem Słowieńskich, Wołoszey, Panoniey, Bohemiey, Germaniey, Daniey, Szwecyey, Gotyey, etc. Przez tegoż autora z wielką pilnością rozdziałami na X ksiąg krociuchno zebrana, a przez *Marcina Paszkowskiego* za staraniem autorowym z łacinskiego na polskie przełożona Roku Pańskiego 1611", in fol. (См. по изданію Туровскаго „Z kroniki Sarmacyi Europskiej", w Krakowie 1860, str. 223)*[1]

Причина вражды Стефана Баторія къ козакамъ объяснена по понятіямъ XVIII вѣка: „король... боясь, да не како укрѣпившеся козаки *тяжци будутъ ляхомъ*", между тѣмъ какъ мы знаемъ, что Баторій хотѣлъ истребить низовыхъ козаковъ, чтобы они не нарушали мира Рѣчи-Посполитой съ татарами и турками; этнографическіе вопросы въ XVI в. еще не возбуждались.

* * *

Въ 1718 году Лубенскій полковой писарь Стефанъ Савицкій предпринялъ вольный переводъ на тогдашній славяно-малорусскій языкъ поэмы Твардовскаго „Woyna domowa". Этотъ переводъ „зъ вѣршовой книги Твардовскаго на гисторіялній сенсъ" случилось увидѣть Самуилу Величку и онъ заказалъ для себя копію съ труда Савицкаго. Переводъ Савицкаго носитъ слѣдующее длинное и неуклюжее заглавіе:

„Повѣсть о козацкой зъ поляками войнѣ, чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войскъ запорозскихъ, точившойся, которою онъ же при Божой помощи зъ козаками и татарами, отъ подданства лядского вибился и поддался подъ высокодержавную пресвѣтлѣйшого монархи всероссійского протекцію, отъ книги названой Война Домовая, нарѣченіемъ Самоила Твардовскаго ритмами полскими составленной и въ Калѣшу, року 1681, напечатанней вкратцѣ малороссійскимъ нарѣчіемъ виписанная, въ року 1718, априля. S. S. P. L."

Онъ былъ изданъ Кіевскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ 1864 г. въ видѣ приложенія къ Лѣтописи Величка (т. IV, стр. 1—84). Приводимъ здѣсь переложеніе тѣхъ стиховъ Твардовскаго, которые были выписаны нами выше (стр. 130):

---

*[1] См. Historya literatury polskiej przez Felixa Bentkowskiego. T. II, Warsz. 1814, str. 717—718.

„Ижъ когда они отъ Болеславовъ королей полскихъ зостали въ поддaнство полское завоеваніи, многократне, ибо вскорѣ тое имъ стало прикро, вибиватися одважилися, але не могучи тоею отвагою своею доказати предсявзятя, за осторожностю тогдашнихъ полскихъ монарховъ, не малое отъ нихъ пріймовали наказаніе; однакъ и въ такихъ своего поскромленія разахъ древней отваги и обикновеній не отпадали. Особливе тіе, якіе на низу Днѣпра за порогами (отъ чого и Запорожцями суть прозвани) ближе къ морю мешкали, нѣчимъ иншимъ тилко по поляхъ разбоемъ, стрелянемъ звѣру и по рѣкахъ ловленемъ рибъ бавячися, а зъ травъ и терновъ випадаючи знагла, кого напали—Турковъ чили Татаровъ—хватали и крали. До чого зъ натури своей были легкими и способними, и до такой способной натури заразомъ прикладали, вишей вираженнимъ наглого на кого колвекъ нападенія способомъ, уставичное цвѣчене. Але жили безъ порядку и жадной власти, кромѣ того, же якъ зима наступовала, сходили до волостей, а на весну и лѣто, где были лѣси и при нихъ иншіе до жекгліования воднаго способности, туда запускалися, и водою на низъ, въ луги и острови, за пороги Днѣпровіе на розніе до добичей помянутихъ способніе спускалися мѣстца; поколь Стефанъ Баторій, король полскій, для лучшаго своего отъ сторони Турецкой защищенія, и мижъ козаками яко къ тому край ближшимъ быти мѣвшой, въ лѣпшій онихъ устроилъ порядокъ, учинивши имъ гетмана и где би свои ради, такожъ армати и иншіе войсковіе зложеня, а барзѣй сами собѣ на зимовій часъ притулиско мѣли, назначивши городъ Терехтемировъ зо всѣмъ повѣтомъ; чого они черезъ долгій часъ были барзо контенти; а въ такомъ новаго порядку устроеніи много въ прислугахъ монархамъ и Рѣчи-Посполитой Полской полемъ и моремъ доказовали, не вклѣчуячи ихъ давнихъ дѣлъ, що тилко познѣйшихъ лѣтъ на сторону Лядскую полезного, а на Турецкую шкодливого и страшного отъ нихъ учинилося.

Вократцѣ припоминается, ижъ болшъ тисячи миль въ самую Азію заежджали, вистинали Трапезунтъ, Синопъ зъ кгрунту знесли, и подъ Константинополь не разъ зъ неслыханною своею скоростію, мури оного стрелбою окуруючи, подходили; що все водою справовали. А и на землѣ въ такихъ военнихъ справахъ не меншую имѣли фортуну и славу, когда надъ все подъ часъ ба-

таліи, межи королемъ Полскимъ и Османомъ Турецкимъ бывшой, самій первій непріятельскій импетъ, чоло и власное предмуріе мужественно предъ ляхами видержали".

* * *

Самуилъ Величко, бывшій канцеляристъ войска Запорожскаго, въ своемъ „Сказаніи о войнѣ козацкой зъ Поляками чрезъ Зѣновія Богдана Хмельницкого, гетмана войскъ Запорожскихъ, въ осми лѣтехъ точившейся и т. д.", оконченномъ въ селѣ Жукахъ Полтавскаго уѣзда въ 1720 году, о времени Стефана Баторія говоритъ кратко, придерживаясь изложенія Стефана Савицкаго и ссылаясь на соотвѣтственное мѣсто поэмы Твардовскаго:

„Егда сѣде на маестатѣ королевства полского Стефанъ Баторій, князь трансилванскій, воевода седмигродскій, мужъ въ кронѣкахъ великое зъ рицерства залѣцене мѣючій, и въ рицерскихъ людехъ кохаючійся; тогди, устроивши въ Полщѣ войска платніе (якихъ предъ тимъ не бывало) назвалъ ихъ кварцѣялными. Егда же заразъ потомъ, и въ козакахъ Днѣпронизовихъ, яко овцахъ пастира неимущихъ, устроилъ чинъ къ воинскому управленію потребній, позволивши имъ подлугъ старожитнихъ и древнѣйшихъ обичаевъ, между собою имѣти не тилко меншихъ началниковъ, но и найболшаго воевъвожда Гетмана, и надалъ имъ во владѣніе для Гетманской резиденціи и для войсковихъ всякихъ запасовъ и прибѣжища, надъ Днѣпромъ городъ Терехтемировъ, со всѣмъ его уѣздомъ (що и Твардовскій въ части первой книги своей, — Война Домова — названной, свѣдительствуетъ), ствердивши тое войску Запорожскому и грамотою своею королевскою. [*1]

Въ „Краткомъ описаніи Малороссіи", оконченномъ въ 1734 году и изданномъ Кіевскою Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ въ видѣ приложенія къ лѣтописи Самовидца (Кіевъ, 1878 стр. 209—319), повторенъ разсказъ лѣтописи Грабянки:

[*1] Лѣтопись событій въ юго-западной Россіи въ XVII-мъ вѣкѣ. Составилъ Самоилъ Величко, бывшій канцеляристъ канцеляріи войска Запорожскаго, 1720. Изд. времен. коммис. для разбора древн. актовъ. К. 1848, т. I-й стр. 20—21.

„При Стефанѣ-же Баторіи королѣ полскомъ в томъ-же 1576 году, козаки въ лучшій порядокъ устроени, который ради ихъ мужества поставилъ самъ имъ гетмана, давъ имъ коруговъ, бунчукъ и булаву и печать съ гербомъ, то-есть рицеръ с самополомъ, на головѣ колпакъ перекривленный, и рогъ при боку; а армать и военныхъ припасовъ, воюя турковъ, сами добули себѣ. Да тотъ-же король Баторій и старшину войсковую у нихъ учредилъ: обознихъ, судей, писарей, асауловъ, полковниковъ, сотниковъ, атамановъ, и еще козакамъ, опрочъ ихъ-же старинного города складового, Чигирина, далъ Трехтемировъ съ монастиремъ для зимовихъ квартеръ; а платилъ в годъ всякому козаку по червоному золотому и по кожуху.

В то время Козаки, напавши в Азію, на 1000 миль повоевали, Трапезонтъ взяли и изсѣкли, Синопъ до фундаменту опровергли и подъ Константинополемъ користи побрали. Видя-же король Баторій сіе, началъ и самъ опасивается ихъ и хотѣлъ всѣхъ *згубити*; но козаки, познавши королевскій замислъ, первѣе от кочевискъ своихъ пошли къ донскимъ козакамъ и тѣмъ самимъ болшій еще страхъ полякамъ задали, а потомъ знову въ луга Днѣпровые пришли и войною противъ татаръ забавлялися по-прежнему“. (См. стр. 214).

Тотъ-же разсказъ Лѣтописи Грабянки повторенъ съ нѣкоторымъ сокращеніемъ въ концѣ и въ такъ-называемой Лизогубовской Лѣтописи, составленной въ 1742 году и изданной Кіевскою Коммиссіею въ Сборникѣ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Руси (Кіевъ, 1888, на стр. 1—69): „1576 г. Въ сее время козаки въ лучшій порядокъ устроены при королѣ Стефану Баторѣю, который самъ козакамъ опредѣлилъ Гетмана и старшину учредилъ меже ними, и далъ Гетману булаву, корогву, бунчукъ и печать съ гербомъ войска запорожскаго, то-есть: рицарь съ самопаломъ, на головѣ колпакъ перекривленій и рогъ при боку. Тотъ же король Стефанъ, опрочъ старинаго города казацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартеръ и платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и кожухъ.

Тогдажъ козаки, напавши въ Азію, на сто миль повоевали: Трапезонтъ взяли и высѣкли; Синопъ до фундаменту разорили и подъ Цареградомъ користи побрали многіе.“ (См .стр. 3—4).

* * *

Мы не будемъ слѣдить далѣе, какъ переходилъ изъ сочиненія въ сочиненіе разсказъ Лѣтописи Грабянки объ отношеніи Стефана Баторія къ Днѣпровскимъ козакамъ, основанный на сказаніи Твардовскаго и пополненный перенесеніемъ въ эпоху Баторія нѣкоторыхъ чертъ времени Мазепы. Мы находимъ его въ сочиненіяхъ: Петра Симоновскаго—„Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ“ (1765 г.), Стефана Лукомскаго—„Собраніе историческое изъ книгъ древняго писателя Александра Гвагнина и изъ старыхъ русскихъ лѣтописей“ (1770 г.) и Александра Ригельмана — „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи и ея народѣ (1785—86 гг.). У послѣдняго (изд. 1847, стр. 24), а равно въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ (1783 г.), изданномъ Н. Бѣлозерскимъ (Южно-русскія лѣтописи, т. I-й, Кіевъ 1856, стр. 51—106), разсказъ Лѣтописи Грабянки осложненъ новою легендою, возникшею изъ ошибочнаго осмысленія (Volksetymologie) названія „Батуринъ“. Въ „Краткомъ лѣтоизобразительномъ описаніи“ читаемъ слѣдующее: „И отъ того времени козаки въ лутшій порядокъ приведены, при королѣ полскомъ Стефанѣ Баторей, который самъ имъ опредѣлилъ гетмана и старшину между ими учредилъ, и далъ гетману булаву, короговъ и бунчукъ и печать съ гербомъ войсковымъ, то-есть рыцеръ съ мушкетомъ, на головѣ колпакъ перекривленный и рогъ при боку. Тотъ-же король Стефанъ Баторій, опрочъ стариннаго города козацкаго Чигирина, далъ козакамъ Терехтемировъ съ монастыремъ для зимовыхъ квартиръ, *а для резиденціи гетманской устроилъ надъ рѣкою Сеймомъ городъ новый и назвалъ его, отъ своего прозванія, Баторинъ, кой нынѣ называется Батуринъ;* а платилъ всякому козаку въ годъ по червонцу и по кожуху. *Сей городъ не для резиденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою мастность*, ибо въ сіе время въ Малой-Россіи на сей сторонѣ Днѣпра еще не было козаковъ, ни гетмана, а онъ сталъ резиденціею гетманскою уже при гетманѣ Игнатовичѣ, въ 1670 году“. (Стр. 54—55). Въ этомъ отрывкѣ замѣтно участіе двухъ авторовъ: первый сообщилъ, что Батуринъ на р. Сеймѣ основанъ Баторіемъ, и указалъ, для чего предназначался новый городъ, — „для резиденціи гетманской“; читатель первоначальной рукописи, болѣе освѣдомленный въ исторіи и знавшій, что Батуринъ сдѣлался гетманскою резиденціею только послѣ из-

бранія въ гетманы Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго (6 марта 1669 г.), сдѣлалъ примѣчаніе въ опроверженіе сообщенія перваго автора: „сей городъ“, приписалъ онъ, вѣроятно, на полѣ, „не для резиденціи гетманской построенъ, но король для себя его построилъ, яко свою маетность“ и т. д. Любитель старины, переписывавшій потомъ рукопись, внесъ въ свою копію и первоначальный текстъ, и добавленное впослѣдствіи примѣчаніе не обративъ вниманія на то, что примѣчаніе опровергаетъ первоначальное извѣстіе. Съ такого рода рукописной копіи сдѣлано изданіе „Краткаго лѣтоизобразительнаго описанія“ Н. Бѣлозерскимъ.

Что касается городка Батурина, то онъ основанъ былъ послѣ того, какъ Сѣверщина по Деулинскому перемирію перешла къ Польшѣ, а именно въ 1625 году, осадчимъ новгородъ-сѣверскаго старосты Александра Пясочинскаго Матвѣемъ Стахурскимъ и получилъ названіе, вѣроятно, по тому урочищу, на которомъ былъ помѣщенъ, и которое въ свою очередь такъ называлось по имени бывшаго своего владѣльца какого-нибудь „севрюка“ Батуры. *1 Ошибочное осмысленіе (Volksetymologie) его названія впервые появилось, по всей вѣроятности, среди той польской арміи, которая сопровождала короля Яна Казимира въ походѣ его къ Глухову зимою 1663—1664 гг. Когда житель селенія „Голеніовы“ нынѣшняго Влощовскаго уѣзда, Кѣлецкой губ., Веспасіанъ Коховскій *2 собиралъ отъ участниковъ этого похода устные и письменные матеріалы для составленія описанія его въ III т. „Лѣтописныхъ ступеней“, то, разсказывая о Батуринѣ, какъ объ укрѣпленномъ и занятомъ сильнымъ гарнизономъ городкѣ, котораго не рѣшился штурмовать Янъ Казиміръ, они сообщили Коховскому и свой домыслъ относительно происхожденія названія, которое носилъ городокъ. Вслѣдствіе этого Веспасіанъ Коховскій такъ изложилъ относящіеся къ Батурину пункты своего сочиненія:

---

*1 См. упомян. ст. А. П. Яблоновскаго въ журн. Ateneum 1896, sierpień str. 263.

*2 Въ 1900 г. появилась въ свѣтъ превосходная, основанная на тщательныхъ архивныхъ разысканіяхъ, біографія Веспасіана Коховскаго, написанная проф. Яномъ Чубекомъ: Wespazyan z Kochowa Kochowski. Stydyum biograficzne. Napisał Jan Czubek. W Krakowie, 1900. О жизни Коховскаго послѣ труда проф. Чубека врядъ ли можно разсказать что-нибудь новое. Зато остаются совершенно неизслѣдованными—источники „Лѣтописныхъ ступеней “Коховскаго, способы ихъ обработки, ошибки, допущенныя Коховскимъ, его настроенія

„Bathorini interea *(à cognomine Stephani Regis denominata olim colonia)* Gregorius Brzuchowiecki, flagrantissimus Moschi partium dux et assertor, sedem fixerat, permunito admodum loco et fere XVI millium exercitu in retundendum vim subnixus. Erant qui suaderent adoriendum protinus; transmittere tamen visum, dum commodior alia, imo compendiosior rei benè gerendae se offeret occasio.

Sic Bathorino quòd expugnatu arduum esset in tempus transmisso, limitem Moschoviticum praetergressus Rex, apud Korab *[1] municipium sanè populosum signa Polona explicavit. Primùm in hostilem terram ingressum gratulante cum laetitia exercitu eodemque simul optatum bello finem non sine lachrimis applicante. Bono omini accedere visa Januarii dies XVII qua eodem Coronatus in metropoli Regni Cracoviae Casimirus jam nunc post sexdecim faustae inaugurationis annos in Moschorum terras armato ingressu laboriosum exhiberet anniversarium". *[2]

Вычитанное у Коховскаго ошибочное осмысленіе названія „Батуринъ" широко распространилось среди образованныхъ малороссіянъ XVIII вѣка и, наконецъ, попало въ „Краткое лѣтоизобразительное описаніе" и въ „Лѣтописное повѣствованіе" Александра Ригельмана, слившись въ одно цѣлое съ идущею отъ Пясецкаго легендою о надѣленіи козачества со стороны Стефана Баторія политическими правами.

и предубѣжденія. Пока не появится такого рода изслѣдованіе, вопросъ о цѣнности „Лѣтописныхъ ступеней", какъ историческаго источника, остается открытымъ. Замѣчанія объ этихъ предметахъ старыхъ писателей, напр., Луки Голембіовскаго (O Dziejopisach Polskich, Warsz. 1826, str. 148—150), Амвросія Грабовскаго (Starożytności historyczne polskie, Tom I, W Krakowie 1840, str. 395—403), или Адама Ржонжевскаго (Wesp. Kochowski, Warsz. 1871, Str. 139—146),—черезъ-чуръ кратки и поверхностны.

*[1] Korab—Коропъ, нынѣ заштат. городъ Черниговской губерніи Кролевецкаго уѣзда.

*[2] См. Annalium Poloniae Climacter tertius. Ad punctum abdicationis Ioannis Casimiri Regis per regnum Poloniae res gestas inclusive continens Scriptore Vespasiano a Kochow Kochowski, tribuno terrae Cracoviensis generali, Cubicul. S. R. M. et historiographo privilegiato. Cracoviae ex officina Francisci Cezary S. R. M. illustrissimi ac reverendissimi Domini episcopi Cracoviensis, ducis Severiae; nenon scholarum Novoduorscianorum typographi. Anno Domini MDCXCVIII. Pag. 102—103.

* * *

Передъ самымъ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи, въ семидесятыхъ годахъ XVIII-го вѣка, среди запорожскихъ козаковъ бродило глухое преданіе, будто когда-то давно польскій король Стефанъ Баторій далъ козакамъ какую-то весьма важную грамоту, но никто уже не помнилъ, въ чемъ заключалось ея седержаніе. Мы знаемъ, что въ этомъ преданіи было и зерно исторической истины-ибо дѣйствительно Стефанъ Баторій, принимая 16 сентября 1578 г. пятьсотъ низовыхъ козаковъ на королевскую службу, въ особомъ универсалѣ (см. выше, стр. 72—74) объявилъ во всеобщее свѣдѣніе, какія обязательства приняты были на себя козаками передъ королемъ и Рѣчью-Посполитою и какое вознагражденіе они должны были получать за ихъ исполненіе. Предчувствуя, что Сѣчь доживаетъ послѣдніе дни, запорожцы семидесятыхъ годовъ XVIII-го вѣка стремились опереться на какой-нибудь документъ, чтобы не голословно отстаивать передъ петербургскимъ правительствомъ свои права на независимость. Между тѣмъ никакого документа подходящаго содержанія въ распоряженіи запорожцевъ не было. Тогда преданіе объ универсалѣ Стефана Баторія послужило толчкомъ къ составленію отъ его имени подложной грамоты, приспособленной къ требованіямъ данной минуты. Для приданія грамотѣ еще большаго авторитета она была вклеена въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго отъ 15 января 1655 г. Авторъ „Исторіи запорожскихъ козаковъ“ г. Эварницкій говоритъ, что „копія“ этого любопытнаго документа „хранится въ Московскомъ отдѣленіи общаго архива главнаго штаба, дѣла князя Потемкина, опись 194, связка 181, № 1“. (См. т. II, Спб. 1895, стр. 60, примѣчаніе 1). Доступнымъ ученому изслѣдованію сдѣлался документъ съ той поры, какъ его напечаталъ въ приложеніи къ части III „Исторіи Новой Сѣчи“ А. А. Скальковскій (изд. 3, Одесса, 1886 г. стр. 275—277, № 1).

Сочиненная на Запорожьи грамота Стефана Баторія отъ 20 августа 1576 г., вставленная въ подложный же универсалъ Богдана Хмельницкаго, была принята съ недовѣріемъ тѣми лицами, для которыхъ она предназначалась. Запорожцы въ своихъ письмахъ изъ Петербурга, какъ говоритъ А. А. Скальковскій, жаловались что въ „Малороссійскомъ архивѣ отпусковъ т. е. черновыхъ или

проектовъ этого акта не имѣется, и что *русскіе министры этому не вѣрятъ*“ (Ист. Нов. Сѣчи, изд. 3, ч. I, Од. 1885, стр. 14, прим.). Историографъ Миллеръ тогда же считалъ и универсалъ, и грамоту подложными—по научнымъ соображеніямъ.

Если мы вчитаемся собственно въ грамоту Стефана Баторія, то легко убѣдимся, что по внѣшней формѣ она нисколько не похожа на подлинный универсалъ Баторія, приведенный нами выше (стр. 72—74); точно также безъ труда мы убѣдимся и въ томъ, что основной пунктъ ея: „надаетъ Его Королевская Мосць козакамъ Низовымъ Запорожскимъ вѣкуисте городъ Терехтемировъ зъ монастыремъ и перевозомъ, опрочь складоваго стариннаго ихъ Запорожскаго города Чигрина и Запорожскихъ степовъ ку землямъ Чигринскимъ подойшлихъ“ — есть почти буквальное повтореніе текста Лѣтописи Грабянки и дальнѣйшихъ его передѣлокъ.

Что касается заселенныхъ земель и пустынныхъ степей, описанныхъ въ дальнѣйшихъ пунктахъ, то это—область, которою владѣли запорожцы въ XVIII в. и права на которую они хотѣли отстоять. Границы ея такъ подробно обозначены въ грамотѣ для того, чтобы Петербургское правительство ясно видѣло, на что имѣетъ притязанія запорожское „братство“.

Въ виду этого въ подложности какъ грамоты, такъ и универсала, въ который она вклеена, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

* * *

Такимъ образомъ мы подошли къ XIX вѣку. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ его закончено было составленіе знаменитой „Исторіи Русовъ“ лже-Конисскаго. Перечитывая соображенія В. П. Горленка, *[1] мы не сомнѣваемся, что авторомъ ея былъ благородный по характеру и высоко-талантливый Василій Григорьевичъ Полетика. Быстро распространившаяся въ спискахъ, „Исторія Русовъ“ только въ 1846 году напечатана была проф. І. М. Бодянскимъ въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ“. На первыхъ порахъ ученые видѣли въ ней

---

* См. В. П. Горленко, Южно-русскіе очерки и портреты, Кіевъ 1898, статья „Изъ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка“, стр. 47—74.

драгоцѣнный историческій источникъ первой руки и усердно черпали изъ нея свѣдѣнія въ свои труды. Особенно постарался Н. А. Марковичъ, который въ своей „Исторіи Малороссіи“, вышедшей въ 1842 году, ограничился пересказомъ „Исторіи Руссовъ“, почти не считая нужнымъ провѣрять ея сообщенія другими свидѣтельствами. Любопытно, что и нѣкоторые польскіе ученые, которымъ доступны были дѣйствительно первостепенные источники для правдивой исторіи днѣпровскаго козачества, поддались обаянію произведенія В. Г. Полетики. Во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ дѣдъ пишущаго эти строки Андрей Яковлевичъ Стороженко передалъ списокъ „Исторіи Русовъ“ извѣстному автору „Исторіи славянскихъ законодательствъ“ Вацлаву Александру Мацѣевскому. Мацѣевскій пришелъ въ такой восторгъ по прочтеніи полученной рукописи, что сдѣлалъ изъ нея извлеченія, относящіяся ко времени до появленія Богдана Хмѣльницкаго, и въ переводѣ на польскій языкъ напечаталъ ихъ въ 1839 году въ первомъ томѣ своего труда: „Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, jako dodatek do historyi prawodawstw słowiańskich przez siebie napisaney. W Peterzburgu i w Lipsku 1839“, (str. 289—309). Въ предисловіи къ этимъ отрывкамъ онъ говорилъ о произведеніи лже-Конисскаго: „Оно заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, о которыхъ и не снилось нашимъ историкамъ; и тѣмъ болѣе оно важно, что его авторъ, какъ онъ самъ говоритъ объ этомъ въ предисловіи, извлекъ его содержаніе изъ дневниковъ генеральныхъ писарей козацкаго войска, изъ универсаловъ королей и постановленій польскихъ сеймовъ, а также изъ старинныхъ лѣтописей“. (Стр. 286). Дѣйствительно, лицамъ, знакомымъ хотя отчасти съ тѣмъ богатымъ наслѣдствомъ хроникъ, географическихъ описаній, мемуаровъ, дневниковъ и разнаго рода архивныхъ документовъ, какое оставили послѣ себя польская образованность и государственная жизнь Польши XVI и XVII вѣковъ, не могли и не должны были „сниться“ небылицы „Исторіи Русовъ“; но удивительно, какъ самъ Мацѣевскій при своей обширной эрудиціи не замѣтилъ ея апокрифическаго характера. Въ пятидесятыхъ годахъ басни „Исторіи Русовъ“ повторяли еще Глищыньскій и Чарновскій.

Съ теченіемъ времени болѣе критическіе историки въ цѣломъ рядѣ работъ съ одной стороны стремились доказать, что „Исторія

Русовъ“ не могла быть написана Георгіемъ Конисскимъ, подъ именемъ котораго она ходила по рукамъ, и предлагали догадки о личности ея автора, съ другой стороны указывали на ея промахи и несообразности, поправляли ея фактическія невѣрности. Тѣмъ не менѣе все то, что не было опровергнуто, считалось заслуживающимъ довѣрія и продолжало переходить изъ книги въ книгу въ качествѣ исторической истины. Однако въ послѣднюю четверть XIX-го вѣка ослабѣло впечатлѣніе, произведенное на умы „Исторіей Русовъ“, мнѣніе Геннадія Карпова, *1 хотя въ нѣсколько смягченной формѣ, начало преобладать, и на нее стали смотрѣть не какъ на историческій источникъ, а какъ на политическій памфлетъ, гдѣ фантазіи данъ свободный полетъ, но гдѣ вѣрно отражаются историческіе и политическіе взгляды малороссійскаго дворянскаго общества временъ императора Александра Благословеннаго.

Эпохѣ Стефана Баторія въ „Исторіи Русовъ“ посвящено почти девять печатныхъ страницъ въ два столбца (стр. 24—32 изданія 1846 г.). Мы знаемъ приблизительно составъ книгъ и рукописей, которыми могъ располагать Василій Григорьевичъ Полетика при сочиненіи „Исторіи Русовъ“. *2 Для королевствованія Баторія у него не было иныхъ источниковъ, кромѣ общеизвѣстныхъ Анналъ Станислава Сарницкаго въ Лейпцигскомъ изданіи 1712 года *3, Хроники Павла Пясецкаго (см. выше, стр. 121), да тѣхъ малороссійскихъ компиляцій, которыя мы пересмотрѣли выше. Но поразительно, до чего свободно работала его фантазія. Подъ его перомъ эти сухія и довольно скудныя извѣстія неожиданно развернулись въ

*1 См. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся. Соч. Геннадія Карпова. Москва 1870 стр. 44—45.

*2 См. Кіевская Старина, 1891, т. 33, статья А. М. Лазаревскаго „Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ“, стр. 104, 108—109.

*3 Это изданіе, сдѣланное книгопродавцами Гледичемъ и Вейдманомъ, состоитъ изъ двухъ томовъ. Въ 1-мъ томѣ помѣщены 12 книгъ „Исторіи Польши“ Яна Длугоша; помѣченъ онъ: „Francofurti Anno 1711“. Во 2-мъ томѣ, помѣченномъ: „Lipsiae Anno 1712“, напечатаны: 13-я книга Исторіи Длугоша, Исторія Польши Кадлубка, Анналы Сарницкаго, Анналы Оржеховскаго, Письма знаменитыхъ людей, собранныя Карнковскимъ, четыре рѣчи Гозія, Описаніе старой и новой Польши Сѣнницкаго (Сарницкаго). Оба тома присланы были отцу В. Г. Полетики архіепископомъ Георгіемъ Конисскимъ въ 1782 г. См. Historya literatury polskiey przez Felixa Bentkowskiego. Tom. II 1814 str. 694—697.

пышную, величественную картину яко-бы богатой событіями эпохи въ жизни Малороссіи.

Во главѣ козачества стоятъ сказочные богатыри; по ихъ мановенію несмѣтныя полчища козаковъ предпринимаютъ удалые походы въ далекія восточныя страны и наносятъ гибельныя пораженія невѣрнымъ басурманамъ во спасеніе душъ своихъ и во славу короля и отчизны; благодарный король стремится всѣми мѣрами улучшить и усовершенствовать гражданскій бытъ козаковъ, надѣляя ихъ автономными учрежденіями и всяческими привиллегіями. Растроганный своими собственными измышленіями авторъ даетъ королю такую оцѣнку: „Король Баторій во всѣхъ отношеніяхъ къ Рускому воинству и народу былъ такой патріотъ, каковымъ почитался у Римлянъ императоръ Титъ, сынъ Веспасіановъ, т. е. другъ и отецъ человѣчества. Онъ правотою своею и кротостію вселилъ во всѣ народы королевства своего духъ единства и братскаго согласія. Не слышно было между ними никакихъ споровъ ни о породахъ, ни о преимуществахъ, и ниже о религіяхъ, умы народные часто возмущающихъ. Самое даже духовенство, склонное обыкновенно къ преніямъ и присвоенію себѣ правомыслія, подобилось тогда агнцамъ непорочнымъ златого вѣка или пастырства Адамова, и что всего восхитительнѣй, то было согласіе чистое и обѣихъ главныхъ религій, Римской и Рускій. Когда отлучался надолго епископъ Римскій, то поручалъ паству или правленіе своей епархіи епископу Рускому; когда же, напротивъ, отлучался епископъ Рускій, то также поручалъ епархію свою въ правленіе Римскому епископу, и все было у нихъ въ послушаніи и любви, прямо христіанской“.

Авторъ „Исторіи Русовъ“ не могъ обойтись и безъ подложной грамоты отъ имени Стефана Баторія. „Признательность и милость короля Баторія“, говоритъ онъ, „къ воинству и народу Рускому объясняются въ привиллегіи его, состоявшейся *1579 года, апрѣля 19 дня*, въ которой такъ написано: „Взглядомъ и увагою великихъ працъ и рыцарства войскъ Рускихъ, якіе вони показали и завше оказуютъ въ оборонѣ и разшыреню общей отчизны отъ супостатовъ и извыклыхъ претендаторовъ зарубежныхъ, найбарзей отъ тыхъ треклятыхъ иноплеменныхъ магометанцевъ и бусурмановъ, плюндрующихъ отчизну и завертаючыхъ въ неволю

людъ христіанскій, яко ся и недавно за королевство наше учинилося, але милостію Божескою и звитяжествомъ вѣрного гетмана нашого Руского Богдана и войсками его козацкими знатне отвернуто и отплачено, уставуемъ и подтверждаемъ вси права, вольности и привилегіи войска того и всего народа Руского, антецессорами нашими постановленныя и утвержденныя, и якъ изъ вѣковъ у нихъ бувало, тако да пребудетъ на вѣчныя времена и да неважить никто одминяти и нарушати правъ и свободъ въ добрахъ вѣчистыхъ и набытыхъ и во всякихъ маеткахъ, а властны воны шафовать имы по своей воли и судитысь объ ихъ въ своихъ судахъ земскихъ и гродскихъ, въ якихъ засѣдати выбраннымъ отъ рыцарства особамъ и судыти по своимъ правамъ и статутамъ Рускимъ; а належито до рыцарства войскового, тымъ судытись въ обозахъ и табурахъ своихъ отъ судей войсковыхъ, якихъ мы въ каждомъ полку учредить повелѣли, еднакъ справа до нихъ належить о бремени воина и маетку его движимомъ, донелѣ же кто козакуеть и вписанъ въ реестры войсковыи, а за повроченьемъ въ повѣты и околицы, судытися воны учнуть въ судахъ повѣтовыхъ и гродскихъ, яко станъ шляхетный и шляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и реестровомъ козацтви знайдуечесь, едность и равность имуть зъ шляхетствомъ Польскимъ и Лытевскимъ, яко-же при первомъ зъединоченю Руси зъ Польшею и Литвою уложено есть и утверждено, и мы тое подтверждаемъ и заховуемъ. Трибуналу Рускому отправовать дѣла свои по приличности въ новосозданномъ гради нашомъ Батуринѣ, а якъ потреба укажеть, то и въ Черкасахъ; тежь и гетману Рускому резидовать въ томъ гродѣ, а въ Черкасахъ мѣти намѣстника своего изъ генералитета войскового, який мы знатно розширыли и заоздобыли, умноживъ и классы товариства бунчукового, войскового и значкового, якымъ помѣщатись подъ бунчукомъ и при полковыхъ хоругвахъ, а бунчукъ жалуемъ мы гетману на знакъ звитяжства его зъ войскомъ своимъ надъ народомъ Азіятичнымъ, одъ якого и клейнодъ сей добутъ працею гетманскою и кровію козацкою“.

Дикой и несообразной представится намъ эта подложная привиллегія, если мы непосредственно вслѣдъ за нею прочтемъ подлинный универсалъ Стефана Баторія изъ Вильны отъ *6-го апрѣля 1579 года*, обращенный къ низовымъ козакамъ по случаю появленія въ

пограничныхъ степяхъ молдавскаго претендента Константина Лакусты съ шайкой разнаго сброда (см. выше, стр. 82—83):

„Stefan etc. Wszem wobec i każdemu z osobna, Mołojcom Zaporożnym i ich starszym łaskę naszą królewską.

Kiedyśmy przeszlego lata mieszkali we Lwowie, Konstantyn Łakusta, Wołoszyn, z dworu naszego tamże ze Lwowa, nieopowiednie, bez wolej i wiadomości naszéj pocichu uciekł, przysiągłszy nam przedtem, że tego uczynić nie miał, i zebrawszy łotrostwa i ludzi swowolnych niemało z sobą, wezbrał się był zarazem do Wołoch szkodę i rozruch uczynić; ale pogromiony przez ludzie wołoskie musiał tam ztąd ustąpić, i jakośmy sprawę mieli, z państw naszych miał się ku Moskwie obrócić. Teraz nam wiadomość przyszła, że się przecię w ziemi naszéj na Ukrainie bawi, mając przy sobie łotrostwa nie mało, z któremi zaś znowu wtargnąć pomyśla do Wołoch, a przymierze i pokój, które z ziemią Wołoską i państwy Cesarza J. M. Tureckiego utwierdzone mamy, wzruszać. Czemu dla pokoju rpltéj zabiegając, posyłamy tam z dworu naszego szlachetnego Andrzeja Łozowickiego, komornika naszego, który wam ten list nasz odda, do starost naszych ukraginnych, aby z nimi pospołu o Konstantym, żeby go poimać, staranie uczynił. Przeto i wam wszytkim rozkazujemy, żebyście Konstantemu towarzystwa takich rozruchów czynić w Wołoszech nie pomagali, ale tak jakoście się na służbę naszą udali, z powinności waszych nic innego nie biorąc przed się, pilnowali tego, żebyście nam i rpltéj służyli wiernie, a staroście naszemu Czerkaskiemu, pod któregoście zwierzchnością, we wszem posłuszni byli. A gdzie też starosta nasz Czerkaski, tak jakośmy mu pisali, pospołu z komornikiem naszym Łozowickim potrzebować będzie pomocy waszéj naprzeciwko Konstantemu, chcemy abyście mu ją dali i to czynili, co wam jedno tenże starosta nasz i komornik Łozowicki imieniem naszem rozkażą. Jeśliżeby też między wami byli tacy, coby nam służyć z drugimi pospołu nie chcieli, a swowolnie Konstantemu pomocnikami być chcieli albo byli, rozkazujemy gim, aby zaniechali umysłu swego, bo niech tacy wszyscy pewnie wiedzą, że za to na gardle karani będą, jako gwałtownicy przymierza i pospolitego pokoju. Inaczéj z powinności waszych i pod takiem karaniem abyście nie czynili inaczéj.

Datum w Wilnie dnia 6 miesiąca Kwietnia, r. Pańskiego MDLXXIX, a panowania naszego roku trzeciego". *1

Вотъ въ какомъ тонѣ *дѣйствительный* король Стефанъ обращался къ *дѣйствительнымъ* Днѣпровскимъ козакамъ въ апрѣлѣ 1579 года. Какъ мало сходна простая и дѣловая рѣчь историческаго Баторія съ витіеватымъ слогомъ автора „Исторіи Русовъ"!

* * *

Къ концу XIX вѣка сознаніе ученыхъ, занимающихся исторіей Малороссіи, освободилось въ главныхъ и важнѣйшихъ пунктахъ отъ чаръ, навѣянныхъ „Исторіей Русовъ", но отъ долгаго очарованія въ немъ остались осадки, которые то и дѣло бываютъ замѣтны на днѣ ихъ изслѣдованій. Къ числу такихъ „осадковъ" мы относимъ взглядъ на Днѣпровскихъ козаковъ эпохи Баторія, какъ на осѣдлое земледѣльческое *сословіе* южнорусской народности, испомѣщенное яко-бы на литовско-господарскихъ земляхъ въ пограничныхъ повѣтахъ, при чемъ право владѣнія землею было предоставлено не отдѣльнымъ лицамъ, а яко-бы цѣлымъ „общинамъ" съ надѣленіемъ ихъ полнымъ самоуправленіемъ въ администраціи и судѣ, но съ возложеніемъ обязательства снаряжать вооруженныхъ людей для охраны границъ и отбыванія военной службы подъ начальствомъ намѣстниковъ или старостъ мѣстныхъ господарскихъ замковъ. Взглядъ этотъ тенденціозно принятъ всѣми послѣдователями Кіевской исторической школы, какъ соотвѣтствующій ея историософическимъ теоріямъ, но не имѣетъ за себя никакихъ прочныхъ доказательствъ, почерпнутыхъ изъ первоисточниковъ. Между нимъ и воззрѣніями „Исторіи Русовъ" нѣтъ никакой качественной разницы. Авторъ „Исторіи Русовъ" былъ убѣжденный дворянинъ и въ козачествѣ хотѣлъ видѣть дворянское сословіе—„станъ шляхетный и шляхетство Руское въ чинахъ, урядахъ и реестровомъ козацтви знайдуечесь"; напротивъ, ученые Кіевской школы—непреклонные „народники", считающіе, будто „принципъ вѣчевой, принципъ широкаго демократизма и при-

*1 Этотъ универсалъ былъ напечатанъ дважды: 1) П. А. Кулишомъ въ Матеріалахъ для исторіи возсоединенія Руси. Т. 1, Москва 1877, стр. 11—12, съ удержаніемъ правописанія оригинала; 2) въ изданіи: Biblioteka ordynacyi Krasińskich, Muzeum Konstantego Świdzińskiego, Tom. V i VI. Warsz. 1881 str. 396—397, № 189—въ обновленномъ правописаніи; у насъ универсалъ приведенъ по этому послѣднему изданію.

знанія равныхъ политическихъ правъ для каждой общественной единицы“ – является руководящею идеею всей малороссійской исторіи, и вотъ они желаютъ разглядѣть въ туманѣ вѣковъ реальное осуществленіе своихъ демократическихъ вѣрованій и чаяній въ козацкихъ „общинахъ“. Мы полагаемъ, что оба взгляда навязываются исторіи козачества, но изъ нея не вытекаютъ. Мы знаемъ, чѣмъ были Днѣпровскіе козаки до Баторія и въ его эпоху. Отнюдь не земледѣльцами. Это былъ людъ неосѣдлый, бродячій, лѣто проводившій въ степяхъ на промыслахъ, на зиму собиравшійся въ пограничные городки, большею частью безсемейный, разнузданный и своевольный;—то рыболовы и охотники, то удалые воины, искавшіе добычи въ набѣгахъ на сосѣднія страны, то разбойники и грабители, передъ которыми дрожали мирные пограничные жители; не даромъ кіевскіе мѣщане говорили въ 1585 году: „а мы дей отъ таковыхъ своволныхъ людей козаковъ и сами въ домехъ нашихъ, яко на украинѣ, во всемъ месте Киевскомъ о здоровю своемъ не безпечны“. О надѣленіи козацкихъ „общинъ“ землею со стороны литовскаго правительства совсѣмъ нельзя найти въ источникахъ ясныхъ и прямыхъ свѣдѣній. Человѣкъ не Кіевской исторической школы, слѣдовательно – болѣе безпристрастный, авторъ дѣльнаго труда „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе литовско-русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута, Москва 1892 г.“, М. К. Любавскій также хочетъ видѣть въ Черкасскихъ козакахъ людей „испомѣщенныхъ“ т. е. такихъ, которымъ правительство давало земли за военную службу. Чѣмъ же онъ доказываетъ свое мнѣніе? „На это (т. е. на землевладѣніе козаковъ)“, говоритъ онъ, „*намекаетъ* и одинъ изъ древнѣйшихъ документовъ о черкасскихъ козакахъ, именно—„списанье речей (т. е. вещей), у козаковъ Черкасскихъ отобраныхъ черезъ Сенька Полозовича“. Козаки дѣлятся, по этому документу, на роты, при чемъ начальникомъ одной изъ ротъ является какой-то князь Дмитрій; *они имѣютъ своихъ бурсниковъ, стало быть, владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность*“. (Стр. 532). Здѣсь мы имѣемъ примѣръ совершенно произвольнаго вывода изъ плохо понятаго текста. Документъ, о которомъ идетъ рѣчь, изданъ весьма небрежно въ томѣ 1 части III Архива юго-западной Россіи (Кіевъ, 1863) и нѣкоторыя мѣста его, очевидно,

испорчены, но общій смыслъ его ясенъ и заключается въ слѣдующемъ: Его милость господарь литовскій (въ данномъ случаѣ—Александръ Казимировичъ, зять Іоанна III Московскаго) приказалъ переписать для памяти вещи, доставленныя ему черкасскимъ намѣстникомъ Сенькомъ Ѳедоровичемъ Полозовичемъ въ концѣ 1502 года. Вещи тутъ были такія: 1) шесть шубъ изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 2) одинъ торлопъ (женская верхняя нарядная мѣховая одежда) тоже изъ брюшныхъ бѣличьихъ шкурокъ, 3) пять лентъ, сшитыхъ изъ мѣха, снятаго съ лисьихъ ножекъ, для обкладки одеждъ снаружи, 4) шесть локтей „цвикольскаго“ сукна, 5) семнадцать драгоцѣнныхъ камней, 6) одно жемчужное ожерелье, 7) двѣ золотыхъ пуговицы, 8) четыре маленькихъ жемчужины. Составлявшій опись писарь не ограничился простымъ перечисленіемъ вещей, а счелъ нужнымъ объяснить, какого происхожденія эти вещи и какимъ образомъ онѣ попали въ руки Сенька Полозовича. Мѣховыя вещи и сукно, оказывается, были отобраны, какъ *поличное*, у трехъ козаковъ изъ войска князя Дмитрія Ивановича Путятича, воеводы Кіевскаго, изъ роты Щура [*1], обокравшихъ какого-то восточнаго купца Ахмата; камни, ожерелье, пуговицы и жемчужины достались Сеньку Полозовичу, какъ *выморочное имущество*, оставшееся послѣ смерти козака изъ той же Щуровой роты Митенка, не имѣвшаго близкихъ наслѣдниковъ, ибо былъ обычай, что послѣ умирающихъ козаковъ „тыи отумерлые речи, хто ближнего не маетъ, приходятъ на намѣстника черкаского“. Далѣе въ актѣ объясняется, что вещи Митенка до передачи ихъ намѣстнику хранились у его „бурсника“ по имени Каленика и что въ числѣ ихъ было еще 24 локтя краснаго „трицкаго“ сукна, но что это сукно намѣстникъ роздалъ на однорядки своимъ слугамъ. Вотъ и все содержаніе акта. Остается объяснить значеніе слова „бурсникъ“. Каленикъ былъ „бурсникомъ“ Митенка; теперь-бы мы сказали: „однополчаниномъ“, „однокашникомъ“, такъ какъ именно этотъ смыслъ имѣетъ слово „бурсникъ“. „Бур-

[*1] Судя по фамиліи, начальникъ роты (rotmagister, rotmistrz) Щуръ—польскаго происхожденія. Щуръ, szczur—слово чисто польское и значитъ: крыса. Въ одномъ памятникѣ 1510 г. сказано: „Rotmagister super ducentos pedites“; изъ этихъ словъ видно, что численность роты въ началѣ XVI в. достигала 200 человѣкъ. См. Materyały do słownika histor. języka i starożytności polskich. I. Militaria. Zebrał W. Łebiński. Poznań 1889. Str. 452 подъ словомъ *rotmistrz*.

сникъ", какъ и общеизвѣстное „бурсакъ", значитъ: членъ или участникъ „бурсы" т. е. такого общежитія, гдѣ люди удовлетворяютъ свои потребности изъ одной „бурсы", изъ одного кошелька, иначе сказать: имѣютъ общую кассу. Средневѣковое латинское слово *bursa* произошло отъ греческаго βύρσα=кожа, при такомъ переходѣ значеній: кожа—кожаный кошель—кошелекъ для храненія денегъ—общественная касса—общежитіе. Очевидно, такія роты, какъ рота Щура, около 1500 г. назывались иногда „бурсами", а люди, въ нихъ служившіе,—„бурсниками". Въ такомъ смыслѣ составитель акта 1502 г. и назвалъ Каленика „бурсникомъ" Митенка т. е. товарищемъ, сослуживцемъ его по ротѣ. Очень естественно, что бездомный и безсемейный Митенко, чувствуя приближеніе смерти, ввѣрилъ свои драгоцѣнности и кусокъ сукна своему ближайшему сослуживцу Каленику. По составу переданной на храненіе Каленику движимости видно, что она досталась Митенку при разграбленіи какого-нибудь купеческаго каравана. Иначе почему могли попасть въ козацкія руки камни и ожерелье, золотыя пуговицы и жемчужины? Разобранный актъ вполнѣ подтверждаетъ то воззрѣніе на Днѣпровское козачество XVI вѣка, какого мы держимся въ настоящемъ изслѣдованіи, но какъ М. К. Любавскій могъ усмотрѣть въ немъ *намекъ* на козацкое землевладѣніе, какъ онъ могъ изъ того обстоятельства, что Митенко передалъ свои вещи на храненіе своему „бурснику", т. е. сослуживцу, Каленику, сдѣлать выводъ, что козаки „*владѣютъ землею, съ которой и несутъ военную повинность*",—все это для насъ совершенно необъяснимо.

Остальные доводы М. К. Любавскаго въ пользу существованія у Днѣпровскихъ козаковъ общиннаго землевладѣнія на господарскихъ земляхъ—сводятся къ аналогіямъ съ землевладѣніемъ козаковъ Новгородскихъ (Новогрудскихъ) и Полоцкихъ, хотя, по нашему мнѣнію, невозможны никакія аналогіи между порядками во внутреннихъ заселенныхъ областяхъ Литовскаго государства и бытомъ въ дикихъ пограничныхъ степныхъ пустыняхъ.

Также слабы доказательства „испомѣщенія" козацкихъ „общинъ" въ приднѣпровскихъ повѣтахъ, приводимыя послѣдователями Кіевской исторической школы. На основаніи наличныхъ источниковъ правильнѣе всего будетъ признать, что такого факта никогда не сушествовало.

* *
*

Подчеркивая существованіе „испомѣщенныхъ“ козацкихъ общинъ, послѣдователи Кіевской исторической школы допускали возможность „испомѣщенія“ и отдѣльныхъ личностей изъ козацкой среды. Но такъ какъ личное землевладѣніе было явленіемъ общераспространеннымъ, то весь вопросъ сводится къ тому, были ли тѣ козаки, о которыхъ имѣются въ источникахъ свѣдѣнія, какъ о личныхъ землевладѣльцахъ, дѣйствительно лицами козацкаго *сословія*, или они были обыкновенными земянами-шляхтичами, но только козаковали, ходили на козацкій промыселъ, и вслѣдствіе этого, по характеру своего быта, назывались козаками. Разсмотримъ этого рода факты, предшествующіе королевствованію Стефана Баторія; ихъ всего два.

Въ 1546 году король Сигизмундъ-Августъ пожаловалъ нѣкоему Дмитрію Базановичу два селища въ нынѣшнемъ Уманскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи: Соколковъ на р. Конелѣ, теперешнее село Соколовку, и Митковцы на р. Горномъ Тикичѣ, теперешнее село Вороное [*1]. Въ грамотѣ пожалованія къ имени и отчеству жалуемаго въ дательномъ падежѣ добавлено: „козаку Звенигородцу“. Послѣдователи Кіевской школы полагали, что этими словами опредѣляются сословіе и мѣсто жительства жалуемаго, и отсюда дѣлали выводъ, что козаки „испомѣщались“ литовскимъ правительствомъ. Но благодаря документамъ, изданнымъ А. П. Яблоновскимъ, выясняется, что Дмитрій Базановичъ вовсе не былъ козакомъ въ сословномъ смыслѣ этого слова, а былъ земяниномъ Брацлавскаго повѣта, хотя и принадлежалъ къ „подлѣйшимъ“ (менѣе знатнымъ) земянамъ, которыхъ настоящіе знатные земяне не считали своими собратіями, такъ какъ не знали ихъ родословій (Źr. dz. t. VI, str. 126—127). Уже въ 1529 г. онъ въ числѣ другихъ земянъ обязанъ былъ содержать четырехъ конныхъ воиновъ для охраны государственной границы въ окрестностяхъ Саврани, Чечельника, Звенигорода и Кошиловцевъ (Źr. dz. t. XX, str. 144). Въ документахъ онъ называется: Dmitr Swychnogroczski (1529) и Dmitr Zwinohorodec (1545). Это фамильное прозвище объясняется, вѣроятно, прежнимъ жительствомъ его въ Звенигородскомъ замкѣ,

[*1] См. Архивъ юго-зап. Россіи, ч. VII, т. I, 1886, стр. 185—206.

разрушенномъ татарами около 1520 года. Только къ жалованной грамотѣ 1546 года Дмитрій Звенигородецъ названъ „козакомъ“. Отсюда мы имѣемъ право заключить, что Дмитрій Базановичъ былъ „козакомъ“ только въ томъ смыслѣ, что онъ велъ козацкую жизнь, участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ; такъ въ недавнее время, по замѣчанію П. А. Кулиша, употреблялось слово *чумакъ* для обозначенія человѣка той или другой среды, вдавшагося въ извѣстный промыселъ *1. Сынъ Дмитрія Базановича Богданъ Дмитріевичъ и внукъ его Ѳедоръ Богдановичъ обратили обозначеніе промысла ихъ родоначальника въ первую часть своей фамиліи (przydomek) и продолжали именоваться Козаками-Звенигородскими безъ отношенія уже къ тому, занимались ли они козакованіемъ или нѣтъ. Ѳедоръ Богдановичъ въ 1592 году продалъ свою предковщину, села Соколковъ (Соколовку) и Митковцы (Вороное),—галицкому каштеляну Юрію Струсю.

Второй фактъ относится къ 1571 году и даетъ еще менѣе поводовъ для сомнѣній въ томъ, къ какому „сословію“ принадлежало жалуемое земельнымъ имѣніемъ лицо. Вотъ текстъ жалованной грамоты: „Жикгимонт-Август, etc.—Ознаймуем сим нашим листомъ всимъ посполите и кождому зъ особна, нинешънимъ и на потомъ будучимъ, кому будеть потреба того вѣдати: билъ намъ чоломъ *шляхетъный Омельян Ивановичъ, земянин нашъ*, и просилъ насъ, абыхмо ласку нашу господарскую над нимъ показали, а за службы его, которые он намъ зъ себе от немалого часу на той украине показуеть, гдеж и на сес час вязневъ непріятельских татарина сам от себе и *от всихъ товарышовъ своихъ, козаковъ низовыхъ*, намъ отдалъ,—землю входную Северу за Черкасы у двадцати миляхъ, то есть, почавши от Санчаровского перевозу на реце Ворскли *2 шляху татарского, на низ тою рекою Ворсклом, къ устью речки Полузоры *3, которая с поля, з Московское стороны, с правое руки приходить и въ Ворскло въпадываеть, а оттоль Ворсклом до речки Кустови *4, которая теж с поля от Орды

*1 См. Кулишъ. Исторія возсоединенія Руси, т. I, Спб. 1874, стр. 95.

*2 Санчаровскій перевозъ черезъ Ворскло—у нынѣшняго села Старыхъ Сенжаръ Полтавскаго уѣзда.

*3 Нынѣ рѣчка *Полузерье* въ у. Полтавскомъ и Кобелякскомъ.

*4 Нынѣ рѣчка *Кустолов* въ у. Константиноградскомъ и Кобелякскомъ.

зълева тамъ же впадаеть, и зась Ворсклomъ аж до рубежа Степана Жарковича Артемъковых Песков, по обудву сторонахъ тое речки Ворскъла, зо всими кгрунты, пожитки ихъ и належностями, яко ся тая земля Север зъ давна в собе маеть, ему самому, жоне и дочкамъ его Гасьце и Черни; а если бы он сыновъ еще мелъ, тогды, отдаливъши от тыхъ девокъ, тымъ сыномъ и потомкомъ их на вечность дали и тымъ пожаловали; за которым, же и *вельможный Юрий Язловецкий з Бучача, воевода руский, гетман корунъ нашое, староста любичевский, хмельницкий и чирвоногродский, до нас в причине писал, залецаючи намъ верные и годные службы его.* А такъ мы, з ласки нашое господарское, на причину пана воеводы руского и бачачи тежъ на службы и чоломъ битье того слуги нащого Омеляна, то есмо учинили, а оную землю входную на имя Сиверу ему самому, жоне и девкам его Гасце и Черни, а если бы онъ сыны мелъ, тогды, заховуючи преднейшое право по мечу, сыномъ его, также детемъ и потомком их, ленным правомъ мужского рожаю дали есмо и симъ листом нашимъ даемъ на вечность, а девки его пречоные Гаска и Черня вжо до тое земли никоторого права мети не мають и от нее отпадають. Маеть Омелянъ Ивановичъ самъ, его жона, такъ же дети и потомъки его властные, тым правомъ и порядком оную землю Сиверу по обудвух сторонахъ реки Ворскла, яко ся вышей поменило, почавши от шляху Санчаровского на низ рекою Ворсклею аж до рубежа Жарковича Артемковых Песков, зо всими землями, кгрунты, з боры, з лесы, з деревом бортным, з реками, а меновите, з речками Полузорою и Кустовъю, з озеры, з ловы звериными, пташими, рыбными, з бобровыми гоны и зо всими доходы, пожитки и ихъ належностями, так долго и широко, якося тая земля Сивера сама в собе в границах, пожитках и обыходех своихъ здавна и на сесь час маеть, держати и уживати, прибавляти, розширяти и всякие пожитки собе тамъ розмножати. А вжо от сего часу врадники наши, старостове черкаские, и нихто иный в том ему и потомкомъ его никоторое переказы чинити и вступовати ся в то ничим не мають, одно, же повиненъ будеть Омелянъ с тыми потомками своими нам, господарю, и потомком нашимъ, королем полским, съ того службу нашу господарскую служити, на то дали есмо Омельяну Ивановичу сесь наш листъ, до которого на твердость и печать нашу привесити есмо велели.

Писан у Варшаве, дня четвертаго мѣсяца октября, лета Бож. нарож. 1571, панованя нашого року 42.

Подпис руки его кр. милости“ *1.

Не можетъ быть спора, что Емельянъ Ивановичъ – земянинъ-шляхтичъ, одинъ изъ тѣхъ, которыхъ полно было въ козацкихъ рядахъ во вторую половину XVI в. (см. выше, стр. 22). Онъ участвовалъ въ козацкихъ предпріятіяхъ и въ этомъ смыслѣ низовые козаки называются его товарищами. Дата грамоты (4 октября 1571 г.) даетъ возможность предполагать, что Емельянъ Ивановичъ былъ соратникомъ короннаго гетмана и русскаго воеводы Юрія Язловецкаго въ той неудачной экспедиціи, которую предпринялъ Язловецкій въ степи между 16 мая и 22 іюля 1571 г. для очищенія ихъ отъ татарскихъ шаекъ и которая описана у Папроцкаго (Herby etc. wyd. Turowskiego, 1858, str. 221—222), что онъ отличился въ ней и при этомъ сдѣлался извѣстнымъ Язловецкому и что послѣдній, желая наградить Емельяна Ивановича за отличіе, походатайствовалъ передъ королемъ о пожалованіи его „входною землею“ т. е. охотничьими и рыболовными угодьями по берегамъ р. Ворскла ниже Старыхъ Сенжаръ и по рѣчкамъ Полузерью и Кустолову.

Изъ предыдущихъ объясненій, намъ кажется, ясно, что оба факта, приводимые Кіевскою историческою школою въ подтвержденіе „испомѣщенія“ отдѣльныхъ лицъ козацкаго *сословія*, не имѣютъ въ этомъ отношеніи никакой доказательной силы. Мы полагаемъ, что наиболѣе правильный взглядъ по вопросу объ образованіи землевладѣнія козаковъ, не принадлежавшихъ къ земянамъ или шляхтѣ, а вышедшихъ изъ низшихъ, несвободныхъ сословій польско-литовскаго государства, высказанъ М. К. Любавскимъ. „Исторія малорусскаго козачества“, говоритъ послѣдній, „не представляетъ процесса, отличнаго отъ того, какой представляетъ исторія и великорусскаго козачества. Какъ въ Великороссіи, такъ и въ Малороссіи козакъ являлся сначала отхожимъ промышленникомъ, ищущимъ заработковъ на сторонѣ, чаще всего на степномъ приволѣ. Это степное приволье притягиваетъ къ себѣ выходцевъ

*1 См. Чтенія въ истор. обществѣ Нестора лѣтописца. Кн 8. К. 1894, отд. III, стр. 11—13, № II – изъ матеріаловъ по исторіи козацкаго землевладѣнія, сообщенныхъ И. М. Каманинымъ. Курсивъ нашъ.

изъ разныхъ мѣстностей Руси, чаще всего изъ окраинныхъ. Выходцы въ силу необходимости, такъ какъ въ степяхъ, въ пустыняхъ, люди предоставлены самимъ себѣ, собственнымъ силамъ, такъ какъ тамъ идетъ борьба на жизнь и на смерть, группируются въ вооруженныя товарищества вокругъ отдѣльныхъ вожаковъ-атамановъ. Съ теченіемъ времени степи начинаютъ колонизоваться этими выходцами, которые устраиваются въ нихъ на постоянное житье, сохраняя свою военную и общинную организацію. *Въ степяхъ появляются козацкіе хутора, козацкія слободы, являются домовитые козаки, начинается земледѣліе.* Такъ было и въ бассейнѣ Днѣпра, и въ бассейнѣ Дона. Козаки—не остатки какихъ-то древне-славянскихъ вольныхъ общинъ на пограничьѣ русской осѣдлости, а вооруженныя артели промышленниковъ, вытянутыхъ изъ предѣловъ этой осѣдлости пустотой степей. Конечно, съ пограничья шло въ степь больше всего народа, но и внутреннія области государства давали въ козачествѣ извѣстный процентъ“ *1.

* * *

Вторымъ „осадкомъ“ отъ чаръ „Исторіи Русовъ“ мы считаемъ общераспространенное среди ученыхъ вѣрованіе, будто Стефанъ Баторій какою-то „реформою“ измѣнилъ правовое положеніе козацкаго „сословія“ въ „украинныхъ“ воеводствахъ. Нашимъ предыдущимъ изложеніемъ вполнѣ доказано, что никакой „реформѣ“ козацкое „сословіе“ не подвергалось, да и не могло подвергаться, такъ какъ самого козацкаго „сословія“ въ то время не существовало. Мы видѣли, какъ создалась легенда объ этой „реформѣ“ въ средѣ позднѣйшаго козачества, желавшаго опереться на авторитетъ Баторія при добываніи для себя политическихъ правъ. Тѣмъ не менѣе всѣ историки недавняго времени подробно распространялись о значеніи произведенной Баторіемъ „реформы“, ссылаясь иногда на Пясецкаго или Гродскаго, но болѣе всего на разсмотрѣнныя нами малороссійскія компиляціи *2. Кіевская исто-

*1 См. Любавскій, Начальная исторія малорусскаго козачества. Журн. Мин. Народ. Просв. 1895, іюль. Отд. крит. и библіогр. стр. 238.

*2 См. напр. Костомарова, Богданъ Хмельницкій, 4 изд. 1884, т. I, стр. 19—21; Падалки, Происхожденіе запорожскаго козачества, Кіевская Старина 1884 г., т. 10, стр. 42—52; Брянцева, Исторія литовскаго государства, Вильна 1889, стр. 390—395; Эварницкаго, Исторія запорожскихъ козаковъ, т. II, 1895, стр. 56—65; и т. д.

рическая школа, стремясь объяснить внутренній смыслъ мнимой „реформы“, приписываетъ Стефану Баторію такія политическія комбинаціи, которыя, конечно, никогда не приходили ему и въ голову. Исходя изъ того взгляда, что козацкія „общины“ были испомѣщены литовскимъ правительствомъ и пользовались широкою административною и судебною автономіею, послѣдователи Кіевской исторической школы предполагаютъ, будто Люблинская Унія внесла большую шаткость въ ихъ юридическое положеніе, такъ какъ польское право не знало де иныхъ сословій, кромѣ шляхетскаго, мѣщанскаго и закрѣпощеннаго крестьянскаго, а козацкое сословіе не подходило де ни къ одному изъ трехъ; и вотъ будтобы Стефанъ Баторій, желая вывести козачество изъ этого шаткаго, неустойчиваго состоянія и дать ему точно опредѣленное правомъ мѣсто въ польскомъ государствѣ, прибѣгъ къ юридической фикціи: онъ будто-бы воспользовался принадлежавшей польскимъ королямъ прерогативой нанимать безъ вѣдома сейма чужеземныя войска и рѣшилъ, не докладывая объ этомъ сейму, начать разсматривать Днѣпровское козачество, какъ чужеземное наемное войско, несмотря на то, что оно было туземнымъ осѣдлымъ землевладѣльческимъ „сословіемъ“; но, боясь создать изъ козачества не безопасную для Рѣчи - Посполитой силу, Стефанъ Баторій будто-бы распространилъ свою милость только на шесть тысячъ козачьихъ семействъ, которымъ и составлена была перепись (реестръ), остальную же часть козачества закрѣпостилъ мѣстнымъ шляхтичамъ; этою мѣрою онъ хотѣлъ де внести рознь въ козачество и тѣмъ ослабить его силу. Не отрицая того, что польскія понятія объ объемѣ и сущности крѣпостнаго права были одною изъ важнѣйшихъ причинъ ожесточенія западно-русскаго крестьянства противъ польскаго государственнаго режима въ эпоху Хмельницкаго, мы не можемъ согласиться съ истолкованіемъ эпохи Баторія Кіевскою исторической школою и считаемъ рисуемую ею картину столь-же фантастическою, сколь далеки были отъ подлинной дѣйствительности измышленія „Исторіи Русовъ“. Правильно разсуждалъ П. А. Кулишъ, когда онъ, издавая универсалъ Стефана Баторія, обращенный къ низовымъ козакамъ по дѣлу Константина Лакусты (см. выше, стр. 147), писалъ: „Настоящій универсалъ важенъ въ томъ отношеніи, что уничтожаетъ принятую многими выдумку,

будто бы король Стефанъ регулировалъ запорожское войско и далъ ему то устройство, въ какомъ оно является намъ во времена позднѣйшія. Какъ и когда устроило свои войсковые и полковые порядки запорожское войско, намъ неизвѣстно, потому что козаки не любили письменности. Предположивъ, что этому войску далъ извѣстное намъ устройство Стефанъ Баторій, надобно было бы внутренній строй самой Польши его времени поднять повыше; надобно было бы колонизацію украинскихъ пустынь считать совершившеюся, дикія поля, въ которыхъ Зборовскій умиралъ съ голоду, воображать удобно проходимыми, а сообщенія между центромъ государства и такою окраиною, какъ запорожскій Низъ, считать легкими. Ничего этого не было во времена Стефана Баторія; а земледѣліе въ сосѣдствѣ съ дикими полями еще и при Сигизмундѣ III было въ такомъ состояніи, что среди нивъ стояли деревянные зрубы, въ которые пахари и жнецы сбѣгались отсиживаться съ пищалями и луками отъ татаръ, которые охотились на людей, какъ на звѣря. При такомъ положеніи края, регулировать козаковъ было Стефану Баторію столько же трудно, какъ Ярославу Мудрому—торковъ и берендѣевъ“ [*1].

На этомъ мы закончимъ наше изслѣдованіе о дѣяніяхъ Днѣпровскихъ козаковъ въ эпоху Стефана Баторія и объ искаженіи ихъ въ литературѣ, начиная съ XVII вѣка, и въ заключеніе пожелаемъ, чтобы басня о „реформѣ“ козацкаго „сословія“, произведенной якобы по мысли Стефана Баторія, поскорѣе исчезла изъ учебниковъ русской исторіи и изъ энциклопедическихъ словарей [*2], гдѣ она постоянно вновь и вновь повторяется.

[*1] См. Кулишъ, Матеріалы для исторіи возсоединенія Руси, т. I, Москва 1877, стр. 11.

[*2] См. напр. въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Ефрона полут. 5, стр. 181, 187; полут. 23, стр. 275; полут. 30, стр. 590.

Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій и стихотворный „Плачъ“ о немъ неизвѣстнаго по имени автора 1585 г.

(Къ стр. 71).

Князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій былъ отцомъ князя Михаила Михайловича, дѣдомъ князя Іереміи Михайловича и прадѣдомъ князя Михаила-Ѳомы, провозглашеннаго 19 іюня нов. ст. 1667 г. королемъ польскимъ. Біографическія свѣдѣнія о немъ собирали Юліанъ Бартощевичъ (см. Tomasza Święckiego Historyczne pamiątki znamienitych rodzin i osób dawnej Polski przejrzał w rękopiśmie, objaśnił i uzupełnił przypisami Juljan Bartoszewicz, Tom II, Warsz. 1859, str. 295 i 535), Адамъ Бонецкій (см. Poczet rodów w wielkiem księstwie litewskiem w XV i XVI wieku. Ułożył i wydał Adam Boniecki, Warsz. 1887, str. 375) и Іосифъ Вольфъ (см. Kniaziowie litewsko-ruscy od końca czternastego wieku przez Józefa Wolffa, Warsz. 1895, str. 558–559), но ни одинъ изъ нихъ не воспользовался богатымъ біографическимъ матеріаломъ, который даетъ стихотворный „Плачъ“, сочиненный неизвѣстнымъ авторомъ тотчасъ вслѣдъ за кончиною князя Михаила Александровича, послѣдовавшею 5|15 октября 1584 г. Это литературное произведеніе, весьма замѣчательное во многихъ отношеніяхъ, было отпечатано, вѣроятно, въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, въ Краковѣ въ типографіи Матѳея Виржбіенты въ 1585 году. Единственный въ цѣломъ свѣтѣ экземпляръ его сохраненъ въ библіотекѣ ординаціи графовъ Красинскихъ въ Варшавѣ. Эту книжечку просматривалъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка В. А. Мацѣевскій, занесшій въ свою „Польскую письменность“ (Piśmiennictwo polskie, od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. Przedstawił W. A. Maciejowski. Tom III. Warsz. 1852. Str. 33–34) ея заглавіе и слѣдующій о ней отзывъ: „Изъ обращенія къ зоилу, помѣщеннаго въ концѣ, видно, что авторъ былъ слугою покой-

ника, а изъ описанія герба оказывается *1, что онъ жилъ въ Нижней Билкѣ. Сочиненьице это заключаетъ въ себѣ жизнь достойнаго князя, описанную просто, безъ всякихъ прикрасъ". Профессоръ Ѳ. Ф. Вержбовскій описалъ „Плачъ" съ внѣшней стороны въ III томѣ своей „Польской Библіографіи" (см. Bibliographia Polonica XV ac XVI ss. Volumen III. Varsoviae 1894, p. 170—171, № 2768). Въ настоящее время мы издаемъ цѣликомъ этотъ памятникъ по экземпляру библіотеки ординаціи графовъ Красинскихъ, снабдивъ его необходимыми комментаріями, объясненіемъ рѣдкихъ словъ и послѣсловіемъ, въ которомъ выяснено значеніе памятника для южнорусской исторіи XVI вѣка и намѣчены вопросы, возникающіе при его изученіи.

*1 Не точно; слѣдовало сказать: „изъ даты подъ посвященіемъ *„Плача"* княгинѣ Вишневецкой".

Epicedion.

Epicedion.

To iest.

Żałobny wirsz o zacnym a wieczney pamięći godnym Książęciu Michale Wisniewieckim, Kaszthelanie Kijewskim, Cerkaskim, Kaniewskim, Lubeckim, Staroscie. Tudziesz o pobożnośći żywotha iego Krześćiańskiego, y około dzielnośći w pewnych pothrzebach z nieprzyiacielem w państwie J. K. M. y w Moskiewskiey ziemi z niebezbieczeństwem zdrowia swego, który w oyczyznie swoiey na zamku Wisniewieckim maiąc lath wieku swego 55 [1]), dług powinny Panu Bogu swemu, pietnastego dnia Oktobra, s Poniedziałku na Wtorek [2]), w Roku od narodzenia Krystusa Pana 1584, zapłaćił.

DO CZYTELNIKA.

Rożni byli co ludziom, to widzieć podali,
Jeden pisał, a drudzy druku pilnowali
Ukroćić sie nie zdało, przydać pogotowiu,
W rozumie swym niech pływa, każdy iest w przysłowiu.
Jednak to istna prawda, co sie tu pisało,
A iesliby co komu, inaczey sie zdało.
Wspomni że łatwiey ganić, niżli nasladować,
Y niepodobna wszytkim wobec sie podobać,
Piękne ciało piękne iest, By dobrze nie była
Piękna suknia, co ciało by przyozdobiła.

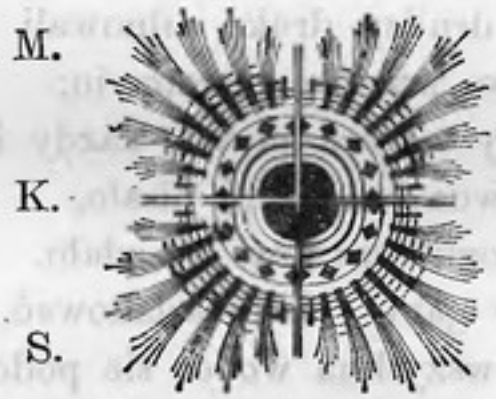
1) Возрастъ усопшаго князя показываетъ, что онъ родился въ 1529 г.

2) Изъ указанія, что 15-ое октября приходилось въ понедѣльникъ,—видно, что авторъ считалъ по новому стилю; 15-е октября стараго стиля приходилось въ 1584 г. въ четвергъ. Значитъ, кн. Михаилъ Александровичъ скончался 5|15 октября 1584 г. Погребенъ онъ былъ, какъ извѣстно, въ Кіево-Печерской Лаврѣ. См. Максимовичъ, Собраніе сочин., т. II, Кіевъ, 1877, стр. 231.

Komu wina nie sstawa, ryby z wodą warzy,
Nie każdemu Maronem, być sie zawżdy zdarzy.
Owa dosyć kto wprzod chciał, że w pul kresu stanie,
Y tuć nie wszytko wszytkim, podoba się Panie.

(str. 2). Wżdy lepiey

Wżdy lepiey że ći przedsię, w Polszcże sie nayduią,
Ktorzy cnych ludzi sprawy, swiatu pokazuią.
Niźli żeby przygany, chroniąc sie w pisaniu,
Cnoty ich niewdzięczności, zostały w mniemaniu.
Pewnać to iest że iako, lekarstwo choremu,
Tak prawdę udać trzeba, wieku ninieyszemu.
Gdyż iako zepsowany, w potrawach żołądek,
Tak braku w rzeczach nie ma skażony rozsądek.
Jednak sie tym nie gorszyć, a pomnieć to prziydzie,
Ze iako trawa z Wiosną, prawda s czasem wnidzie.
Ktorą trudno potłumić, bo ma ostre rogi,
Y żywot długowieczny, y bieg wichronogi.



(Мѣсто изображенія герба князей Вишневецкихъ. Вокругъ герба буквы: M. W. K. K. S. L., что значитъ: Михаилъ Вишневецкій, каштелянъ Кіевскій, староста Любецкій).

Na Herby
Sławney a Wieczney
pamięći godnego, Wielmożnego Ksią-
żęcia Michała Wisniewieckiego, Kasztelana zie-
mie Kijowskiey, Czerkaskiego, Kaniowskiego,
y Lubeckiego Starosty.

Zacna rzecż iest, z zacnych być przodkow narodzonym,
A zacnoscią narodu, zdawna oslachcionym.
Szczęsliwym tu na swiecie, takiego mianuią,
Rozmaite tytuły, iemu przypisuią.
Do czego gdy maiętność, Krezusa przystąpi,
Nie lada kto s nim zrowna, każdy mu ustąpi.
Lecż zacnieysza to iscie, męstwem dobrey sławy,
Dzielnoscią, tu nabywać, cnotliwemi sprawy.
A do przodków zacnośći s swoiey też ochoty,
S pilnoscią usiłować, o wieczne kleynoty.
Nie tak własney iak więcey, Pospoliteyrzecży
Służąc, ktorą Rycerski, człowiek ma na pieczy.
Nie żaluiąc tu dla niey rozliczných trudnośći
Podiąć, gardlo utraćić nad to maiętnośći.
Za takiemić postępki, Herby rozdawano.
Ktore w tym być czułymi, rzeczam doznawano.
Na znak męstwa, dzielnośći, y uczciwey sprawy,
Wyrażaiąc to wszytko, iako obraz prawy.
Ktory acż sam nie mowi, lecż to znamionuie,
Co w Koronnym synaczku, rzeczą tu znayduie.
W tymći się przed tym naszy, przodkowie kochali,
Za bogactwa oyczyznę, synom zostawiali,

Daiąc tym znać, że sława, iest lepsza niż złoto,
Względem ktorey wszytko iest, proch a szczyre błoto
(str. 4). Ukazuiąc
Ukazuiąc im drogę, przykład dobrey sławy,
Ktorey każdy dostąpi, przez uczćiwe sprawy.

Tymći torem Książęta, poszły Wisniowieckie,
Tym gościńcem Książęta poszły też Zbaraskie.
Ktorym za Herb trzy krzyże, Miesiąc z Gwiazdą dano,
Zacne sprawy, postępki, ich tym wyrażono.
Zwłaszcza dzielność Rycerską, męstwo, stałą wiarę,
Za łaskawą fortuną, chowaiąc w niey miarę.
Ktore iako noc ciemną, Miesiąc zwykł oswiecać,
Tak po dziśdzień są iasne, muśi kazdy zeznać.
Zeznać muśi Tatarzyn, plugawy Moskwićin,
Kto tego iest niewiadom, zeznać to i Turczyn.
Ktorych rada, moc, śiła, za Bożą pomocą,
W niwecz sie obracała, tak we dnie iak nocą.
A choć sie też kuśili, zawżdy szwank odniesli,
Nie iednego do hordy, bez dusze poniesli.
Częstokroć nieprzyiaciel, kusząc szczęścia swego,
By pociechę s korzyścią, odniosł, szukał tego.
Lecz s sromotą odchodził, bedąc odpędzony.
Mężnością będąc wsparty, odwracał zagony.
A rownie iako zwierzę, od gniazda swoiego,
Jadowicie odgania, sobie przećiwnego.
Ktoremu sie s pilnośćią, ze wszech stron sprzećiwi,
Chocia czasem z inszymi, nie rowno być widzi.
Tak y oni od granic, oyczyzny swey sławney,
Odganiali pohańcow, z zwykłośći swey dawney.
Ktorą zawsze stateczńie, szczyrze pokazali:
A nieprzyiacielowi, pociechy nie dali.
Potężnie go z oyczystych, kraiow wypędzaiąc,
Ze sie ich strzegł na potym, iako bębna Zaiąc.

Wręby zasie wrodzoną, dzielność, cnotę męstwo
Szczyrość, znaczą, układność, ku wszem dobrodzieystwo.
Ktore w tym zacnym domu, nigdy nie ustanie,
Tylko ich w dobrym zdrowiu, zachoway nasz Panie.

(str. 5). Jabłko

Jabłko s trąbą nic tu nam, nie znaczą inszego,
Iedno iż oni poszli, z domu tak zacnego.
S Korybuta sławnego, ktory opanował,
Sławne Czechy, y onym, statecznie krolował.
Dobył państwa Morawy, inszych ziem niemało,
Za łaskawą fortuną, snadnie to bywało.
Ktora mu tak służyła, miłość wszech zyednała,
Krolow, Panow, y inych, tak sie w nim kochała.
Czego znaki są iawne, bo Pogonią nosił,
Znać że ten nieprzyiacioł, częstokroć przepłoszył.
Ta Pogonia Krolowi, Witułtu służyła,
A za swoią dzielnoscią, Czechow dostąpiła.
Gdzie dość zacnych postępkow, mężnie dokazował,
Czemu sie Zygmunt Cesarz, ze strachem dziwował.
Zayżrżąc mu szczęscia tego, że Pogonia iego,
Wrychle przyszła ku sławie, za czasu onego.
Ktora iako na ten czas, wszędzie slawna była,
Tak po dziś dzień iey dzielność po swiecie słynęła.
Przez potomkow postępki, ktorzy ią wskrzeszali,
Pola, czasu pogody, nigdy nie zaspali.
Staraiąc sie s pilnoscią, iakby ią w całośći,
Oddali też swym dziatkom, znak sławy dzielnośći.

S tego oni zacnego, przodka narodzeni,
A zacnośćią narodu, będąc oslachceni.
Do zacnośći domowey, niemało przydali
Za uczćiwe postępki, sławy cney dostali.
Ktora po wszech narodziech iuż dawno zabrzmiała,
Y póki tey machiny, ta rzecż będzie trwała.
Sławne sprawy, postępki, męstwo, wysławiaiąc,
Głosem trąby, na przykład, wszytkim ogłaszaiąc.
O szczęsliwe potomstwo, ktore takie dziady,

Rodzice masz, y zacne, bierzesz s nich przykłady
Nie chłubiąc sie cudzymi, lecż własnymi sprawy,
Ktore s nich pokazuiesz, iak potomek prawy.
(str. 6). Fortunni
Fortunni też rodzicy, ktorym Pan Bog takie
Dziatki dawa, skąd płyną, pociechy wszelakie.
Ze sie pilnie staraią, o sławę uczćiwą,
Ktorey więcey niż skarbom, tu na swiecie służą.
Jakie dziatki tym daie, ktorzy wolą iego
Pełnią, a w swoich sprawach, garną się do niego,
Przeto zacne potomstwo, sławnego Hetmana,
Nasladuy stop dzielnośći, Oyca swego Pana.
A po bożey boyazni, miey na dobrey pieczy,
Zebyś zawżdy służyło Pospoliteyrzeczy.
Przykład bierz z przodkow zacnych, y oyca zeszłego,
Ktory tu sławy dostał, imienia wieczńego.
W całośći to zachowuy, prosząc Boga swego,
Zebyć w tym błogosławił, a dał przyść do tego.

Wielmożney Paniey Jey Miłośći Księżnie Michałowey Wisniewieckiey, Kaszthelanowey Kijewskiey, Czerkaskiey, Kaniewskiey, Lubeckiey Staroścíney: Księżnie Halszce Zienowiczownie [1]), Paniey a Paniey moiey Miłośćiwey, łaski y pokoiu ze wszelakimi pociechami od Boga Oyca, przez Pana naszego Jezusa Krystusa uprzeymie życzy etc.

---

[1]) Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1903 года въ газетѣ „Новое Время“ помѣщено было слѣдующее письмо въ редакцію: „Въ № 9787 „Новаго Времени“ сообщается, что сербскіе князья и аристократія погибли въ теченіе 400-лѣтняго турецкаго ига въ борьбѣ съ турками или разсѣялись по другимъ странамъ, потерявъ сознаніе о своей первоначальной народности. Не лишенъ интереса тотъ фактъ, что древнѣйшій сербскій родъ Деспотовъ-Зеновичей существуетъ и по настоящее время въ Россіи. Происхожденіе этой фамиліи слѣдующее. Сербскій царь Стефанъ Душанъ, принявъ въ 1346 году титулъ императора греческаго, сталъ заводить у себя византійскіе порядки, раздѣлилъ государство на нѣсколько деспотій и назначилъ въ нихъ правителями своихъ родственниковъ. Во Влахіи и Эпирѣ съ городомъ Зеново былъ правителемъ братъ Стефана, Симеонъ. Послѣ смерти Стефана деспотіи стали самостоятельными удѣльными княжествами, а наслѣдники Стефана остались лишь при номинальной власти и правили Сербіей съ 1406 года, неся титулъ деспота, который и удерживается до самаго паденія Сербіи.

Раздѣлившись на удѣльныя княжества-деспотіи, сербы естественно не могли выдержать побѣднаго шествія турокъ. Тѣснимый послѣдними, деспотъ Зенонъ съ сыномъ Юріемъ и съ шестьюстами всадниковъ въ концѣ XIV столѣтія переходитъ въ Молдавію, оттуда къ польскому королю, а затѣмъ переселяется въ Литву. Витовтъ, во вниманіе къ заслугамъ деспота Юрія Зеновича или желая удержать его у себя, даритъ ему громадныя помѣстья на протяженіи болѣе 50-ти миль (дарственная грамата 1409 г. подлинникомъ до насъ не дошла, она упоминается въ духовномъ завѣщаніи Христофора Зеновича 1611 года, а затѣмъ въ ошмянскихъ земскихъ актахъ сохранилась запись, что эта грамата была предъявлена въ подлинникѣ въ 1626 г.)

Послѣ подареннаго Витовтомъ Юрію Зеновичу богатаго надѣла, къ началу XVII столѣтія еще болѣе возросшему, деспоты Зеновичи становятся на Литвѣ одними изъ самыхъ вліятельныхъ вельможъ. Отряды Радзивилловъ и Зеновичей составляютъ главный контингентъ войскъ Литвы. Представители этого рода въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ служатъ въ почетныхъ должностяхъ каштеляновъ, пословъ, воеводъ и пр., роднятся со многими вліятельными родами, съ Радзивиллами, князьями Огинскими, Вишневецкими, и др. (дочь Юрія Деспота-Зеновича, прямого потомка перваго Юрія, вышла замужъ за князя Михаила Вишневецкаго, дядю извѣстнаго въ исторіи Адама Вишневецкаго. Польскій король Михаилъ Корибутъ Вишневецкій былъ ея правнукомъ по прямой линіи).

Gdy Pan Bog z woley a przedziwnego przeyrzenia swego, Wielmożna a Miłośćiwa Księżno, Pani, Pani moia Miłośćiwa, nas rozmaitymi a nieznośnymi frasunkami y dziwnymi przypadkami karać a nawiedzać raczy. Tedy iscie nie okrom przyczyny takowe frasunki y takie doległośći na nas dopuszczać raczy, iedno aby doswiadszył a sprobował, tak iako złotarz w ogniu złota probuie y doswiadsza, ieslibysmy ono karanie a ono nawiedzenie iego statecznym a dobrym umysłem, okrom wszelakiego szemrania, znosili a wyćirpieli. Jako o tym Apostoł swięty przypomina do Hebreow, tymi słowy: Synu moy, nie wzgardzay kaźni Pańskiey, ani ustaway gdy od niego strofowan będziesz. Bo kogo Pan Bog miłuie, tego też karze, Bo iesli, prawi, statecznie kaźni Pańskie prziymuiecie, thedy sie theż wam Bog własnie, iako synom, ofiaruie: Bo cożby to był za syn, ktoregoby Ociec nie karał, bo iesli bez karania iestescie, tedyście nie właśni synowie iego. Przykład mamy piękny takiego karania a doswiadszenia Pańskiego, w onym cnotliwym a swiętego żywota w Jobie, ktorego Bog dziwnie a rozmaicie szukaiąc, a doswiadszaiąc w nim uprzeymey ćirpliwośći a stateczności, karać, nie tylko na miłych dziateczkach, na maietnośći od nieprzyiaciela rozszarpaney

(str. 8). a pobraney,

a pobraney, ale nakoniec y samego takimi cięszkimi niemocami pokarać raczył, iż od wirzchu głowy aż do pięty nożney mieysca

---

Въ XVIII вѣкѣ земельныя богатства рода Деспотовъ-Зеновичей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его значеніе постепенно падаютъ. Послѣ раздѣла Польши одинъ изъ Деспотовъ-Зеновичей Михаилъ, минскій губернскій маршалъ, переходитъ на службу къ русскому правительству минскимъ губ. предводителемъ дворянства. Въ прошломъ столѣтіи представители этого рода, который записанъ въ 6-ю часть дворянскихъ родословныхъ книгъ Виленской и Минской губерніи, служатъ на разныхъ военныхъ и гражданскихъ должностяхъ. Изъ числа послѣднихъ выдвинулся, какъ администраторъ, бывшій кяхтинскій градоначальникъ, а затѣмъ тобольскій губернаторъ А. И. Деспотъ-Зеновичъ. За послѣднее столѣтіе Деспоты-Зеновичи растеряли почти всѣ свои имѣнія и изъ когда-то многочисленнаго рода осталось къ концу столѣтія лишь нѣсколько потомковъ мужского пола.

За время пятивѣковаго исхода изъ Сербіи, представители этого рода никогда не забывали о своемъ происхожденіи, доказательствомъ чему служатъ многочисленные родовые документы, находящіеся въ настоящее время на рукахъ у одного изъ послѣднихъ представителей фамиліи Деспотовъ-Зеновичей“.

nie było zdrowego. Coż: Y azasz co przykrego, azasz co bluźnirskiego szemrząc przeciw Bogu on pobożny Job mowił, y owszem tho wszytko od Pana swego prziymuiąc rzekł: Pan był dał, Pan też zaś wziął, niechayże będzie błogosławione imię iego. Y mowi daley: Yże w tym wszytkim nie zgrzeszył Job, ani też nic nieprzystoynego przeciw Bogu mowił. Czemużbyśmy theż y my, Miłośćiwa Księżno, wzorem a przykładem onego pobożnego a swiętego człowieka Joba, wszelkie a rozmaite karania od Pana Boga przyimować statecznym sercem nie mieli, gdyż on iako Ociec łaskawy obchodzi sie z nami iako z dziateczkami swemi, a one karania, a ony frasunki, czasu swego miłośćiwie a łaskawie y szczodrobliwie nagrodzić będzie raczył, tak iako nagrodzić raczył onę stateczną cierpliwość Jobowi pobożnemu. Mamy jeszcze y drugi przykład wielkiey a przedziwney sthałości, w onym Abraamie przyiacielu a miłosniku Bożym, kthoremu Bog, doswiadszaiąc a szukaiąc w nim stałości a uprzeymego posłuszeństwa, roskazał iżeby syna, ktorego też tylko w starości swey iednego miał, iemu ku ofierze zarzezał. Coż, y azasz sie Abraam s thego Panu iedynakiem wymowić chciał? Ale patrz iż z wielką chęcią pokazuiąc w tym posłuszenstwo Panu swemu, syna swego związanego y iuż na drwa włożonego, zarazem zarzezawszy spalić ku ofierze Bogu samemu chciał. Y uczyniłby to był, gdyby go Pan Bog przez Anyoła swego od tego nie odwiodł, z wielką wdzięczności onę chęć a ono posłuszeństwo Abraamowe przyiąwszy, powiedział: Przez samego siebie przysiągłem, żeś uczynił rzecż tę nie folguiąc synowi swemu, błogosławiąc ubłogosławię cie, a rozmnażaiąc rozmnożę nasienie twoie.

Przeto ile Bog co wybranych, tu mowie nas, czymkolwiek nietrefnym nawiedzać a karać raczy, tedy nie dla czego inszego, iakom wyszszey powiedział, to czyni, iedno iżeby stateczney cirpliwości w nas doznał y doswiadszył. Thuć

(str. 9). Bog wy-

Bóg wybrane a miłośniki swoie rozmaicie doswiadszaiąc karze y dziwnie nawiedza a niewiernikow y niezbożnikow a bluznirzow y niemiłosiernych y tu y na onym swiecie karać będzie raczył. Azasz tego sami na oko nie widzimy, Miłośćiwa Księżno, iako Pan Bog właśnie s swoimi wybranymi a onymi miłosnikami swemi obchodzić się raczył, niech sie też także obchodzi y z waszą, Wielmożnoscią moią Miłośćiwą Panią, nawiedziwszy takim żalem y takim frasunkiem w dzisieyszym W. W. Raczy też W. W. doswiadszać a probować. Jesli-

byś też W. W. wzorem a przykładem onych przyiacioł a miłośnikow Bożych, ony frasunki a ony nawiedzenia, także stale y tak statecznie znosić a wycirpieć raczyła. Nawiedzić raczył thaką wielką żałością iako Pan W. W. wziąwszy s tego swiata sławney a swiętey pamięci Książę, Małżonka W. W. wiecznego a namilszego przyiaciela. On iako Bog sam był raczył przeyrzeć wprzod w swięty stan małżeński tak zacnego, pobożnego, dobrego, a wszytkich cnot krześćiańskich pełnego: A zasię onże sam iako Pan onoż Małżeństwo ktore był złączył spoił a zyednoczyć raczył, rozdwoił zasię y rozłączyć raczył, skąd żałość prawie serdeczną znosić a ćirpieć raczysz. Ale obeyrzawszy sie zasię Miłośćiwa Księżno na Pana Boga, przypatrzywszy sie też pilnie wszechmocności a woli iego, ktory wszechmocnością swoią czyni co iedno chce y raczy. Yż theż tho nie czyia insza wola, ale wola samego onego iedynego Boga, ktory wziąć raczył s tego swiata Książę, Małżonka W. W. A poniewasz na to wola samego Pana Boga iest, racźże sie W. W. Miłośćiwa Pani wedle woley a chcenia iego w tey tak wielkiey a cięszkiey żałośći przypuszczywać na wolą iego swiętą y tak sie zachować, o ktorą y w oney Modlitwie Pańskiey na każdy dzień prośimy aby sie zawsze działa nad nami. Także też y z onym Jobem swiętym: Pan dał Pan wziął, niechayze imię iego błogosławione będzie. Widzimy sami dobrze, Miłośćiwa Księżno, iż Książęciu Panu swemu zeszłemu takim cięszkim lamentem y płaczem nic pomoc nie możemy, iuż go takim żałosnym płaczem wzbudzić

(str. 10). nie możemy

nie możemy. Jako ono piękny przykład mamy w onym Dawidzie Krolu, Yż gdy mu czasu iednego srodze syn zachorzał był, usiadł na ziemi w prochu, y w grubym odzieniu pośćił nie iadł Bogu sie modlił, a to czynił przez siedm dni, słudzy iego przednieyszy odwodząc go od thak cięszkiey żałośći podnieść go od ziemie chcieli, lecż on nie chciał. Ale gdy sie iuż był o pewney smierći syna swego dowiedział, wstał a umył sie, szaty Krolewskie wdziawszy, szedł modlić sie do domu Panskiego, a potym iadł. Czemu sie pilnie słudzy iego dziwowali, ktorym Dawid rzekł: Póki dziecie żywo było pośćiłem, y płakałem, bom tak myslił, aza sie Bog zmiłuie nademną że będzie żywo. A teraz gdy iuż umarło, na co mi ten post? Przypatrz że się tu, Miłośćiwa Księżno, Dawidowi, ktory ieszcże za żywota swe-

go dziecięcia, w wielkiey pokorze siedząc w prochu, Bogu sie modlił o zdrowie syna swego, nie iadł ani pił. A skoro dziecię umarło odmienił y szaty y posty, gdyż iuż umarłego ku żywothu pirwszemu trudno przywieść miał. Racżże się theż W. W. Miłosciwa Księżno w tym thakim żalu obyczaiem krześćiańskim krześćiańskie zachować. Acżći bez tego być nie może, iżeby sie człowiek od żałośći y od płaczu zadzierżeć miał, zwłaszcża widząc iuż na marach leżącego miłego Małżonka swego, wszakoż miarę y kres pismo swięte nam w tym pokazało, iżebyśmy Pogańskim obyczaiem umarłych swoich nie opłakiwali. Jako nam pisze Syrach: Synu, wyleway łzy nad umarłym, a żałuy iakobyś miał co naprzykrzszego ćirpieć, a podług zwyczaiu umarłych przykriy ciało iego, ani odwłacżay pogrzebu iego, żałuy s cięszkoscią, a wzbudzay płacż łzami gorącymi, a żałuy go wedle godnośći iego, a to dzień albo dwa, potym sie ciesz abyś s siebie złożył frasunek. Y mowi daley: Pomni na to, iż sie wroćić nie może, a ktemu iż mu nic nie pomożesz, iedno sie sam ufrasuiesz. Otoż to, Miłośćiwa Księżno, dosyć dostatecżnie pokazuie Syrach, iako sie mamy z umarłymi swemi obchodzić. Przeto, Miłośćiwa Księżno, zachowuiąc obyczay taki w takowey żałośći y w smutku, obyczay nam pismo swię-

(str. 11). te pokazuie,

te pokazuie, wszytko na wolą miłego Boga wkładaiąc, ćirpliwie to czym nawiedzić racżył znośić, poniewasz że też on Bog wszechmocny takiemi dary swiętemi y bacżeniem takim W. W. ozdobić y obdarzyć racżył, że dawszy rozumowi mieysce, a przypatrzywszy się też słowu Pańskiemu, ktorego W. W. ustawnie słuchać racżysz, wedle niego w they żałośći swoy zachować y rządzić, a Pan Bog ktory iest samym Bogiem pocieszenia iako Ociec miłosierny, thakie frasunki, thakie żałośći z niewymownego miłosierdzia swego nagrodzić y pocieszyć będzie raczył. Masz sie czym z łaski Bożey iuż w takiey żałośći cieszyć, Miłosciwa Pani, a zwłaszcża iż otho Pan Bog z miłosierdzia swego wielkiego dać W. W. racżył naymilsze dziateczki, ktory własny a żywy obraz zeszłego Książęcia Małżonka W. W. tudziesz przed oczyma W. W. chodzą. Azasz to mała pociecha W. W. byś też W. W. y na własnego Książęcia zeszłego patrzyć miała. A nawięcey Miłośćiwa Księżno jego Miłośći Książęcia Alexandra, ktorego Pan Bog w tych

młodych leciech iego takiemi dary y takiem baczeniem z łaski swey ozdobić raczył, że on iako iasna swiéca domu wszytkiego zacnego, y w ziemiach cudzych sławnego domu Wiszniowieckiego, wedle zacnych przodkow swych swiećić y słynąć będzie. Y da Pan Bog, że tego ieszcże doczekamy, że będzie mieć s niego w czasie zacnego senatora, ieszcże on Bog Wszechmocny oko swe miłośćiwe ma na dom Wisniewiecki, że iako y przed thym thak y teraz kwitnąć będzie. Aczći nam Pan Bog tego domu umnieyszywszy, y zacne Senatory wierne a prawdziwe Rzeczypospolitey miłośniki pobrać raczył. Acż y tho nie okrom przyczyny. Bo widząc Pan Bog takie niewdzięczności, albo Monarchy albo iego Senathory zasie ich odbierać raczy. Ale nadzieia w nim iako w Panu a Oycu miłosiernym, że iako raczył domu tak zacnego dziś umnieyszyć, iż tak zasię s thychże latorosleczek iako y przed tym rośćić a rozmnożyć raczy. Niechże, Miłośćiwa Księżno, Bog sam ktory iest Bogiem pocieszenia y nadzieie dobrey, Niech W. W. w takiey dzisieyszey żałości teraz y za-

(str. 12). wsze pocie-

wsze pocieszycielem y obrońcą będzie za moią acż niegodną modlitwą y prosbą, tego W. W. Miłośćiwa Księżno, od iego swiętey miłości iako y naniszszy służebnik mieć życzę, Miłośćiwa Księżno, na pamięć onego dobrodzieystwa, ktorego w domu W. W. y po dziś dzień używam. A za tho za łaską W. W. mych miłośćiwych Panow złożyłem kilkadziesiąt wirszow, przypominaiąc nimi zacnego a swiętey pamięci Pana a dobrodzieia swego Miłośćiwego zeszłego, acż nie Homerusowym ani Wirgiliuszowym wirszem, lecż s prosthego dowcipu moiego, kthore podawam W. W. swey Miłośćiwey Paniey, prosząc aby W. W. tę pracą moię iakokolwiek od naniszczego sługi swego za wdzięczne przyiąć raczyła. Pisan w Nizniey Bilce [1]), dnia pirwszego Januaria, Roku 1585.

1) Нижняя Билка, нынѣ—Малая Бѣлка, селеніе Кременецкаго уѣзда. По ревизіи 1583 года, въ числѣ имѣній князя Михаила Вишневецкаго показано селеніе Билка съ 5 домохозяевами и съ 4 огородниками (по принятому г. Яблоновскимъ счету—46 душъ об. пола), но нельзя опредѣлить, имѣлась ли тутъ въ виду Верхняя (Большая) или Нижняя (Малая) Билка. См. Żr. dz. t. XIX, отд. 2, стр. 132.

(Str. 13).

Epicedion.

ALBO WIRSZ ŻAŁOBNY.

Nyech ućichnie Lutnia twa, wdzięczny Apolinie,
Y słodko brzmiące struny, twoie Amphionie.
Nyech ućichnie Cytara, wesołe spiewanie,
Wirsz moy teraz wspomina, żałość narzekanie.
Odmienność przypomina, swiata omylnego,
A iak fata ruszaią, z osobną każdego.
Jak radosne pociechy, w żal się obracaią,
Tak żałosne przypadki, na nas przypadaią.
Rozmaite wesela, iedni używaią,
Drudzy zaś w prochu siedząc, smutnie narzekaią.
Dziś iedni zdrowo chodzą, aż ich iutro niosą,
Takći smierć nieużyta, siecze zdradnie kosą.
Owa ten swiat zdradliwie, obchodzi sie s nami,
A pewnego mieszkania, tu na nim nie mamy.
Własnie tak iako goście, albo komornicy,
Gdy sie nam ruszyć każą, muśim iść nędznicy.
Więc na zacne osoby, respektu nie maiąc,
Wszytkich rowno krom braku, sobie poważaiąc.
Jak przemożne Monarchy, tak zacne Książęta,
Ubogie y bogate, y sławne Panięta.
Ach nieopłakana smierć, Książęcia zacnego,
Rycerza przesławnego, a Męża wielkiego,
Ktoremu tu smierć sroga, sfolgować nie chciała,
Yżby by był dłużey s nami, nam tego zayrzała.
Ach nieszczęsnysz to czas był, żałosna godzina,
Gdy w uszoch naszych taka, zabrzmiała nowina
O zesciu s swiata tego, Książęcia zacnego,

Nierzkąc Pana lecż Oyca, wszem dobrotliwego.
Zasnąłeś iuż w sen wieczny, Rycerzu przemożny,
Ktoryś nieprzyiacielom, bywał zawsze groźny.

(str. 14). Twoia mę-

Twoia mężna osoba, wszytkim strach dawała
Wielkośći nieprzyiacioł, nic sie nie lękała.
Nie straszny był Moskwićin, ni Turczyn zawoiem,
Ni waleczny Tatarzyn, srogim krwawym boiem.
A teraz iako cię smierć, srodze schołdowała,
Nam żałość, sobie tryumph, wieczny udziałała.
Ach iakosz sie od płaczu, oko zdzierżeć może,
Acż to pewna iż tym iuż, namniey nie pomoże.
Lecż dobrodzieia swego, gdy wspomni zeszłego,
Trudno zapłakać nie ma, s serca uprzeymego.
Odmieńcie szaty iasne, złotem haftowane,
Przykriycie suknem cżarnym, sciany malowane.
Oto Bog nam wziąć raczył, Rycerza dzielnego,
A Rzeczypospolitey, Senatora cnego.
Patrzciesz sławni Rycerze, tey zacney Korony,
Jako nam Pan Bog bierze, zacne Senatory.
Poddnieprska ukraina, dziś ośirociała,
Yż dzielnego Hetmana, swego postradała.
Yscie nie bez przyczyny, Pan Bog nas tak karze,
Że oto bierze od nas, zacne Dygnitarze.
Szczytem prawie był wszytkiey, iscie ukrainie,
Możesz iuż dobrze pomnić, y ty Tatarzynie.
Zawsze cżuynym Rycerstwem, temu dogadzaiąc,
Jako psy iadowite, z granic odganiaiąc.
Już dziś ony ozdobne, pola kurhanami,
Własnie iak sliczne niebo, iasnemi gwiazdami.
Po ktorych sie cżęstokroć, za Tatary gonił,
A swoią ostrą szablą, z Rycerstwem swym gromił,
Gdy z Rusi plony gnali, więźnie odeymował,
A niebezpieczność zdrowia, za nie ofiarował,
Y tych patrz iak smutnymi, dziś sie wszytkim zdali.
Rzecż pewna gdyby głos był, iżeby płakały.

Książecia tego przodek, rodzaiu zacnego,
Ydzie od dawnych czasow, s Księstwa Litewskiego.
Zacne plemię onego, Korybuta cnego [1]),
Ktory za swą dzielnośćią, przyszedł był do tego.

(str. 15). Będąc obra-

Będąc obranym Krolem, Czechom roskazował [2]),
Rzeczpospolitą z wielką, czuynośćią sprawował.
Bo Zygmunta Cesarza, wypędził z Morawy,
Szyroko w Księstwie Sląskim, woiował dzierżawy.
Wrocław, Bitum, wypalił, tak harde Niemczyki, Oderwane
Ukroćił, że y Cezarz, musiał zmylić szyki. Niemce od
Burzył Księstwo Lusackie, ze wszemi włośćiami, Czechow
Powtore zasię skarał, harde Wrocławiany. Korybut
Yż posłuszni Monarchy, swego być nie chcieli, Karał.
Czechow swych odstąpiwszy, k Cesarzu przystali.
Od tegoto Monarchy, Książąt Wisniewieckich,
Idzie iedną linią, także dom Zbaraskich.
Jako z iednego szczepu, wdziączne latorosli,
S tego zacnego domu, Książęta ty poszli.
Ktorych nam, Panie Boże, zachoway w całośći,
Skrzydły swemi możnymi, broń ich z wysokośći.

---

[1]) Князь Корибутъ-Дмитрій Ольгердовичъ княжилъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ до 1393 года; былъ живъ еще въ 1404 г. Въ „Хроникѣ“ Стрыйковскаго (1582 г.) и въ „Гербахъ“ Папроцкаго (1584 г.) впервые записано преданіе, будто отъ этого Корибута черезъ сына его Ѳедора Корибутовича происходятъ князья Вишневецкіе, Збаражскіе и другія родственныя имъ княжескія фамиліи. Новѣйшіе ученые (Стадницкій, Стецкій, Бонецкій, Вольфъ, Яблоновскій) доказали, что преданіе это—ошибочно, и что Вишневецкихъ и прочихъ ихъ родичей гораздо правильнѣе считать потомками русскихъ волынскихъ князей изъ дома Владимира Святого.

[2]) Участникомъ гуситскихъ войнъ и правителемъ Чехіи—въ 1422 г. по уполномочію Витовта, а съ 1424 по 1427 г. по приглашенію чеховъ, былъ Сигизмундъ Корибутовичъ, старшій братъ мнимаго родоначальника князей Вишневецкихъ Ѳедора Корибутовича; въ 1435 г. онъ погибъ въ сраженіи подъ Вилькомиромъ, защищая дѣло Свидригайла. Подробности о его дѣятельности въ Чехіи см. въ сочиненіи г. Барбашева: Витовтъ, послѣднія двадцать лѣтъ княженія. Спб. 1891. Стр. 125—178.

A iakoś Panie z woley a przeyrzenia swego,
Raczyłeś dziś umnieyszyć, domu tak zacnego,
Aby nam szli ku gorze, iak drzewa buynego,
Idą wdzięczne odrosli, szczepu oliwnego,
Tak zasię racz rozmnożyć, z miłosierdzia swego,
Jakoś Abrama rozmnożył, miłośnika twego.
To zacne zeszło Książę, s przyrzeczenia Bożego,
Małżonkę miał zacnością, y domem sławnego,
Irzego Zienowicża, Rycerza wielkiego,
Na dworze Krolow zacnych, dzielnośćią znacznego.
Ktorego y podziśdzień, Węgrzy wspominaią,
Jego Rycerskie dzieie, w swych Kronikach maią.
Przy onym zacnym Krolu, Ianuszu Węgierskim [1]),
Iscie mężnym statecznym, y sercem Rycerskim,
Krwawił Turkom zawoie, odnośił zwycięstwo,
To sie mu z łaski Bożey, przytrafiało często.
Ta zacna swięta Pani, s serca uprzeymego,
Zachowuiąc przystoyność, Małżeństwa swiętego,
Nadewszytko Małżonka, swego miłowała,
Cześć powinną Małżeńską, iemu wyrządzała,

(str. 16). Wsze cnoty

Wsze cnoty Krześćiańskie, przed oczyma maiąc,
Inszym paniam cnotliwym, przykład s siebie daiąc.
Prawie sam Bog sprawcą był, Małżeństwa onego,
Bo ten nadroszszy kleynot, w rękach u Samego.
Yż bogactw, maiętnośći, spadkiem dochodzimy,

---

[1]) „Янушъ Венгерскій“, обыкновенно называемый Янъ Гуніади,—былъ собственно не королемъ, а правителемъ Венгріи по случаю малолѣтства короля Владислава II. Онъ родился около 1387 г. въ Гуніади въ семьѣ румынскаго происхожденія, а скончался въ Землинѣ 11 сентября 1456 г. Подвиги во время войнъ съ турками сдѣлали его венгерскимъ народнымъ героемъ. Сынъ его Матвѣй Корвинъ былъ съ 1458 по 1490 г. королемъ венгерскимъ. Подробности объ административной и военной дѣятельности Яна Гуніади можно найти въ сочиненіи Гайслера: Dzieje Węgier w zarysie, Tom II, Warsz. 1900, str. 122—149.

Ktore po rodzicach swych, bliskośćią bierzemy,
Lecż cnotliwa małżonka, od Pana samego,
Ten ią daie każdemu, wedle zdania swego.
Dziateczki ku cźći Bogu, spłodziła nadobne,
Zeszłemu małżonkowi, we wszytkim podobne.
Wesołymi oczyma, na nie poglądaiąc,
Osobliwą pociechą, sobie zawsze maiąc.
Nuż też ona pobożność, żywota swiętego,
Wiara w Boga, miłośćią, szczyrą do bliźniego.
Stateczńie to chowaiąc, co raz na krzcie slubił,
Krześćiańskie tu żywąc, Bogu sie polubił.
O niewymownym Bostwie, ni pytał sie dwornie,
Przystoyność wiary swiętey, zachowuiąc wiernie.
Pobożnymi uczynki, wiary potwierdzaiąc,
Na ono swięte pismo, pilnie pamiętaiąc.
Yż wiara bez uczynkow, iak przez dusze cialo,
Prożna nieużyteczna, pomocy s niey mało.
Bo iako szczep wspaniały, owoc wdzięczny rodzi,
Tak też z wiary cnotliwey, uczynek pochodzi.
A iak wiarą do Boga, żywotem cnotliwym,
Tak przećiw niedostatnim, bywał szczodrobliwym.
Na ubogie zgłodzone, pilne oko maiąc,
Potrzebami, żywnośćią, wszytki opatrzaiąc.
On wszytkim szczodrobliwą, ręką swego chleba,
Dawał y opatrował, co było potrzeba.
Więc też wszyscy do niego, zewsząd sie garnęli,
Nawet y cudzoziemcy, widzieć go pragnęli.
Y Rycerstwo do niego, ze wszech stron płynęło,
Bo o nim w cudzych Państwach, szyroko słynęło.
Pełno go w Turcech, w Hordzie, pełna go y Moskwa,
Tak twoia, cny Rycerzu, sława sie rozniosła.

(str. 17). W sąsiedztwie

W sąsiedztwie się też s każdym, zachował przystoynie,
Nie roskwilił nikogo, był na swym spokoynie.
Nie pragnął cnotliwy Pan, zagonu cudzego,
A cżasem dlą nieznosek, ustępował swego.

Szczęsliwymi się zawsze, tacy powiadali,
Co za onym Książęciem, o miedzy siadali.
Żaden nie był od niego, ni w czym ukrywdzony,
Siedział każdy bezpicznie, sobie s każdej strony.
Chwalebne dzieie tego, Książęcia zacnego,
A k Rzeczypospolitey, zachowanie iego.
Strudnaby znadź pioro me, w to potrafić miało,
Yżeby dostatecznie, wszytko wypisało.
Bo co sie tknie z osobna, Pospolitey Rzeczy,
Ktorą prawie z młodych lat, miał na dobrey pieczy,
Służąc wiarą y prawdą, y z wielką czuynością,
Garłem, statkiem, krwią swoią, także maietnością.
Chuć przeważna młodych lat, dzielność w nim znicała,
A Marsowa też szabla, prożnować nie dała.
Ledwie w dwudziestym piątym, Roku wieku swego, [1])
Gdy się udał myslą swą, do pola dzikiego.
Aby z nieprzyiacielem, skusił szczęścia swego,
Jakoż była napirwsza, to wyprawa iego.
Sławie swey niesmiertelney, więcey dogadzaiąc,
Chęć Rzeczypospolitey, sobie poważaiąc.
Gdy tak z Rycerstwem swoim, w pustych polach leżał,
Szukaiąc nieprzyiaciela, iezdził nie prożnował.
Jakoż go w tym Fortuna, nic nie omyliła,
Bo straż ufiec niemały, Tatar obaczyła.
Wielki dwor Dowletkirey [2]), Cara Prekopskiego,
Nad ktorymi Satkurey, mąż serca wielkiego.
Gdy na chutkich Hromakoch, bucznie wyieżdzaią,
Naszych iuż obaczywszy, k bitwie wyzywaią.
Książe widzi Tatarzyn, potkać się gotowy,
Piękną rzecż k swym uczynił, acż krotkiemi słowy.

---

[1]) На основаніи этого указанія можно опредѣлить, что битва съ Татарами на берегу р. Хорола у Кильдешовой могилы, описанная въ стихахъ 151—214, происходила въ 1554 году.

[2]) Девлетъ-Герай I правилъ въ Крыму 27 лѣтъ - съ 1551 до 1577 года. См. Смирновъ, Крымское Ханство, Спб. 1887, стр. 423.

„Yżeby sie wielkośći, Tatarskiey nie bali,
Owszem by szczęscia swego, z nimi skosztowali,

(str. 18). Gdyż cza-

Gdyż czasem mało ważą, woyska niezliczone,
Bo w niesprawie od małych, łatwie porażone.
Po dziesięćkroć sto tysiąc, Xerxes woyska swego,
Miał, gdy mocą wtargnąć chciał, do państwa greckiego.
Jako w on czas Monarcha, on mężny szfankował,
Straćiwszy marnie woysko, sam ledwie ubieżał.
Trzydzieśći tysiąc woyska, ledwie Grekow było,
Patrzciesz iak wielkie woyska, Perskie porażiło.
Upadną iak Xerxowe, dziś Tatarskie mocy,
Jedno z nas każdy nie wątp, iuż w Bożey pomocy.
Widzę tu z was każdego, chętnego do potkania,
Przeto iuż w imie Pańskie, okrom rozmyslania.
Uderzmy w harcuiące, mężnie Besurmany,
Ktorzy widzim iż lekce, ważą Krześćiany.
A sławy niesmiertelność, z nas każdy odniesie [1]),
Ktora choć s tych dzikich pol, wszędzie sie rozniesie“.
Tatarzy zwyczaiem swym, iuż rozszykowani,
Gotowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„Hala, Hala“, wołaią, wszyscy bez przestania.
Książe s swoim Rycerstwem, żarko k nim skoczyli,
Mężnie s Tatarskim woyskiem, tam bitwę stoczyli.
Sieką się dosyć mężnie, z obu stron szablami,
Drudzy s koni spychaią, Tatar oszczępami.
Trwa bitwa czas niemały, a Bog Krześćianom,
Pomogł, że sie szyk zmienił, srogim Besurmanom.
Biegaią iuż bez sprawy, w pole rozgromieni,
Naszy zaś smiele znowu, wnet sie zetrą s nimi.

---

[1]) Ср. въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ слова Корсунскаго полковника Филона: „Идите со мной.... за вѣру христіянскую одностайно стати, будемъ рыцарской славы доставати“... См. Кіев. Стар. 1893, т. 40, стр. 114.

Nie ieden tam Hyrawiec, z Bachmata zrażony,
Leży srodze na głową, z woyskiem porażony.
Bog znak iasny pokazał, zacnemu Książęciu,
Yż sie nic nie omylił, na swym przedsięwzięciu.
Krwawili tam szable swe, w srogiey krwi Tatarskiey,
Tatarzyn w ten czas dzielności, doznał Wisniewieckiey.
Tamże Książe z Rycerstwem tryumph otrzymali,
Zacnych więzniow na ten czas, niemało dostali.

(str. 19). Taka zacna

Taka zacna potrzeba, ktora y dziś słynie,
Działo sie tam gdzie Chorol, w szyroki Dniepr płynie [1]),
Nad wyniosłym kurhanem, nazwan Kildeszowa,
Gdzie sie Tatarska y dziś, ieszcze wala głowa.
Rzymianie pospolity, obyczay miewali,
Nigdy Rycerstwu swemu, prożniować nie dali.
Chocia spokoyni byli, z nikim nie walczyli,
Przedsie w rzeczach Rycerskich, młodość swą ćwiczyli.
To szyki rozmaite, w polu sprawowali,
Bystre konie chybkością, prętko osiadali.
Jak do szańcow, iak szturmu, do boiu wstępnego,
Jak też nieprzyiaciela, podeyść potężnego.
A też własne Hetmany, dzielne swe miewali,
Hetmanow cudzoziemcow, nie potrzebowali.
Tymżeć kształtem przy Dworze, Książęcia zacnego,
Bywały też zabawy, ludu Rycerskiego.
Yż sie nigdy prożnością, sprosną nie bawili,
Lecż w Rzemiesle Rycerskim młodość swą ćwiczyli.
Na swych rączych Hromakoch, strzelaiąc pohońcem,
Jak sie czasu potrzeby, wręcż potkać s Pohańcem.
Jak przy konnych szykować, piesze z rusznicami,
Jak na nieprzyiaciela, zmierzyć oszczepami.
A też za łaską Bożą, Rycerza dzielnego,

---

[1]) Авторъ ошибочно считаетъ р. Хоролъ притокомъ Днѣпра; на самомъ дѣлѣ р. Хоролъ впадаетъ въ р. Псіолъ.

Nalazł na ukrainie, s ćwiczenia takiego.
Więc też chęći osobne, do pola miewali,
Polem więcey niż domem, wiek swoy zabawiali.
Szukaiący Pohańcow, po polach szyrokich,
Pilne straży trzymaiąc, s kurhanow wysokich,
Wszyscy sie niesmiertelney, slawy dobijaiąc,
Siły nieprzyiacielskie, lekce poważaiąc.
Leżąc w Polu, s trefunku, Turki obaczyli,
Gdy Białogrodskim Polem [1]), swoy oboz toczyli.
Tam Dwor Kniazia Romana, Sanguska [2]) onego,
Leżał tuż nie daleko, od mieysca tamtego.
Wnet sie z Dworem złączyli, Książęcia zeszłego,
Tamże zgodnie obrali, wnet sprawcę iednego
(str. 20). Ostafieia
Ostafieia dzielnego, Kniazia Rużyńskiego [3]),

---

[1]) Бѣлгородское Поле—степь, прилегающая къ Днѣстровскому лиману, на берегу котораго расположенъ былъ г. Бѣлгородъ, нынѣшній г. Аккерманъ. Станиславъ Жолкѣвскій писалъ отъ 20 октября 1599 г. канцлеру Яну Замойскому о развѣдкахъ посланнаго имъ въ степи Бѣлецкаго такъ: „Posztrijchował wszijthkie szlaki, we wszijtkie dolinij nazrzał, począwszij od Teligoli, beł na Koczubieiu, na Karagaczu, na Berijbuyny, przeciw Tehyni, *do samego morza wszythko pole Białogroczkie* skrijtał, ludzi nigdzieij nienalazł". См. Listy Stanisława Żołkiewskiego. W Krakowie 1868. Str. 94.

[2]) Князь Романъ Ѳедоровичъ Сангушко—съ іюня 1557 года староста Житомирскій, съ марта 1566 г. воевода Брацлавскій, съ февраля 1567 г. гетманъ польный Литовскій, съ мая 1569 г. гетманъ надворный Литовскій,—умеръ въ молодыхъ лѣтахъ 12 мая 1571 года; вотъ почему нашъ авторъ вспоминаетъ о немъ, какъ о покойникѣ (z dworem... Książęcia zeszłego). См. Józefa Wolffa, Kniaziowie litewsko-ruscy, Warsz. 1895, str. 433—434.

[3]) Князь Евстафій Ивановичъ Ружинскій былъ живъ еще 1 января 1585 г., ко да авторъ писалъ предисловіе къ своей поэмѣ. Онъ скончался въ 1587 г. Евстафій Ружинскій былъ женатъ на Богданѣ Олизаръ-Волчкевичъ. Онъ продалъ свои наслѣдственныя имѣнія въ Ружинѣ, Твориничахъ и Коломыѣ Владимирскаго повѣта и сыновья его являются владѣльцами только материнскихъ имѣній въ Паволочи и Коростышовѣ нынѣшней Кіевской губ. См. ibid. стр. 416. Стихи 246 и 247 помагаютъ намъ объяснить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать иногда преданія о томъ, что тотъ, или другой южнорусскій князь былъ гетманомъ низовыхъ козаковъ: они бывали подобно Евстафію Ружинскому предводителями козакующихъ собратій—князей, и ихъ ополченій.

Jak sercem tak urodą, y serca wielkiego.
A temu po posłuszeństwo, wszyscy przyrzekali,
Za tym bez omieszkania, na straż rozesłali.
Straż przybieży iż Turcy, hromaki siodłaią,
Bo dobrze czuć po rosie, strzemiony brząkaią.
Prawie sie ma k switaniu, zapala sie zorza,
Dzien też wychodzić począł, z głębokiego morza.
Bogu modły oddawszy, na konie wsiadaią,
Lekuchno sie z mieysc swoich, iuż w sprawie ruszaią.
Gdy prawie przyszli pod bok, nieprzyiacielowi,
Na wszytkim iak k potrzebie, iuż będąc gotowi,
Turcy też iuż w sprawie swey, z mieysca sie ruszaią,
Kalawurow iak zwykli, przodkiem posyłaią.
Naszy k nim poleguczku, przedsię postępuią,
Sprawie oney Tureckiey, pilnie przypatruią,
S kitayki rozmaitey, proporce sie chwieią,
A na surmach żałośnie, dumy wygrawaią [1]).

---

[1]) Стихи 261—264: „Полегоньку наши двигаются впередъ, тщательно вглядываясь въ турецкій строй; вьются надъ ними значки изъ разноцвѣтной китайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы“. Здѣсь мы имѣемъ свидѣтельство объ исполненіи южнорусскихъ думъ, на два года болѣе раннее, чѣмъ извѣстное свидѣтельство Станислава Сарницкаго въ его Анналахъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1587 г., гдѣ говорится: „Per idem tempus (1506) duo Struſii fratres, adolescentes strenui et bellicosi, a Valachis oppressi occubuerunt. De quibus etiam nunc elegiae, quae *Dumas* Russi vocant, canuntur, voce lugubri, et gestu canentium se in utramque partem motantium—, id, quod canitur, exprimentes; quin et tibiis inflatis rustica turba passim modulis lamentabilibus, haec eadem imitando exprimit“ (см. Stanislai Sarnicii Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum. Libri octo. Anno Domini MDLXXXVII. Pag. 379). Этимъ живымъ описаніемъ вступленія южнорусскихъ князей въ бой съ турками рѣшается вопросъ, въ какой средѣ и при какой обстановкѣ творились и распѣвались первоначально южнорусскія думы. Оказывается, что П. А. Кулишъ былъ глубоко правъ, говоря, что воинскія думы—„сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами“; что послѣднимъ „принадлежатъ, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельностью описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операцій войны показываютъ, что онѣ

Na wzniosłym sie kurchanie, Turcy pokazali,
Naszy trąbą ogromną, k potkaniu znak dali.
Skoczą żartko do siebie, mężnie sie potkaią,
Turcy długie kopije, na naszych składaią,
Naszy z rusznić y z łukow; Turkow nagrzewaią,

вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій" (см. Записки о южной Руси, т. I, Спб. 1856, стр. 193). Изувѣченные въ бояхъ воины, становясь калѣками, негодными къ воинскому дѣлу, конечно, нерѣдко попадали, при неимѣніи средствъ къ жизни, вмѣстѣ съ прирожденными слѣпцами въ разрядъ нищей братіи, питавшейся милостынею, и воспользовались своимъ умѣніемъ пѣть думы, какъ средствомъ привлечь сочувствіе благотворителей къ своей жалкой участи и вызвать ихъ на болѣе щедрыя подаянія. Обыкновеннымъ „старцямъ", чтобы не лишиться милостыни, оставалось только перенять у искалѣченныхъ воиновъ ихъ искусство. Такимъ путемъ проникли думы въ „сословіе каликъ убогихъ". Но несомнѣнно, что „инициатива въ созданіи думъ", вопреки мнѣнію П. И. Житецкаго, принадлежала не „старцямъ", а именно участникамъ походовъ на басурмановъ и жаркихъ съ ними битвъ, скорѣе всего самимъ южнорусскимъ князьямъ, водившимъ польско-русскія ополченія на борьбу съ невѣрными врагами Креста Господня. Теорія П. И. Житецкаго можетъ быть принята только для объясненія нѣкоторыхъ моментовъ въ исторіи дальнѣйшей переработки думъ и примѣненія разъ выработанныхъ эпическихъ образовъ и оборотовъ рѣчи къ изображенію вновь нарождающихся событій. См. Кіев. Старина 1892, т. 39, стр. 213—231, ст. П. И. Житецкаго: Творцы и пѣвцы народныхъ малорусскихъ думъ. Любопытно, что въ думахъ, записанныхъ въ XIX вѣкѣ, сохранились слова, употребленныя въ стихахъ 263 и 264: kitayka, proporce, surmy. Напримѣръ, въ думѣ о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова средній братъ „изъ свого жупана червону та жовту китайку (о жупанѣ можно было сказать, что онъ пошитъ *s kitayki rozmaitey*) выдырае" и разбрасываетъ лоскутки вдоль дороги, чтобы указать направленіе пути оставленному меньшому брату; „ой у городи у Черкаси сурьмы засурьмылы"—такъ начинается дума о походѣ Сверчовскаго въ Волощину; „у суремкы жалибно (въ нашемъ текстѣ: *żałośnie*) выхвалялы", когда хоронили Ѳедора Безроднаго; надъ нимъ насыпали высокую могилу „и прапирокъ у головахъ устромылы". См. Историческія пѣсни малорусскаго народа съ объясненіями Антоновича и Драгоманова. Т. I, Кіевъ 1874, стр. 116, 159, 249 и 255. Корсунскій полковникъ Филонъ послалъ „асауловъ" скликать козаковъ, „червоныи праперкы у рукы дававъ; асаулы по улыцяхъ пробигалы, червоныи праперкы у руцяхъ проношалы". См. Метлинскаго, Народныя южнорусскія пѣсни, Кіевъ 1854, стр. 414.

Z obu stron iuż pod końmi, trupy sie walaią.
Krzyku dosyć po polu, Echo głos rostacża,
Bucżny Turczyn w zwycięstwie, iuż iakoś rospacża.
Wsparći będąc od naszych, nazad postępuią,
Naszy za nimi smiele, prąc ich następuią.
Szablami sie iuż sieką, a z rusznic strzelaią,
Z łaski Bożey iuż naszy, Turkom odpieraią.
Wsparci będąc od naszych, iuż tył podawaią,
Turkom z głowy od szabel, zawoie lataią.
Tak pogromieni Turcy, bieżą k Białogrodu,
Gdzie kto może wpław [1]) s koniem, chocia chybi brodu.
Po tak zacney potrzebie, ledwo co wytchnęli,
Alić sie uff Tatarski, z za kurhana wali,

(str. 21). Głosem Ta-

Głosem Tatarskim zwykłym, okrzyk uczynili,
Naszy nie wiedząc o nich, nieco sie strwożyli.
Ale iże gotowe, konie w rękach mieli,
Prętką potrzebę bacżąc, na nie powsiadali.
Widząc na sie lud swieży, sami spracowani,
Przedsię ochotni byli, bić sie z Bisurmany,
Potym sercem iednakim, pohańcow potkaią,
Owi z łukow a naszy, z rusznic zaś pukaią,
Kurzy sie proch ku niebu, gęste lecą strzały,
Nie ieden sie przez dusze, iuże s konia wali.
Z obu stron tam nie mała, szkoda w ludziech była,
Bo Fortuna iednako, stronam tam służyła.
Tatarowie wielkością, naszych przechadzaią,
Wsparći naszy od Tatar, nazad uchadzaią.
Rozgromieni od Tatar, tył iuże podaią,
A drudzy sie iak mogąc, ieszcże opieraią.
Nieszczęsliwa potrzeba, w ten cżas naszych była,
Nieszczęsliwa godzina, w ten cżas sie trafiła.
Wszakże więcey Tatarow, na placu zostało,
Naszych obronną ręką, wżdy uszło nie mało.

---

[1]) Подразумѣвается: вплавь черезъ р. Днѣстръ.

Nie dziw czasem iż dzielny, Rycerz też szwankuie,
Tak sie z ludzmi odmienna, Fortuna sprawuie.
Szkandeberg [1]) dzielny Rycerz, ono Książe zacne
Jakie zwycięstwa miewał, nad Turkami znaczne.
Często s Turkow pobitych, sławnie tryumphował,
Czasem on też wielki mąż, z Rycerstwem sfankował,
Także on przesławny Krol, Władysław Węgierski,
Ktorego sie mocy bał, Amurat Turecki.
Jedennascie bitew miał, wygranych nad Turki,
Ktore s Tracyey pędził, iak do iamy szczurki.
Iżby sie do Azyey, nazad powracali,
Cudzych Państw mocą zdradą, by nie posiadali.
Dwunasty kroć u Warny, stoczył bitwę s nimi,
Patrz iako sie zdradliwie, s czasem szczęscie mieni.
Dość nieszczęsna na ten czas, s Turki bitwa była,
Bo krola przesławnego, tam garła zbawiła.

(str. 22). Kto na ko-

Kto na koniu ten s konia, czasem upaść muśi,
Szwankuie y Boater, co iż wygra tuszy.
Snadź na swiecie takiego, mym zdaniem nie było,
Ktoregoby przećiwne, szczęśćie nie ruszyło.
Gdy Grekowie do Troiey, woyska gotowali,
By ony despekty swe, Troianom oddali,
Tam w młodym Achilesie, chęć zbroie wzniecała,
Bo sie takich despektow, oyczyzny mścić chciała.
Takasz własnie w Książęciu, chęć sie pokazała,
By oyczyzna despektow, żadnych nie ćirpiała.
Co każdemu przystoi, synu cnotliwemu,

---

[1]) Скандербегъ, собственно Георгій Кастріото,—албанскій народный герой въ борьбѣ съ турками, род. въ 1404 г., скончъ. въ 1466 г. Въ 1569 году вышла въ Брестѣ-Литовскомъ на польскомъ языкѣ книга: Historya o żywoćie y zacnych sprawach Jerzego Kastryota, ktorego pospolićie Szkanderbegiem zową, Książęcia Epireńskiego, na trzynascie ksiąg rozdzielona, napisana od Maryna Barlecyusza. Przydane są ktemu o oblężeniu y dobywaniu Szkodry księgi troie. Z lacińskiego ięzyka na polski przełożone przez Cypryana Bazylika. См. Wierzbowski, Bibliographia polonica, Vol. II, 1891, pag. 124, № 1450.

Krzywd ćirpić nie dopuśćić, gniazdu oyczystemu.
Gdy Krol August osobą, był swą u Pospola,
Gdzie woyska niezliczone, pokrywały Pola [1]),
By hardego ukroćił, Mistra Iflanckiego,
Y pomśćił sie despektu, nad nim nieznośnego,
Nie omieszkał czuyny Pan, ku takiey potrzebie,
Zwłaszcża przy samey znaczney, Krolewskiey osobie.
Tam swoy poczet kosztowny, okazał Krolowi,
Osoby, konie, zbroie, przy ktorym gotowi,
Służąc wiarą y prawdą, krwią swą pieczętuiąc,
Dla Rzeczypospolitey, wszytko podeymniąc.
Tam się potym z obozu, ruszył Krolewskiego,
Chcąc sie mysli wywiedzieć, Mistrza Iflanckiego.
Wnet po ziemi Iflanckiey, rozpuśćił zagony,
Alić więźnie prowadza, harde Niemce ony.
Ktorych na znak posług swych, Krolowi oddawał,
Co Krol iśćie za wdzięczne, od nich prziymował.
Takći dzielnośćią swoią, y męstwem wrodzonym,
Będąc prawie Krolowi, dobrze zasłużonym,
Został zacnym starostą, tam na ukrainie, [2])
Gdzie sławny Borystenes, k morskim brzegom płynie.
Bo też takiego zawsze, pragnie ukraina,
Drapieżnego w sąsiedztwie, maiąc Tatarzyna.
Aby iey nie dopuśćił, tak srodze plundrować,
Wszytki niebespieczności, sobą zastępować.

(str. 23). Tam po-

Tam potrzeba nie mieszkaiąc, wnet sie okazała,
Gdy sie woyska Tatarskiego, wielkość pokazała.

---

[1]) Это событie относится къ 1557 году. *Pospol* или *Pozwol*—нынѣ селеніе Посволь Поневѣжскаго уѣзда Ковенской губ. у почтовой дороги изъ г. Поневѣжа въ г. Баускъ. См. Seweryna Gołębiowskiego, Czasy Zygmunta Augusta, Cz. I, Wilno 1851, str. 86.

[2]) Князь Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ старостой Черкасскимъ и Каневскимъ въ декабрѣ 1559 года, имѣя отъ роду 30 лѣтъ.

Na polach Pozadnieprskich, tam na Psle [1]) leżeli,
Wtargnąć w państwo Krolewskie, swoy zły umysł mieli.
Podobno tak czuynego, starosty nie czuli,
Albo też tak nowego, lekce poważali.
Aleć sie nie pomału, omylił Pohanin,
Nie odniosł pociechy swey, srogi Besurmanin.
Bo Książe czuiąc o nich, kazał sie gotować,
Sam sie wprzod pilnie począł, przez Dniepr przeprawować,
Potym Rycerstwo wszytko, ktore chętne było,
Jak do pewney potrzeby, wskok sie przeprawiło.
Tam na bespieczným mieyscu, kosz swoy położyli,
Książe szpiegi rozesłał, aby sie wywiedzieli,
Gdzieby nieprzyiaciele, koszem swym leżeli,
Co za lud, co za sprawa, coby też działeli.
Abo iesliby sie też, z mieysca ruszyć mieli,
Straży aby Tatarskiey, pilnie szpiegowali.
A iż w ten czas ięzyka, trudno dostać było,
Czekaiąc wieści pewney, już sie im stęskniło.
Ale po małey chwili, straż k nim przybieżała,
Ktora pewne Tatary, na oko widziała.
Ktorzy sie iuż koszem swym, pewnie ruszyć mieli,
Bo szpiegowie Tatarski, ięzyk rozumieli.
Straż Książęca Tatarską, straż byli poymali,
Ktorą zaraz Książęciu, do kosza posłali.
S ktorych pilnie zrozumiał, woyska położenie,
O ktorym z naszych dziwne, wszech było mniemanie.
Trzysta Tatar być woyska, pewnie powiadali,
Acż z naszymi nie rowno, wżdy sie nie lękali.
Zwłaszcza widząc mysl dobrą, Hetmana swoiego,
Jeden drugiemu serca, dodawał dobrego.
Rumiana w ten czas zorza, swiećić poczynała,
Mgły a nocne ciemności, swiatłem rostaczała.
Straż zaś druga znać daie, iże sie ruszaią,
A drudzy na Bachmaty, iuż rącze wsiadaią.

---

[1]) Псіолъ—рѣка въ нынѣшней Полтавской губерніи.

(str. 24). A Książe

A Książe z przednieyszymi, też swe rosprawuie,
Jak własnie do potrzeby, porządnie szykuie.
Radzi tak, by Tatary, na koszu zastali,
Y każe by zarazem, z mieysca sie ruszali.
Postępuiąc tym spieszniey, przidą nad Tatary,
Aż sie k nim z lewey strony, ufiec Tatar wali.
Ktorych zaraz iak Bog chce, łatwie pogromili,
A do kosza żadnego, s nich nie wypuściłi.
Potym bieżąc do kosza, okrzyk uczynili,
Tatarzy sie w sprawie swey, barzo potrwożyli.
Jedni na swe Bachmaty, spiesząc sie wsiadaią,
Mężnie wszyscy s Tatary, prętko sie potkaią.
Tamże wprzod Książe kredenc, swoim uczyniło,
Mężnie s konia oszczepem, Tatarzyna zbiło.
Drugim serca przybywa, widząc Pana swego,
Iż znak pirwszy uczynił, zwycięstwa pewnego.
Tym śilniey iuż bezsprawnych, Tatarow wspieraią,
Widząc iż sprawce swego, iuż w woysku nie maią.
Rozgromieni Tatarzy, w komysze sie kryią,
Drudzy obronna ręką, uchodząc sie biją.
Naszy Rohatynami, goniąc ich spychaią.
A drudzy po szelinach, kryiących łapaią.
O przystoina Książęciu tam pociecha była,
Gdy Tatarska tak wielka, szwankowała śiła.
Więźniow, Bachmatow rączych, Tatarskich nabrali,
Sławę prawym zwycięstwem, wszyscy otrzymali.
Pułtora sta miał Książę, w ten czas ludu swego,
Ktorym mocy potłumił, pohańca srogiego.
Sochor [1]) w ten czas Hetman był, mąż serca wielkiego,
Lecż Bog wniwecż obroćił, harde mocy iego.
Hanibal dzielny Hetman, sławny Kartagiński,
Częste maiąc od Rzymian, w swym państwie ućiski,

---

[1]) Сохоръ—имя татарскаго предводителя.

Mężnie sie im odpierał, woyska porażaiąc,
A od Kartagińskiego, Państwa odganiaiąc.
Bo mocą choć nie swoie, państwa posiadali,
Choć też żadney własności, na nie nie miewali.

(str. 25). Tak Iwan

Tak Iwan Wazylewic, a Książę Moskiewskie,
Niesłusznie przywłaszczaiąc, dzierżawy Litewskie,
Ony udzielne Księstwa, co przedtym bywały,
Słusznym prawem ku Litwie, z dawna należały.
Mocą, zdradą, chytrością, Księstwu Litewskiemu.
S czego własni synowie serdecznie boleli,
Gdy matkę okrzywdzoną, tak barzo widzieli.
Ano drą y szarpaią, bez prawa żadnego,
Acż też ruszało Krola, s czasem y samego.
Ale iż Krol cnotliwy, rad pokoy miłował,
Ktory y Pohańcow, w całości zachował,
Choćia częstokroć Państwa, iego plundrowali,
Ludzi, statki, maiętność, do Hord zabierali.
A coż z Krześćianinem, y owszem krwie iego,
Nie pragnął spokoyny Pan, do skonania swego.
Aleć też iuż nieznosne, krzywdy przynaglały,
Ktore snadź y do Boga, obłok rostaczały.
Wyprawiał iuż do Moskwy, częściey woyska swoie,
Ktore częste w Iflanciech, mieli z Moskwą boie.
Książe też Wisniewieckie, starosta Cerkaski,
Widząc co Tyran broi, wielki Kniaź Moskiewski,
Miluiąc s szczyrey chęći, tak Rzeczpospolitą,
Myślił posługę iaką, czynić znamienitą.
Nie folguiąc iak zdrowiu, tak y maietności,
Zebrał swym kosztem własnym Agi Białogrodzkie,
Tatarskie przednie wodze, Sychorze, Bakaia,
S ktorymi Tatar ośm set, piękna woyska zgraia.
Swoich też miał cztery sta, ludu Rycerskiego,
Nie biorąc na to namniey, skarbu Krolewskiego.
Ciągnąc z ludem do Państwa, prosto Moskiewskiego,
Włości burząc szyroko, Ksiestwa Siwierskiego.

Tamże pod Radochoscem, [1]) koszem sie położył,
A szkodliwy Moskwićin, barzo sobą trwożył.
Puścił potym Tatary y swoie w zagony,
Szablą, ogniem, okrutnie, burzą wszytkie strony.

(str. 26). Na dwa-

Na dwadzieścia mil ziemie, w ten czas splundrowali,
Radochoszcża samego, mężnie dobywali.
Dobywszy Radochoszcża, do gruntu spalili,
Z więźniami y s korzyścią, nazad sie wrocili.
Day Boże by synowie, tacy sie rodzili,
Ktorzyby tak cnotliwie, matce swey służyli,
Wszey Rzeczypospolitey, na piecży to maiąc,
Krzywd y wielkich despektow, cirpieć iey nie daiąc.
Nie uniosła sprosna chćiwość, Pana cnotliwego,
Więcey to poważaiąc, co iest przystoynego,
Nawięcey niesmiertelney, sławie dogadzaiąc,
Insze wszytki pożytki, lekce poważaiąc.
Też Rzeczypospolitey, we wszytkim dogodził,
Dla ktorey oyczyznę swą, wielekroć zawodził.
By potomni Krolowie, na to pamiętali,
Takie zacne posługi, łaską nagradzali.

---

[1]) Радогощъ—древнее, извѣстное по лѣтописи съ XII в. (Ипат. 1155 г.) названіе нынѣшняго Погара при р. Судости. Набѣгъ кн. М. А. Вишневецкаго на сѣверскую землю относится къ веснѣ 1563 года. Царь Иванъ Васильевичъ Грозный повелѣлъ своему послу Андрею Ѳедоровичу Клобукову доложить королю Сигизмунду Августу о набѣгѣ кн. Вишневецкаго въ слѣдующихъ словахъ: „Приходилъ на наши на Сѣверскіе мѣста къ Новугородку Сѣверскому ротмистръ твой князь Михайло Вишневетцкой съ литовскими людми и съ черкасцы каневскими и съ бѣлогородцкими татары, да наши Сѣверскіе мѣста воевали, и села и деревни жгли, и людей въ полонъ имали, и животы ихъ поимали. И наши люди князя Михайла громили, и людей у него многихъ побили и языки многіе поимали; и изъ тѣхъ языковъ послали есмя къ тебѣ брату своему князь Михайлова Вишневецкого коморника Богдашка, и ты его самъ выпросивъ увѣдаешь, которымъ обычаемъ князь Михайло Вишневетцкой на наши Сѣверскіе мѣста приходилъ“. См. Сборн. Импер. рус. ист. общ. т. 71, Спб. 1892, стр. 152.

Zniewalał dobrodzieystwy, Pohańca srogiego,
Zachowuiąc w przedni czas, sobie przyiaźń iego.
Lecż trudna s nimi zgoda, nietrwałe braterstwo,
Po zgodzie prędko swoie, pokażą łoterstwo.
Nie długo trwa zaczęta, przyiaźń dobra s nimi,
Prętko sie Pan Tatara, w swym słowie odmieni.
Bierze znowu a łupi, nie dba pobratyna,
Owa iako mogący, żywi sie chudzina.
Rudasz [1]) on Białogrodzki, z drugimi Agami,
Będąc w tutecżnych Państwach, dobrymi wodzami.
Z niemałymi woyskami, ludu przebranego,
Wtargnęli w Księstwa Ruskie, kraiu Podolskiego.
W ktorym szkody niezmierne, ludziom podziałali,
A z niemałą korzyśćią, do hord sie wracali.
Książęca straż postrzegszy, Książęciu znać dali,
Iże w polu pewnego, Pohańca widzieli,
Skradaiąc sie po Polu, ięzyka szukali,
Podobno y Cerkasom, coś zbroić dumali.
Przez kilkanaśćie cżłeka, iednak ułapili,
Ktorych do swego kosza, spiesznie prowadzili.

(str. 27). Książę nic

Książę nic nie mieszkaiąc, uda sie za nimi,
Ktorzy kosz położyli, pod gory Piwskimi [2]).
Naprzod szpiegi pod woysko, Tatarskie rozesłał,

---

[1]) Рудашъ—имя татарскаго вождя.

[2]) Пивскія Горы, чаще Пивская Гора или просто Пива—крутая возвышенность на лѣвомъ берегу р. Днѣпра у нынѣшняго г. Градижска Кременчугскаго у. Полтавской губ. Съ конца XV вѣка здѣсь былъ „уходъ“ Кіевскаго Пустынно-Никольскаго монастыря для ловли бобровъ и рыбы. Права монастыря на него подтвердилъ черкасскій намѣстникъ Евстафій Дашковичъ грамотою приблизительно 1530 года. См. Арх. юго-зап. Россіи, ч. VII, т. 2, стр. 11, № 4. Во второй половинѣ XVI в. на Пивской горѣ появляется монашеская обитель. См. ст. Матченка, Бывшій Пивогорскій монастырь и нынѣшняя кладбищная Николаевская церковь въ г. Градижскѣ Полтавской губ.—въ Полтав. эпарх. вѣд. 1877, № 1, стр. 1—21.

Owaby snadź ięzyka, iako przez nich dostał.
Wziąwszy sprawę przez więźnia, o Tatarskiey sprawie,
Poszedł chętnie z ludem swym, aż do kosza prawie.
Idąc s swymi rozmawiał, iak sie potkać radził,
Zatym porządnie uffce, w swym woysku rozsadził.
Potym swych upominał, by sie nie lękali,
Gdyż przed tym ludem małym, wielki porażali:
„Bo Bog, ktory pomaga, wiernie Krześćianom,
Pokruszy moc, uyrzycie, tym srogim Poganom.
Wielkością sie nie trwożcie, ludu Tatarskiego,
Da Bog, iże bić będziem, Pohańca srogiego.
Ulituymy sie więźniow, srodze utrapionych,
A okrutnym Tatarskim, więzieniem znędznionych". [1])
A potym sie s mieysc swoich, społecznie ruszyli,
Maiąc znaki dobre, wygraną tuszyli.
Lucyper iuż przed zorzą, poczynał zachodzić,
A dzień iasny z nocnych chmur, rumiano wychodzić.
Tatarska straż iak skoro, naszych obaczyła,
„Gaur, Gaur", wołaiąc, do kosza skoczyła.
A Książe tuż za nimi, spiesznie postępuie,
Rudasz swoich acż nie wczas, ku bitwi szykuie.
Jak ludziby Pohańcy, nad sobą nie czuli,
Bespiecznie sie iak w domu, sobie roskoszyli.
Książe swych upomina, obieżdżaiąc wkoło,
A potym smiele krzycząc, sam skoczył na czoło,
Tam mężnie rohatyną, w Pohańca zawadził,
Zaraz duszę wypłoszył, y s konia wysadził.
Zatym w Tatary naszy, mieżnie uderzyli,

---

[1]) „Сжалимся надъ невольниками", говоритъ князь, „предаваемыми мукамъ и изнемогшими отъ ужаснаго татарскаго плѣна". Вспомнимъ слѣдующіе стихи въ малороссійской пѣснѣ „О разореніи села татарами":

А въ долыни бубны гудутъ,
Бо на зариз людей ведутъ:
Коло шыи арканъ вьецця,
И по ногахъ ланцухъ бьецця.

См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 75.

Tatarzy widząc nieżart, wnet rożno skoczyli.
Prętko konie łapaią, a drudzy sie biją,
Potrwożywszy sie srodze, to tam to sam wiją.
Rudasz krzyczy na swoie, co koni dostali,
Iżby mężnie Gaurom, z lukow odpirali.

(str. 28) Swiszczące

Swiszczące strzały lecą, iak deszcż s każdey strony.
A naszym z łaski Bożey, dostaie obrony,
Zboku skoczą do Tatar, odgromią im konie.
Czym daley iuż Tatarom, schodzi na obronie,
Pohańcy od gęstych kul, z Bachmatow padaią.
A drudzy zaś w sprawie swey, sprosnie sie mieszaią.
Tak z łaski Bożey naszy, Tatar rozgromili,
Rozgromionych po Polu, łapaiąc gonili.
A Rudasz gdzieś z drugimi, w łożynie sie taią,
Ciemney nocy łotrowie, pod klodą czekaią.
Więzniow dosyć, nie mało, mężow, żon z dziatkami,
Odgromił wszytek on plon, pospoł z dobytkami,
Tatar cżterdzieśći więźniow, w ten cżas poimali,
Do zamku [1]) powiązanych, iako bydło gnali,
Takći to zacne Książę, wedle swey zwykłośći,
Warący Rzeczpospolitą, z uprzeymey szczerośći.
Dla ktorey zdrowie, statek, lekce poważaiąc,
Swey sławie, niesmiertelney, pilnie dogadzaiąc.
Jakoż s tego zwycięstwa, ktore sam Bog sprawił,
Dwadzieśćia więźniow zaraz, do Grodna odprawił,
Znaki swych wiernych posług, tego potwirdzaiąc.
Częste więźnie Krolowi, Augustu oddaiąc.
Ale Krola Augusta, to nic nie ruszyło,
Gdy sie taką posługę, nagrodzić godziło.
Jak y dziś Monarchowie, postronni działaią,
Dzielnym mężom posługi, zacnie nagradzaią.
Przykro cirpieć sąsiada, a niespokoynego,

---

[1]) Подразумѣвается, очевидно, ближайшій къ Пивскимъ горамъ Черкасскій замокъ.

Zwlaszcża wiarą ięzykiem, od inszych rożnego,
Jako my tu poblizu, maiąc Tatarzyna,
Od ktorego skąd wiele, ćirpi ukraina.
Bo nie orze nie sieie, nie mysli o żniwie,
Lupem a dobrym cudzym, zawsze łotras żywie.
Nie prożnuie, nie leży, spieszy sie w zagony,
Dla korzyśći nawiedza, rozmaite strony.
Polem więcey niż domem, zawsze sie bawiący,
Gdzieby co wziąć urywczem, pilnie szpieguiący.

(str. 29). Bakay, Te-

Bakay, Teles, Sywerbas [1]), gdy w polu leżeli,
Na Cerkasy uderzyć, pilnie oko mieli.
Jakoż wżdy mysli swoiey, dosyć uczynili,
A w zagony pod miasto, wszędzie rospuśćili.
Ubespieczonych ludzi, pod Miastem pobrali,
Bydła y statki insze, niemałe zabrali.
A czuiny Pan iuż pewną, sprawę o nich maiąc,
Wyprawił się w pogonią, s swymi nie mieszkaiąc,
Upominaiąc swoie, dość pięknymi słowy,
Iżby każdy z Pohańcem, był potkać gotowy.
Przekładaiąc poczćiwość, sławy niesmiertelność,
A iż pewnie Bog s nami, przecż nam straszna wielkość.
A gdy ich na Cyhrynie, naszy dogonili,
Tam bitwę z Pohańcami, mężnie uczynili.
Wszyscy sie tam dość mężnie, w ten czas potykali,
Serca ieden drugiemu, smiele dodawali.
Tatarzy zwyklym tańcem, naszych naieżdżaią,
Ktorym sie z łaski Bożey, naszy opieraią.
Naszy sie s nimi zetrą, strzały iak grad lecą,
Książę wokoło ieżdżąc, ma o swoich pieczą.
Krzyczy: „Nuż teraz, dzieći, chęcią iednakową,
Każdy z was mężnym sercem, smiałośćią gotową.
Patrzcie iako Pohańcy, iuż sie teraz mieszaią,

---

[1]) Бакай, Телесъ, Сывербасъ—имена татарскихъ предводителей.

Da Bog iż tu przed nami, namniey nie wskuraią".
A Bakay też z drugiemi, swoich przyganiaią,
Ktorzy znowu na naszych, pilnie nacieraią,
Krzyku dosyć z obu stron, szablami brząkaią,
Tatarzy gęste strzały, z łukow swych puszczaią.
Gdy ich naszy ku Rzece [1]), mężnie przypieraią,
Tatarowie przez Rzekę, uciekać dumaią.
Naszy widząc Tatarow, na co chytrze godzą,
Przeto im też od Rzeki, ostrożnie zachodzą.
Tatary odskoczywszy, nieco z mieysca swego,
Wnet sie zaś sprawią prętko, do uffu iednego.
Ytak sie znowu mężnie, z naszymi potkaią,
Że z onych ostrych szabel, iskierki pirschaią.

(str. 30) Tak sie na

Tak sie na umor sieką, aż sie iuż mieszaią,
Naszy rohatynami, s koni obalaią.
Tatarzy rozgromieni, bieżą uciekaią,
Naszy ich biją, sieką, a drugich łapaią.
Tamże on mężny Hetman, iako Rycerz prawy,
Odzierżał s swym rycerstwem, dank dla dzielney sprawy.
W iakiey zacney potrzebie, więzniow dosyć dostał,
Ktore tobie, Auguscie, [2]), zarazem odesłał.
Znak iasny pokazuiąc, swey wierney posługi,
Ktoreć prawdziwie czynił, iako Hektor drugi.
Y czynił iak przystało, do skonania swego,
Strzegąc pilnie kleynotu, sobie zwierzonego.
Często s srogim pohańcem, miewaiąc zabawy,
Wszey Rzeczypospolitey, iako ociec prawy.
S Tatary nad ktore swiat, nie miał waleczniejszych,
Ani w bitwach Marsowych, nigdy potężnieyszych.

---

[1]) Rzeka—Тясьминъ, на берегу котораго происходила битва.

[2]) Обращеніе къ королю польскому Сигизмунду-Августу, скончавшемуся 7 іюля 1572 г. Изъ него видно, что сраженіе на урочищѣ „Чигиринъ" происходило еще при жизни этого короля. Въ 1589 г. на упомянутомъ урочищѣ было построено укрѣпленіе. См. Żr. dz. t. XXII, 1897, str. 85.

Ktorzy możnych Rzymianow, mocy sie nie bali,
Choć na on czas wszytkiemu swiatu panowali.
Ostre strzały Książęciu, straszne nie bywały,
Gdy w dzikich polach s nimi, potrzeby bywały.
Y więźniow zawsze znaczných, zwycięstwem dostawał,
Jak na wszem dzielny Rycerz, nigdy nie prożnował.
Łaskawie go trzymało, szczęscie na swym łonie,
Lecż Bog w potrzebach wielkich, miał go w swey obronie.
Iż nigdy ukraina, nie żywie bez trwogi,
Ktorą często nawiedza, nieprzyiaciel srogi.
Bierze łupi plundruie, co sie mu nawinie,
Smierć nie smierć namniey nie dba, choć zarazem zginie.
Raradza [2]) w pięćset koni, przyszedł pod Cerkasy,
Taiemnymi mieyscami, jesiennymi czasy.
Owa skrytymi slady, Tatar swoich wodził,
W Miasto sie w nocy włomić, na to łotras godził.
Iż sie w dzień kuśić nie smiał, przeto nocy czekał,
By tak spiących bez żadney, pomocy powiązał.
A gdy iuż iasne słońce, swiatło twarz zakryło,
A Miesiąca w puł nieba, prawie widać było.

(str. 31) Ludzie też

Ludzie też przyrodzonym, snem uspokoioni,
Alić znagła po Cerkwiach, uderzą we dzwony.
Wszyscy sie ze snu porwą, „gwałt, gwałt“ zawołaią,
Tatarzy w ten czas ostrog, mieyscy rozrzucaią.
Książę czuiąc taki huk, nie czekaiąc zbroie,
Porwąc sie prawie ze snu, upomina swoie,
Iżby żadną boiaźnią, sobą nie trwożyli,
Tatar sobak iżeby, z Miasta wypędzili.
Luna w ten czas słonecznym, promieniem swiećiła,
Kiedy naszym z Pohańcem, taka trwoga była.
Tatarzy gęstą strzelbą, na naszych puszczaią,
S krzywych łukow swiszczące, ich strzały lataią.
Naszy też z długich rusznić, w Tatarzy pukaią,

---

[1]) Рарадза—имя татарскаго предводителя.

Tatarzy pędem wielkim, z Miasta uciekaią,
A Książę z ludźmi przyprze, s przeważną dzielnością
Przypiraiąc Tatarom, choć z niebespieczność ścią.
Wygnani prętko z Miasta, k błoniu uciekaią,
Drudzy strzały nawięzem, do Miasta puszczaią.
Tatarzy z wielkim wstydem, nazad ustąpili,
Nie wskurawszy nic w Miescie, s koszem sie ruszyli.
Po kilku dni alić zaś, odwrot uczynili,
Znowu lepszego szczęscia, patrzyć umyslili.
Prawie w ten czas gdy sliczna, już wschodziła zorza,
Phebus też swoy złoty woz, toczyć począł z morza,
Krzykną „Hala“ po Polu, k Miastu nacieraią,
A naszy do nich z Miasta, pospiesznie sie maią.
Skoczą do nich a mężnie, s nimi sie potkaią,
A długimi oszczepy, s koni obalaią.
Tatarzy gęstą strzelbą, naszych doieżdzaią,
Pieszy z rusznic ochotnie, w Tatary pukaią.
Lecą s koni Pohańcy, drudzy uciekaią,
Naszy gonić za nimi, w dłuszcze ich łapaią.
Dwadzieścia w ten czas więźniow, Tatarskich dostali,
Okrom tych co pobići, na placu zostali.
Nigdy sie z łaski Bożey, Pohaniec nie cieszył,
Choć sie iak na wygraną, y pod Zamki spieszył.

(str. 32) Zawsze mu-

Zawsze musiał szfankować, s sromotą odchodzić,
Umiał snadnie czuyny Pan, we wszystko dogodzić.
Bo y Bakay tym strychem, patrzył szczęscia swego,
Zebrał orszak niemały, ludu Tatarskiego.
W nocy miasto ubieżeć, przez mocne ostrogi,
Snadź sie w dzień kuśić nie smiał, nieprzyiaciel srogi.
Lecż y w nocy nie wskurał, bo fortyle iego,
Omyliły we wszytkim, Pohańca chytrego.
Ledwo cało do Hordy, na rączym ubieżał,
Y to w dzień gdzieś w zaległym, komyszu uleżał.
Fortyl przeciw fortylom, wynaydować musi,
Gdy kto czego fortylem, dostawać sie kusi.

Tak sie na przedsięwzięciu, pohańcy mylili,
Bo namniey nie wskurawszy, nazad sie wrocili.
Iż drapieżny Tatarzyn, nigdy nie prożnuie,
W Polach leżąc, Podnieprskie, te kraie plondruie.
Czego często iak Moskwa, tak my doznawamy,
Ktorzy s nimi poblizu, w sąsiedztwie mieszkamy.
Nie walczą s Krześćiany, o żadne wolnośći,
Pilnieysze oko maią, w cudze maiętnośći.
Tak wolnośći iako my, iak żywi nie znaią,
Więcey sie dla korzyśći, szablą zabawiaią.
Prawieby to Pan Bog dał, z łaski Krześćianom,
Iżby też śilni byli, okrutnym Pohanom.
Jakożby k temu przyszli, gdzieby była zgoda,
Nie byłaby tak częsta, w zacnych państwach szkoda.
Gdyby zasie w Aziyskie, kraie ich zagnali,
Gdzie pirwsze osiadłośći, łotrowie miewali.
Byłby iuż bezpieczniejszy, ociec z dziećmi swemi,
Nie kryłby po szelinach, y lasy gęstymi.
Widzimy iak sie nędzni, oracze błąkaią,
Wygnani domy swoie, spustoszone maią.
Widzimy iako drugich, ćmy prowadzą w dłuczczach.
Strudna sie ma osiedzieć, y na pustych mieiscach.
Rzadko dziś nędznik wytchnie, srodze utrapiony,
Od srogiego Pohańca, ze wszego złupiony.

(str. 33). Często to

Często to Podolanie, Wołyńcy widaią,
Często y Poddniepszanie, ućisk od nich maią.
Gdyby ktemu Bog nie dał, obrońcow potężnych,
Tam w oney ukrainie, onych ludzi mężnych.
Ktorzy sie wżdy Tatarskiey, mocy opieraią,
Owych ostrych szypikow, nic sie nie lękaią.
Snadżby Krakow y Poznań, często nawiedzali,
Gdyby sie u krainy, im nie odpierali.
Ale iż zawsze o nich, pilnie słuchy maią,
Przeto im też bez wieśći, tu wtargnąć nie daią.
A wtargnąli gdzie chytro, nie uydą w całośći,

Ledwie sie czasem wrocą, do hordy w małości.
Białogrodzki on Aga, Janusz [1]) w trzech set koni,
Fortelem chcąc plundrować, tu Podnieprskie strony.
Biorąc łupiąc dość czyniąc, swemu przedsięwzięciu,
Gdy o nim sprawę dano, zacnemu Książęciu.
Dwiescie koni wziął s sobą, udał sie za nimi,
Cnych takich szkod niezmiernych, pomścił sie nad nimi.
Woiował koło Dniepra, okoliczne włości,
Wracaiąc sie do kosza, s korzyscią w całości.
Trypol [2]) Miasto nad Dnieprem, srodze wyplundrował,
Jednych w więzienie pobrał, a drugie mordował.
Ktorych prawie dogonił, na Czarnym Taszliku [3]),
Tatarzyn obaczywszy, spieszy sie do szyku.
Prętko sie w ieden hufiec, Pohańcy sprawili,
Książe też z Rycerstwem swym, k nim sie przybliżyli.
Zeby naszych około, iako otoczyli,
Lecz sie na tym Pohańcy, barzo omylili.
A gdy sie potkać mieli, w trąby uderzyli,
Tatarzy swym fortylem, iako umyslili.
Bo Książe swiadom będąc, Tatarskich fortelow,
Ktoremi podhadzaią, czasem Bohaterow,
Wnet tu krzyknie na swoie, żeby w sprawie stali,
A Tatarom by mężnie, wszyscy odpirali.
Więźniowie krzykiem płaczem, obłok rostaczaią,
Pana Boga załosnym, sercem swym wzywaią,

(str. 34).

Aby raczył pomoc dać, z nieba Krześćianom,
A mocy by pokruszył, niewiernym Poganom.
Jakoż Pan nie omieszka, z ratunkiem każdemu,
Dopomoże w ućiskoch, wiernie proszącemu.
Wnet sie tam Pohańcowi, serce odmieniło,

---

[1]) Янушъ—имя Бѣлгородскаго аги.

[2]) *Trypol*—нынѣшнее мѣстечко Триполье при Днѣпрѣ въ 50 верстахъ ниже Кіева.

[3]) Черный Ташлыкъ—рѣка въ нынѣшней Херсонской губ., впадающая въ рѣку Синюху, притокъ рѣки Буга.

Ze sie ono woysko ich, barzo potrwożyło.
Książe żarko s swoimi, Tatarow podkaią,
A Tatarzy po części, iuż z woyska pirzchaią.
Bog naszym serc dodaie, Pohańcy bez sprawy,
Naszy ich sieką wiążą, krom długiey zabawy.
Nie długo tam s Pohańcem, argumentowali.
Bo szablą silogizmy, ich konkludowali.
Z łaski Bożey Pohaniec, srodze pogromiony,
Pełno trupow nad rzeką, leży s każdey strony.
Więźniowie sie do mieysc swych, w całośći wrośili,
A Pohańcy harde swe, szyki pomylili.
Takim szczęśćiem obdarżył, Bog Książecia cnego,
Że nigdy z łaski iego, szwanku tak wielkego
Nie odniosł od Pohańcow, w tak gęstych potrzebach,
Ktorich dość często miewał, przy Podnieprskich brzegach.
Iak czuyny Hetman pilnie, temu dogadzaiąc,
Na sławy niesmiertelność, zawsze pamiętaiąc.
Pilnuiący kleynotu, sobie zwierzonego,
Częstokroć odganiaiąc, Pohańca srogiego.
Dawał też znać Krolowi, gdy w Polu leżeli,
Kiedy z wielką armatą, w Państwo wtargnąć mieli.
A nawiętszą pilnością, przystrzegaiąc tego,
Przymierza by nie wzruszał, s Czarmi przyiętego.
Y wielekroć do Czara, posły posyłaiąc,
Na Kozaki Tatarskie, ty winy wkładaiąc.
Ktorzy pokoy częstymi, wtarzkami wzruszaią,
Przyczynę do wzruszenia, przymierza tym daią.
Wspominaią Kroyniki, dzieie Witułtowe,
Jak duże Hordzie Tatarskie, poraził na głowę.
Nahayskich y Zawolskich, stąd Tatar do Litwy,
Przywiodł na znak zwycięstwa, oney sławney bitwy.

(str. 35). A twych

A twych chwalebnych dzieiow, przeczby milczeć miała,
Gdy ręka twa Krolowi, więźnie oddawała.
Yscie nie lada więźniow, ale Czarewiczow,
Czara Satmankiereia, synow y dziedzicow.

Galgę męża wielkiego, Alapkiereia,
Brata iego młodszego, Solometkiereia [1]).
Nie lada upominkiem, poczćił Krola swego,
Ktorych iako Pan baczny, wdzięczny był od niego.
Godneś o zacne Książę, by na twardey stali,
Historycy chwalebne, dzieie twe pisali.
Ktoreś czynił prawdziwie, s przeważney dzielnośći,
Wszey Rzeczypospolitey z uprzeymey szczyrośći.
Służąc y dogadzaiąc, zdrowiem maiętnośćią,
Wiarą, prawdą, y cnotą, y wielką czuynośćią,
Czyniąc co należało. Hetmanu dzielnemu,
Nie dopuśćić brać szarpać, Pohańcu srogiemu.
Nie kusił sie tak często, Tatarzyniec srogi,
By swym zwykłym drapiestwem, czynił gdy chce szkody.
Zwłaszcża na ukrainie, czuiąc potężnego,
Obrońcę y Hetmana, na wszytkim czuynego.
Starał sie też czuyny Pan, by hrodyszcża ony,
Ludźmi wszędzie godnymi, były osadzony. [2])
Gdzie przedtym żwierzom dzikim, legowiski byli,
Tatarzy tymisz slady, w to państwo wchodzili,
Osadził Miasto nowe, y między rzekami,
Korsonem od Greckiego, Miasta mianowany. [3])

---

[1]) См. выше, стр. 87—89.

[2]) Князь Михаилъ Александровичъ въ этомъ случаѣ приводилъ въ исполненіе мысль, высказанную королевскими ревизорами, описывавшими Кіевское воеводство въ 1571 г.: „Item *horodziszcz* w tem województwie Kijowskiem pustych jest bardzo wiele, które gdzieby były zabudowane, wielka obrona i bezpieczeństwo od nieprzyjaciół stała by sie, nie tylko województwu kijowskiemu, ale i wszelkiéj koronie Polskiéj. Tych liczbę posyłamy przez towarzysza naszego pana Jana Bystrzykowskiego, bo się wespółek z nami temu dobrze przypatrzył, a on będzie umiał dać sprawę J. K. mości, które z nich są potrzebniejsze ku zabudowaniu.“ См. Żr. dz. t. XX, 1894, отд. 2, стр. 21.

[3]) См. выше, стр. 8, прим. 4. Городъ Корсунь на р. Роси упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. въ княженіе въ Кіевѣ Глѣба Юрьевича Половцы подошли и „сташа у Корсуня“ (Лавр. 1169 г., Ипат. 1172 г.); „далъ Рюрикъ Всеволоду 5 городовъ“—въ томъ числѣ Корсунь (Ипат. 1195 г.). Вѣроятно, Корсунь былъ основанъ первоначально Ярославомъ Мудрымъ, ко-

Gdyby Pan Bog przedłużył, ieszcże żywot iego,
Iscieby mało było, hrodyszcża pustego.
A wszytko ku pożytku, Pospolitey Rzeczy,
Ktorą nad wszytkie skarby, miał na lepszey pieczy,
Gdy sie z Moskiewskim Kniaziem, woyny zaczynały, [1])
Ktore mu odpoczynać, choćby chciał nie dały.
Bo iaką miarą mierzył, tak sie też godziło,
Iżeby sie sowito, temu nagrodziło.
Starał sie wprzod Krol możny [2]), aby dostał swego,
Upominał częstokroć Tyranna srogiego.

(str. 36). Nie pra-

Nie pragnąc krwie rozlania, nigdy Krześćiańskiey,
A przez słuszney przyczyny, nawet y Pogańskiey.
Ale uporny Tyran, źwierz nieukroczony,
Jako własnie Pharaon, w złośći zatwardzony,
Powinność Krześćiańską, lekce poważaiąc,
W onym swym przedsięwzięciu, a w uporze trwaiąc,
Nie chcąc zgody y owszem, zawsze pragnął zbroie,
Lecż sie mu uprzykrzyły, potym częste boie.
Dziwnymi sie fortylmi, do ugody maiąc,
A co był przedtym wydarł, Litwie nie wracaiąc.
Jakożby snadnie przywiodł, Krola do wszytkiego,
By to był wszytko czynił, s serca uprzeymego.
Lecż harde serce iego, k temu przyść nie dało,
Co przedtym chytro wydarł, wrocić sie nie chciało.
A poniewasz inaczey, iuż też być nie mogło,

торый, по свидѣтельству лѣтописей, „поча ставити городы по Рѣси“ (Лавр. и Ипат. 1032 г.) и названъ въ память таврическаго Корсуня, гдѣ, по преданію, отецъ Ярослава принялъ святое крещеніе („крещену Володимеру въ Корсуни“ —Ипат. 988 г.). Грамота Стефана Баторія о возобновленіи Корсуня на старомъ городищѣ помѣчена 8 февраля 1584 г. См. Арх. Юго-зап. Рос. ч. V, т. 1, стр. 540—541.

[1]) Подразумѣваются войны съ Московскимъ государствомъ, начатыя въ 1579 г. Стефаномъ Баторіемъ.

[2]) Стефанъ Баторій.

Tak uporu hardego, nic przemoc nie mogło.
Roskazał Krol plundrować, w Moskwie wszytki włości,
Nie gwałcąc tym nic prawa, ni sprawiedliwości.
Ze wszytkich stron zagony Moskwę przechodzili, [1])
Ogniem szablą wszerz y wdłuż, okrutnie burzyli.
Książęta też Woiewoda, Konstantyn Ostrozkie,
A w iednym towarzystwie, Książe Wisniewieckie,
Maiąc trzy sta Tatarow, Hordy Białogrodzkiey,
Nad ktorymi wodz starszy, był Aga Koszkieldey.
Potym Slachta Kijewska, także Owrucżanie,
Ostrzanie y Homlanie, mężni podnieprzanie,
Do Księstwa Siwierskiego, społem sie ruszyli,
Pod samym Czerniowem, kosz swoy postawili.
Radzili społeczżnymi, s sobą namowami,
Widząc obwarowany, Zamek wkrąg wałami.
Ruśili sie dziwnymi k niemu fortelami,
Lecż prożno y czas tracić, dobrze widzą sami.
Z Zamku z dział y s hakownic, ogromnie pukaią,
Nawet iż sie pokazać, ni wychylić daią.
Rozmiotali do miasta, wysokie ostrogi,
Acż też to być nie mogło, bez społeczżney szkody.

(str. 37). Do Miasta

Do Miasta z Zamku biją, gęstymi kulami,
Ze sie strudnoscią zakryć, między chałupami.
Nie tracąc prożno czasu, spolnie uradzili,
By nazad odstąpiwszy, Miasto zapalili.
Tamże nic nie sprawiwszy, nazad sie ruszyli,
Lepszego potym szczęscia, patrzyć umyslili,
A Kasztelan Kijewski, Michał Wisniewiecki,
Widząc iż krepki zewsząd, zamek Czyrnieiowski.
Woyska sie też ruszyły, wszytki ku domowi,
Skąd pociecha nie mała, nieprzyiacielowi.
Tak prożno nazad wrocić, s swymi sie nie chciało,

---

[1]) Отъ стиха 841 до 919 описывается война 1579 года, отъ 920 до 949 война 1580 года.

Nieprzyiaciela cieszyć, przykro sie mu zdało.
Przeto siedm set człowieka, maiąc Rycerskiego,
Przy ktorych Tatar trzy sta, ludu gotowego.
Zacne Książę Ostrozkie, Janusz Woiewodzić, [1])
Wzorem swych zacnych przodkow, chcący tym dogodzić
Wszey Rzeczypospolitey, tam swoie Rycerstwo,
Przyłączył Książęcemu, w iedno towarzystwo.
Myslili wszędzie burzyć, okoliczne strony,
Rozpuściwszy ludzi swych, szyroko w zagony.
Tam srodze szablą ogniem, wszędzie pustoszyli,
Szyroko ony włości, śmiele przechodzili,
Burząc, paląc, pustosząc, aż k Starodubowi,
Skąd sie serce zmieniło, nieprzyiacielowi.
A po takiey posłudze, nazad umyslili,
Gdzie z łaski Bożey wszyscy, cało sie wrocili.
Lupow wieźniow korzyści, bez miary nabrali,
Takci uporną Moskwę, często plundrowali.
Jeśli Scypio Scyla, y on Manilius,
Jeśli Kwintus Katulus, y dzielny Maryus,
Oni zacni a sławni, Hetmanowie Rzymscy,
Swey Rzeczypospolitey, usłużyli wszyscy,
Cnotą wiarą y prawdą, nawet zdrowia swego,
Nie litowali dla niey, utracić wdzięcznego,
Zasz nie tym kształtem Książę, s przeważną dzielnoscią,
Wszey Rzeczypospolitey, acż z niebespieczność cią,

(str. 38). Służył y

Służył y gdziebykolwiek, s Pohańcem potrzeba,
Wszędzie tam być musiała, ta zacna osoba.
Gdybył porządkiem weyrzał, a potrzeby iego,
Pilnie wszytki rozważał, doswiadszyłbyć tego,
Iż dzielnością celował, y Hetmany ony,
Maryusze y ony, dzielne Scypiony.
Jako z Niemcy, iak z Moskwą, s Tatary woiował,

---

[1]) Князь Янушъ Константиновичъ Острожскій родился въ 1554 году, умеръ въ 1620 г.

Jak s srogiego Pohańca, często tryumphował.
Owa iż szabla iego, nigdy nie rdzewiała,
Mężnie nieprzyiaciela, y często płoszała.
Jak wiele popustoszył, Państwa Moskiewskiego,
Jak wiele Miast poburzył, Księstwa Siwierskiego.
Gdzie Książęta udzielne, stolice miewali,
Dziśby im dziwno było, gdyby z martwych wstali.
Ano wszędzie w około, srodze spustoszone,
Ony piękne osady, ogniem popalone,
Czernieiow, Putywl Rylską, y sławny Poczepow,
Bransk Radohoszcż y Orel, obronny Karaczow.
Wszędzie popustoszone, Zamki miasta włości,
Gdzie srodze posieczoney, Moskwy leżą kości.
Tam wszędzie, zacne Książę, znaczne twe posługi,
Ktoryś czynił dość wiernie, iak Hanibal drugi.
Gdy w Połuzka woyska, Krolewskie leżeli [1]),
Państwo nieprzyiacielskie, srodze woiowali.
Tam dzielność ona zwykła, chęći w nim wznicała,
A przeważność wrodzona, prożnować nie dała.
Po Tatary wyprawił, do Hord sługi swoie,
Chąc zaś znowu ponowić, z Moskwą zwykłe boie.
Dwanascie set Tatarow, kosztem swym przybawił,
S ktorymi Rycerstwo swe, do Moskwy wyprawił.
A wprzod ku Karaczowi, ciągnąć umyslili,
Y tam zacne posługi, iakie uczynili.
Więc Starosta Ostrzycki, k nim swoie Rycerstwo,
Przyłączył ku Książęcem, w iedno towarzystwo,
Urodą y dzielnością, wielki mąż Rycerski,
Starożytnością domu, on Lawryn Ratomski. [2])

(str. 39). Ruszyli sie

Ruszyli sie tak społem, sławny Dniepr przebyli,
Prawie ku Karaczowi, znienagła ciągnęli.

---

[1]) Значитъ: „пока королевскія войска стояли подъ Полоцкомъ“.

[2]) Лаврентій Константиновичъ Ратомскій, староста Остерскій, умеръ въ 1594 году. См. Boniecki. Poczet rodów, Warsz. 1887, str. 281—282.

Gdy tak iuż pod Karaczew, z woyskiem przyciągnęli,
A nie daleko Miasta, kosz swoy postawili.
Rospuściwszy zagony, burzyli wsze włości,
Plundruiąc biorąc wiążąc, bez żadney lutości.
Karacewskie wszerz y wdłuż, włości wypalili,
Samo Miasto odchodząc, do gruntu spalili.
Stamtąd sie zasie pod Rylsk, paląc obroćili,
Bez odporu wsze włości, srodze pustoszyli.
Bespiecznie wszędzie ony, kraie przeieżdżaią,
Plony żoną, Wśi, Miasta, straszliwie goraią.
Spustoszywszy Karaczow, y też włości Rylskie,
Branskie także wszerz y wdłuż, y włości Orelskie.
Na cżterdzieści mil w ten czas, ziemie splundrowali,
Więźniow inych korzyści, bez miary nabrali.
Spaliwszy Rylsk, Karaczow, Bransk, Orzel z włosciami,
Cało okrom odporu, k domu sie wracali.
Jeszcże nie był do końca, on Tyran skrocony,
Choć widział swoy kray ludny, srodze spustoszony.
Widział zamkow pobranych, zburzonych nie mało,
Krwie Rycerskiey przełania, wżdy go nie ruszało.
A tak sprosne uporne, przedsięwzięcie iego,
Iż zgody ni pokoiu, nie pragnął swiętego.
Wszędzie woyska Krolewskie, burząc naieżdzali,
Moskwę s Tatary takiesz, potrzeby nie znali,
Wszedzie sie z łaski Bożey, naszym szańcowało,
Choć sie Moskiewskie woysko, naszym opirało.
Książęciu sie zacnemu, prożnować nie chciało,
Znowu zebrał do Moskwy, Rycerstwa niemało [1]).

---

[1]) Съ 960 стиха начинается описаніе военныхъ дѣйствій князя Вишневецкаго противъ Москвы въ 1581 г. Авторъ „Плача“ не разсказалъ, что весною этого-же года князь Михаилъ Александровичъ успѣлъ еще сдѣлать походъ противъ татаръ. Лаврентій Мюллеръ такъ говоритъ объ этомъ: „Татары владѣютъ прелестной плодородной страной, но она остается необработанною, такъ какъ они умѣютъ заниматься только разбоями. На Троицу 1581 г., когда староста Черкасскій (т. е. князь М. А. Вишневецкій) разбилъ татаръ съ помощью князя Острожскаго, мы прошли значительную часть ихъ страны. Вся

Iż mu sie z łaski Bożey, na wszem szańcowało,
Z wielkich potrzeb ze wszytkim, Bog unosił cało.
Przybył mu w towarzystwo, mąż wielkiey dzielnośći,
Domu starożytnego, y wielkiey zacnośći.
Książę Jarosz Zyzemski, [1]) Starosta Rečżycki,
K nim zacny Abram Myszka, Starosta Owrucki.

(str. 40). Sławny

Sławny domem przodkow swych, Rycerskiey dzielnośći,
Wzbudzaiąc męską dzielność, lat młodych czyrstwośći.
Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego,
S pocztem swoim też przybył, do woyska onego.
By Rzeczypospolitey, znacznie posłużyli,
Przeto k Książęcym pocztom, swoie przyłączyli,
Y tamże społecznymi zgodnie namowami,
Ruszyli sie w Boży czas s swoimi pocztami.
Jako przeciw Tyrannu, Kniaziu Moskiewskiemu,
Umyslili ku zamku, prosto Trubeckiemu.
Przyciągnąwszy pod Trubesk, z woyskiem sie położyli,
Patrzaiąc iakby s ktorey, strony Zamku położyli.
Bo obwarowany Zamek, mocno parkanami,
Jak strzelbą rozmaitą, dzielnymi mężami.
Na Zamku Kniaź Radylow, starszym Woiewodą,
Zacny maż między Moskwą, stanem y urodą.
Książę sie Zamku Miastu, pilnie przypatruie,

она—пустынна и безлюдна. Травы тамъ столь высоки, густы и мощны, что по нимъ нельзя ѣхать телѣгою; травы такъ плотно оплетаются вокругъ колесъ, что телѣга останавливается и двигаться не можетъ. Лѣса и отдѣльныя деревья наполнены пчелами. На нѣкоторыхъ холмахъ произрастаетъ тамъ кустъ, очень похожій на виноградную лозу; его и считаютъ дикимъ виноградомъ; видно, что страна могла-бы производить виноградъ, если-бы только кто-либо пожелалъ его обрабатывать". См. Septentrionalische Historien, Amberg 1595, S. 78. День св. Троицы въ 1581 году приходился 14-го мая.

[1]) Князь Іеронимъ Ивановичъ Жижемскій упоминается въ актахъ съ 1570 г.; умеръ въ 1597 году. См. Wolff, Kniaziowie etc. Warsz. 1895, str. 629.

Tak z nienagła opatrznie, k Zamku przystępuie.
Szukaiąc położenia, woysku bespieczńego,
Gdzieby k Zamku przystęp mieć, bez szkody żadnego.
Moskwa z dział y s hakownic, potężnie strzelaią,
Jakby Zamek zapalić, naszy obmyslaią.
Gdy sie bliżey pod sciany, iuż przyszańcowali,
Radzą iakby przez szkody, k scienie szturmowali.
A obleżeńcy w Zamku, dobrze sobie tuszą,
Naszy sie w imię Pańskie, ku Zamkowi kuszą.
Jedni sciany misternie, ogniem zapalaią,
Drudzy zaś siekierami, brony dobywaią.
Kurzą się sciany ogniem, płomieniem goraią,
Moskwa przed sie dość mężnie, naszym odpieraią.
Książe swych upomina, dość pięknemi słowy:
„O Rycerstwo Slachetne, nasz tryumph gotowy.
Jedno chcieycie do końca, mężnie postępować,
Da Bog iż nieprzyiaciel, iuż będzie szwankować.
Odnowcie zwykłe męstwo, w tey szczęsliwey chwili,
Będziem za łaską Bożą, sprosną Moskwę bili".

(str. 41). Tak rzekł

Tak rzekł Hetman przesławny, a każdy tą mową,
Pośiloną wziął na się, sercu smiałość nową.
Lamią sie gwałtem w Zamek, a Moskwę łapaią,
Rusznice szable łuki, od nich odbieraią.
Tak naszy z łaski Bożey, Zamek odzierżeli,
Strzelby więźniow korzyśći, niemało zabrali.
Woiewodę samego, skoro poimano,
Znak prawego zwycięstwa, Książęciu oddano.
Takći Miasto y Zamek, wniwecż obroćiwszy,
Jak Scypio Kartago, z gruntu wywroćiwszy.
Bespieczńie sie s Trubieska, ku domu ruszyli,
Wszakże pirwey y Miasto, do gruntu spalili,
Wszakże szczęgulna Moskwa, szczęscia patrzyć chciała,
Trzy Tysiące zebrawszy, w pogonią bieżała.
Nad ktorymi Hetmany, ći Woiewodowie,
W rzeczach Rycerskich biegli, y dzielni mężowie

Napirwszy Starodubski, Kniaź Iwan Mezecki,
Ponim zasie Kniaź Osip, sławny Nowogrodzki.
Putywlski Woiewoda, Kniaź Wazyli Chilkow,
Brański on Oboliński, Kniaź Fiador Lykow.
Kniaź Iwan Dohoruki, dzielny Czernichowski,
Potym zaś Woiewoda, Wazyl Poczepowski.
Z Boiarskich zasie synow, Iakow Prunczyscow,
Andrzey Siemienowic, synaczek Selichow.
Więc Stephan Mozyranin, Fedor y Waszylin,
Bohdan Alexandrowic, y Iwan Mordwinin.
Naszy sie na Sudośći [1]), koszem położyli,
Drudzy na drugą stronę, rzeki sie pławili.
Tak ich ledwo część trzecia, przy Książęciu było,
Bo o trwogach Moskiewskich, prawie nie mysliło.
A Moskwa za naszymi, spiesznie postępuią,
S szczęśćia pewne zwycięstwo, sobie obiecuią.
Bieżąc gwałtownym pędem, okrzyk uczynili,
Y strzelbę z długich rusznić, gęstą wypuśćili.
Naszy słysząc huk a stuk, „day konia“ wołaią,
Drudzy hromaki rącze, dopiro siodłaią.

(str. 42). A co goto-

A co gotowszy byli, Moskwie odpieraią,
Strzelbą, szablą, oszczepem, Moskwę obalaią.
Ci co za Rzeką byli, wskok sie przeprawiłi,
Wielkim grzmotem w Moskiewskie, woyska uderzyli.
Książę w okolo woysko, swoie obieżdzaiąc,
Piękną rzeczą Rycerstwo, swoie pocieszaiąc.
„Teraz, dzielni Rycerze, chęcią iednakową,
Oto ia przy was gotow, pieczętować głową.
A iakim losem szczęscie, na was wszech przypadnie,
To z wami, cni Rycerze, ćirpić będę snadnie“.
Z obu stron dosyć krzyku, rusznice pukaią,
A strzały lataiące, obłok zasłaniaią.
Tam Książęcia Jarosza, cnego Zyzemskiego,

---

[1]) Судость—одинъ изъ правыхъ притоковъ Десны.

Znacznie sie pokazała, w ten czas dzielność iego.
Gdy sprosna Moskwa przed nim, sromotnie pirzchała,
Oney dzielnośći iego, wzad ustępowała.
A Książę w tey potrzebie, będąc postrzelony,
Swym serca dodawaiąc, sprosną Moskwę gromi.
Książę też Alexander, syn Pana zeszłego,
Młodych lat, ale serca, Hektora mężnego.
Przytarszy wielkim pędem, potka sie Rycerskie,
Tam smiele szablą swoią, krwawił łby Moskiewskie.
O iakąś tam pociechą, zacne Książę miało,
Na młodego Rycerza, oko twe patrzało.
Ano mu harda Moskwa, placu ustępuie,
Tak żartkiemu potkaniu, pilnie sie dziwuie.
Tak naszy nacieraiąc, Moskwę rozgromili,
A ich harde mnimania, wniwecż obrośili.
Sam Bog tam Hetmanem był, woyska tak małego,
Iż tak wniwecż obrośił, siły Moskiewskiego.
Bo nasze woysko małe, za nic sobie mieli,
A w koło ogarnąwszy, do Moskwy gnać chcieli.
Tam cżternaśćie set naszych, w tey potrzebie było,
A Moskwy trzy tysiące, pewnie sie liczyło.
Stamtąd sie potym wcale, do domu wrośili,
Bogu dawszy zwycięstwa, dzięki uczynili.

(str. 43). Bespieczniey-

Bespieczniejsze Jeleni, zawsze stado bywa,
Gdy Hetmana w stadzie swym, Lwa smiałego miewa.
Niżli stado Lwow mężnych, a ktorzy Hetmana,
Maią wietrznonogiego, nad sobą jelenia.
Tak każde woyska wielkie, chocia mężne dzielne,
Przez Hetmana sprawnego, nie będą porządne.
Hanibal z malym woyskiem, na male sie ważył,
Ktory srodze ad CANNAS, Rzymiany poraził.
Zasz nie sprawą stało sie, Hetmana biegłego,
Iż s tak straszney porażki, nie puścił żywego
Przez kilka mac pierscieni, z Rycerstwa zbitego,
Nabral, a tu patrz szczęscia, dziwnie odmiennego.

Jesliże Scypiona, Hetmana Rzymskiego,
Hektora Hanibala, onego dzielnego,
Jesli że y Witułta, w bitwach potężnego,
Sława z niesmiertelnoscią, trwa do czasu tego,
A twoia, zacny Książę, przeczby zginąć miała,
Gdyż godna by po smierći, głosną trąbą grzmiała.
Zażes y s Scypionem, dzielnoscią nie zrownał,
Mężnego Achilesa, zażeś nie celował,
Hanibala w Marszowych, woynach ćwiczonego,
Herkulesa obrzyma, onego mężnego,
Co nie tylko Troiany, lecz y Hidry łomił,
Ty, zacne Książę, Turki, y Tatary gromił.
Po tak zacnych potrzebach, własne nadchodziły,
Ktore też tu w oyczyznie, barzo pilne były.
Przeto nie biorąc przedsię, umysłu inszego,
Jedno kraie nawiedzić, mieysca oyczystego.
Do ktorego tu Pan Bog, z miłosierdzia swego,
S Księżną y też z dziatkami, przyniosł był zdrowego.
Lecż Fortuna niestała, prętko sie zmieniła,
Ony pociechy nasze, w smutek obroćiła.
Książęciu snadź z wielkich prac, na zdrowiu szkodziło,
Nie pomogła chęć pilność, y staranie było.
Gdy tak z nagła na zdrowiu, iuż poczęło schodzić,
Ktoremu iuż lekarstwa, nie mogły dogodzić.

(str. 44). Poczuł iuż

Poczuł iuż Pan schorzały, koniec kresu swego,
Iżego iuż dobieżeć s przeyrzenia Bożego.
Wspomniał na Krześćianskie, swoie powinnośći,
Z dobrym sumieniem przyiąć, chciał Pańskie Swiątośći.
A tym sumieniu swemu, uspokoić trwogę,
Aby do Pana swego, miał bespieczną drogę.
Gdy iuż dochodzić poczuł, kresu ostatniego,
A ducha swego oddać, do rąk Pana swego.
Dość statecznie s pamięcią, do końca rozmawiał,
Potym cichuchnym tchnieniem, Panu duszę oddał.
A tak to zacne Książę, przy dobrym sumieniu,

Uiśćił sie w długu swym, iuż Panu swoiemu.
W pięćdziesiątym y piątym, swoim prawie lecie,
Dosyć pobożnie żyiąc, przez ten cżas na swiecie.
Wzrostu będąc miernego, osoby poważney,
Przećiw nieprzyiacielom, dzielności przeważney.
Lica był zupełnego, y wzroku wdzięcżnego,
Skąd prawie poznać było, Książęcia prawego.
Przeto, o Panie Jezu, Sędzio sprawiedliwy,
Tyś iest Pan miłosierny, tyś Pan dobrotliwy.
Na on cżas gdy tu prziydziesz, z nas sędzić każdego,
Przyim, Panie, w poczet wiernych, służebnika swego,
Ktory cie tu miłował, s serca uprzeymego,
Aby s tobą używał, wesela wieczńego.

A M E N.

(str. 45).

Do łaskawego Czytelnika.

Ni złoto ani srebro, ni zacne kleynoty,
Nie ważą nic ku swiętey, odzierżeniu cnoty.
Tey nie za srebro złoto, ludzie dostawaią,
Tylko iey godnoscią swą, wszyscy nabywaią.
Sama wszędzie głosno brzmi, wszędzie sie rozności,
A cnych dzielnych Rycerzow, ku niebu wynośi.
Niesmiertelną koroną, swoich koronuie,
Y tryumphy po smierći, zacne wystawuie.
Krezus tylko bogactwem, y podźiśdzień słynie,
Ktorych pamięć nikczemna, bystrą wodą płynie.
Alexander Krol sławny, wielki Macedoński,
Także y on Scypio, y Maryus Rzymski.
Tak zacne Książę ono, Szkandeberg Albański,
Tak Władysław przesławny, Monarcha Węgierski.
Tych sława niesmiertelna, y ich dzielność słynie,
Y słynąć długo będzie, a wiecznie nie zginie.
Bo chociaż ich sprochniałe, leżą w grobie kośći,
Lecz sława niesmiertelna, brzmi wszędzie w całośći.
A iesliże Witulty, ony Konstantyny,
Y ony dzielne męże, cne Rycerskie syny,
Wspominaią Kroyniki, aż do czasu tego,
Przeczby też przypomniały, domu tak zacnego.
Gdzie cnota własne gniazdo, nadobne uwiła,
Y tam swoie mieszkanie, wiecznie polubiła.
Szczęsliwa iśćie na wszem, taka matka była,
Ktora takimi syny, dom ten rozmnożyła.
Dom Książąt Wisniewieckich, gdzie sie porodziły,

Sławę swoię po Państwach, cudzych rozszyrzyły.
Jako zacni a dzielni, Rycerscy synowie,
S ktorych domu bywali, zacni Hetmanowie.
Więc wszyscy miłośnicy, Pospoliteyrzeczy,
Ktorey wiernie służyli, maiąc ią na pieczy.
Gardła statek maietność, lekce poważaiąc,
Tak Rzeczypospolitey, we wszem dogadzaiąc..

(str. 46). Jak ono zac-

Jak ono zacne Książę, Michał Wisniewiecki,
Godny sławney pamięći Kasztelan Kijewski.
Jakże zacne potrzeby, miewał s Pohańcami,
Jakie z Moskwą s hardymi, w Iflanciech Niemcami,
Gdzie z łaski Bożey zawsze, znacznie tryumphował,
Więźnie częste y znaczne, Krolowi oddawał.
Więc Książę Alexander [1]), Mąż wielkiey dzielności,
Brat Książęcia zeszłego, osobney smiałośći.
Pod Piwskimi gorami przy zeszłym Książęciu,
Nie omylił sie iśćie, na swem przedsięwzięciu.
Tam sie iego dzielności, przypatrować było,
Gdy to Książę Pohańca, srogiego gromiło.
W ten czas więźniow cżterdzieści, żywych poimali,
S nich dwudziestu Augustu, Krolowi oddali.
Gdyby ieszcze był Pan Bog, Książęcia zacnego,
Zachował tu na swiecie, z miłosierdzia swego,
Nie widałby przodkow swych, ich zwykłą dzielnością,
Nie wskurałby Pohaniec, s Tatarską srogością.
Książę Dymitr [2]) iak wielkiey, bywal przeważności,
Y zacny a mąż wielki, y mężney dzielności.
Nie byli mu nic srodzy, tu ći Besurmani,
Ni drapieżny Tatarzyn, Turcy zawoiami.

---

[1]) Князь Александръ Александровичъ Вишневецкій родился 3 декабря 1543 г., умеръ 3 апрѣля 1577 г., похороненъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ. См. Wolff, Kniaziowie etc., str. 556—557.

[2]) Князь Дмитрій Ивановичъ Вишневецкій, по народному прозвищу Байда. См. нашу статью о немъ въ Кіев. Стар. 1897, т. 56, отд. I, стр. 519—524.

Krwawił szablą wiele kroć, na głowie zawoie,
A s Tatary zaś miewał, częste krwawe boie.
Dobywał go Cżar Krymski, mocno na Chorcycy,
Tam szturmuiąc Tatarzy, pobići nędznicy [1]).
Iż z wielką zelżywością, nazad odstąpili,
Jańczarow Tatar zacnych, wiele utraćili.
Pełno go w Turcech było, pełno go y w Moskwi,
Ktorego potym zdradził, zły narod Wołoski.
Książę And:zey [2]) za swoią, doszedł też dzielnoscią,
Tak Rzeczypospolitey, z uprzeymą miłoscią,
Służąc a godnoscią swą, przy boku Krolewskim,
Otrzymał mieysce zacne, w kole Senatorskim.
Zostawszy Woiewodą, to Książę Wołyńskim,
Został y ukrainnym, Starostą Lubeckim.

(str. 47). Stawiał

Stawiał poczty Krolewskie, w Państwa Moskiewskiego,
Nie lituiąc nakładu, ni kosztu żadnego.
Przy ktorych cny Senator, osobą swą bywał,
Potrzeby boiem wstępnym, z Moskwą częste miewał.
A ciebie, zacne Książę, sławne dzieie twoie,

---

[1]) Въ такъ называемомъ „Лѣтописцѣ Русскомъ“, изданномъ А. Н. Лебедевымъ по рукописи, ему принадлежащей (Москва, 1895), объ этомъ событіи разсказывается такъ (стр. 72): „Того-же мѣсяца (т. е. въ маѣ 1557 года) прислалъ ко царю и великому князю зъ Днепра князь Дмитрей Вишневецкой казаковъ Дениска Малого с товарыщи, путимльцовъ, а писалъ ко государю, что царь Крымской Девлетъ Кирей и съ сыномъ и со всѣми людми Крымскими приходилъ подъ его городъ на Хордецкой островъ и приступалъ дватцать четыре дни, и Божіимъ милосердіемъ и царя и государя великого князя именемъ и счастіемъ отъ царя отбился, и побилъ у царя многихъ людей лутчихъ, и пошелъ царь отъ него с великимъ соромомъ. И докуды въ томъ городѣ люди будутъ царьскимъ великого князя именемъ, и Крымцомъ на войну ходити никуды нелзѣ. И многіе Вешневецкой у Крымцовъ кочевища поосилелъ“.

[2]) Князь Андрей Ивановичъ Вишневецкій скончался въ одинъ годъ съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ т. е. въ 1584 г., имѣя отъ роду 45 лѣтъ. См. Wolff, Kniaziowie etc. Str. 567—568.

Y ony, Konstantynie [1]), znaczne z Moskwą boie.
Znaczneś wieźnie Moskiewskie, Krolowi oddawał,
Znak swey wierney posługi, Panu okazował.
Wszey Rzeczypospolitey, we wszytkim dogodził,
O niey iako przystało, w spolnych ziezdziech radził.
Żytomirskim Starostą, potym sławnym został,
Będąc na nim lat kilka, s tym sie swiatem rozstał.
Tak ty zacne Książęta, przodkow swych zwykłośćią,
Służyli Panu swemu, szczyrą życźliwośćią.
Commoda Pospolitey, rzeczy poważaiąc,
A iey potrzeby własne, na wszem uważaiąc.
Tak ty wdzięczne odrosli, szczepu wspaniałego,
Ni w czym nie odmienili, przyrodzenia swego.
Ale iaki szczep własnie, takie latorosli,
Także swoią godnośćią, wieczney sławy doszli.
Ktora teraz brzmiąc głośno, roznośi sie wszędzie,
Y na potomne czasy, wiecznie słynąć będzie.
Bo tego iśćie doszli, za swoią godnośćią,
Jako dzielni Rycerze, wielką przeważnośćią.
Ktorych dzieie chwalebne, pisania szerszego,
Godne, lecż da Bog w rychle, czasu wolnieyszego,
Osobno Historyą, będą ozdobione,
Ku czytaniu dzielnemu, Rycerstwu podane.

[1]) Князь Константинъ Ивановичъ Вишневецкій умеръ въ 1574 г. См. Wolff, Kniaziowie etc. Str. 569—570.

Str. 48).

Zamknienie tych wirszow.

Nie pomyslay drapieżny, nigdy Tatarzynie,
Iżbyś szkody czynić miał, iakie ukrainie.
Mamy ieszcże Witułty, mamy Kónstantyny,
Co mężnie bronić będą, szablą ukrainy.
Nie ważcie sobie lekce, Książęcia młodego [1]),
Nie uydą z łaski Bożey, ni w czym oyca swego.
Ktory ieśli pomnicie, gdy was często gromił,
A iak psy iadowite, z ukrainy gonił.
Tymże kształtem da Pan Bog, y to Książę młode,
Będzie też zastępować, ukrainną trwogę.
Ktorego, Panie Boże, zachoway w całośći,
Możnymi skrzydły swymi, broń go z wysokośći.
Racż mu dać mężne serce, Witułta onego,
Y sprawę Konstantyna, Hetmana dzielnego.
Iżby toru zeszłego, oyca nasladował,
Rzeczpospolitą własnie, iako on miłował.
Ktoremu pamięć wieczną, sprawiła mu cnota,
O ktorą sie tu starał, za swego żywota.

---

[1]) Подразумѣвается князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій, упомянутый въ стихѣ 1058. 15-го сентября 1580 г. князь Михаилъ Александровичъ получилъ отъ короля Стефана Баторія грамоту, разрѣшавшую ему передать староства Черкасское и Каневское сыну своему кн. Александру. См. Чтенія въ Истор. общ. Нестора лѣтописца, Кн. 14, Кіевъ 1900, Отд. III, стр. 87—89, № II—изъ матеріаловъ по истор. землевлад. кн. Вишневецкихъ, собранныхъ г. Николайчикомъ.

Do Szacunkarza.

Nie pomyslay, Zoile, wirsz moy pociasować,
Nie pomyslay wszetecznie, pioro me szacować.
Nie zayrzy iż tu krotko, dzieie Pana swego,
Wypisuie s prostego, dowćipu moiego.
Radniey uymi zwykłego, obrotu niecnocie,
Nie przyganiay tak sprosnie, tey prostey robocie.
Pisz ty co chcesz iako chcesz, nie zayrzę ia tobie,
Radzęć tak dziersz o drugim, iak dzierżysz o sobie.

Z Drukarnie Macieia Wirzbięty

Объяснение рѣдкихъ словъ. [1]

Bachmat, a, м. 203. Nie ieden tam Hyrawiec z Bachmata zrażony Leży. 390. A drudzy na Bachmaty iuż rącże wsiadaią. 401. Jedni na swe Bachmaty spiesząc sie wsiadaią. 415. Więźniow, Bachmatow rączych Tatarskich nabrali. 538. Pohańcy od gęstych kul z Bachmatow padaią. Окончание *at* показываетъ, что это слово—турецкое. *At* по турецки значитъ: конь, а *bachn* (передѣланное изъ персидскаго *pechn*) значитъ: широкій. Турки называли бахматами татарскихъ лошадей—широкихъ въ костяхъ и плотныхъ, на сильныхъ низкихъ ногахъ. Бахматы легко переносили голодъ и жажду, и безъ устали могли совершать огромные переходы. Glog. I, 94. Karł. 20. Łeb. 41. Срезн. I, 46.

Błonie, a, c. 658. Wygnani prętko z Miasta k błoniu uciekaią. Рус. болоніе, болонье—низменное порѣчье, покрытое травою, pratum littoreum, aquarum eluvioni objectum. И. И. Срезневскимъ собрано много примѣровъ употребленія этого слова въ древне-русскихъ памятникахъ: (Половци) зажгоша болонье около града (Кіева). Лавр. 1096 г. стр. 224. Володимеръ... ста исполчивъся передъ городомь на болоньи. Лавр. 1144 г. стр. 295.—и т. д. Срезн. 145—146. Дюв. 5.

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ текстѣ сдѣланы сокращенныя ссылки на слѣдующія изданія: 1) Zygmunt Gloger. Encykl pedja staro-polska ilustrowana. 4 тома 1900—1903. 2) Jan Karłowicz. Słownik wyrazów obcego a mniej jasnego pochodzenia używanych w języku polskim. A—K. 1897. 3) W. Łebiński. Materyały do słownika historycznego języka i starożytności polskich I. Militaria. 1889. 4) Горбачевскій. Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго. 1874. 5) А. Дювернуа. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. 1894. 6) И. Срезневскій. Матеріалы для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ. 1893 и сл. 7) П. Савваитовъ. Описаніе старинныхъ русскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, въ азбучномъ порядкѣ расположенное. 1896.

Brak, u, м.—слово нѣмецкое (Brack), у автора имѣетъ значеніе: выборъ. Do Czyt. 22. Tak braku w rzeczach nie ma skażony rozsądek=поврежденный разсудокъ не дѣлаетъ выбора, различія въ предметахъ. Epic. 18. (Smierć) Wszytkich rowno krom braku sobie poważaiąc=смерть всѣхъ считаетъ для себя равными—безъ всякаго выбора, разбора. Karł. 64.

Brona, y, ж.—*brama*, ворота. Въ старомъ польскомъ языкѣ *brama* и *brona*—были синонимами и очень часто употреблялись въ одномъ и томъ-же значеніи, въ особенности когда шла рѣчь о воротахъ въ замкахъ или городскихъ башняхъ. 995. Drudzy zaś siekierami brony dobywaią=другіе топорами разрушаютъ ворота. Глогеръ останавливается надъ вопросомъ, почему „ворота“ и „земледѣльческое орудіе“ обозначались однимъ и тѣмъ-же словомъ *brona*, и высказываетъ мнѣніе, что первоначально это слово означало желѣзную рѣшетку, спускавшуюся сверху и преграждавшую проѣздъ въ ворота,—служившую *обороной* этого проѣзда отъ вторженія непріятеля; а что потомъ тѣмъ-же словомъ стали обозначать общеизвѣстное земледѣльческое орудіе въ виду внѣшняго его сходства съ воротной рѣшеткой. Glog. I, 197—198.

Chudzina, y, м. 485. Owa iako mogący żywi sie chudzina=однимъ словомъ живится (кормится) бѣдняга какъ можетъ (говорится о татаринѣ). *Chudzina* отъ *chudy* какъ *бѣдняга* отъ *бѣдный*, съ оттѣнкомъ сожалѣнія.

Chutki—быстрый, проворный, стремительный. 169. Gdy na chutkich Hromakoch bucznie wyieżdzaią=когда они (татары) гордо, дерзко, заносчиво выѣзжаютъ на быстрыхъ аргамакахъ. Karł 99—100.

Dank, u, м. 611. (Mężny Hetman) odzierżał s swym rycerstwem dank dla dzielney sprawy. *Dank*—слово нѣмецкое, значитъ здѣсь: награда за мужество; всю фразу можно перевести такъ: мужественный гетманъ и его рыцарство награждены побѣдой за стройный порядокъ въ бою. Karł. 120—121.

Dłuszcże, м. мн. 673. Naszy gonić za nimi, w dłuszcże ich łapaią. 710. Widzimy iako drugich ćmy prowadzą w dłuszczach. *Dłuszcże*—

длинная веревка съ петлей на концѣ, которою ловили лошадей въ табунахъ, или на войнѣ захватывали людей,—аркапъ. Также называли шнурокъ, къ которому привязывался охотничій соколъ. Glog. IV, 263.

Dwór, u, м. 167. Wielki dwor Dowletkirey Cara Prekopskiego. 243. Tam Dwor Kniazia Romana, Sanguska onego, Leżał. 245. Wnet sie z Dworem złączyli Książęcia zeszłego. Здѣсь слово *Dwór* имѣетъ то значеніе, съ какимъ оно употреблялось иногда въ древне-русскихъ лѣтописяхъ,—cohors praetoria. Напр. въ Новг. I лѣт. подъ 1192 г.: „Самъ (кн. Ярославъ) сѣде на Пльсковѣ, а дворъ свойославъ съ Пльсковици воеватъ“. Дюв. 38, Срезн., I, 644.

Fortel, u, м.—хитрость, обманное дѣйствіе; передѣлано изъ нѣмецкаго *Vortheil*—польза, выгода, прибыль. 684—685. Lecz y w nocy nie wskurał, bo fortyle iego omyliły we wszytkim Pohańca chytrego=но и ночью не добился успѣха (татарскій предводитель Бакай), потому-что козни (fortyle) хитраго язычника оказались совсѣмъ неудачными. 688—689. Fortyl przeciw fortylom wynaydować musi, Gdy kto czego fortylem dostawać sie kusi=если кто пробуетъ добиться успѣха съ помощью хитростей, то долженъ придумывать хитрости противъ хитростей врага. 727. Fortelem chcąc plundrować tu Podnieprskie strony=(Бѣлгородскій ага Янушъ) хотѣлъ изподтишка (fortelem) пограбить приднѣпровскія мѣстности. Такой-же смыслъ имѣетъ это слово въ стихахъ 743, 744, 831 и 853.

Gościniec, ńca, м.—большая проѣзжая дорога, по которой ѣздили гости т. е. торговые люди, купцы. Na Herby, 28. Tym gościńcem Książęta poszły też Zbaraskie=этою же дорогою (т. е. путемъ, ведущимъ къ чести и доброй славѣ) пошли также князья Збаражскіе.

Hakownica, y, ж., нѣм. Hakenbüchse, фран. haquebutte,—самое старое ручное огнестрѣльное оружіе. По нѣмецки *Haken*—крюкъ, крючёкъ, и старыя ружья называли *гаковницами*, потому что ихъ не держали при прицѣлѣ въ рукахъ, какъ это дѣлается съ совре-

менными ружьями, а подвѣшивали на особо устроенныхъ крючкахъ въ амбразурахъ башенъ и крѣпостныхъ стѣнъ. Порохъ для выстрѣла въ такого рода ружьѣ поджигался безъ помощи замка, прямо изъ руки—трутомъ. Съ теченіемъ времени въ гаковницахъ были сдѣланы разныя усовершенствованія. 855. Z Zamku (Черниговскаго) z dział y s hakownic ogromnie pukaią. 988. Moskwa z dział y s hakownic potężnie strzelaią. Glog. II, 231.

Hromak – аргамакъ, м., тюрк. аргымак. Крупная порода лошадей, отличающаяся легкостью и скоростью въ скачкѣ, почему она употребляется преимущественно подъ верхъ. Цари и бояре русскіе ѣзжали обыкновенно на аргамакахъ изъ Кабарды. У этой породы длинныя ноги, узкая грудь и поджарое тѣло. Слов. рус. яз. II отд. т. I, стр. 61.—169. Gdy na chutkich Hromakoch bucznie wyieżdzaią. 229. Na swych rączych Hromakoch strzelaiąc pohońcem (въ догонку - конечно: за непріятелемъ). 251. Straż przybieży iż Turcy hromaki siodłaią. 1039. Drudzy hromaki rącze dopiro siodłaią.

Hyrawiec, wca, м. 203—204. Nie ieden tam Hyrawiec, z Bachmata zrażony, Leży srodze na głową z woyskiem porażony. *Hyrawiec* отъ слова *hyra*, гыра—чубъ на бритой головѣ; слѣдовательно, человѣкъ, который брѣетъ голову, оставляя на ней только гыру—чубъ. Karł. 221. О татарскомъ обыкновеніи брить голову и оставлять на ней только пучокъ волосъ въ видѣ чуба Клёновичъ въ „Роксоланіи“ (1584) разсказываетъ такимъ образомъ: „Эти чудовища на гнусно обритой головѣ оставляютъ пучокъ волосъ; шея у нихъ, выскобленная бритвой,- постоянно красна. Какъ луковица кругомъ краснѣетъ, на верхушкѣ ея торчитъ кисточка изъ тоненькихъ корешковъ, а вся головка—гладкая и голая; такъ и эти варвары предпочитаютъ волосы подрѣзать, а на голой макушкѣ развѣвается у нихъ кисть рѣдкихъ волосъ (чубъ)“. Rox. v. 1327—1332.

Kalawury, rów, мн. м. 259—260. Turcy też iuż w sprawie swey z mieysca sie ruszaią, Kalawurow iak zwykli przodkiem posyłaią=Турки двигаются уже съ мѣста въ своемъ боевомъ порядкѣ; впередъ, какъ обыкновенно, они посылаютъ дозоры (проводниковъ). *Kalawury* —это тѣ одиночные передовые всадники, которые, по нынѣшнему выраженію, „освѣщаютъ“ мѣстность, гдѣ вслѣдъ за ними будетъ проходить главное войско.

Kitayka, i, ж. 263. S kitayki rozmaitey proporce sie chwieią= вьются значки изъ разноцвѣтной китайки. Китайкой называлось тонкое глянцовитое полотно, которое выдѣлывалось изъ хлопчатой бумаги въ сѣверномъ Китаѣ и получило имя отъ мѣста производства. Karł. 274. Glog. III, 31.

Kosz, a, м. Постоянно употребляется со значеніемъ: лагерь. Заимствовано съ Востока; въ джагатайскомъ яз. значитъ: толпа людей, дружина, въ турецкомъ: стадо, скопище людей, лагерь. Karł. 304. Glog. III, 90.—367. Tamna bespieczną miejscu kosz swoy położyli=тамъ въ безопасномъ мѣстѣ расположили свой лагерь. 368—369. Książe szpiegi rozesłał, aby sie wywiedzieli, Gdzieby nieprzyiaciele koszem swym leżeli=Князь разослалъ шпіоновъ, чтобы они развѣдали, гдѣ непріятели расположились лагеремъ. Съ этимъ же значеніемъ слово *kosz* употреблено въ стихахъ 377, 380, 393, 398, 399, 458, 497, 499, 503, 519, 661, 850, 935, 1030.

Kredenc, a, м. 403—4. Tamże wprzod Książe kredenc swoim uczyniło, Mężnie s konia oszczepem Tatarzyna zbiło=тутъ князь прежде всего показалъ своимъ примѣръ: онъ мужественно сбилъ татарина съ коня опцепомъ. Слово *kredenc*, *kredens* происходитъ отъ латинскаго *credens* (причастіе отъ глаг. *credo*=вѣрю) и имѣетъ въ польскомъ языкѣ самыя разнообразныя значенія. Здѣсь выражена этимъ словомъ такая мысль, какъ будто князь повѣрилъ въ долгъ (закредитовалъ) своимъ приближеннымъ свою храбрость, выраженную въ нападеніи на татарина, и ожидаетъ, чтобы они заплатили ему этотъ долгъ, показавъ съ своей стороны такую-же храбрость. Łeb. 271. Karł. 311. Glog. III. 98.

Leżeć. 163. Gdy tak z Rycerstwem swoim w pustych polach *leżał*. 241. Łeżąc w Polu s trefunku Turki obaczyli. 244. (Dwor Kniazia Romana) *Leżał* tuż nie daleko od mieysca tamtego. 357. Na polach Pozadnieprskich tam na Psle *leżeli*. 369. Gdzieby nieprzyiaciele koszem swym *leżeli*. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ глаголъ *leżeć* имѣетъ значеніе: пребывать, находиться, располагаться.

Łożyna, y, ж.=лозы; мѣстность, поросшая густой лозой. Въ древнерусскомъ языкѣ: лозина; напр. въ Ипат. лѣт. подъ 1229 г.

говорится о Калишѣ: „Бѣ бо городъ обошла вода и сильная лозина и вербье“. 542. A Rudasz gdzieś z drugimi w łożynie sie taią=А Рудашъ и другіе (татары) притаились гдѣ-то въ лозахъ (вѣроятно, на берегу р. Днѣпра подъ Пивскою Горою, у которой происходило сраженіе). Срезн. II, 44.

Maca, y, ж., древняя мѣра для сыпучихъ тѣлъ, преимущественно для хлѣба; передѣлка нѣмецкаго *Metze*. Вкладн. 1568 г. Ев. XVI в. (Рум. 190): Две маци жита, а третяа пшеници. 1086. (Hanibal) Przez kilka mac pierscieni z Rycerstwa zbitego Nabrał=(Аннибалъ послѣ пораженія Римлянъ при Каннахъ) собралъ нѣсколько мацъ (мѣръ) перстней, снятыхъ съ убитыхъ римскихъ всадниковъ. Glog. III, 175. Горбач. 203. Срезн. II, 119.

Naród, odu, м. Na Herby 1—2. Zacna rzecż iest z zacnych być przodkow narodzonym, A zacnoscią narodu zdawna oslachcionym= Почетное дѣло—происходить отъ знатныхъ предковъ и получить шляхетство (благородство), благодаря знатному происхожденію. Слово *narod* употреблено здѣсь не въ обычномъ своемъ значеніи, а въ смыслѣ *порожденія*, происхожденія отъ знатныхъ предковъ.

Obłok, u, м.=облако. Встрѣчается и въ русскихъ памятникахъ:—Тученосныи *облокъ* на огнено видѣніе преложися. Новг. II лѣт. 1421 г. Въ полногласной формѣ *оболокъ*:—Пришедшимъ орломъ и многимъ ворономъ, яко *оболоку* велику, играющимъ же птицамъ. Ипат. 1249 г.—748—749. Więźniowie krzykiem płaczem *obłok* rostacżaią, Pana Boga żałosnym sercem swym wzywaią. Поэтическій образъ: Облако разсѣивается отъ крика и плача невольниковъ и моленія ихъ скорбныхъ сердецъ свободно поднимаются къ Господу Богу (облако являлось какъ-бы помѣхой на пути восхожденія молитвы къ Богу). Rostacżać=церк. слав. *растачати*, разсыпать, разсѣвать, разбрасывать. 1051. A strzały lataiące *obłok* zasłaniaią=летящія стрѣлы заслоняютъ собою облако; иначе сказать: неба не видно отъ пролетающихъ стрѣлъ. Срезн. II, 527, 533.

Orszak, u, м. 681. (Bakay) Zebrał *orszak* niemały ludu Tatarskiego= Бакай—собралъ не малый отрядъ татаръ. Слово это венгерское (orszag) и значитъ по-венгерски: государство. Въ такомъ смыслѣ употребилъ его Оржеховскій въ письмѣ къ Кровицкому: „Swiat albo orsag nasz"—вселенная или наше государство. Тотъ-же смыслъ имѣетъ оно въ галицко-русской пѣснѣ, которой не могъ истолковать себѣ покойный Н. И. Костомаровъ (см. Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества, стр. 112 отд. отт.): „Ой Боже жъ мій, очка мои, очка мои чорненькіи, тилько *орсакъ* проходили, а билый свитъ невидили". Дѣвушка хотѣла выразить: Мои чорненькіе глазки смотрѣли только на наше царство, но не видѣли бѣлаго свѣта. См. A. Brückner, Cywilizacja i język. Warsz. 1901, str. 121.

Ostróg, ogu, м. 645. Tatarzy w ten czas *ostrog* mieyscy rozrzucaią 682. (Бакай хотѣлъ) W nocy miasto ubieżeć przez mocne *ostrogi*. 857. Rozmiotali do miasta wysokie *ostrogi*. Во всѣхъ трехъ случаяхъ *остроги, остроги*—частоколъ, ограда изъ кольевъ, устраивавшаяся около города (miasta); внѣшнее окружное укрѣпленіе (противополагается „замку"—крѣпости внутренней). Это послѣднее противоположеніе особенно ясно выражено въ стихѣ 860: Do miasta z Zamku biją gęstymi kulami. Срезн. II, 744—745. Łeb. 383.

Oszczep, u, м.—копье съ короткимъ древкомъ, скорѣе—палка съ острымъ желѣзнымъ наконечникомъ. На войнѣ это было оружіе пѣхоты, на охотахъ имъ пользовались для единоборства съ медвѣдями и дикими кабанами. Къ наконечнику всегда придѣлывался торчавшій въ сторону крючокъ (отро́гъ)—для того, чтобы при нанесеніи удара *ощепъ* не погружался слишкомъ далеко въ тѣло человѣка или звѣря, и чтобы его удобнѣе было вытащить при надобности повторить ударъ. Въ древнерусскомъ языкѣ: *оскѣпъ*. Ипат. лѣт. 1123 г.: (Два Ляха) пободоста и (Ярослава Святославича, кн. Владимирскаго) *оскѣпомъ*, и едва умьчаша илѣ жива суща, и на ночь умре. 198. Drudzy s koni spychają Tatar *oszczepami*. 232. Jak na nieprzyiaciela zmierzyć *oszczepami*. 404. (Książę) Meżnie s konia *oszczepem* Tatarzyna zbilo. 669. A długimi *oszczepy* s koni obalaią (татаръ). 1041. Strzelbą, szabl, *oszczepem* Moskwę obalaią. Glog. III, 311—312. Łeb. 384. Срезн. II, 723. Савв. 94.

Parkan, u, м. 980. Bo obwarowany Zamek (Трубчевскъ) mocno *parkanami*. Въ одномъ памятникѣ 1478 г. сказано: „Antemurale alias *parkan* circa castrum edificabamus.“ Этимъ переводомъ (parkan= antemurale) поясняется значеніе слова. Парканомъ называли досчатый или плетневый, обмазанный глиною, заборъ, которымъ окружали крѣпостныя стѣны, чтобы непріятель, прежде чѣмъ подступить къ нимъ, вынужденъ былъ прорываться черезъ парканъ, гдѣ его также старались отразить. Иногда передъ парканомъ устраивали еще земляной валъ; напр. у Іоакима Бѣльскаго читаемъ: „Potym Krol (Стефанъ Баторій въ 1580 г. подъ Великими Луками) sam za Łowatę rzekę iechał ku szańcom, aby sie przypatrzył dobywaniu zamku, gdzie iż widział że Moskwa ziemią ściany dla ognia osuła, y *wał przed parkanem uczyniła*, napominał Zamoyskiego aby *do parkanow* nie dał strzelać, gdyż kule przez on wał nie mogły przechodzić, ale żeby do blankow strzelali“. Zbiór pis. pol. t. XIX, str. 117.—Łeb. 18, 89, 390.

Poczet, cztu, м.—первоначальное значеніе: число, numerus; затѣмъ: отрядъ войска, рота, эскадронъ. Горбач. 260. Łeb. 409. – 337. Tam swoy *poczet* kosztowny okazał Krolowi=тамъ (въ Посволѣ) онъ представилъ на смотръ королю свой нарядный отрядъ. 970—975. Kiryan Latoszyński, mąż serca wielkiego, s *pocztem* swoim też przybył do woyska onego. By Rzeczypospolitey znacznie posłużyli, przeto k Książęcym *pocztom* swoie przyłączyli y tamże społecznymi zgodnie namowami ruszyli sie w Boży czas s swoimi *pocztami*=Къ этому войску присоединился со своимъ отрядомъ Кирiонъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись сообща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ.

Pogotowiu, нар. Do Cż. 3. Ukroćić sie nie zdało, przydać *pogotowiu*= сократить (объемъ поэмы) не сочтено нужнымъ, расширить—тѣмъ болѣе. Въ настоящее время нарѣчіе *pogotowiu* не употребляется съ такимъ значеніемъ; теперь сказали-бы: Tem więcéj, a co więcéj.

Proporzec, rca, м.—значокъ, кусокъ матеріи, прибитый къ древку копья подъ наконечникомъ; старославянское *прапоръ* со

значеніемъ: vexillum, signum. См. Matzenauer, Cizi slova, 1870, стр. 68—69.—263. S kitayki rozmaitey proporce sie chwieią=вьются надъ ними значки изъ разноцвѣтной китайки. См. выше, стр. 184—185, прим. Glog. IV, 120—122.

Przygana, y, ж.—критика, осужденіе, неодобреніе, отъ глаг. ganić. Do Cż. 15—18. Wżdy lepiey że ći przedsię w Polszcże sie nayduią, ktorzy cnych ludzi sprawy swiatu pokazuią, niżli żeby, *przygany* chroniąc sie w pisaniu, cnoty ich niewdzięczności zostały w mniemaniu=во всякомъ случаѣ лучше, что въ Польшѣ находятся люди, которые обнаруживаютъ передъ свѣтомъ дѣянія доблестныхъ людей, чѣмъ если-бы изъ опасенія критики, угрожающей ихъ писаніямъ, они оставляли доблести въ забвеніи неблагодарности.

Rączy, a, e,—легкій на бѣгу, быстрый, рысистый. 229. Na swych rączych Hromakoch strzelaiąc pohońcem=стрѣляли въ догонку (за непріятелемъ) со своихъ легкихъ аргамаковъ. 390. A drudzy na Bachmaty iuż rącże wsiadaią=другіе садятся уже на быстрыхъ бахматовъ. 415. Więźniow, Bachmatow rączych Tatarskich nabrali=набрали плѣнныхъ и быстрыхъ татарскихъ бахматовъ. 1039. Drudzy hromaki rącże dopiro siodłaią=другіе едва лишь сѣдлаютъ быстрыхъ (легкихъ на бѣгу) аргамаковъ.

Rohatyna, y, ж.—широкое, плоское, на обѣ стороны острое *копье*, насаженное посредствомъ *тулеи* (трубки) на *скепище* или короткое ратовище съ металлическою оковкою, которая называлась *подтокомъ*. Рогатины были боевыя, которыя употреблялись пѣшими воинами, и охотничьи, съ которыми ходили на медвѣдей. Между тульею и перомъ боевой рогатины иногда дѣлалось *яблоко* и привѣшивалась *кисть*; охотничьи рогатины имѣли и въ старину, подобно нынѣшнимъ, *отроги* у тульи. Въ сочиненіи Фредры „O porządku wojennym“ (Wyimek ze Zwierzyńca Jednorożców wydanego przez Fr. Glinkę r. 1670 we Lwowie—Finkel, Bibliografia, cz. I, str. 467) говорится о рогатинѣ слѣдующее: „Rohatyna zaś... dobra na rajtara niemieckiego, na kozaka pieszego, na Tatarzyna konnego, bo dla lekkości tam i ówdzie łatwo się z nią obrócić. W ciągnieniu zaś na sznurach z ramienia lewego może wisieć, żeby prawa ręka wolna

była dla władania. Długość rohatyny ma być 5 łokci albo trochę więcéj, według wczesności".—411. Naszy *Rohatynami* goniąc ich spychaią=преслѣдуя (татаръ), наши рогатинами спихиваютъ ихъ (съ коней). 526. Tam mężnie *rohatyną* w Pohańca zawadził=тамъ (князь М. А. Вишневецкій) мужественно пронзилъ невѣрнаго (татарина) рогатиной. 607. Naszy *rohatynami* s koni obalaią=наши рогатинами сваливаютъ (татаръ) съ коней. Это оружіе неоднократно упоминается въ древнерусскихъ лѣтописяхъ. Напр. Лавр. 1149 г. (стр. 308): Единъ же отъ Нѣмчичь видѣвъ и (князя Андрея Георгіевича), хотѣ просунути *рогатиною*, но Богъ сблюде и. Ипат. 1255 г. (стр. 550): Ѣдущу же ему (говорится о Даніилѣ Галицкомъ) до Грубешева, и уби вепревъ шесть, а самъ же уби и *рогатиною* 3, а три отроци его: и вдасть мяса воемь на путь. Срезн. III, 129. Савв. 115. Łeb. 450–451. Glog. IV, 174.

Roskoszyć się=rozkoszyć się – расположиться лагеремъ, глаголъ отъ слова *kosz*, кошъ—лагерь, latine castra.—523. (Pogańcy) Bespieczńie sie iak w domu sobie roskoszyli=(татары) беззаботно, безпечно расположились себѣ лагеремъ какъ будто у себя дома.—Дювер. стр. 179, подъ словомъ: роскошь.

Schołdować=zhołdować – поставить въ ленную отъ себя зависимость, подчинить, покорить.—35–36. A teraz iako cię smierć srodze *schołdowała*, nam żałość, sobie tryumph wieczny udziałała=а теперь, когда жестокая смерть тебя покорила, себѣ въ удѣлъ получила она вѣчный тріумфъ, а намъ оставила печаль. Karł. 214—215.

Sprawca, y,—устроитель, руководитель, начальникъ. 105. Prawie zam Bog *sprawcą* był małżeństwa onego=право самъ Богъ былъ устроителемъ этого супружества. 246—247. Tamże zgodnie obrali wnet *sprawcę* iednego, Ostafieia dzielnego Kniazia Rużynskiego=тамъ же они тотчасъ въ полномъ согласіи выбрали одного начальника—храбраго князя Евстафія Ружинскаго. 408. Widząc iż *sprawce* swego iuż w woysku nie maią=видя, что они (татары) не имѣютъ уже посреди войска своего начальника. Łeb. 497.

Sprośny, a, e; нарѣчіе *sprośnie*,—нечистый, испорченный, развратный, неряшливый, позорный.—539. A drudzy zaś w sprawie swey *sprosnie* sie mieszaią=другіе же (татары) позорно перепутываются въ своемъ строю. 954—955. A tak *sprosne* uporne przedsięwzięcie iego , iż zgody ni pokoiu nie pragnął swiętego=его (Іоанна Грознаго Московскаго) позорный замыселъ былъ такъ упоренъ, что онъ не жаждалъ ни примиренія, ни святого покоя. 1003. Będziem za łaską Bożą *sprosną* Moskwę bili=съ Божіею помощью мы будемъ бить неряшливую Москву. 1054. Gdy *sprosna* Moskwa przed nim sromotnie pirżchała=когда неряшливая Москва постыдно бѣжала передъ нимъ въ разсыпную. 1057. (Książę) swym serca dodawaiąc *sprosną* Moskwę gromi=поддавая своимъ отваги, князь громитъ неряшливую Москву. Горб. 338.

Strych, u, м.—слово это имѣетъ нѣсколько разнообразныхъ значеній: 1) чердакъ, вышка; 2) гребло, скребокъ; 3) штрихъ, выведенный перомъ, ударъ смычка на скрипкѣ; 4) образъ, способъ. 680. Bo y Bakay tym *strychem* patrzył szczęścia swego=вотъ и Бакай такимъ же образомъ попробовалъ своего счастья.

Surma, y, ж.—турецкое *сурна* или *зурна*, труба съ широкими отверстіями для пальцевъ, издававшая очень рѣзкіе, пронзительные звуки. Маленькія сурмы называли *суремками*.—193—194. Dawszy potym *szurmą* znak pewny do potkania, „Hala, Hala“ wołaią wszyscy bez przestania=(татары) подавши сурмой условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „галя, галя“. 264. A na *surmach* żałośnie dumy wygrawaią=а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы. Glog. IV, 294.

Szańcować się=oszańcować się – окружать себя окопами, окапываться. Въ такомъ смыслѣ употребленъ этотъ глаголъ въ стихѣ 990: Gdy sie bliżey pod sciany iuż *przyszańcowali*=когда они подрылись уже окопами (траншеями) поближе къ стѣнамъ. Въ переносномъ смыслѣ=szczęścić się, имѣть счастье, успѣхъ. 958. Wszedzie sie z łaski Bożey naszym *szańcowało*=съ Божіею помощью нашимъ повсюду везло счастье. 962. Iż mu sie z łaski Bożey na wszem *szańcowało*=съ Божіею помощью ему во всемъ везло счастье. Łeb. 516.

Szelina, y, ж.—ущелье, чаща, кустарникъ. 412. A drudzy po *szelinach* kryiących łapaią=а другіе хватаютъ укрывающихся въ чащахъ (татаръ) 706–707. Byłby iuż bezpieczniejszy ociec z dziećmi swemi, nie kryłby po *szelinach* y lasy gęstymi=отецъ съ своими дѣтьми былъ бы въ большей безопасности и не укрывался бы по ущельямъ и по густымъ лѣсамъ. Łeb. 517–518.

Szwank, u, м.—вредъ, ущербъ, пораженіе.—Na Herby, 39. A choć sie też kuśili, zawżdy *szwank* odniesli=а хотя они (татары) и покушались нападать, всегда терпѣли пораженіе. 766–769. Takim szczęściem obdarzył Bog Książecia cnego, że nigdy z łaski iego *szwanku* tak wielkiego nie odniosł od Pogańcow w tak gęstych potrzebach, ktorich dość często miewał przy Podnieprskich brzegach= Богъ одарилъ доблестнаго князя такимъ счастьемъ, что по милости Его онъ никогда не понесъ отъ невѣрныхъ особенно большаго пораженія въ тѣхъ частыхъ стычкахъ, которыя онъ постоянно съ ними имѣлъ на берегахъ Днѣпра.

Szwankować, szfankować—страдать недостаткомъ чего, быть слабымъ, потерпѣть ущербъ, вредъ, понести пораженіе въ битвѣ. 179. Jako w on czas Monarcha on mężny *szfankował*=какъ въ то время этотъ мужественный государь потерпѣлъ пораженіе. 308. Czasem on też wielki mąż z Rycerstwem *sfankował*=иногда и этотъ великій мужъ (Скандербегъ) терпѣлъ со своимъ рыцарствомъ (войскомъ) пораженія. Такой же смыслъ имѣетъ этотъ глаголъ въ стихахъ 320, 414, 678 и 1001.—Łeb. 524.

Taniec, ńca, м.—первоначальное значеніе: *пляска*; затѣмъ *танцемъ* называли способъ нападенія на непріятеля, свойственный татарамъ, которые какъ бы *плясали* передъ непріятельскимъ войскомъ на своихъ быстрыхъ степныхъ бѣгунахъ. 586. Tatarzy zwykłym tańcem naszych naieżdżaią=татары наскакивали на нашихъ съ обыкновенными своими танцами. У черкесовъ и другихъ кавказскихъ горцевъ эти *танцы* (упражненія въ наѣздничествѣ) называются *джигитовкой*. Отсюда глаголъ *джигитовать*—гарцовать, наѣздничать, упражняться въ наѣздничествѣ съ ловкостью и быстротой трудныхъ оборотовъ на скаку. Слов. II отд. т. I, стр. 1025; Łeb. 531—532.

Tór, oru, м.—путь, дорога, тропа, стезя.—Na Herby, 27. Tymći *torem* Książęta poszły Wisniowieckie=такою именно стезею (путемъ, ведущимъ къ чести и доброй славѣ) пошли князья Вишневецкіе.

Uf, uff=huf, u, м.; уменьш. *ufiec=hufiec*—нѣмецкое *Haufen*=куча, груда, скопленіе, стая, группа, отрядъ, взводъ, шайка, ватага, толпа. У нашего автора употребляется въ значеніи: *отрядъ войска*. 166. Bo straż *ufiec* niemały Tatar obaczyła. 282. Alić sie *uff* Tatarski z za kurhana wali. 396. Aż sie k nim z lewey strony *ufiec* Tatar wali. 505. Zatym porządnie *uffce* w swym woysku rozsadził. 603. (Tatary) Wnet sie zaś sprawią prętko do *uffu* iednego. 738. Prętko sie w ieden *hufiec* Pohańcy sprawili.—Łeb. 230—231.

Umor, u, м.—усиліе до послѣдней крайности, до смертельнаго изнеможенія, до погибели. Поэтому говорится: łgać na *umor*, śmiać się, pić do *umoru*, do upadu, na zdech, na śmierć, do zgonu, do ubicia, do zginienia.—606. Tak sie na *umor* sieką, aż sie iuż mieszaią=сѣкутся между собою (на сабляхъ) до упаду, до изнеможенія, до погибели, такъ-что ужъ приходятъ въ замѣшательство. Glog. IV, 406.

Ustawnie, нар.=ustawicznie—постоянно, непрестанно, безъ перерыва. См. выше, стр. 173, строка 11 снизу: Przypatrzywszy sie też słowu Pańskiemu, ktorego W. W. *ustawnie* słuchać raczysz=вдумавшись въ Слово Божіе, которое Ваша Вельможность постоянно любите слушать.

Warący вм. *warniący* отъ *warować*—ограждать, укрѣплять.—548—549. Takći to zacne Książę wedle swey zwykłośći *Warący* Rzeczpospolitą z uprzeymey szczerośći=такъ-то доблестный князь по своему обыкновенію ограждалъ, охранялъ Рѣчь Посполитую съ искреннею преданностью, изъ искренней къ ней преданности.

Wypłoszyć zkąd—откуда нибудь выпугнуть, выгнать страхомъ.—527. Zaraz duszę wypłoszył y s konia wysadził=сейчасъ душу выпугнулъ (изъ тѣла) т. е. убилъ татарина и сбилъ его съ коня.

Zawoj, oju, м.—тюрбанъ, повязка изъ легкой бѣлой матеріи, которую въ старину носили на головѣ турки. —33. Nie straszny był Moskwićin, ni Turczyn *zawoiem*=не страшны были ему (князю М. А. Вишневецкому)—ни москвитянинъ, ни турокъ въ тюрбанѣ. 97. Krwawił Turkom *zawoie*, odnośił zwycięstwo=обливалъ кровью тюрбаны туркамъ, одерживалъ побѣды (Зеновичъ). 278. Turkom z głowy od szabel *zawoie* lataią=у турковъ отъ сабельныхъ ударовъ тюрбаны слетаютъ съ головъ. Ср. въ думѣ о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи ст. 274: турецькымъ биленькымъ *завываломъ* махавъ. Ист. пѣсни мал. нар. I, стр. 216.

Zniewalać —заневоливать, заневолить; взять кого-нибудь въ неволю, полонить; закабалить, лишить свободы дѣйствій.—478—479. *Zniewalał* dobrodzieystwy Pohańca srogiego, zachowuiąc w przedni czas sobie przyiaźń iego=своими благодѣяніями онъ обезоруживалъ жестокаго татарина, обезпечивая себѣ на будущее время его пріязнь, дружбу.

Послѣсловіе.

I.

Авторъ изданнаго нами памятника не назвалъ своего имени и не сообщилъ о себѣ никакихъ прямыхъ біографическихъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе въ самомъ памятникѣ можно найти достаточно указаній, чтобы составить себѣ объ авторѣ нѣкоторое сужденіе.

Прежде всего мы опредѣленно знаемъ, что свое произведеніе онъ писалъ въ одномъ изъ имѣній князя Михаила Александровича Вишневецкаго, а именно въ селеніи Нижней Бѣлкѣ, расположенномъ при рѣчкѣ Бѣлкѣ, ниже (по теченію ея) другого поселенія, называвшагося Верхнею Бѣлкою. Въ настоящее время Верхняя Бѣлка называется Большою, а Нижняя—Малою.

Затѣмъ авторъ называетъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго своимъ паномъ и благодѣтелемъ („iż tu krotko dzieie *Pana swego* wypisuie“... „złożyłem kilka dziesiąt wirszow przypominaiąc nimi zacnego a swiętey pamięci *Pana a dobrodzieia swego Miłośćiwego* zeszłego“), а себя – слугою овдовѣвшей княгини Елисаветы Юрьевны Вишневецкой („od *naniszczego sługi swego*“).

Изъ этихъ двухъ обстоятельствъ мы можемъ заключить, что авторомъ „Плача“ былъ человѣкъ, служившій у князя М. А. Вишневецкаго и получившій отъ него для кормленія деревню Нижнюю Бѣлку. Скорѣе всего, что онъ былъ княжескимъ коморникомъ въ родѣ того коморника Богданка, который въ 1563 году во время нападенія кн. Вишневецкаго на Сѣверщину былъ взятъ въ плѣнъ людьми Іоанна Грознаго и затѣмъ былъ отправленъ къ королю Сигизмунду-Августу для засвидѣтельствованія передъ послѣднимъ факта нарушенія кн. Вишневецкимъ мира съ Москвою (см. выше, стр. 192, прим.).

Далѣе мы можемъ утверждать, что авторъ „Плача“ участвовалъ вмѣстѣ съ кн. М. А. Вишневецкимъ во всѣхъ описанныхъ имъ походахъ и сраженіяхъ съ непріятелемъ. Всѣ эти описанія отличаются необыкновеннымъ для того времени реализмомъ: отмѣчаются малѣйшія подробности схватокъ, пересказываются слова, съ которыми кн. М. А. Вишневецкій обращался къ соратникамъ, воодушевляя ихъ на бой, рисуются ощущенія, которыя могли запечатлѣться только въ памяти воина, сражавшагося рука объ руку съ усопшимъ княземъ. Иногда пылъ битвъ воспламеняетъ автора и чувствуется присутствіе въ его душѣ значительнаго поэтическаго дарованія. Такъ описывать военныя дѣйствія могъ только человѣкъ, принимавшій въ нихъ непосредственное участіе. Для примѣра приведемъ нѣсколько описаній.

Вотъ въ 1554 г. князь М. А. Вишневецкій на берегу р. Хорола у Кильдешовой могилы сражается съ татарскимъ войскомъ, предводимымъ Саткуреемъ... „Татары построились, какъ у нихъ въ обычаѣ. Въ рукахъ у нихъ натянутые луки съ острыми стрѣлами. Подавши сурмой условный знакъ къ наступленію, всѣ безъ остановки кричатъ: „галя, галя“. Князь и его рыцарство жарко съ ними сшиблись и мужественно вступили въ бой съ татарскимъ войскомъ. Обѣ стороны рубятъ другъ друга саблями, а иные изъ нашихъ ощепами спихиваютъ татаръ съ коней. Не малое время длится битва; наконецъ, Богъ помогъ христіанамъ: разстроился порядокъ у жестокихъ басурмановъ. Разгромленные, скачутъ они въ безпорядкѣ по полю, наши же вотъ сейчасъ опять съ ними смѣло схватятся. Не одинъ чубатый татаринъ сбитъ уже съ бахмата и валяется на землѣ: онъ пораженъ, какъ и все его войско. Богъ показалъ доблестному князю ясное знаменіе, что его предпріятіе не дерзновенно. Мы кровавили наши сабли въ жестокой татарской крови, а татаринъ въ то время испыталъ на себѣ доблесть Вишневецкаго“.

Нѣсколько позднѣе три князя: Евстафій Ружинскій, Романъ Сангушко и Михаилъ Вишневецкій—сразились съ турками на Бѣлгородскомъ полѣ. Авторъ пишетъ несомнѣнно, какъ очевидецъ: „Стража прибѣжала съ вѣстью, что турки сѣдлаютъ аргамаковъ. По росѣ хорошо слышно, какъ бренчатъ стремена. Дѣло близится къ разсвѣту, загорается заря, день началъ выплывать изъ глубо-

каго моря. Помолившись Богу, князья садятся на коней и осторожно, въ боевомъ порядкѣ, двигаются со стоянокъ. Когда князья подошли почти подъ самый бокъ непріятелю, въ полномъ порядкѣ, какъ слѣдуетъ передъ сраженіемъ, то и турки въ своемъ строю также тронулись съ мѣста; впередъ, какъ водится, они послали развѣдчиковъ. Полегоньку и наши двигаются на встрѣчу, тщательно вглядываясь въ турецкій строй; надъ ними вьются значки изъ разноцвѣтной китайки, а на сурмахъ наигрываютъ они жалобныя думы. На высокомъ курганѣ показались турки. Наши огромною трубою подали сигналъ къ наступленію. Жарко бросаются другъ на друга, мужественно сшибаются. Турки направляютъ на нашихъ длинныя копья, а наши огрѣваютъ турокъ изъ ружей и луковъ. Съ обѣихъ сторонъ валяются уже трупы подъ лошадиными копытами. Довольно крика по полю и эхо отовсюду откликается. Гордый турокъ какъ-то отчаивается уже въ побѣдѣ. Припертые нашими, турки подаются назадъ, а наши смѣло еще напираютъ и двигаются впередъ. Рубятъ другъ друга саблями, стрѣляютъ изъ ружей. По милости Божіей, наши отбиваются отъ турокъ. Припертые нашими, турки показываютъ тылъ; отъ сабельныхъ ударовъ летятъ у нихъ тюрбаны съ головъ. Разгромленные такъ турки бѣгутъ къ Бѣлгороду. Переправляются вплавь на коняхъ гдѣ кто попалъ, не разыскивая брода".

Только что вступилъ князь М. А Вишневецкій въ должность Черкасскаго старосты, какъ ему пришлось сразиться въ 1560 году съ татарами, расположившимися на берегу р. Псла. „Передавали за вѣрное", говоритъ авторъ, „что татарскаго войска триста человѣкъ. Хотя это сила неравная нашей, но наши все-таки не страшились. Видя отвагу своего вождя, они одинъ въ другомъ возбуждаютъ мужество. Въ то время начинала всходить румяная заря, своимъ свѣтомъ она разгоняла мглу и темноту ночи. Другая стража даетъ знать, что иные татары уже трогаются, а другіе садятся на быстрыхъ бахматовъ. Князь съ подручниками приводитъ своихъ въ порядокъ и строитъ ихъ, какъ слѣдуетъ передъ битвой. Онъ старается застать татаръ на стоянкѣ и приказываетъ своимъ одновременно тронуться съ мѣста. Подвигаясь впередъ, они спѣшатъ ударить на татаръ. Вдругъ съ лѣвой стороны навалливается на нихъ отрядъ татаръ. Этихъ съ помощью Божіей они

безъ труда разгромили и ни одного изъ нихъ не выпустили обратно въ лагерь. Потомъ наши поскакали къ лагерю и подняли крикъ, а татары очень встревожились: поспѣшно садятся на своихъ бахматовъ. Наши мужественно и быстро схватились съ татарами. Князь первый показалъ своимъ примѣръ и отважно сбилъ съ коня опцепомъ татарскаго предводителя. У многихъ мужество пробудилось, когда они увидѣли, что ихъ вождь подалъ первый признакъ вѣрной побѣды. Татары разстроились, видя, что въ ихъ войскѣ нѣтъ уже вождя, а наши тѣмъ сильнѣе на нихъ напираютъ. Татары разгромлены и прячутся въ камыши; иные-же, отступая, бьются еще вооруженною рукою. Преслѣдуя, наши спихиваютъ татаръ рогатинами съ коней; иные беруть въ плѣнъ укрывающихся въ чащахъ".

Послѣ похода весною 1563 года въ Сѣверщину князь М. А. Вишневецкій узналъ, что татары на возвратномъ пути изъ предѣловъ Польши, гдѣ они захватили въ плѣнъ множество народа, остановились лагеремъ подъ Пивскою Горою въ нынѣшнемъ Кременчугскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Онъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними и рѣшилъ напасть на ихъ стоянку. „Идя походомъ", разсказываетъ нашъ авторъ, „онъ разговаривалъ со своими, совѣтовался, какъ сразиться, затѣмъ расположилъ въ боевомъ порядкѣ отряды своего войска. Потомъ онъ убѣждалъ своихъ, чтобы они не трусили, такъ какъ передъ тѣмъ въ маломъ числѣ они побѣждали большія силы. „Вотъ увидите", молвилъ онъ, — „Богъ, который всегда помагаетъ христіанамъ, сокрушитъ мощь жестокихъ язычниковъ; не тревожьтесь множествомъ татарскаго люда, — Богъ дастъ, мы побьемъ свирѣпаго чужевѣрца. Сжалимся надъ невольниками, предаваемыми мукамъ и изнемогшими отъ ужаснаго татарскаго плѣна". Потомъ они дружно тронулись со своихъ мѣстъ и, имѣя добрыя предзнаменованія, торжествовали уже побѣду. Утренняя звѣзда начала садиться передъ зарей и румянецъ яснаго дня блисталъ уже изъ-за ночныхъ тучъ. Какъ только татарская стража увидала нашихъ, то съ крикомъ: „гяуры, гяуры"—поскакала къ лагерю. Князь поспѣшно наступаетъ, а Рудашъ, хоть ужъ и не во время, строитъ своихъ въ боевой порядокъ. Невѣрные какъ будто не чувствовали надъ собою непріятеля; расположились себѣ лагеремъ такъ безпечно, какъ дома. Князь объѣзжаетъ ряды и

ободряетъ воиновъ. Потомъ съ громкимъ крикомъ выскочилъ онъ впередъ, мужественно ударилъ рогатиною татарскаго предводителя, выпугнулъ изъ него душу и сбилъ его съ коня. Наши храбро ударили на татаръ, а татары, видя, что не шутка,—бросились въ разсыпную. Одни быстро хватаютъ коней, другіе бьются, но отъ сильнаго испуга метаются то туда, то сюда. Рудашъ кричитъ на тѣхъ, что достали лошадей, чтобы они смѣло отстрѣливались отъ гяуровъ изъ луковъ. Какъ, дождь падаютъ съ обѣихъ сторонъ свистящія стрѣлы. Нашимъ, слава Богу, хватаетъ силъ; они сбоку бросаются на татаръ и отбиваютъ у нихъ лошадей. Чѣмъ далѣе, тѣмъ слабѣе обороняются татары; отъ густыхъ пуль многіе валятся съ бахматовъ. Иные трусливо покидаютъ строй. Такъ, по милости Божіей, разгромили наши татаръ и, ловя ихъ, гонялись за ними по полю".

Приведемъ еще описаніе нападенія татаръ на г. Черкасы, гдѣ обыкновенно проживалъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій.—„Однажды въ осеннее время тайными тропинками подкрался Рарадза къ Черкасамъ и съ нимъ—пятьсотъ всадниковъ. Онъ велъ своихъ татаръ, скрывая слѣды; негодяй разсчитывалъ ночью вломиться въ городъ. Онъ не покушался напасть днемъ, а ждалъ ночи, чтобы повязать спящихъ, пользуясь ихъ безпомощностью. И вотъ, когда ясное солнце закрыло свое лицо, а мѣсяцъ сіялъ почти на половинѣ неба, люди же спали глубокимъ сномъ, вдругъ по церквамъ ударили въ набатъ. Всѣ схватились со сна, кричатъ: „гвалтъ, гвалтъ", а татары въ то время разбрасываютъ городской частоколъ. Князь, слыша такой шумъ, схватился со сна и, не ожидая, пока ему подадутъ оружіе, умоляетъ своихъ, чтобы они не тревожились и не боялись, а чтобы выгнали татаръ, какъ собакъ, изъ города. Когда у насъ случилась такая тревога отъ невѣрныхъ, въ то время луна свѣтила съ яркостью солнца. Татары поражаютъ нашихъ густыми выстрѣлами; свистящія стрѣлы слетаютъ съ кривыхъ луковъ. Наши стрѣляютъ по татарамъ изъ длинныхъ ружей, а татары стремглавъ удираютъ изъ города. Князь со своими людьми напираетъ съ отчаянной отвагой, не считаясь съ опасностью. Выгнанные изъ города татары, быстро отступаютъ на лугъ. Кое-какіе изъ нихъ навѣсно пускаютъ стрѣлы въ городъ. Татары съ большимъ позоромъ отступили прочь и, ничего не достигнувъ въ городѣ, со всѣмъ своимъ лагеремъ тро-

нулись въ путь. Но черезъ нѣсколько дней они возвратились и опять задумали попробовать счастія. Какъ разъ въ тотъ часъ, какъ всходила прекрасная заря и Фебъ началъ катить изъ моря свою золотую колесницу, закричали они по полю: „галя, галя!“ и бросились къ городу, а наши поспѣшно выступили изъ города имъ на встрѣчу. Смѣло на нихъ налетѣли и съ ними схватились. Валятъ ихъ съ коней длинными ощепами. Конные татары осыпаютъ нашихъ густыми стрѣлами, а наши пѣхотинцы стрѣляютъ въ татаръ изъ ружей. Иные невѣрные падаютъ съ коней, другіе удираютъ; наши за ними гонятся и ловятъ ихъ на арканы. Въ то время мы захватили въ плѣнъ двадцать татаръ, исключая тѣхъ, которые остались на мѣстѣ убитыми“.

Приведенныхъ примѣровъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы судить, съ какою обстоятельностью описываетъ нашъ авторъ военныя дѣйствія, наполнявшія жизнь князя М. А. Вишневецкаго. Не только отмѣчается время, когда происходила битва: на зарѣ, днемъ или ночью; но даже не забыты такія, напримѣръ, мелочи, какъ то, что татарскій отрядъ напалъ на войско князя съ *тьвой* стороны (ст. 396), что лязгъ стремянъ былъ отчетливо слышенъ *по рось* (ст. 252). Невозможно записать такія подробности съ чужихъ словъ. Поэтому мы рѣшаемся настаивать на томъ, что авторъ „Плача“ былъ постояннымъ соратникомъ усопшаго князя М. А. Вишневецкаго и самъ непосредственно пережилъ тѣ событія, которыя онъ съ такою простотою и яркостью воспѣлъ въ своихъ стихахъ. Дѣлая такое предположеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны будемъ допустить, что по возрасту авторъ „Плача“ былъ сверстникомъ князя и что, слѣдовательно, онъ выступилъ на литературное поприще въ позднемъ вѣкѣ, имѣя уже на плечахъ не менѣе половины шестаго десятка лѣтъ.

Въ обращеніи къ критику (doszacunkarza), которымъ нашъ авторъ заканчиваетъ свое произведеніе, онъ проситъ послѣдняго быть къ нему снисходительнымъ, такъ какъ онъ не опытенъ де въ литературной работѣ и пишетъ безхитростно и просто, какъ ему подсказываютъ его непосредственное чувство и желаніе почтить память дорогого покойника. Тѣмъ не менѣе скромность автора нѣсколько преувеличена. Хотя онъ, быть можетъ, и не пробовалъ ранѣе своего пера въ самостоятельныхъ сочиненіяхъ, однако изъ разныхъ мѣстъ „Плача“ видно, что это былъ человѣкъ, получившій законченное по требованію своего времени образованіе и обладавшій значительною начитанностью.

Изъ обращенія автора къ княгинѣ Елисаветѣ Юрьевнѣ Вишневецкой (см. выше, стр. 169—174) видно, что тексты священнаго писанія были крѣпко запечатлѣны въ его памяти и что онъ охотно пользовался ими для подкрѣпленія своихъ взглядовъ и для большей убѣдительности тѣхъ увѣщаній, съ которыми онъ обращался къ княгинѣ, желая ее утѣшить и успокоить въ виду кончины любимаго супруга. Онъ цитируетъ книги какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, приводя тексты изъ книги Іова, изъ Псалтири, изъ книги Премудрости Іисуса, сына Сирахова, изъ посланія ап. Павла къ Евреямъ. Въ равной степени доступна была ему исторія древняго міра, изъ которой онъ неоднократно черпаетъ примѣры въ поясненіе своихъ мыслей, хотя въ этомъ отношеніи выгодно отличается отъ своихъ современниковъ, такъ какъ не загромождаетъ своего изложенія многорѣчивыми заимствованіями изъ классическихъ авторовъ. Онъ вспоминаетъ о походахъ персидскаго царя Ксеркса на грековъ (ст. 176—184), объ Ахиллесѣ, устремившемся на войну, хотя онъ былъ укрытъ матерью среди дочерей царя Ликомеда и носилъ женское платье (ст. 323—326), объ Аннибалѣ Карѳагенскомъ, воевавшемъ съ Римлянами (ст. 421—426), о Сципіонѣ Африканскомъ, Маниліи, Квинтѣ Катуллѣ и Маріи (ст. 887—890), не говоря уже о томъ, что его рѣчи присущи такія общеупотребительныя имена классической древности, какъ Фебъ—для обозначенія солнца, Марсъ—для обозначенія войны. Даже шуточныя выраженія авторъ заимствуетъ изъ обиходной школьной мудрости. Такъ, описывая пораженіе татаръ на Черномъ Ташлыкѣ, онъ говоритъ (ст. 760—761): „Nie długo tam s Pohańcem argumentowali, bo szablą silogizmy ich konkludowali“.

На ряду съ познаніями автора въ области священнаго писанія и классической древности замѣтно знакомство его и съ литературой ему современной. Такъ, онъ упоминаетъ о борьбѣ Скандербега съ турками—очевидно, читалъ книгу о его жизни и дѣятельности Марина Барлеція, изданную въ польскомъ переводѣ Кипріана Базилика въ 1569 г. въ Брестѣ-Литовскомъ (см. выше, стр. 187, прим.). Желая выставить знатность супруги князя Михаила Александровича княгини Елисаветы Юрьевны, авторъ

говоритъ, что она происходитъ изъ дома Юрія Зеновича—„Irzego Zienowicża, rycerza wielkiego, na dworze Krolow zacnych dzielnośćią znaczńego, ktorego y podziśdzień Węgrzy wspominaią, iego rycerskie dzieie *w swych Kronikach* maią"; изъ этихъ словъ можно заключить, что автору случалось заглядывать въ венгерскія хроники. Наконецъ, дважды онъ упоминаетъ о хроникахъ отечественныхъ, описывающихъ дѣянія великаго князя Витовта и князя Константина Ивановича Острожскаго: ст. 782—783.—„Wspominaią *Kroyniki* dzieie Witułtowe, jak duże Hordzie Tatarskie poraził na głowę" и Do lask. czyt. ст. 18—20.—„A iesliże Witulty, ony Konstantyny, y ony dzielne męże, cny rycerskie syny, wspominaią *Kroyniki* aż do czasu tego"..... Мы полагаемъ, что въ обоихъ случаяхъ подъ „Хрониками" слѣдуетъ подразумѣвать сочиненіе Матвѣя Стрыйковскаго: „Ktora przed tym nigdy świata nie widziała Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi", напечатанное въ Кенигсбергѣ (Кролевцѣ) въ 1582 году т. е. за два года до выхода въ свѣтъ *Epidecion*'а нашего автора. Когда нашъ авторъ писалъ, что „Хроники" повѣствуютъ о дѣяніяхъ Витовта,

Jak duże Hordzie Tatarskie poraził na głowę,
Nahayskich y Zawolskich, stąd Tatar *do Litwy*
Przywiodł na znak zwycięstwa oney sławney bitwy,

—несомнѣнно, ему вспоминалось стихотвореніе Стрыйковскаго „O wtorej wyprawie Witolda samego na Tatary, według Cromera, Długosza i Miechoviussa. Roku 1397.", гдѣ находимъ слѣдующіе стихи (см. Варшав. изд. 1846 г. томъ II, стр. 112—113):

Tam nad Donem i Wolgą Tatarów pogromił,
Zdybawszy ich, bez wieści, pobił i rozgromił;
Obozy ich, wielbłądów i bachmatów stada
Pobrał, i cokolwiek ich horda rodzi rada.
Tak Nahajskich, Zawolskich dwie hordy poraził
I do utarczek Ruskich, drogę im przekaził.
Don, Worschła, Sina-woda, Wolga, krwią płynęły,
Czym Litwy z Rusią mężne dzielności słynęły.
Hordę jednę *do Litwy Witołd przyprowadził*,
Którą nad Waką rzeką na rolach posadził....

Если во второмъ мѣстѣ нашъ авторъ вспоминаетъ о прославленіи „Хрониками" не только Витовта, но и Константина—

очевидно, Острожскаго, то опять таки нельзя сомнѣваться, что подъ неопредѣленнымъ выраженіемъ „Хроники“ онъ разумѣетъ того-же Стрыйковскаго, посвятившаго описанію подвиговъ Витовта и кн. Константина Ивановича Острожскаго обширные отдѣлы своего труда (см. Варшав. изд. 1846, т. II, стр. 97—176 и стр. 308—310, 345, 365—371, 380—385, 397).

Изучая параллельно „Epicedion“ и стихотворные отдѣлы Хроники Стрыйковскаго, неизбѣжно прійти къ заключенію, что авторы обоихъ произведеній находятся въ ближайшемъ литературномъ родствѣ, принадлежатъ къ одной и той-же литературной школѣ. Авторъ „Плача“ нигдѣ не списываетъ Стрыйковскаго, какъ это дѣлалъ немного позже (1587 г.) Верещинскій съ Реемъ; однако у обоихъ постоянно встрѣчаются сходные обороты рѣчи, одинаковые пріемы въ описаніи событій, почти тожественные образы. Чтобы не загромождать нашего изложенія примѣрами, приведемъ ихъ немного, выбирая наиболѣе выпуклые.

Вотъ мѣсто изъ описанія битвы Витовта съ татарами на Ворсклѣ у Стрыйковскаго (т. II, стр. 115):

Tak rzekł (Витовтъ). Za tym ogromnie *skoczyli* do siebie,
Z *krzykiem*, z hukiem, aż *Eho odzywał się w niebie*,
Trąby chrapliwe głossy, bębny kołat dają,
Konie rżą, *Hała! Hała!* Tatarzy *wołają*.
Naszy szablami, strzelbą ruśniczną ich biją,
A *Tatarowie z łuków bez przestanku* szyją.

Въ „Плачѣ“ находимъ слѣдующія параллельныя мѣста:

Ст. 191. *Tatarzy* zwyczaiem swym, iuż rozszykowani,
Gotowe w rękach łuki, z ostrymi strzałami.
Dawszy potym szurmą znak, pewny do potkania,
„*Hala, Hala*“, *wołają* wszyscy *bez przestania*.
Książe s swoim Rycerstwem, żarko k nim *skoczyli*,
196. Mężnie s Tatarskim woyskiem, tam bitwę stoczyli.

Ст. 271. *Krzyku* dosyć po polu, *Echo głos rostacza*,
Buczny Turczyn w zwycięstwie, iuż iakoś rospacza.

Стрыйков. II, стр. 253:

Przewłoka w wojsku szkodzi, czasem zwyciężeni,
Zwycięzców swoich biją, zwłascza przymnożeni.
I Hannibal gdy *Rzymian ad Cannas poraził,*
Snadnieby był wszytkę moc Rzymską zaraz skaził,
By zwycięstwa używać umiał.

Epiced. стихи 1082—1083:

Hanibal z małym woyskiem, na male sie ważył,
Ktory srodze *ad Cannas, Rzymiany poraził.*

Стрыйков. II, стр. 368:

Na kniazia Constantina *zwykłym tańcem* owym
Uderzyli, a on też wnet z wojskiem gotowym,
Starł się z nimi ochotnie, *strzały jak grad lecą;*
A *kniaź* Constanti *maiąc o swych* pilną *pieczą,*
Krzyczy: „musz teraz, bracia, *chęcią iednakową*
Czyńcie, ja was zastawię naprzód swoią *głową!“*

Epiced. стихи 586 - 593.

Tatarzy *zwykłym tańcem,* naszych naieżdżaią,
Ktorym sie z łaski Bożey, naszy opieraią.
Naszy sie s nimi zetrą, *strzały iak grad lecą,*
Książę wokoło ieżdżąc, *ma o swoich pieczą.*
Krzyczy: „Nuż teraz, dzieci, *chęcią iednakową,*
Każdy z was miężnym sercem, smiałośćią gotową.
Patrzcie iako Pohańcy, iuż sie teraz mieszaią,
Da Bog iż tu przed nami, namniey nie wskuraią“.

Стихи 1046—1047:

Teraz, dzielni Rycerze, *chęcią iednakową,*
Oto ia przy was gotow, pieczętować *głową.*

У Стрыйковскаго (стр. 368) есть стихъ:

Tak się na umór sieką, aż się pomieszali,

и тотъ же стихъ съ маленькимъ измѣненіемъ повторенъ въ „Плачѣ“ (606):

Tak się na umor sieką, aż się iuż mieszaią.

Если съ одной стороны нашъ авторъ весьма близко соприкасается съ тѣмъ литературнымъ теченіемъ, которое принесло Стрыйковскаго, то съ другой стороны ему не чужда и область „думъ“ т. е. южнорусскихъ эпическихъ поэмъ, воспѣвавшихъ подъ аккомпаниментъ инструментальной музыки найболѣе волновавшія современниковъ событія изъ борьбы южнорусскихъ князей съ невѣрными. Онъ самъ слышалъ, какъ передъ сраженіемъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго съ турками на Бѣлгородскомъ полѣ раздавалась среди ихъ дружинъ жалобная музыка думъ (стихъ 264). Со временъ „Слова о полку Игоревѣ“ въ южнорусскомъ эпосѣ на первомъ планѣ стоитъ инструментальная музыка: „*струны* князьямъ славу рокотали“; слова являются дополненіемъ и объясненіемъ музыкальной мелодіи. Поэтому нашъ авторъ правильно выразилъ преобладающее впечатлѣніе слушателя, говоря:

A na surmach żałośnie dumy *wygrawaią*.

Громкая музыка сурмъ совершенно поглощала слова думъ.

При чтеніи „Плача“ мѣстами чувствуется, что авторъ его заимствовалъ нѣкоторые образы, обороты и выраженія изъ словеснаго поэтическаго запаса думъ. Такъ, намъ кажется, что думами навѣяны слѣдующіе стихи: „Усопшій князь былъ щитомъ для всей Украины—это и ты, татаринъ, хорошо можешь помнить. Подъ рукой у него всегда было бдительное воинство, отгонявшее отъ границъ татаръ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Смотри, какъ смутны эти поля, украшенныя курганами, словно прекрасное небо—ясными звѣздами; по нимъ князь со свитой воинства часто гонялся за татарами и громилъ ихъ своею острою саблею. Когда татары гнали плѣнныхъ изъ Руси, онъ отнималъ у нихъ невольниковъ, под-

вергая ради несчастныхъ опасности собственную жизнь. Право, если бы поля были одушевлены, они заплакали бы теперь по усопшему князю". (Ст. 51—62). Навѣрное какой нибудь бандуристъ изъ войска князя Вишневецкаго въ присутствіи нашего автора декламировалъ подъ аккомпаниментъ своего инструмента:

Ой на поли на Билогородьскимъ,
На шляху на ордынськимъ:
То не ясный соколъ литае,--
То князь Мыхайло, сердечный, добрымъ конемъ гуляе;

или одушевлялъ тоже поле, обращаясь къ нему:

Ой поле Билогородьске!
Бодай же ты лито й зиму зеленило,
Якъ ты мене при нещаслывый годыни сподобыло! [1])

Мы беремъ эти стихи изъ думы „о поединкѣ козака Голоты съ татариномъ", примѣняя ихъ къ князю Михаилу Александровичу Вишневецкому и называя „поле" не „Кыліяньскимъ" или „Кылыимськимъ" (отъ г. Килія), а „Билогородьскимъ" (отъ г. Бѣлгорода—Аккермана), такъ какъ на этомъ „полѣ" слышались звуки думъ въ войскахъ князей Ружинскаго, Сангушка и Вишневецкаго:

Leżąc w Polu z trefunku, Turki obaczyli,
Gdy *Białogrodskim Polem,* swoy oboz toczyli.

Дума говоритъ о козакѣ Голотѣ:

Колыжъ козакъ Голота на Черкени долыни гуляе,
Да татарына келепомъ у груды потягае....
А татарынъ икъ лыхій матери съ коня покотывся.... [2])

Тоже самое сдѣлалъ князь Михаилъ Александровичъ:

Tamże wprzod Książę kredenc, swoim uczyniło,
Mężnie s konia oszczepem, Tatarzyna zbiło.

Нашъ авторъ говоритъ:

Na *wzniosłym* sie *kurchanie, Turcy pokazali,*
Naszy trąbą ogromną, k potkaniu znak dali,

---

[1]) См. Историч. пѣсни малорус. нар. т. I, 1874, стр. 171.
[2]) См. тамъ же, стр. 174 и 170.

Skoczą żartko do siebie, mężnie sie potkaią....
Z obu stron już pod końmi, *trupy sie walaią.*

Въ пѣснѣ козакъ обращается къ степной могилѣ:

— *Горо* жъ моя, *горо* била!
Чому сь давно не згорила?
— Тому м давно не згорила,
Бо я кровьёвъ закыпила.
— А якою? — *Козацькою,*
Ба й мишановъ *съ турецькою.* [1])

Найболѣе труднымъ представляется вопросъ о народности нашего автора: былъ-ли онъ полякомъ или русскимъ, пользовавшимся только польскимъ языкомъ, какъ обычнымъ въ то время для южноруссовъ орудіемъ литературнаго выраженія мысли? Мы полагаемъ, что онъ былъ русскимъ. Князь Михаилъ Александровичъ отъ предковъ былъ православнымъ христіаниномъ восточнаго обряда и послѣ смерти тѣло его было погребено въ Кіево-Печерской Лаврѣ. Выставляя достоинства князя и княгини Вишневецкихъ, авторъ „Плача“ особенно выдвигаетъ впередъ ихъ благочестіе, преданность вѣрѣ и строгое исполненіе церковныхъ обрядовъ. Будучи католикомъ, онъ врядъ-ли такъ распространялся бы о благочестіи Вишневецкихъ, которые представлялись бы ему, напротивъ, схизматиками, не признающими истинной Христовой

---

[1]) См. тамъ же, стр. 275. Издатели „Историческихъ пѣсенъ“ придаютъ этой пѣснѣ такой смыслъ: „Козакъ спрашиваетъ у степной могилы, почему на ней не выгорѣла (не высохла) трава, а могила отвѣчаетъ, что трава на ней свѣжа, потому что сама она полита кровью, а на мѣстѣ, политомъ кровью, трава не выгораетъ (не высыхаетъ)“—и видятъ, кажется, въ ней отголосокъ народнаго повѣрья. Мы полагаемъ, что болѣе правильно будетъ иное толкованіе пѣсни: „Козакъ спрашиваетъ у могилы, почему на ней не загорѣлся вóвремя костеръ, извѣщающій о приближеніи непріятеля, а могила отвѣчаетъ, что некому было развести огонь, такъ какъ сторожившіе на могилѣ козаки убиты были турками“. Станиславъ Жолкѣвскій въ письмѣ къ Яну Замойскому отъ 20 октября 1599 г. говоритъ объ обычаѣ татаръ зажигать предупредительные огни на курганахъ: „Bieleczki w Niedzielę przeszłą o południu odszedł od Maiaka, widziano go w tamtę stronę, ij zaraz poczętho czijnicz Jassę albo *znaki ogniem po kurhanach*“. См. Listy Żółkiewskiego, 1868, str. 94. Отъ татаръ это обыкновеніе переняли и козаки.

церкви. Можно еще допускать, что онъ былъ протестантомъ, но это будетъ голое предположеніе, не подкрѣпленное никакими доводами изъ разбираемаго нами литературнаго произведенія. Такимъ образомъ наиболѣе вѣроятія, что нашъ авторъ былъ православнымъ и, слѣдовательно, русскимъ. Въ пользу этого говоритъ какъ будто бы и частое употребленіе имъ нѣкоторыхъ русскихъ словъ, напримѣръ, слова „жарко“:

Ст. 195. Książę s swoim Rycerstwem, *żarko* k nim skoczyli...

Ст. 267. Skoczą *żartko* do siebie, mężnie sie potkaią.... и т. д.

II.

Что касается значенія „Плача“, какъ матеріала для біографіи князя Михаила Александровича Вишневецкаго, то оно очень велико. До сихъ поръ мы имѣли объ этомъ князѣ только нѣсколько чрезвычайно сухихъ свѣдѣній, устанавливающихъ его формуляръ (когда онъ былъ назначенъ старостой черкасскимъ и каневскимъ, старостой любецкимъ, каштеляномъ брацлавскимъ, каштеляномъ кіевскимъ), да касающихся дѣлъ его, какъ владѣльца земельныхъ имуществъ при мѣстечкахъ: Брагинѣ (нынѣ Рѣчицкаго уѣзда), Вишневцѣ и Вербовцѣ (нынѣ Кременецкаго уѣзда); но они не давали намъ никакого представленія о томъ, какъ проходила его жизнь, чѣмъ она была заполнена и сколько времени длилась. Изъ поэмы мы узнаемъ, что князь М. А. Вишневецкій прожилъ 55 лѣтъ и скончался въ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября стараго стиля 1584 года; такимъ образомъ оказывается, что князь родился въ 1529 году. Авторъ не упоминаетъ, гдѣ учился князь и вообще проходилъ ли онъ школьныя науки. Но за то авторъ подробно распространяется (стихи 89—114) о весьма счастливой женитьбѣ князя на Елисаветѣ Юрьевнѣ Зеновичъ, происходившей изъ сербскаго княжескаго дома, поселившагося послѣ паденія сербскаго царства на Литвѣ. Отъ этого брака князь имѣлъ пятерыхъ дѣтей (3 сыновей и 2 дочерей), изъ которыхъ старшій сынъ, князь Александръ Михайловичъ, въ послѣдніе годы жизни отца раздѣ-

лялъ съ нимъ его военные труды и выказывалъ большую храбрость. Во время похода на Сѣверщину къ Трубчевску въ 1581 г., когда войска Вишневецкаго встрѣтились съ московскими войсками на берегахъ р. Судости, князь Александръ Михайловичъ, по словамъ автора „Плача", „будучи молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора; прискакавши во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло своею саблею разилъ московскіе лбы" (ст. 1059—1061).

Свою военную службу королю и Рѣчи-Посполитой князь Михаилъ Александровичъ началъ въ 1554 году, имѣя отъ роду 25 лѣтъ (стихъ 157) [1]). Вся жизнь его была жизнью рыцаря, видѣвшаго въ войнѣ единственное достойное поприще дѣятельности, и поэтому не было войны Рѣчи-Посполитой съ сосѣдями, въ которой не участвовалъ бы князь М. А. Вишневецкій. Но главною его заботою, какъ старосты черкасскаго и каневскаго, было отраженіе отъ границъ надоѣдливыхъ татарскихъ козаковъ, („iak psy iadowite z ukrainy gonił" — стр. 219, ст. 8), чуть не еженедѣльно врывавшихся въ пограничныя мѣстности для грабежа и захвата плѣнныхъ, которые потомъ обращались въ рабство и служили предметомъ выгоднаго торга. [2]) Люди такого типа, какъ Вишневецкій, имѣли, по словамъ нашего автора, „особую страсть быть въ полѣ; болѣе проводили вѣкъ свой въ полѣ, нежели дома. Они

---

[1]) Князь М. А. Вишневецкій въ письмѣ къ канцлеру Яну Замойскому изъ г. Черкасъ отъ 8 апрѣля 1579 г. говоритъ о своей службѣ: „Ja wiem, jakom począł *z młodych lat moich Krolowi JM. panu swemu i Rpłej służyć wiernie, uczciwie,* iako na moi dom slachecki przyslusza". См. Archiwum Iana Zamoyskiego. Warsz. 1904. Докум. № 301, стр. 315.

[2]) Ствхи 779—780: „Na *Kozaki Tatarskie* ty winy wkładaiąc, *ktorzy pokoy częstymi wtarczkami wzruszaią*". О вторженіяхъ татаръ самъ князь Михаилъ Александровичъ въ томъ же письмѣ выражался такъ: „Co sie dotycze Tatar, yz naprzod od kogo ynszego Krol JM. o wtargnieniu ych pod Czerkaszy wiedziec raczyl, na tym barzo mało, gdysz *nie nowina, y nie pierwszy raz Tatarom y po kilka razow na iednym thydniu pod zamkiem ukrainnym bywac,* tym sie niebespiecznosc zadna panstwom Krola JM. nie okazała, ani tesz sie miastu y poddanym Krola JM. skoda zadna nie stała; by sie o takowych trwoszkach zawsze miało dawać znać za kazdym razem, pewnie zeby i poslancow prze dalekosc y niebespieczność drogi nie stawało". См. тамъ-же стр. 314—315.

искали невѣрныхъ по широкимъ степямъ и на высокихъ курганахъ держали бдительную стражу. Всѣ они добивались безсмертной славы и пренебрегали силами непріятеля". (Ст. 235—240). Поэтому и домашній бытъ князя М. А. Вишневецкаго былъ приспособленъ къ его военной профессіи. Авторъ говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Римляне имѣли такое всеобщее обыкновеніе, что они никогда не позволяли своему воинству предаваться праздности. Хотя они пребывали въ мирѣ и ни съ кѣмъ не воевали, тѣмъ не менѣе ихъ воины упражнялись, пока молодость служила, въ военномъ ремеслѣ. То производили въ полѣ различныя построенія, то лихо, съ возможной ловкостью, вскакивали на быстрыхъ коней. Учились, какъ окапываться, штурмовать, драться въ рукопашную, какъ обмануть сильнаго непріятеля. И вотъ Римляне имѣли собственныхъ дѣльныхъ полководцевъ и не чувствовали надобности въ полководцахъ иноземныхъ. Такимъ же образомъ и при дворѣ доблестнаго князя происходили упражненія военныхъ людей, такъ-что они никогда не проводили времени въ гнусной праздности, но упражняли свои молодыя силы въ военномъ ремеслѣ. То учились, какъ стрѣлять съ легкихъ аргамаковъ въ догонку за непріятелемъ, какъ въ случаѣ надобности сойтись съ невѣрными въ рукопашную, то учились, какъ строиться пѣшимъ строемъ съ ружьями при нападеніи конныхъ враговъ, какъ наносить непріятелю удары ощепами. Вотъ почему не одинъ доблестный рыцарь образовался на Украинѣ отъ такихъ упражненій". (Ст. 215—234) [1]).

---

[1]) Въ грамотѣ Стефана Баторія отъ 26 января 1578 г. Михаилу Грибуновичу Байбузѣ говорится: „Маючи ласкавый взглядъ *на залецоные намъ заслуги и дельность в речах рыцерских* шляхетного Михайла Грибуновича Байбузы *през урожоного княжати Михайла Вишневецького, старосту нашого Черкаского и Каневского, при которомъ онъ от немалого часу будучи на Украине годне и пожитечне*, не литуючи утратъ маетностей и розляня крви свое, вносечи в небезпечность здоровъе свое, противъ непріятелеви нашому первей есче за пановання славное памети найсняйшого Зыгмунта-Августа, короля, продка нашого, а потом и теперъ за счасъливого пановання нашого *за каждою оказию и потребою нам и Речи Посполитой коронной верне служилъ и служит не перестает*". См. Чтенія въ ист. общ. Нестора лѣт. кн. 14, Кіевъ 1900, отд. III, стр. 86. Такихъ соратниковъ кн. Вишневецкаго, какъ Байбуза, имѣетъ въ виду нашъ авторъ.

Перейдемъ теперь къ перечисленію тѣхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ князь М. А. Вишневецкій и которыя описаны въ „Плачѣ“. Съ татарами онъ имѣлъ первое столкновеніе въ 1554 г. на берегу р. Хорола у Кильдешовой могилы, затѣмъ совмѣстно съ князьями Сангушкомъ и Ружинскимъ сражался съ турками и съ ними на Бѣлгородскомъ полѣ вблизи Днѣстровскаго лимана. Въ 1557 г. онъ воевалъ въ Ливоніи противъ магистра Ливонскаго ордена. Потомъ опять идутъ сраженія съ татарами на берегу р. Псла около 1560 г., у Пивской горы въ 1563 г., на урочищѣ „Чигиринъ“, послѣ отраженія татаръ отъ г. Черкасъ, и на берегу р. Чернаго Ташлыка (въ ближайшіе послѣ этого годы). Противъ Іоанна Грознаго Московскаго князь Михаилъ Александровичъ сдѣлалъ четыре похода, всякій разъ направляясь на Сѣверщину и опустошая ее вдоль и вповперекъ, какъ это было принято по тогдашнимъ военнымъ обычаямъ. Первый походъ относится къ 1563 году, остальные три—ко времени войнъ съ Москвою Стефана Баторія (1579—1581). Выше мы привели описанія нѣсколькихъ сраженій съ татарами, желая доказать, что авторъ „Плача“ былъ ихъ очевидцемъ. Теперь мы приведемъ разсказъ автора о послѣднемъ походѣ Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 г., чтобы дать понятіе, какой богатый реальными подробностями матеріалъ представляетъ мѣстами „Плачъ“ для русскаго историка.

„Доблестному князю не хотѣлось быть праздным и вотъ онъ снова собралъ не мало воинства противъ Москвы. Съ Божьею помощью ему во всемъ везло счастіе и Господь выносилъ его цѣлымъ изъ великихъ опасностей. Въ помощь ему прибылъ князь Іеронимъ Жижемскій, староста рѣчицкій, человѣкъ высокой доблести, древняго рода и чрезвычайно почтенный. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ староста овруцкій, доблестный Авраамъ Мышка, гордый домомъ своихъ предковъ, отличавшійся рыцарской отвагой и проявлявшій въ храбрости пылъ своихъ молодыхъ лѣтъ. Присоединился также къ этому войску со своимъ отрядомъ Кирiонъ Лятошинскій, мужъ великой отваги. Чтобы замѣтно послужить Рѣчи-Посполитой, они присоединили свои отряды къ княжескимъ и, уговорившись сообща, въ полномъ согласіи двинулись со своими отрядами въ добрый часъ впередъ. Выступая противъ тиранна, князя Московскаго, они направились прямо къ Трубчевскому замку. Подтянув-

шись къ Трубчевску, они расположились возлѣ него съ войсками и разсматривали, съ которой стороны лучше на него напасть. Замокъ былъ сильно укрѣпленъ парканами, снабженъ различнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ и гарнизономъ изъ отважныхъ людей. Старшимъ воеводой въ замкѣ былъ князь Радиловъ, мужъ славный среди москвичей тѣлосложеніемъ и красотою. Князь Вишневецкій внимательно присматривался къ замку и къ посаду, подступалъ къ замку не спѣша, и заботливо искалъ безопаснаго для войска мѣста, откуда онъ могъ бы сдѣлать приступъ безъ всякаго для себя ущерба. Москвитяне сильно стрѣляютъ изъ пушекъ и изъ гаковницъ, а наши раздумываютъ, какъ бы имъ поджечь замокъ. Когда они подрылись уже подкопами поближе къ стѣнамъ, то стали совѣщаться, какъ бы имъ штурмовать стѣны безъ вреда для себя. Осажденные въ замкѣ ни о чемъ не тужатъ, а наши, благословясь, дѣлаютъ приступъ къ замку. Одни искусно поджигаютъ стѣны, другіе топорами разрушаютъ ворота. Стѣны дымятся отъ огня и горятъ пламенемъ, а москвитяне довольно мужественно даютъ нашимъ отпоръ. Князь ободряетъ своихъ прекрасными словами: „Благородное рыцарство! Нашъ тріумфъ—готовъ; рѣшитесь только съ мужествомъ двигаться впередъ до конца. Господь дастъ, что непріятель потерпитъ пораженіе. Обновите ваше обычное мужество въ эту счастливую минуту и мы съ Божьею помощью побьемъ неряшливую Москву“. Такъ сказалъ славный гетманъ и каждый послѣ этой рѣчи почувствовалъ, какъ въ его сердцѣ усилилась смѣлость. Ломятся силою въ замокъ и берутъ въ плѣнъ москвитянъ. Отбираютъ отъ нихъ ружья, сабли и луки. Такъ наши, по милости Божіей, овладѣли замкомъ, захватили тамъ не мало оружія, плѣнниковъ и всякой добычи. Какъ только взяли въ плѣнъ самого воеводу, то отдали его князю (т. е. Вишневецкому) въ знакъ одержанной побѣды. Такимъ образомъ, разоривши въ прахъ посадъ и замокъ, и перевернувъ ихъ вверхъ дномъ, какъ Сципіонъ поступилъ съ Карѳагеномъ, они безопасно двинулись изъ Трубчевска домой, но однако сперва сожгли до тла посадъ. Однако же упорная Москва захотѣла попытать счастья и, собравшись въ количествѣ трехъ тысячъ, пустилась за нами въ погоню. Предводителями у нея были воеводы, люди опытные въ военныхъ дѣлахъ и отважные. Прежде всего стародубскій

воевода князь Иванъ Мезецкій, потомъ новгородъ-сѣверскій воевода славный князь Осипъ, путивльскій воевода князь Василій Хилковъ, брянскій воевода князь Лыковъ-Оболенскій, черниговскій воевода отважный князь Иванъ Долгорукій, почепскій воевода Василій. Изъ боярскихъ же сыновей были тутъ: Яковъ Прунчищевъ, Андрей Семеновичъ Селиховъ, Стефанъ Мозырянинъ, Ѳедоръ, Василинъ, Богданъ Александровичъ и Иванъ Мордвининъ. Наши расположились лагеремъ у р. Судости, а нѣкоторые переправились и на другую сторону рѣки. При князѣ было не болѣе третьей части войска, потому что никто не думалъ о возможности тревоги со стороны Москвы. А москвитяне поспѣшно слѣдуютъ за нами, надѣясь, что счастье доставитъ имъ вѣрную побѣду. Пустившись бѣжать во всю мочь, они подняли крикъ и выпустили градъ выстрѣловъ изъ длинныхъ ружей. Наши, слыша крикъ и шумъ, голосятъ: „подай коня“, а иные только что еще сѣдлаютъ быстрыхъ аргамаковъ. Тѣ, что были болѣе готовы, даютъ Москвѣ отпоръ и валятъ Москву ружьями, саблями и ощепами. Бывшіе за рѣкой переправились вскачь и ударили съ большимъ трескомъ на московскія войска. Князь объѣзжаетъ вокругъ свое войско и подбодряетъ рыцарство прекрасною рѣчью: „Теперь, доблестные рыцари, я готовъ своею головою запечатлѣть свое единодушіе съ вами. Какую участь пошлетъ доля всѣмъ вамъ, такую и я пріймy съ вами, отважные рыцари“. Съ обѣихъ сторонъ довольно крика; ружья стрѣляютъ, летящія стрѣлы заслоняютъ облака. Въ то время воочію обнаружилась доблесть князя Іеронима Жижемскаго. Неряшливая Москва постыдно отъ него удирала, отступала назадъ предъ его отвагой, а князь, получивъ въ этомъ дѣлѣ огнестрѣльную рану, все поддавалъ своимъ мужества и громилъ неряшливую Москву. Также князь Александръ, сынъ усопшаго, будучи молодыхъ лѣтъ, имѣлъ уже отвагу мужественнаго Гектора. Прискакавъ во весь опоръ, онъ, какъ рыцарь, бросился въ свалку и смѣло разилъ своею саблею московскіе лбы. Какую утѣху имѣлъ ты, доблестный князь, когда твои очи глядѣли на молодого рыцаря! Гордая Москва очищаетъ ему мѣсто, искренно дивится его горячему натиску. Такъ наши, наступая, разгромили Москву и въ дымъ обратили ея заносчивыя мечтанія. Самъ Господь Богъ былъ предводителемъ столь малаго войска, которое ни во что обратило

силы московскаго царя. А вѣдь наше маленькое войско москвитяне считали ничтожествомъ и, окруживъ его кольцомъ, намѣревались уже гнать въ Москву! Нашихъ въ этой битвѣ было 1400, а Москвы навѣрное насчитывалось 3000. Оттуда наши возвратились домой и вознесли благодареніе Богу, даровавшему имъ побѣду". (Ст. 960—1075).

Недолго уже оставалось жить князю Михаилу Александровичу послѣ возвращенія изъ московскаго похода 1581 года. Еще до начала войны съ Москвою (8. IV. 1579) онъ выглядывалъ уже старикомъ и, оправдываясь передъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ по предъявленному къ нему обвиненію въ поддержкѣ козацкаго ватажка Лукьяна (см. выше, стр. 81) [1]), онъ ссылался на свою сѣдину („siwy włosz moy"). Ослабленное непрерывными военными трудами, здоровье его начало клониться къ упадку и, хирѣя все болѣе и болѣе, онъ, какъ сказано выше, скончался въ родномъ Вишневецкомъ замкѣ 5 октября стараго стиля 1584 г., имѣя отъ роду 55 лѣтъ. Изнемогшій отъ болѣзни князь, разсказываетъ нашъ авторъ, предчувствовалъ наступленіе своей кончины. Онъ успѣлъ пріобщиться Св. Таинъ и сохранялъ сознаніе до послѣдняго вздоха, все время разговаривая съ окружающими. (Ст. 1112—1125). Тѣло его для вѣчнаго успокоенія было перевезено въ Кіево-Печерскую Лавру и Аѳанасій Кальнофойскій (1638) видѣлъ еще цѣлою надгробную надпись на его могилѣ.

Внѣшность усопшаго князя Михаила Александровича нашъ авторъ описываетъ такъ: росту онъ былъ умѣреннаго, осанки важной, лицо имѣлъ полное, а взглядъ ласковый; вся наружность обличала его княжеское происхожденіе.

Долго останавливается нашъ авторъ на нравственныхъ достоинствахъ покойника. Онъ отличался горячею вѣрою въ Бога, искреннею любовью къ ближнимъ, набожностью и вѣрностью данной клятвѣ. Онъ никогда не допытывался легкомысленно о существѣ неизреченнаго Божества и строго сохранялъ пристой-

---

[1]) Упомянутый „Лукьянъ", вѣроятно, тоже самое лицо, что и Лукьянъ *Чернинскій*, разграбившій мѣстечко Кодню 16 марта нов. ст. 1586 г.—„который кажетъ себе гетманомъ звати". См. Арх. юго-зап. Рос., ч. III, т. 1, стр. 19.

ность святой вѣры. Онъ подкрѣплялъ свою вѣру благочестивыми дѣлами, помня, что́ говоритъ объ этомъ Священное Писаніе. Относительно неимущихъ онъ былъ щедрымъ. Если онъ видѣлъ убогихъ и голодныхъ, то снабжалъ ихъ нужными вещами и припасами. Щедрою рукою онъ раздавалъ всѣмъ свой хлѣбъ и удовлетворялъ во всемъ, въ чемъ они нуждались. Поэтому отовсюду сбирались къ нему гости; даже чужеземцы стремились его видѣть. Военный людъ (rycerstwo) притекалъ къ нему со всѣхъ сторонъ, ибо имя его слыло и въ чужихъ государствахъ. Слава его гремѣла и въ Турціи, и въ Ордѣ, и въ Москвѣ. Съ каждымъ сосѣдомъ онъ обращался пристойно, никого не обидилъ, былъ доволенъ своимъ. Онъ не присваивалъ чужой нивы, а часто въ случаѣ спора отдавалъ и свою. Счастливыми считали себя тѣ, кто граничилъ съ княземъ своею землею: никто изъ нихъ не былъ обиженъ, каждый сидѣлъ спокойно за своею межою. (Ст. 115 –144).

Янъ Орышовскій, запорожскій гетманъ.

(?—1577—1605)

Біографическій очеркъ.

Помощникомъ князя Михаила Александровича Вишневецкаго по командованію козацкимъ полкомъ, учрежденнымъ 16 сентября 1578 г., былъ назначенъ королевскій коморникъ Янъ Орышовскій (см. выше, стр. 71).

Янъ Орышовскій былъ польскій шляхтичъ герба Правдичъ. Вѣроятно, колыбелью его рода было селеніе Орышовъ въ нынѣшнемъ Сохачевскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, отъ котораго онъ и получилъ свое фамильное прозвище. Другіе шляхтичи герба Правдичъ по родовымъ имѣніямъ назывались: Бѣльскими по д. Бялой, Стржелецкими по д. Стржелкамъ и т. д. Годъ рожденія его неизвѣстенъ. Въ историческихъ документахъ онъ начинаетъ упоминаться со второго года королевствованія Стефана Баторія т. е. съ 1577 г. Король Баторій любилъ имѣть вокругъ себя большую свиту. При тогдашнемъ отсутствіи почтъ и телеграфовъ ему, какъ дѣятельному и энергичному государю, постоянно нужны были люди, готовые, по мановенію короля, исполнять всѣ его порученія, передавать приказы, развозить письма и универсалы, оказывать, наконецъ, ему мелкія личныя услуги. Поэтому, въ передней королевской квартиры, въ королевскихъ замкахъ Кракова, Варшавы, Вильны, Гродна, или на походѣ, всегда толпились молодые люди лучшихъ шляхетскихъ фамилій, желавшіе на королевской службѣ получить навыкъ къ дѣламъ, присмотрѣться къ людямъ, ихъ достоинствамъ и недостаткамъ, пріобрѣсти внѣшній придворный лоскъ. Эти люди носили званіе *cubicularii missiles*, иначе: королевскіе коморники, дворяне,—и

число ихъ доходило до 40 и болѣе человѣкъ [1]). Такимъ коморникомъ мы застаемъ въ 1577 году и Яна Орышовскаго. Въ апрѣлѣ этого года онъ ѣдетъ изъ г. Иновроцлавля, гдѣ квартировалъ въ то время король, къ отправленному посломъ въ Турцію Дзѣржку, чтобы передать ему деньги на путевые расходы и приказъ короля поторопиться съ отъѣздомъ въ Константинополь [2]). Въ концѣ іюня Орышовскій повезъ королевскія письма на Волынь и на Днѣпръ [3]).

Нужно предполагать, что въ это время Янъ Орышовскій или имѣлъ сильныхъ покровителей при дворѣ, или выдѣлялся изъ ряда королевскихъ коморниковъ особыми способностями и заслугами, потому-что 5 сентября того же 1577 года онъ получилъ уже отъ короля жалованную грамоту на опустѣлыя урочища въ Брацлавскомъ воеводствѣ, а именно: 1) на урочище Копыстеринъ на р. Мурахвѣ, надъ шляхомъ, именуемымъ въ народѣ Кучманскимъ, между Баромъ и Брацлавомъ; и 2) на урочища Гайсинъ [4]) и Гоголевъ при рѣчкѣ Собъ за р. Бугомъ. Оба урочища остались выморочными послѣ прежнихъ владѣльцевъ Дахна Копыстеринскаго и Матвѣя Мизененка и даются Орышовскому со всѣми угодьями и доходами въ его пожизненное владѣніе. Въ грамотѣ сказано,

---

[1]) Напр. въ 1576 году въ статьѣ выписки жалованья *cubiculariis missilibus* ихъ поименовано 43 человѣка. См. Źr. dz., t. IX, a, стр. 60.

[2]) См. Źr. dz., t. IX, b. стр. 173: „Eidem (Christophoro Dzierzek) per Ioannem Oryszewski ex Inowladislawia, ut eo citius Constantinopolim eat secumque Armenum e Leopoli accipiat, qui perferat literas ad S. Mtem R., dati fl. 160“.

[3]) См. Źr. dz., t. IX, a, стр. 120: „Oriszewski Wolyniam et ad Boristenum cum literis suae Mtis... eunti fl. 80“. Съ этой поѣздкой Орышовскаго связанъ любопытный эпизодъ съ претензіей шляхты Брацлавскаго воеводства на короля Баторія за то, что онъ писалъ свои письма къ Брацлавскимъ шляхтичамъ по-польски, а не по-русски. „Дани суть листы черезъ дворянина Вашой Королевское Милости, пана *Орышевского*, братей нашой найменшымъ слугомъ и подданымъ Вашой Королевское Милости *писмомъ полскимъ* писаные“... Шляхта ссылается на условія уніи Литвы съ Польшей и проситъ короля на будущее время писать къ представителямъ ея „*рускимъ писмомъ*“. См. Acta historica res gestas Poloniae illustrantia T. XI, Kraków 1887, стр. 82—83, докум. № 57 изъ Брацлава отъ 7 іюля 1577 г.

[4]) Нынѣшній уѣздный городъ Гайсинъ подольской губ.

что пожалованіе дается, чтобы наградить Орышовскаго за величайшую вѣрность и усердіе, и чтобы на будущее время побудить его быть еще болѣе ревностнымъ и исполнительнымъ при отправленіи королевской службы [1]).

Назначенный 16 сентября 1578 года въ помощники князю М. А. Вишневецкому, онъ продолжалъ тѣмъ не менѣе исправлять свою прежнюю должность и въ томъ же сентябрѣ возилъ еще королевскій универсалъ Низовцамъ по дѣлу Константина Лакусты и письма короля бискупу каменецкому, старостамъ черкасскому, барскому и брацлавскому, воеводѣ люблинскому, самому Константину Лакустѣ и Янчи Бегеру [2]). Въ эту же поѣздку Орышовскій ввелъ канцлера Замойскаго во владѣніе селами: Карчмановцы, Поповцы, Василевцы, Гандиковцы, Канчицы и Микулинцы въ повѣтѣ Ровскомъ или Барскомъ, пожалованными ему королемъ 7 іюля 1578 г. На территоріи этихъ селъ въ слѣдующемъ 1579 г. былъ основанъ Замойскимъ г. Шарогродъ, получившій названіе отъ „пшидомка“ Замойскихъ „Саріушъ“ (Sarius) [3]).

Во время войнъ съ Москвою мы не видимъ Орышовскаго въ королевской свитѣ. Гейденштейнъ разсказываетъ, что въ 1580 г. Янъ Орышовскій предводительствовалъ низовыми козаками, которые вторглись со стороны Сѣверщины въ Московскія владѣнія, пробрались до Стародуба, опустошая все вдоль и вопереки, сожгли нѣсколько посадовъ и замковъ. Потомъ повернули они къ Почепу, но, отбитые отъ этого замка, съ большою добычею вернулись во-свояси. Въ этомъ набѣгѣ слѣдуетъ видѣть проявленіе дѣятельности того козацкаго полка, который былъ учрежденъ 16 сентября 1578 г. и во главѣ котораго стоялъ Орышовскій, представляя собою особу князя М. А. Вишневецкаго (см. выше, стр. 84).

---

[1]) См. ниже приложеніе къ настоящей статьѣ № 1.

[2]) См. Źr. dz. t. IX, a, стр. 200: „*Ioanni Oriszewski* ad Nizovios cum literis universalibus in negotio Constantini Walachi, item ad rmum episcopum Camenecen., capitaneum Czerkasten., Baren. Braclavien., palatinum Lublinen. item ad Constantinum Walach, Ianczy Begier cum literis Mtis R. misso, fl. 80“.

[3]) См. Arch. Jana Zamoyskiego, T. I. W. 1904, str. 501, примѣч. 2 и 3.

Въ іюлѣ 1581 г. мы застаемъ Орышовскаго на Днѣпровскомъ Низу, откуда онъ доноситъ королю письмами обо всемъ тамъ происходящемъ [1]).

Пока былъ живъ князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, то своею знатностью, богатствомъ и военными доблестями онъ оказывалъ сильное обаяніе на умы низовыхъ козаковъ и никому не дозволялъ занять среди нихъ командующаго положенія. Не удивительно, что онъ заслонялъ собою и Орышовскаго. Но со смертью Вишневецкаго (5/15 октября 1584 г.) положеніе Орышовскаго среди козаковъ сдѣлалось болѣе виднымъ и съ этого времени источники начинаютъ называть его „запорожскимъ гетманомъ“. Въ 1585 г. Орышовскій предпринимаетъ очень удачный набѣгъ на Крымъ (см. выше, стр. 114), а въ 1586 г. онъ зимуетъ въ Кіевѣ и выслушиваетъ жалобу Кіево-Софійскихъ слобожанъ на княгиню Анастасію Воронецкую (см. выше, стр. 117).

Конвокаційный сеймъ открылся въ Варшавѣ 1 февраля нов. ст. 1587 года. Орышовскій явился на сеймъ, какъ представитель запорожскихъ козаковъ, и въ засѣданіи 28 февраля выставлялъ свои заслуги и просилъ объ уплатѣ жалованья и о наградахъ козакамъ. Онъ, вѣроятно, показался сеймующимъ панамъ большимъ чудакомъ: одѣтъ онъ былъ *по-гречески*, а когда читали изложенную на письмѣ его челобитную, то онъ посреди пановъ усѣлся прямо на землю *по-турецки* т. е. поджавши ноги [2]). Паны постановили, что низовцы должны охранять отъ татаръ переправы черезъ Днѣпръ и извѣщать о появленіи непріятеля, что за это они будутъ получать жалованье и что начальствовать ими будетъ Орышовскій [3]). Когда былъ избранъ Сигизмундъ III (18 августа 1587 г.), то онъ подтвердилъ за Орышовскимъ имѣніе Гайсинъ, пожалованное послѣднему королемъ Стефаномъ въ пожизненное владѣніе [4]).

---

[1]) См. X. Jan Piotrowski, Dziennik wyprawy Stefana Batorego pod Psków. Wydał A. Czuczyński. W Krakowie 1894, стр. 31: „Bieg wypadków wypisuje *Orziszowski* Królowi, co porucznikiem Niżowców jest“.

[2]) См. Scriptores rerum polonicarum, T. XI, Kraków 1887, стр. 33.

[3]) См. тамъ-же стр. 37: „Nad nimi przełożyć Pana Oryszewskiego“.

[4]) См. ниже, приложеніе къ настоящей статьѣ № 2.

24 января нов. ст. 1588 года Орышовскій съ отрядомъ запорожцевъ участвовалъ въ составѣ войскъ канцлера Замойскаго въ битвѣ подъ Бычыной съ Максимиліаномъ австрійскимъ, кончившейся взятіемъ Максимиліана въ плѣнъ [1]).

Въ 1590 году Орышовскій является помощникомъ снятынскаго старосты Николая Язловецкаго, ибо сохранился универсалъ короля Сигизмунда III отъ 25 іюля этого года, въ которомъ поручается старостѣ снятынскому Николаю изъ Бучача Язловецкому и *поручнику его Яну Орышовскому* [2]) набрать отрядъ въ 1.000 человѣкъ изъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ людей для укрощенія украинскаго своеволія и для удержанія пограничныхъ людей отъ нападеній на сосѣднія государства. Мѣстомъ для пребыванія отряда назначалось урочище Кременчукъ на бессарабскомъ берегу р. Днѣстра, гдѣ предполагалось срубить деревянное укрѣпленіе (castell z drzewa) изъ бревенъ, спущенныхъ водою внизъ по Днѣстру изъ выше лежащихъ староствъ и королевскихъ имѣній. Продовольствіе отряду должны были доставлять старосты и державцы имѣній [3]).

7 іюня нов. ст. 1591 въ пятницу Янъ Орышовскій явился въ Краковъ, какъ свидѣтель по дѣлу о назначеніи аббата Іосифа Верещинскаго католическимъ епископомъ Кіевскимъ. Онъ назы-

---

[1]) См. Sobieszczański, Joachima Bielskiego Dalszy ciąg Kroniki Polskiéj. Warsz. 1851, str. 88.

[2]) Изъ нѣкоторыхъ послѣдующихъ фактовъ можно заключить, что Язловецкій и Орышовскій скоро почувствовали себя соперниками и разссорились. 7 іюня 1591 г. Орышовскій называлъ себя *supremus capitaneus exercituum cozachorum Nizoviensium*, 10 марта 1592 г. Язловецкій подписался *Starszij woiska zaporoskiego ręką swą.* (Listy Żółkiewskiego, 1868. str. 22). Лѣтомъ 1594 г. Язловецкій по настоянію и съ помощью денегъ папскаго агента Александра Комулео хотѣлъ устроить набѣгъ запорожскихъ козаковъ на Крымъ, а Орышовскій увлекъ ихъ въ Молдавію, гдѣ можно было получить большую добычу, и нападеніе на Крымъ не состоялось. Любопытно, что Орышовскій, самъ повторилъ одинъ изъ тѣхъ набѣговъ, которымъ должно было помѣшать устройство укрѣпленія въ бессарабскомъ Кременчукѣ.

[3]) Іоакимъ Бѣльскій со словъ Орышовскаго упоминаетъ объ этомъ распоряженіи короля, но не объясняетъ, гдѣ находилось урочище Кременчукъ (Kron. Pol. изд 1852 г., т. XVIII, стр. 194). Нельзя сомнѣваться, что издатель Актовъ о козакахъ въ Архивѣ Юго-Зап. Рос. ч. III, т. 1, издавая документъ

ваетъ себя: „Supremus capitaneus ex brachio S. Regiae Mtis exercituum Cozachorum Nizoviensium circa fluvium Boristenem prope insulam Tartarorum Precop dictam". Это—маленькое измѣненіе званія, полученнаго 16 сентября 1578 г. княземъ М. А. Вишневецкимъ: „Supremus dux militum Boristhenis Nizovii dictorum". Вмѣсто *supremus dux—supremus capitaneus*. Орышовскій показывалъ слѣдующее:

Кіевскую епископскую каѳедру около двадцати лѣтъ подрядъ занималъ нѣкій еретикъ, по имени Павелъ Пацъ. Послѣ его смерти на эту каѳедру назначенъ былъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ Яковъ Воронецкій. Послѣдній не вступалъ въ управленіе своей епархіей, такъ какъ послѣ назначенія онъ не получилъ утвердительной грамоты отъ апостольскаго престола. Какъ видно, Воронецкій пренебрегалъ этой епархіей, ибо болѣе трехъ лѣтъ послѣ своего назначенія не хлопоталъ объ утвердительной грамотѣ. Наконецъ, теперь король Сигизмундъ III назначилъ Іосифа Верещинскаго, чтобы съ помощью его умѣнія и опытности въ дѣлахъ привести эту епархію въ лучшее состояніе.

Далѣе Орышовскій упоминалъ, что въ Кіевѣ нѣтъ каѳедральнаго костёла, ибо Кіевъ нѣсколько разъ былъ разоренъ при ча-

---

№ 11 (стр. 28—31), посчиталъ за описку обозначеніе мѣстоположенія урочища Кременчукъ „nad Dniestrzem" и поправилъ „nad Dnieprem", предполагая, что урочище Кременчукъ было только на р. Днѣпрѣ (нынѣшній г. Кременчугъ Полтавской губ.). Между тѣмъ рѣчь идетъ о Кременчукѣ бессарабскомъ. Новѣйшій туристъ г. Тиверцевъ говоритъ о немъ такъ: „Въ слѣдующемъ небольшомъ прогонѣ, у подошвы горы въ формѣ трапеціи, расположенъ *бессарабскій Кременчугъ*, бывшее мѣстечко, жители котораго, по разсказу добродушнаго старика, кременчугскаго обывателя, были разогнаны татарами и дали названье полтавскому Кременчугу (днѣпровскому)..." См. Кіевская Старина, 1899, т. 64, кн. 1, отд. 2, стр. 18, изъ статьи „По Днѣстру". Только укрѣпленіе въ бессарабскомъ Кременчукѣ могло воспрепятствовать вторженію запорожскихъ козаковъ въ сосѣднія государства т. е. въ Молдавію, Валахію, Турцію и т. д. Мѣстоположеніемъ Кременчука объясняется и то, что командованіе отрядомъ поручалось старостѣ *снятынскому*. Если бы дѣло шло о теперешнемъ полтавскомъ Кременчугѣ, то навѣрное командиромъ отряда былъ бы назначенъ ближайшій староста каневскій и *черкасскій* князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій.

стыхъ татарскихъ набѣгахъ. Единственный въ городѣ католическій костёлъ принадлежитъ монахамъ ордена св. Доминика; при немъ обыкновенно проживаютъ два монаха. Русскимъ, исповѣдующимъ греческую схизматическую вѣру, принадлежитъ около семидесяти церквей дивной постройки и изящной архитектуры. Говорятъ, что прежде ихъ было около трехсотъ; и дѣйствительно, сохранились слѣды какъ этихъ церквей, такъ и католическихъ. Вновь назначенный Кіевскій епископъ стремится къ тому, чтобы обратить въ каѳедральный костёлъ русскую церковь св. Софіи, которая чрезвычайно обширна. Отсюда слѣдуетъ, что и канониковъ тамъ никакихъ нѣтъ.

Кіевъ — городъ обширный, имѣетъ деревянныя строенія, огражденъ земляным валомъ, а не каменной стѣной, ворота-же сдѣланы каменныя. Доходы епископа очень малы и неопредѣленны вслѣдствіе частыхъ татарскихъ набѣговъ. Многіе изъ князей и шляхтичей присвоили себѣ имѣнія католической церкви, пожалованныя ей пресвѣтлыми королями. Теперь только немногія села числятся за епископомъ. Остальные доходы заключались въ медовыхъ и мясныхъ даняхъ.

Другіе свидѣтели подтвердили показанія Орышовскаго [1]).

Въ 1592 г. возникла война между императоромъ австрійскимъ Рудольфомъ II и Турціей. Запорожскіе козаки, узнавъ объ этомъ, послали къ императору своего уполномоченнаго предложить ему, не наймет-ли онъ козаковъ для дѣйствій противъ турокъ. Императоръ не далъ опредѣленнаго отвѣта, не зная, кто такіе козаки и въ какомъ государствѣ они живутъ. Онъ опасался, какъ бы не нажить непріятностей съ Польшей или Москвой, нанявъ на службу чужихъ подданныхъ, можетъ быть, противъ воли ихъ правительства. Но случай нанять храбрыхъ воиновъ для войны съ Турціей представлялся императору заманчивымъ. Онъ поручилъ ѣхавшему 9 апрѣля 1593 г. посломъ въ Москву Николаю Варкочу разузнать тамъ, не оскорбится ли московское правительство, если императоръ наймет запорожскихъ козаковъ къ себѣ на службу.

---

[1]) См. Excerpta ex libris manu scriptis archivi consistorialis Romani. Edidit Joseph Korzeniowski. Cracoviae 1890. Pag. 13—14.

Въ Москвѣ отвѣчали, что запорожскіе козаки не подвластны московскому государю и что ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Между тѣмъ запорожцы вторично прислали къ императору уполномоченнаго для переговоровъ о наймѣ. Тогда императоръ въ концѣ 1593 г. (21. XII) послалъ доктора правъ Матвѣя Вакера въ Польшу, чтобы тайно развѣдать, какъ отнеслось-бы польское правительство къ поступленію запорожцевъ на императорскую службу. Проживая въ январѣ или февралѣ 1594 года на постояломъ дворѣ въ Замостьи, Вакеръ былъ вызванъ на бесѣду нѣкіимъ Валицкимъ, рекомендовавшимся ему однимъ изъ козацкихъ старшинъ. Валицкій разсказалъ Вакеру, что козаки — люди свободные, по собственному побужденію воюютъ съ врагами имени Христова; что становища ихъ расположены у р. Днѣстра и у р. Днѣпра между Кіевомъ, Каневомъ и Черкасами, но опредѣленныхъ мѣстъ жительства они не имѣютъ; что главнымъ вождемъ ихъ состоитъ *Орышовскій*, остальные же предводители охотно ему повинуются; что на императорскую службу могло бы поступить до десяти тысячъ козаковъ, но что главный вопросъ — въ размѣрѣ жалованья. Валицкій увѣрялъ, что Вакеръ могъ бы окончательно договориться обо всемъ съ Орышовскимъ, но что къ сожалѣнію Орышовскаго нѣтъ теперь въ Замостьи, такъ какъ онъ за два дня передъ тѣмъ выѣхалъ въ лежащія по сосѣдству свои имѣнія (ad vicina quaedam rura sua). Тѣмъ не менѣе Валицкій обѣщалъ, что онъ дастъ знать Орышовскому о пріѣздѣ Вакера и что они вмѣстѣ явятся къ Вакеру на переговоры въ Замостье или Люблинъ, куда Вакеръ собирался черезъ два дня уѣзжать. Однако свиданіе Вакера съ Орышовскимъ не состоялось и миссія его не привела ни къ какимъ результатамъ. Что касается имѣній, въ которыя уѣзжалъ Орышовскій, то несомнѣнно, что рѣчь идетъ не о пожалованныхъ Орышовскому Стефаномъ Баторіемъ Копыстеринѣ и Гайсинѣ, а о какихъ-то имѣніяхъ въ центральной Польшѣ неподалеку отъ Замостья, такъ какъ Валицкій не могъ бы называть Копыстерина и Гайсина *vicina rura*, разговаривая съ Вакеромъ на постояломъ дворѣ въ Замостьи. Кромѣ того мы имѣемъ письмо Станислава Жолкѣвскаго къ Яну Замойскому изъ Хмельника-Подольскаго отъ 8 марта 1594 г., въ которомъ онъ пишетъ: „Pana Horijszowskiego *niemasz tu w tem kraiu*“. Жолкѣвскій не могъ бы такъ вы-

разиться, если-бы Орышовскій проѣхалъ незадолго до даты письма въ Копыстеринъ или Гайсинъ [1]).

Подъ осень того же 1594 г. Орышовскій и другіе козацкіе гетманы: Григорій Лобода и Станиславъ Хлопицкій—предприняли набѣгъ на Тегинь (Бендеры) и Килію. Когда они шли во-свояси, встрѣтили ихъ Молдаване и разгромили. Послѣ этого они собрались въ большихъ силахъ и вторглись въ самую Молдавію. Господарь Ааронъ бѣжалъ изъ страны, а козаки ограбили и сожгли г. Яссы, и жестоко опустошили всю ихъ окрестность. Изъ письма каштеляна каменецкаго и старосты теребовльскаго Якова Претвича къ Яну Замойскому отъ 25 ноября 1594 г. изъ Шаравки можно заключить, что послѣ раздѣла захваченной въ г. Яссахъ добычи Лобода и Хлопицкій заняли квартиры въ г. Барѣ, а *Орышовскій* отошелъ къ г. Винницѣ [2]).

Лѣтомъ 1600 г. Янъ Орышовскій поѣхалъ за Пороги пригласить козаковъ присоединиться къ королевскому войску, собиравшемуся въ Каменцѣ-Подольскомъ противъ турокъ. Ему удалось подбить на походъ тогдашняго козацкаго предводителя Самуила Кошку и 1 августа 1600 года Орышовскій и Кошка пишутъ уже канцлеру Замойскому изъ Бѣлобережья [3]), что они съ запорожской пѣхотой на лодкахъ спѣшатъ въ Каневъ и, пробывши въ Каневѣ съ недѣлю для пополненія войска охотниками изъ пограничныхъ городовъ, двинутся черезъ Бѣлую Церковь и Брацлавъ къ Каменцу для соединенія съ войскомъ канцлера [4]).

Хотя Орышовскій умеръ, вѣроятно, не задолго до 2 марта 1605 г., когда пожалованное ему въ пожизненное владѣніе имѣніе Гайсинъ было передано другому лицу, но за послѣдніе пять лѣтъ

---

[1]) См. приложенія къ ст. Евгенія Барвинскаго „Сношенія императора Рудольфа II и папы Климента VIII съ козаками“ въ Запискахъ наукового товарищества имени Шевченка, 1896, т. X, вып. 2, стр. 21—34.—Listy Żołkiewskiego, W Krak. 1868, str. 44.

[2]) См. Listy Żółkiewskiego, str. 59.

[3]) Бѣлобережье—урочище на правой сторонѣ р. Днѣпра противъ с. Лялинецъ Золотоношскаго уѣзда. См. чертежъ Климятинской земли въ Чтеніяхъ истор. общ. Нестора Лѣтописца, книга 11-я, 1896.

[4]) См. Listy Żółkiewskiego, str. 107.

его жизни мы не находимъ никакихъ свѣдѣній о его дѣятельности въ историческихъ источникахъ.

Заканчивая краткій очеркъ біографіи Орышовскаго, мы должны еще упомянуть, что слѣдъ его личности остался въ одномъ литературномъ памятникѣ, къ которому мы теперь и обратимся.

Въ 1597 году въ типографіи Якова Зибенейхера въ Краковѣ вышла книга: „Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo Przez Ioachima Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et Privilegio S. R. M. W Krakowie. W Drukárni Iákubá Sibeneychera, Roku Panskiego 1597“ [1]). Изложеніе событій въ этой книгѣ оканчивается смертью Стефана Баторія въ 1586 году. Посвящена она по обычаю того времени, когда каждой книгѣ старались найти могущественнаго заступника, королю Сигизмунду III. Исторія этой книги хорошо извѣстна. Мартинъ Бѣльскій (род. около 1495 г., умеръ въ 1575 г.) написалъ и издалъ въ 1550 году обширную историческую компиляцію, точнаго заглавія которой мы не знаемъ, такъ какъ въ сохранившемся экземплярѣ ея не достаетъ заглавнаго листа. Въ 1554 г. изданіе было повторено въ исправленномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Kronika Wssythyego swyata na ssesc wiekow á ná czwory księgi tákież Monárchie rozdzielona, rozmaitych historij, ták w swyętym pismye yáko w prostym,' s Kosmografią nową y rozmáitemi krolestwy, ták pogáńskimi, żydowskimi, yáko krzesciyánskimi: w ktorey też żywoty Papyeskye, Ceserskye, y krolow inych tákyeż Ksyążąt, od początku swyátá áż do tego roku ktory sye pisse 1554. Myedzy ktoremi też nássá Polska yest z osobná położoná, y swyátá nowego wypisánye. Dostátecznyey niż pierwssa spisána y pilnyey figurámi ochędożnemi. Cum gratia et privilegio. Drukowano w Krakowye przez Hieronimá Schárffenbergá Roku Pańskiego 1554“ [2]). Это изданіе посвящено королю Сигизмунду-Августу. Черезъ десять лѣтъ, въ 1564 г., вышло третье изданіе хроники, напечатанное въ Краковѣ въ типографіи Матвѣя Зибенейхера. Заглавіе ея мало чѣмъ измѣнено, посвящена она по-прежнему королю Сигиз-

---

[1]) См. Wierzbowski, Bibliographia polonica XV ac XVI ss. vol. I, Varsoviae 1889, стр. 141, № 638.

[2]) См. Wierzb. Bibl. pol., vol. I, стр. 32, № 144.

мунду-Августу, но за то она дополнена новыми главами, продолжена до 1564 г. и раздѣлена на 10 книгъ, чего не было во 2-мъ изданіи; восьмая книга отведена исторіи Польши. Въ 3-мъ изданіи „Хроники Свѣта“ Мартинъ Бѣльскій высказывается, что, въ виду своего преклоннаго возраста (въ 1564 г. онъ имѣлъ около 70 лѣтъ), онъ не надѣется продолжать изложеніе польской исторіи своего времени: „я поручаю писать объ этомъ“, говоритъ онъ, „кому-нибудь болѣе молодому, слѣдуя указанной мною дорогѣ, такъ какъ лѣта мои настолько преклонны, что я долженъ пересѣсть съ коня на возъ и съ рогожи на матрацъ“ [1]). Продолжателемъ литературной дѣятельности отца явился сынъ—Іоакимъ Бѣльскій (род. въ 1540 г., умеръ 8 января 1599 г.). Въ 1590-хъ годахъ онъ наново передѣлалъ, дополнилъ и продолжилъ восьмую книгу „Хроники Свѣта“ Мартина Бѣльскаго и издалъ ее въ 1597 г. подъ приведеннымъ выше заглавіемъ, стараясь представить дѣло, по неяснымъ для насъ побужденіямъ, такъ, какъ будто хроника эта составлена отцомъ его, Мартиномъ Бѣльскимъ, а только издана имъ, Іоакимомъ Бѣльскимъ. Между тѣмъ изъ собственнаго признанія Мартина Бѣльскаго мы знаемъ, что послѣ 1564 г. онъ не въ состояніи уже былъ по старости лѣтъ заниматься литературной работой; затѣмъ 18 декабря 1575 г. онъ умеръ; слѣдовательно, событія 1564—1586 гг. могли быть изложены только сыномъ его, Іоакимомъ. Да кромѣ того изъ сравненія языка, стиля, содержанія и всѣхъ подробностей „Хроники Свѣта“ (въ 8-й книгѣ) и „Хроники Польской“ видно, что эти хроники написаны разными лицами [2]). Въ „Хроникѣ Польской“, авторство которой послѣ предыдущихъ замѣчаній мы будемъ приписывать исключительно Іоакиму Бѣльскому, вслѣдъ за заимствованнымъ у Горецкаго разсказомъ о происходившей въ 1574 г. войнѣ молдавскаго господаря Ивони съ турками вставлено отдѣльной главой сказаніе „О козакахъ“. Главнымъ основаніемъ его послужили свѣдѣнія, вычитанныя авторомъ въ книгѣ Сѣннинскаго (Сарницкаго) Descriptio veteris et

---

[1]) См. Wiszniewskiego, Historya literatury polskiéj. Tom VII, w Krakowie 1845, стр. 424.

[2]) См. Wiszn. Hist. lit. pol., Tom VII, 1845, стр. 420—438, и статью Собѣщанскаго „O życiu i pracach piśmennych Marcina i Joachima Bielskich“ въ книгѣ „Ioachima Bielskiego dalszy ciąg Kroniki Polskiéj“, Warszawa 1851.

novae Poloniae 1585 г. (см. выше, стр. 13, прим. 3), но кое въ чемъ оно дополнено, какъ указываетъ авторъ, со словъ родственника его по отцу *Яна Орышовскаго* (o czym słyszałem dosyć mądrze mowiąc Jana Oryszowskiego stryica mego [1]), который продолжительное время былъ у козаковъ гетманомъ (ktory Hetmanem bywał u Kosakow przez czas niemały). Зная теперь обстоятельно біографію Яна Орышовскаго, мы должны придать особое значеніе сказанію Іоакима Бѣльскаго, ибо въ нѣкоторыхъ пунктахъ оно является свидѣтельствомъ непосредственнаго наблюдателя того явленія, которое въ сказаніи описывается. Приводимъ здѣсь сказаніе въ возможно точномъ переводѣ.

О КОЗАКАХЪ.

Эти люди занимаются обыкновенно на Низу (рѣка эта впадаетъ въ Днѣпръ) [2] ловлей рыбы, которую сушатъ тамъ же безъ соли на солнцѣ, и питаются ею лѣтомъ; а на зиму расходятся въ ближайшіе города, какъ-то въ Кіевъ, въ Черкасы и въ другіе, а лодки свои прячутъ гдѣ-нибудь въ безопасномъ мѣстѣ на одномъ изъ Днѣпровскихъ острововъ и кромѣ того оставляютъ тамъ нѣсколько сотъ человѣкъ „на куренѣ“, какъ они выражаются, при артиллеріи, ибо они имѣютъ собственныя маленькія пушки, частью захваченныя въ турецкихъ укрѣпленіяхъ, частью отнятыя у татаръ. Прежде козаковъ водилось не такъ-то много, но теперь ихъ собирается уже до нѣсколькихъ тысячъ; особенно размножились они въ настоящее время и часто причиняютъ не малый вредъ туркамъ и татарамъ: они уже по нѣсколько разъ разрушали Очаковъ, Тегинь (Бендеры), Бѣлгородъ (Аккерманъ) и другія крѣпости; и въ степяхъ они захватываютъ не мало скота. Турки и татары не осмѣливаются уже такъ далеко пробираться въ степи на пастбища съ овцами и скотомъ, какъ пробирались раньше; съ той стороны Днѣпра они нигдѣ не наближаются болѣе, какъ на разстояніе де-

---

[1]) „Stryjcami“ называли въ старой Польшѣ родныхъ и двоюродныхъ дядей по отцу, а также двоюродныхъ и троюродныхъ братьевъ изъ рода отца. См. Z. Głoger. Encyklopedja staropolska, T. IV, W. 1903, str. 65.

[2]) Іоакимъ Бѣльскій по ошибкѣ принимаетъ Низъ (низовье Днѣпра) за особую рѣку, яко-бы впадающую въ Днѣпръ.

сяти миль [1]). Козаки больше всего ссорятъ насъ съ турками; и татары такъ разсказываютъ, что если-бы не козаки, то они съ нами хорошо жили бы, но татарамъ не слѣдуетъ вѣрить. Хорошо, чтобы козаки существовали, но только слѣдуетъ привести ихъ въ порядокъ и платить имъ; да и пусть себѣ живутъ постоянно тамъ на Днѣпрѣ по отмелямъ или островамъ, которыхъ тамъ нѣсколько и которые такъ защищены природою, что если какой-либо островъ заняло бы нѣсколько сотъ человѣкъ, то даже самое громадное войско ничего съ ними не подѣлало бы, если бы отважилось подступить.

А между другими островами есть тамъ одинъ островъ, который называется „Коханье“, между Порогами, въ 40 миляхъ отъ Кіева; имѣетъ онъ нѣсколько миль длины; когда на немъ сторожатъ козаки, то татары не такъ-то легко къ намъ переправляются, потому-что съ него можно не подпустить ихъ къ бродамъ Кременецкому и Кучманскому, которыми они обыкновенно къ намъ перебродятъ [2]).

---

[1]) Іоакимъ Бѣльскій хотѣлъ сказать, что татарскіе пастухи не подгаяютъ своихъ стадъ ближе десяти миль къ лѣвому берегу р. Днѣпра.

[2]) Въ книгѣ Descr. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Kochanie* говорится такъ: „Est locus supra insulam dictam Chorcyca inter cataractas seu Porohi, aliquot milliaribus, supra modum amaenus: in quo si aliqua manus militum disponeretur, commode posset impediri transitus Tartarorum, qui per utrumque traiectum Borystenis, Kuczmanski inquam et Krzemienieczkie, quoties non sentiunt esse in armis Nisovios Kozakos, libere traiicere solent et infestare nostras regiones. Distat hic locus a Kiovia 40 milliaribus. Haec omnia ex sententia magnificorum virorum adieci, qui lustrandis illis regionibus a R. M. delecti et destinati erant. Narrant insuper praeter illas duas insulas Thomakowka inquam, et Chorcyca esse et alias complures desertas in illo flumine, in quibus materies ampla et lignorum copia est tam ad aedificandas arces, quam ad naves struendas. Cui testimonio suffragatur etiam historia de Principibus Kioviensibus qui ante quadringentos annos magnos exercitus, et ingentes classes ex iis locis secundo flumine usque Constantinopolim et ulterius deducere solebant ad oppugnandum orientale imperium. Et cavendo ne hoc amplius fieret, existimo Turcas Scythis eos portus replevisse, quos etiam suo patrocinio tuentur. Narrant praeterea iidem D. lustratores in suo itinerario ad flu. Ros et Tysmienica et Olszanica, et in aliis fluviis esse ibidem loca confragosa, etc. ubi arces possent excitari, nec haberet Turca ansam ita conquerendi, sicuti praetendere solet: cum ad Tiram aliquid nostri aedificare instituunt“.

Есть и другой островъ по близости—тотъ, который называется Хортицей и на которомъ раньше проживалъ Вишневецкій; послѣдній былъ большой помѣхой татарамъ и при немъ они не смѣли такъ часто къ намъ вторгаться; немного ниже Хортицы р. Тысменица (Конская) впадаетъ въ Днѣпръ, въ 44 миляхъ отъ Кіева [1]).

Есть еще и третій островъ, который называется Томаковкой и на которомъ преимущественно проживаютъ низовые козаки; онъ имъ замѣняетъ самое могущественное укрѣпленіе; противъ него впадаютъ въ Днѣпръ тѣ двѣ рѣки, Тысменъ (Конская) и Фесынъ (Базавлукъ); послѣдняя береть начало изъ Чернаго лѣса [2]).

Не мало есть тамъ и иныхъ меньшихъ отмелей или острововъ; если бы на нихъ выстроить укрѣпленія и поселить города, то татары не смѣли бы такъ часто являться къ намъ; но мы предпочитаемъ защищаться отъ нихъ у Самбора [3]). Со стороны воды напрасно кто-либо вздумалъ бы приступить къ нимъ, потому что тамъ со стороны моря никакія галеры или боты не могутъ пройти въ Днѣпръ черезъ Пороги, которые Господь Богъ самъ создалъ; и если бы не Пороги, то турки давно уже навѣстили бы тамошніе края. Но козаки такъ привыкли къ Порогамъ, что переплываютъ ихъ въ своихъ кожаныхъ лодкахъ, которыя они называютъ „чайками“, спуская ихъ на канатахъ внизъ и таща ихъ за собою на канатахъ же вверхъ [4]). Въ такихъ точно лодкахъ Русь нѣкогда

---

[1]) См. выписку на стр. 28, прим. 3.

[2]) См. выписку на стр. 26, прим. 2.

[3]) Іоакимъ Бѣльскій хочетъ этимъ выразить, что польское правительство вмѣсто того, чтобы строить передовыя укрѣпленія въ степяхъ, отражаетъ татаръ только тогда, когда они достигнутъ уже г. Самбора на верховьяхъ р. Днѣстра въ воеводствѣ Русскомъ, иначе сказать: проникнутъ уже въ глубь страны.

[4]) Послѣ изданія книги І. Бѣльскаго, въ іюлѣ 1600г. Янъ Орышовскій, конечно не впервые, лично участвовалъ въ перетаскиваніи челновъ черезъ Пороги, когда козацкое войско шло изъ Запорожья вверхъ по Днѣпру въ Каневъ, чтобы оттуда двинуться на помощь канцлеру Замойскому къ Каменцу-Подольскому: „Ku górze wodą idąc przeciwne wiatrij maiąc do progów przyszedszy liedwo nie kożdy przez skały brzegiem czólnij morskie ciągnęliśmy po dwie po trzysta człowieka uiąwszy się za lini ciągnęli“—такъ писали Орышовскій и Кошка канцлеру отъ 1 августа 1600 г. изъ Бѣлобережья. См. Listy Żółk. str. 107.

причиняла вредъ греческимъ императорамъ, пробиваясь иногда до самаго Константинополя, какъ объ этомъ пишетъ Зонара, греческій историкъ. Кажется, что и теперь козаки отважились бы на это, если бы ихъ было по-больше. Однако же турки заботятся, чтобы тѣ края оставались пустынными и чтобы люди въ нихъ не множились; они хотятъ быть безопасными въ Царьградѣ [1]).

Много лѣтъ тому назадъ былъ въ тѣхъ краяхъ большой портъ, а именно въ Бѣлгородѣ (Аккерманѣ), изъ котораго подольскую пшеницу доставляли въ самый Кипръ, но теперь только караваны сухимъ путемъ ходятъ оттуда въ Москву черезъ Очаковъ; на него проходитъ большая торговая дорога изъ Бѣлгорода, на которой козаки часто грабятъ турецкихъ купцовъ; когда они хотятъ „языка“ достать, то тамъ скорѣе всего достаютъ [2]).

Но не только на Днѣпрѣ, а также и на маленькихъ рѣчкахъ, Тысменицѣ и Оршаницѣ, достаточно попадается такихъ острововъ, на которыхъ можно было бы построить сильныя укрѣпленія противъ татаръ. Если бы укрѣпили Балаклей, который лежитъ надъ р. Чапчаклеемъ (нынѣ—Чичиклей) въ девяти миляхъ отъ Очакова, то татары не такъ-то легко отваживались бы ходить оттуда

---

[1]) См. выше на стр. 268 прим. 2.

[2]) Въ Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Bialogrod* говорится: „Praeterit vero Bialogrodum via trita et celebris quae ducit Oczakoviam. Hac Turcici et Scythici negotiatores potissimum commeant quos illi lingua sua carabanos vocant. Quando igitur nostri aliqua mancipia intercipere conantur, ut ex eis discant quid nam hostis machinetur modo, quidve in Turcia Scythiave geratur, tunc ad eam usque viam genus quoddam militum levissimae armaturae velitationibus aptum, quos Kozakios vocant, progreditur, ac ita ex praetereuntibus rapiunt quos possunt, et ad praefectos suos citato et festinanti cursu reducunt, saepius tam retro cervice inflexa prospectantes ne quis eorum vestigia signet, et urgendo capiti eorum invehat. Nam non raro alea secus cadit quam optassent, et saepe ex captivante fit captivus. Et interrogati cur ita temere dubio Marti se exponant, responsare solent: Bene est, si inquit nihil inde utilitatis percepero, nisi quod iuvenilem aetatem meam ex pacto consolabor contentaveroque satis est, iuvat. At contentatio illa qualis futura sit, si interim ad manus Scythicas deveneris, nemo est qui ignorat. Fuit quondam Bialogrodum emporium celebre et obvium nostris hominibus. Nam temporibus Cazimiri Cyprum usque demeabant naves onerarias tritico Podolico plenas. Nunc tantum scandulae prono flumine ad barbaros demeare Bialogrodum solent, idque non sine gravi discrimine vitae“.

къ намъ, особенно Чернымъ шляхомъ, который называется такъ отъ Чернаго лѣса [1]). Въ послѣднемъ татары привыкли укрываться, пока не переправятся всѣ они черезъ Спнюю воду т. е. черезъ очень спокойное озеро, находящееся близь того мѣста, гдѣ Днѣпръ впадаетъ въ море [2]).

Также слѣдовало бы выстроить укрѣпленіе въ Кременчукѣ (впрочемъ король, нашъ нынѣшній государь, поручилъ уже сдѣлать это Николаю Язловецкому, старостѣ снятинскому) [3]). Если бы въ такомъ дѣлѣ были заинтересованы нѣмцы или венеціанцы, то они не были бы такими безпечными, какъ мы. Если бы мы только воспользовались помощью козаковъ, то легко успѣли бы въ дѣлѣ постройки укрѣпленій, особенно обративъ на это и посылаемые татарамъ „упоминки“. А если бы кварты не хватило на наемъ солдатъ, то лучше брать ихъ до поры до времени по набору, но только устроить города и укрѣпленія тамъ, гдѣ слѣдуетъ. А ихъ будетъ изъ чего строить, такъ какъ дерева достаточно на тѣхъ островахъ и въ камнѣ нѣтъ недостатка. Такимъ образомъ мы

---

[1]) Descr. vet. et. novae Pol. 1585 г. подъ словомъ *Czapczaklei*: „Flumen est, notius habetur propter viva vestigia munitissimae arcis Balaklei, quem si insto praesidio muniretur, firmissimum p opugnaculum ad impediendos Praecopiensium transitus per Hyppanim esset. Et praesertim si vicissim ad flumen Russava in loco illo excitandae arci peridoneo et a multis celebrato propugnaculum novum inaedificaretur. Hae inquam duae arces non plus quam 20 milliaribus a se distantes, alia ad Tiram ex opposito Thehinia, alia ostia versus Hypranis, si bene munirentur, totum tractum illum triangularem ab Oczakovia tanquam duo parastatae, id est columnae ex aequo a se distantes, mirificae tutum redderent, ut consilium lustratorum adscriptum prudentissime suadet. Distat Czapczaklei ab Oczakovia octo milliarib. aut novem ut lustratores idem annotarunt“.

[2]) Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. подъ словомъ *Nigra sylva*: „Ubi Scythae latitare solent, inausuri in regiones nostras“. Тамъ-же подъ словомъ *Sina voda*: „Est restagnatio quaedam maris ad ostia Borysthenis. Hac Scythae navigiis subvehere se solent, et tandem in nigra sylva latitare, donec omnes conveniant. Inde a nigra sylva dicitur Czarny Szlak. Mare illud est tranquillum et ab iniuriis procellarum tutum, ita ut etiam in eo folia nimpheae sicuti fit in aliis lacubus parvis excrescant, et supernatent aquae: Et differt Sina woda a mari mortuo, in quo sal veluti glacies tenuis supra aquam innatat, et est admodum subtile. Hoc situm est ad Prekop, ubi illa fossa a mari cernitur ad mare“.

[3]) Выше было объяснено, что здѣсь рѣчь идетъ о бессарабскомъ Кременчукѣ на берегу р. Днѣстра.

легко избавились бы отъ всякихъ татаръ, если бы только сами захотѣли этого. Я слышалъ, какъ объ этомъ чрезвычайно мудро разсуждалъ мой родственникъ *Янъ Орышовскій*, который не малое время былъ у козаковъ гетманомъ и хорошо знаетъ эти мѣста; онъ могъ бы взяться за это дѣло и съумѣлъ бы разумно его выполнить.

Есть также козаки Московскіе, которыхъ мы называемъ Донскими и которые живутъ у р. Дона или Танаиса, а съ р. Дона переходятъ иногда на р. Волгу, перетаскивая свои „чайки“ на валкахъ черезъ гору Переволоку. Они также гдѣ могутъ причиняютъ татарамъ вредъ, который татары вымещаютъ на Москвѣ, также точно, какъ и на насъ. Иногда наши низовцы сходятся съ ними, но должны ходить другъ къ другу сухимъ путемъ, потому что между ними нѣтъ воднаго сообщенія. И въ то время, когда король Стефанъ непремѣнно хотѣлъ истребить низовцевъ, они удирали въ московскіе предѣлы къ тѣмъ козакамъ; видя въ этомъ еще большую для себя опасность, король Стефанъ оставилъ ихъ, кажется, въ покоѣ. Вслѣдствіе этого своеволіе среди нихъ еще болѣе разрослось, такъ что до того дошло, что вмѣсто оказанія поддержки они причиняютъ намъ только вредъ.

Необходимо, что они были подчинены власти, чтобы имъ платили жалованье, чтобы они имѣли гетмана по назначенію отъ короля и чтобы, наконецъ, сотники и атаманы ихъ приносили присягу; безъ сомнѣнія услуги ихъ были бы тогда полезными и тѣмъ краямъ было бы съ нимц безопаснѣе.

Но я предоставляю обсужденіе этого вопроса кому-либо болѣе мудрому.

Приложеніе № 1.

Oblata pro parte servitoris Oriszowski.

Actum in castro inferiori Leopoliensi feria quarta post festa solenis Paschae proxima anno Dni millecsimo quingentesimo octuagesimo. Ad officium actaque praesentia castr. capitanealia Leopoliensia oblatae sunt litterae papireae infrascriptae sac. regiae maiestatis servitoribus sic gnosi Joannis Oriszewski datae et concessae, quarum litterarum tenor de verbo ad verbum sequitur et est talis:

Stephanus, Dei gratia rex Poloniae magnus dux Lithwaniae, Rusiae, Prusiae, Mazoviae, Samagitiae, Kijoviae, Wolchiniae, Podlachiae, Liwoniae etc. necnon princeps Transilwaniae.

Significamus tenore praesentium quibus expedit universis et singulis, harum notitiam habituris, quod nos benignam rationem habentes servitiorum gnosi Joanis Oriszowski, que nobis summe fide et diligentiae exhibet, cupientesque eum et de nobis et de republica regni nostri ad bene merendum promptiorem et alacriorem imposterum reddere, dedimus, donavimus et concessimus illi, prout per praesentes damus, donamus et concedimus loca certa et possessiones... desertas, possesoribus, habitatoribus culturaque carentes, in confinibus Tartarorum sitas, quas vicini, illis locis propinquiores, eorum usumfructum nullo iure sibi vendicant, jure advitalicio posidendas unam videlicet possessionem desertam Kopisterin vocatam in transitu, vulgo na Koczmanskim sliaku, inter Barum et Braczlauiam ad flumen Morochwa comuniter apelatum sitam, quam nobilis olim Dachno Kopisterinski tenuit, et alteram quoque incultam Aissin et Hohul dictam, ultra fluvium Boch sitam, quam torenns Sob perfluit, quoque antea a quodam vita functo Matiae Mizenizinko posidebatur. Quibus quidem bonis nostris locis et possessionibus utrisque, in pallatinatu capitaneatuque

Braczlauiensi jacentibus, idem ipse gnosus Joannis Oriszewski utetur, fruetur eaque posidebit et tenebit integre cum omnibus et singulis agris, pratis, campis, fluminibus eorumque ripis, stagnis, lacubus, piscaturis, silvis, mericis, saltubus et receptaculis ferrarum, earum venationibus, prout ad nos mensamque nostram pertinent, necnon cum omnibus et singulis proventibus, comodis et proventibus, que nunc in eisdem bonis sunt aut successu temporis humana industria aucta et instituta esse possunt, nullis penitus exceptis nec pro nobis successoribusque sc. nostris aut pro quocunque alio reservatis, idque ad extrema vitae tempora, salvis tamen iuribus reipublicae regni nostri ac... nostris ad ea bona et possessiones permanentibus. In quorum indubiam fidem manu nostra subscripsimus et sigillum regui nostri praesentibus apendi iusimus. Datum ex castris nostris ad Laternam die quinta mensis Septembris anno Dni millesimo quingentesimo septuagesimo septimo, regni nostri anno secundo. Stephanus rex. *(Извлечено г. Грушевскимъ изъ Бернардинскаго архива во Львовѣ и напечатано впервые въ Запискахъ науковаго товариства имени Шевченка т. VIII, 1895, кн. 4, отдѣлъ Miscellanea, стр. 5 – 8).*

Приложеніе № 2.

Zygmunt Treti, Bożu miłostyiu korol polski etc: Oznaymuiemo tym lystom naszym wsim wobec y kożdomu zosobna, komu to wedaty należyt, iż szto iesmo z łaski naszoie krolewskoie za chodnyie służby urodzonemu Petrowi Swirskomu, żołnirowi naszomu, dały dobra naszyie krołewskije w woiewodztwi Bracławskim, Haysyn nazwanyie, w uroczyskach y pewnych hranycach czerez nas w prywileiu naszom zoszłomu urodzonomu Janowi Oryszewskomu menowite opisanych, w kotorych dobrach on pracu, dozorom y kosztom swoim twerzu zamoczok założywszy, mesteczko osadył y dozel osażaiet, ludmi wolnemy usyłuiet, pomnażaiuczy w tym oboronu panstw y pożytkow naszych reczy pospolitey, czoho my buduczy ponim wdiacznyie y choteczy bułszy znak łaski naszoie krolewskoie jemu pokazaty za prosboiu iého a pryczynoiu nekotorych panow rad y uradnikow naszych na tych że dobrach naszych Haysynie daiemo y daruiemo prawo

dożywotnie małżonce ieho urodz. Jadwidze Rohozinskoy (z domu też swoieho nam y Reczy pospolitoy dobre zasłużonoho), za kotorym to spolnym prawom dozywotnim prereczonyie małżonkowie tyiże dobra miasteczko Haysyn z gruntami, u łyste naszem Oryszewskim danymy, to iest menowyte naprod po dorohu, kotoraja łeżyt z Rachnowa do wercha ryki Bohuszy, toju ryczkoju Bohuszoju do ryki Sobu hranici y po tuju ryczku Bohuszu; z druhoie strony hranyci ryczka Kuna, od werchu Kuny aż do Sobu ryki, y zas za rykoju Sobom totże grunt po ryczku, kotoruju zowiut Kublicz, kotoraia wpadaiet w Sob protyw Kuny, toja ryczka Kublicz w werch iduczy aż do ryczki Wezowec, od ustia Wezowca, hde w Kublicz wpadaiet, u werch iduczy Wezowcem, aż do lesu Chocholewa, a czeres les dołom Byłykowym Potokom aż do Uniczy ryczki, a od Uniczy dołom Suchym w werch podle Werbiczowa aż do Semeryczki, a Semeryczkoju aż do Sobu ryki powyszczey Bohuszy ryczki, szto w Sob wpadaiet z druhoie storony, ze wszelakimy należytosciamy y pożytkamy, tak wspolnie, iako y rozdelnie majut y mohty budut tyie dobra miasteczko Haysyn za nas y potomkow naszych derżaty y ich spokoynie używaty do ostatnieho kresu żywota swoieho, pozwalaiuczy im tym listom naszym w prereczonym miasteczku Haysynie wuyta, burmistra, ławnikow, pisara, wrad meski prysiażny postanowyty y zawedaty, także jarmarki y torhy czasow sposobnych ustanowyty y obwołaty bez perekazy, odnak innych mest naszych y obywateley tamesznych prylehlych waruiuczy toż teje pylne, aby meszczane y poddanyie tamesznije bez woli y wedomosty hetmanow naszych y derżawcy swoieho niczoho swowolnoho tak z postronnymi iako y z tutecznemi nie poczynali, ani sia ważyli, ałe wowsim sia iako wernyie poddanyie ku nam y Reczypospolitoie, także derżawcy swoiemu prystoynie sprawowali y zachowali, prawa naszyie krolewskije y reczypospolitoje wcale tam zostawuiuczy tymże listom naszym, kotory dla lepszyie wery y twerdosty rukoiu naszoiu podpysawszy peczat koronnoju k niemu prytysnuty roskazały iesmo. Pisan w Warszawe na seymie walnym koronnym, roku tysiacza sześćsot piatoho, mesaca marca wtoroho dnia, panowania krolestw naszych polskoho osmnatciatoho, a szwedzkoho dwenatciatoho roku. Sigismundus rex. Zachariasz Jełowicky sekretarz y pisarz. (Кн. Киев. Центр. Арх. № 4633, л. 15).

Экспедиція Самуила Зборовскаго въ Запорожье лѣтомъ 1581 года.

(Къ стр. 93).

Текстъ Бартоша Папроцкаго въ книгѣ: „Herby Rycerstwa Polskiego" 1584 года, въ отдѣлѣ „O klejnocie Jastrzębiec".

Samuel Zborowski, szósty syn kasztelana krakowskiego, rotmistrz na Podole, u Baliny w wojsku cesarza Maxymiliana Wtórego i indziej, w prawach rycerskich ćwiczony, *vir animosus*. Na koronacyi króla Henryka przez zwadę zabił Andrzeja Wapowskiego kasztelana przemyskiego z domu Nieczuja, o co był *exilio* skaran, wszakoż takiem, które nigdy zacności domowi Zborowskich szkodzić nie miało. Ten jako posłuszny, uczynił był dosyć tej exekucyi, wyjechał do Węgier, tamże był przy siedmiogrodzkim wojewodzie Stefanie z domu Batorych, którzy za herb noszą trzy zęby wilcze. Tego wojewodę gdy Polacy za króla obrali, po zjechaniu Henryka Francuza, on też przyjechał do Polski, któremu *propter animum ejus* żaden nie kontradykował.

Tenże potem był od niżowych Kozaków, którzy się zaporozkiemi mołojcy zowią[1]), deklarowan za hetmana[2]), z ktorymi był w takiéj potrzebie, która się zaczęła tym sposobem:

Kozacy niżowi wiedząc go być mężnym, hojnym, a dobrej sławy chciwym, wskazali do niego, żądając go o to, aby był hetmanem ich. Który niedługo się na to rozmyślając, jako człowiek *magni animi*, posłał im zaraz przez one posły upominki i pieniądze[3]), chcąc je sobie zjednać na potrzebę, ku otrzymaniu dobrej sławy ojczyznie i domowi swemu. Umyślił inną stroną do Moskwy z nimi wtargnąć[4]).

Naprzód tedy do Kaniowa przyszedł z pocztem niemałym sług swoich i hajduków[5]), wsiadł na rzekę Dniepr[6]), konie na brzeg puścił etc. Znowu mołojcy zaporozcy wiedząc o nim, posłali do niego posły, radując się przyjazdowi jego, a już mu zwierzchność nad sobą zlecając. Za co on im podziękował i znowu upominki posłał. Oni zatem wzgardziwszy obietnicami starosty pogranicznego, który je odwodząc od służb Zborowskiego, do siebie namawiał, wielkie łaski z siebie samego i od króla im obiecując[7]). Oni chcąc prędko pokój mieć, przez posły

przysięgli posłuszeństwo Zborowskiemu, a potem i sami ustnie to wszystko, coby czynić chciał, pomagać mu wszystkiego obiecali. Jechał potem do Cyrkas, z Cyrkas do Pskły rzeki, którą chciał iść pod Putywl zamek moskiewski[8]), tak jako się był przedtem zmówił przez listy z starostą jednym ukrainnym, wszakoż ten starosta w słowie mu się nie ziścił. On bacząc nieustawiczność w słowie starosty onego, radzili mu Kozacy, aby jechał do wojska[9]).

A tak się od onej rzeki Pskły obrócił, do drugiej rzeki Samary.

Tam znalazł 200 Kozaków rzecznych. którzy tylko zwierz a ryby łowią drugim na żywność, a ci już tam mieli starszego co im rozkazował. Jest tam rzek wiele obfitych barzo w ryby i zwierz różnego rodzaju, który się nad nimi na pastwiskach chowa[10]), o czem będziesz miał szerzej w historyi. A temi tam rzekami może iść do Hordy i do Moskwy, i chodzą dla korzyści.

A tak gdy przyjechał Zborowski do miejsca onego, kędy się Kozacy chowają, wszyscy mu czołem uderzyli, i posłuszeństwo wszelkie obiecali; bo ci tam ustawicznie między rzekami mieszkają, mając pożytek z zwierzu, jako z rysiów i z innych, a co do żywności należy, drugim odsyłają[11]).

Od onych wodnych, prosto się puścił do progow, kędy rycersey ludzie mieszkają. Tam jest miejsce na Nieprze trudne do przebycia, bo te progi są z wielkich skał, przez które woda jakoby kędy z wysokich grobli spada, i tam nie może nikt przejechać, oprócz tych Kozaków, bo oni z tych progów w czełniech się spuszczają po linach[12]). Tamże u Jawołzanego uroczyska[13]) między progami, chcieli mu dać Kozacy bitwę, kiedy go obaczyli, a ujrzeli przy nim hajduki; rozważali to sobie: Pewnie, że ten będąc panem, nie znając nigdy żadnej nędze, z nami tu nie będzie mógł wycierpieć niedostatków. A tak go rozumieli być przeciwnym, a iżby ich z naprawy królewskiej chciał wygubić[14]). Ale on dał sprawę dostateczną o sobie, i to powiedział: „Żem ja tu przyjechał na żądanie posłów waszych, któreście do mnie słali, przeto się odemnie nie obawiajcie nic inszego, tylko miłości towarzyskiej, i tego pewni bądźcie, że ja tu zajechawszy z tymi wszystkimi, które przy mnie widzicie, chcę z wami złe i dobre cierpieć równo, i z wami szczęście swoje dzielić". Oni mu zatem, to od niego usłyszawszy, posłali ośmdziesiąt Kozaków, którzy go przepro-

wadzili przez one progi, których jest tam dwanaście: bo nie miał ze sobą tylko wszystko ludzie nowe jako i sam. Było szlachciców samych polskich siedmdziesiąt, oprócz hajduków. Wszakoż niektórzy szlachcicy ulęknąwszy się onych strasznych przewozów, nazad się wrócili. Tam niedaleko jest zamek Chortycza, który był Wiśniowiecki postawił, pod ten nie mogą iść galery[15]). Tamże pod nim sam hetman postrzegł straż tatarską, bo tam często bywają, a zawsze ich Kozacy gromią; wszakoż na ten czas natrzeć na nich nie chcieli, chociaż ich więcej niż Kozaków było.

Za progami skoro potkali się naprzód z szarańczą, która acz ludziom nie barzo szkodzi, wszakoż koni dla niej odeszło przez trzysta, ludzie też niektórzy puchnęli[16]).

Wyjechawszy z Chortycze zamku, na którym nocleg mieli, tam dopiero dojechał Kozaków i posłów, którzy od nich do niego słani byli. Tam gdy się zjechali, uczynił do niego rzecz jeden starszy, radując się z przyjazdu jego, a winszując mu, aby z miejsca tego ojczyznie miłej był pożyteczny, a iżby fortunnie nieprzyjaciela jéj gromił, czego mu sami do gardł swoich, w posłuszeństwie jego będąc, pomagać obiecali[17]). Podziękował im za chęć i za winszowanie Zborowski, a zatem jechał z nimi na miejsce to, kędy mieszkania swe mieli. To uroczysko zowią Tomakowski Ostrów, który jest tak szeroki, że może na nim wychować 20 tysięcy ludzi, i koni niemało. Przy tymże ostrowie jest jezioro wielkie i barzo rybne, tam skoro wysiedli, był od wszystkich radośnie witan, zaraz go obwołali hetmanem, z rusznic strzelali. Nazajutrz uczyniwszy koło rycerskie, tam mu deferowali jako hetmanowi, i oddali mu buławę hetmańską[18]) rzecz do niego uczyniwszy temi słowy:

„My, miłościwy panie, wiedząc cię być panem rycerskim i zacnie urodzonym, co acz to u nas mało waży, tylko sprawa a serce mężne, cośmy o tobie wiele od postronnych narodów słyszeli, także i od braci swej, jakoć zawsze Bóg przeciwko każdemu nieprzyjacielowi twemu wielkiej fortuny pożyczał. My też gdyżeśmy się tu ciebie doczekali tak zacnego Polaka, wielkiego urodzenia pana, z szczęścia i z męstwa sławnego, nie mogąc cię tu niczem inszem tak znacznie udarować, podawamyć tę broń pierwszych hetmanów miejsca tego, którzy nam fortunnie z dobrą sławą rozkazowali. A my sami siebie z wiernemi chęciami naszemi i z posłuszeństwem wszelakiem, zaraz ci przy

tej buławie oddawamy, życząc ci tego, abyś nam długo rozkazował, zkądbyś sobie, nam i ojczyznie miłej, i potomstwu swemu nieśmiertelną sławę otrzymał".

Wziąwszy buławę od nich, odpowiedział im w te słowa: „Nie baczę ja tego w sobie, moi mili a zacni rycerze, abym się do tego urzędu na który mię teraz przekładacie, (a już mi go zgoła mocno w ręce za podaniem tej buławy oddawacie) zejść mógł, bom i nie na to tu przyjechał, abym się tego podjąć miał, tak wielu mężnym, sprawnym ludziom rycerskim rozkazować miał, ale tylko temu k'woli, abym wespółek z wami przyjąwszy towarzystwo, w obojgu szczęściu złem i dobrem równo cierpiał, potem ojczyznie swej miłej służył, tak jako młodszy między wami, za radą i nauką was ludzi rycerskich. Wszakoż znając w was tak wielką chęć i miłość przeciwko sobie, smiele od was ten urząd przyjmuję, w którym jeśliby się przydało zbłądzić, jako mało bywałemu, mam za to, że od was samych łaskawie ostrzeżonym będę".

Potem szli pod zamek Putywl, który jest u Pskły rzeki, chcąc się tam starosty jednego ukrainnego doczekać[19]), uskarżali mu się na niełaskę wielką przeciwko sobie panów polskich i niewdzięczność za swe posługi etc. Co potem w historyi być może.

Nie ruszywszy się z miejsca onego, chcieli to po nim wiedzieć, kiedy im Pan Bóg da we zdrowiu przyjść z Moskwy, gdzieby się też miał wolą obrócić. On ich nie chcąc długo trzymać na słowie, pokazał im pisanie od cara tatarskiego z Przekopu, który mu był w dom do niego jeszcze z niemałemi upominki posłał, obiecując mu chorągiew u cesarza tureckiego na ziemię wołoską zjednać[20]). Tam oni prosili go zaraz, aby posłał do carza, dawając mu już o sobie znać na Nizie, aby przypomniał cesarzowi obietnicę, żebyć się w tem uiścił, który to dla niego uczyni, bo mu ludzi niemało do Persyi posłał, gdzie mu brata Adylkirya pojmano[21]). A chcąc być pewniejszy tamtej obietnice, darowali mu więźnia znacznego Tatarzyna, którego zaraz hetman posłał przez posły swe carzowi, przy czem był Bielecki, komornik króla Stefana, którego był carz zatrzymał, wszakoż go za perswazyą posłów hetmana niżowego puścił.

Zlecił też to był hetman posłom swoim, aby dali zrok[22]), albo miejsce posłom cesarskim, gdzie się zjechać mieli, jeśliby które do niego posłał, aby się z nimi zjechali w dziesięci koni tylko. Dali

wzrok na uroczysko Karajteben, które jest *forum*, albo rynek, gdzie Tatarowie z Kozaki wszelakie targi swe miewają[23]).

Na to tedy miejsce jechał hetman; tam zastał posły cesarskie i swoje, którzy skoro przyjechał, przywitali go z wielką uczciwością, listy oddawszy, zdrowie od carza nawiedzili, potem mu oddawszy upominki, koni dwanaście rumaków pięknie ubranych, i trzy szaty złotogłowowe, którą gdy na hetmana włożyli w onem polu, znowu rzecz piękną do niego uczynili, radując się z dobrego zdrowia jego, a iż na to miejsce przyszedł, gdzie tak swawolne Kozaki hamować może, z tego się cieszyli. A iż carz kochając się z tego, a wdzięczen będąc przyjazdu twego, za syna cię swego przyjmuje, obiecując ci do wszystkiego pomagać, w czemby go jedno używał, i téj obietnice około chorągwie wołoskiej potwierdzili, tylko o to pilnie prosili, żeby spokojnie czekał na Dnieprze chorągwie. On, nie dbając o chorągiew, prosił, aby mu carz w towarzystwo posłał do Moskwy hetmana swego, powiedając że Moskwicin wiele w litewskiem księstwie czyni w granicach szkody królowi panu naszemu[24]).

Skoro mu to powiedzieli posłowie, zaraz rzekł, żebym tego k'woli królowi nie uczynił nigdy, co dla niego jako dla syna swego uczynię, i dał mu znać o tém, czem go barzo ucieszył. A gdy się kazał z nim gotować hetmanowi, w tem carz turecki pisał do niego, aby mu się w obietnicy uiścił, iżby z nim jachał do Persyi, tak jako obiecał. Dał o tem znać Zborowskiemu na Niż przez posła swego carz przekopski. Wtem już zwątpił, że ojczyznie posłużyć nie mógł, zatrzymawszy posła na onem miejscu, jachał sam do stanowiska swego, a gdy noc zaszła, począł myśleć, co czynić miał.

Rano do onych posłow jachał, zawołać kazał onego Tatarzyna, którego już był wolno wypuścił, żeby do niego z przedniejszym posłem przyszedł. On strwożony szedł do niego, obawiając się tego, aby go znowu nie kazał związać. On powiedział: „Gdyż tego carz dla mnie uczynić nie chciał, niechżeby mi wzdy był Bakaja z ludem posłał; oto ja jemu k'woli to uczynię, że z nim pojadę do Persyi, tylko mi niech przysięże, że mam być wszędzie przespieczen zdrowia swego, abym nie był albo otrut, albo z naprawy jego stracon zdradliwie. Niechże do mnie przyszle mustalika[25]) i radę swą naprzedniejszą z murzami, którzyby mi na to przysięgli". Posłowie podziękowawszy za tę chęć wielką, u nóg padali podług obyczaju swego hetmanowi, a z radością

do carza swego jechali; dał im zrok Zborowski za tydzień, niedaleko od tegoż miejsca, gdzie się zjechać mieli.

Gdy posłowie z tą nowiną do carza przyjechali, wdzięcznie ich przyjął i udarował. Hetman też Zborowski jechał do wojska swego, które było na ostrowie nazwanym Kartamłyk[26]), powiedział rycerstwu to co z posły postanowił. Wnet się rozerwali, jedni chcieli z nim jechać, drudzy na to nie dali słowa rzec, powiedając, że to psi zdradliwi, słować nie zdzierżą, zginiesz i nasby przy sobie pogubił. A wtem w nocy wielki się rozruch stał, że nie wiedział co z nimi czynić miał hetman, i nie był od nich przespieczen zdrowia swego. Posłał do nich porucznika[27]), rozkazując im, aby się uciszyli, bo jeśli tego nie uczynią, tedy im bitwę pierwej, niźli nieprzyjacielowi inszemu dam. Oni go za tem wskazaniem karać chcieli podług zwyczaju swego: opasawszy mocno, piasku za nadrę nasypać a w wodę wrzucić[28]).

Szedł potem sam do nich, łagodnie ich ukrócił, wszakoż cały tydzień miał wielką trudność z nimi. Wezwał potem starszego do siebie, przed którym powiedział, że ja żadnego nie przymuszam, który chce niechaj zostanie, a który chce jedzie, tylko ci co tu zostaną, aby hordzie dali pokój, bo ztąd takie niepożytki baczę, że króla i rzeczpospolitą obrażą; druga, że mnie w niebezpieczeństwo przywiodą. Zatem posłał straż, aby strzegli na onem miejscu, kędy mustalik przyjdzie z murzami.

Hetman sam, iż nie mógł na czas naznaczony przyjechać, tam gdzie był dał zrok Tatarom, była ta przyczyna, iż jeszcze nie dobrze był świadom wszystkich miejsc i uroczysk na Dnieprze, którym się przypatrował, jednak posłał zaraz dowiadując się gdy przyjadą, aby się do niego przymknęli. Mustalik obawiając się jakiej zdrady, został sam na miejscu naznaczonem, a posłał kilkaset murzów, prosząc hetmana, aby do niego przyjechał, bo go na miejscu naznaczonem z radością czeka, a przyjechał był z wielkim orszakiem, mając tysiąc koni z dworu carskiego barzo świetno, z dary wielkiemi, z wozy, z wielbłądy, pieszo także miał ludu niemało.

Tam murzowie, gdy do nich hetman niżowy przyjechał, przywitali go z uczciwością, barzo ochotnie, jako mogli nauczciwiej, podług zwyczaju swego, padając całowali nogi etc. Zatem go prosili, aby do mustalika jechał, opowiedając mu wielką chęć i przyjaźń carską. On im obiecał jechać do nich, tylko prosił, aby go do trzeciego dnia mu-

stalik na onem miejscu poczekał umówionem, aż wojsko rozprawi, bo mu szło o to, aby ci co zostawali na Dnieprze, szkody jakiej nie czynili, a tak ich chciał przysięgą sobie zobowiązać, aby hordzie pokój dali, wymawiając się, że mi się ich ladajako odjechać niegodzi, jako hetmanowi, gdyż nie wszystkich biorę z sobą do Persyi.

Powiedzieli mu, że tego mustalik uczynić nie może, bo carz Już tylko na cię czeka, a niedba o insze, tylko żeby ciebie samego syna swego miał przy sobie, a też już dawno ze stem tysięcy ludzi w polu leży, nie stawa mu żywności, ani trawy koniom. A tak cię prosić kazał, abyś co narychlej do niego przyjechał.

Mając chęć wielką Zborowski widzieć wojska i sprawę pogańską, prosił, aby tylko do północy zetrwali, a on zaraz już z nimi miał wsiadać. A Kozacy dla Boga prosili, aby nie jeździł, płacząc a opowiedając mu już zginienie. Nie mogli mu tego odwieść, wszakoż mając rozmaite zabawy z onymi murzami, mało nie do samego wieczora ich znowu zabawił. Wtem folgując prośbie ich i chęci swej dosyć czyniąc, prosił, aby mu konia dali, chcąc już wsiadać w drogę, już płaczu i prośby rycerstwa swego nie słuchając, ani na to dbając; dali mu zaraz konia murzowie.

Tu prawie Pan Bóg, który jeszcze na świecie go zostawić chciał, a nie dać mu w ręku pogańskich ginąć. Z onych wielkich prac, konia obaczywszy, pytał, jeśli stępią idzie? Rzekli, że bystr. On ich prosił o inszego konia, któryby statecznie szedł, bo był strudzony barzo. Wnet się rzucili starając się o inszego konia, a on chodził, jako na koń wsiąść, sahajdak przypasał, szablę etc. Wtem kucharz jego Michał rzekł do niego z płaczem: „Panie mój, już cię podobno nie oglądam; jest szczuka dobra, proszę najedz się na drogę“. A tak on, że cały dzień nie jadł, dał się namówić, szedł jeść, konia mu wtem przywiedziono. A gdy chciał przysięgi od murzów, oni mu rzekli: „Że my tobie za to nie możem przyrzekać“. Wtem to Kozacy usłyszawszy, z żałości porwali go gwałtem między się, zanieśli go do czołnów na sobie, wsiadłszy w czołny, poczęli strzelać, murzowie się ich barzo bojąc, rozskoczyli się; potem odbiwszy od brzega, z radością jechali do wojska swego z nim. Kozacy oni gdy go ujźrzeli, z wielkiej radości niewymowne sztuki pokazowali, śpiewając pieśni, strzelając, na kobzach grając, *et alia*[29]).

Tam gdy się to działo, straż kozacka przywiodła więźniów kilkanaście, którzy z Hordy uciekali, do ich tego czasu we żniwa wiele uchodzi. A tak ci powiedzieli hetmanowi, na jakiej czci miał być u carza, która taka być miała: Sam miał być więźniem jego, a ci wszyscy na palach, którzyby z nim przyjechali, albo przyszli przed Przekopem, na co się prawie wszyscy zgodzili, bo to jeszcze na miejscu będąc od murzów słyszeli.

To usłyszawszy Zborowski, rozgniewawszy się serdecznie na carza, przybrawszy czterdzieści człowieka jechał do koni, które były od stanowiska siedm mil, bo się ich nie spodziewał więcej zastać, bo zdychały od chrobactwa wielkiego, a ludzie puchnęli; chciał tymże tropem jechać za wojskem carskiem, chcąc go zewsząd szkodzić najeżdżając. A gdy przyjechał do koni, nie zastał i dwu zdrowych, chciał przedsię jechać, Kozacy mu odradzili, powiedając mu: „Niźli te konie przepławim, tedy owe zemdlone pądną, a my z tobą poginiem". Jednak on chcąc się onej chytrości mścić, chciał Tatarom zastępować na drodze tym, co się do wojska carskiego ściągali, wszakoż mu Kozacy odradzali mówiąc, że w tym niedostatku nic nie uczynisz.

Wtem przyszła wieść pewna od tatarskiej straży, że ony wszystkie co byli po hetmana przyjechali carz pokarał, iż na te kondycye, których on chciał, nie przyzwalali, a iż go z sobą nie przywieźli. Miał natenczas u siebie posła króla perskiego, który był do niego z tem poselstwem przyjechał, powiedając, iż cię pan mój dawno czeka z cesarzem tureckim, czemu nie wsiadasz, a co się twemu bratu dostało, to i ciebie potka[30]). Na które jego tak harde poselstwo, hardzie też do niego wskazał carz tatarski; chciał był jeszcze hetmana czekać, ale iż mu przynaglał hetman perski, aby co rychlej jechać, jechać musiał, zostawiwszy dziesięć tysięcy ludzi dla obrony od Kozaków nizowych. Posłał jednak prosząc do hetmana, aby pokój z nim umówiony jako z ojcem trzymał, a on mu postąpił dań na wszystkie Kozaki, i tę chorągiew którą mu obiecał na wołoską ziemię z Persyi zaraz przywieść obiecał, kiedy się wrócę, tylko prosił pilnie, aby ziemi jego dał pokój.

Wtem Zborowski odprawiwszy posła, myślił co czynić miał. Droga go już do Moskwy omyliła, także i do Persyi[31]). A tak posłał do Piotra hospodara wołoskiego, aby mu się w obietnicy uiścił, jako obiecał, która była takowa: Miał dać 500 koni Zborowskiemu,

jeżliby był szedł do Moskwy, a jemu żeby dał pokój, bo go już była wieść doszła, że się przeciwko niemu gotował, jeszcze gdy był we Złoczowie imieniu swem[32]). A mając w tem nadzieję, że mógł być poratowan w służbę rzeczypospolitej, dał zroku cztery niedziele, żeby się z posły wołoskiemi widzieć mógł[33]). Posłał z sług swoich szlachcica jednego, Kozacy też z mołojców swoich drugiego, dalej czasu nie mogąc postąpić, bo też już drudzy starostowie ukrainni wyjeżdżać mieli[34]).

W tych czterech niedzielach czekając posłów onych, więźniowie którzy z Tatar uciekali Nieprem iż tam są niedaleko stada wielkie, wsie się też przymykały tatarskie do Dniepru: bo tam wsie takim kształtem budowane, jako one budki albo chatki, które owo owcarze na kółkach za owcami włóczą. etc. A gdy o trwodze usłyszą, tedy ze wszystkiem zaraz, zaprzągłszy onę chałupę, którą ma na kołach, uwozi co nadalej. O czem usłyszawszy Kozacy, wnet się poczęli frasować na hetmana, powiedając, że już dalej czekać niechcą, tylko uderzyć na hordę, bo możemy mieć korzyść wielką[35]). Hetman ojczyznie to chcąc pokazać, że mogąc sławy dostać i korzyści wielkiej, nie chciał, aby miał *movere turbas*, a tego nieprzyjaciela na potem poruszyć przeciwko niej, bo natenczas nie mogli jej szkodzić, gdyż wszyscy do Persyi byli wyszli, ale pamiętając na przymierze, które Turcy i Tatarowie z królem i z koroną mają, hamował Kozaki w przedsięwzięciu ich[36]). Acz go w tem słuchać nie chcieli, aż wszystek rynsztunek swój, który tam z sobą miał natenczas, konie, szaty, pieniądze, między nie rozdał, tych też podlejszych potem, jaką mógł srogością odgramiał. Owa ono przedsięwzięcie ich w nich uspokoił, a to wszystko czynił w ten sposób, że się oglądał na pokój ojczyzny, w której jako rozrodzon, to nietylko swym, ale i postronnym narodom nie tajno, mając żonę z domu także możnego Jordana Spytka kasztelana krakowskiego córkę, z którą potomstwo zostawił synów dwóch: Alexandra i Samuela na ten czas *minorenes*, któremu też nie tak wiele skarbów zostawić pomyślając, jako po sobie sławy, a pamięci dobrej życząc.

A tak uciszywszy ono dzikie wojsko swoje, czekał czasu jako był naznaczył posłom do czterech niedziel. Wyszedł czas, drugie i trzecie cztery niedziele, posłów ani jego, ani wołoskich słychać było. A wtem posłał sto człowicka z czółny na morze po sól, bo tam kiedy

rok suchy, zsiada się na wyspach, biała iako lód[37]). Owa zwątpiwszy o onych posłach, rozumiał, że je hospodar posadzał, albo Tatarowie. Puścił się na Dniepr, bo tam posłów czekając wielkiego głodu i niewczasów się nacierpiał, k'temu z Kozaki wielkiej trudności, którzy niedbają na króla pana swego, ani na ojczyznę, w której się porodzili, tylko już wszystkie nadzieje w onem miejscu pokładają, kędy żyją, a tak jakoby rzekli oną pospolitą przypowieścią: Póki żyta, póty byta[38]).

Nic tedy nie obeszła nędza żadna, głód, niewczasy onego nowego hetmana ich, przy onem dzikiem wodnem rycerstwie, acz miał ryb, zwierzu wszelakiego dostatek, wszakoż ono na każdy czas odwodzenie ich, albo hamowanie, od szkodliwych ojczyznie umysłów ich, tak go barzo fatygowało, że czasem po wiele razów mało o zdrowie nie przyszedł, gdyż to lud bystry, nienhamowany. A tak puściwszy się po Dnieprze rozumiał, że się miał z onej nędze ochłodzić, wszakoż w tem od szczęścia nie mógł być ratowan, bo daleko w więtsze nieprzespieczeństwo, niźli miał pierwej, przyszedł. Bo kiedy mu oni znać dali, którzy jechali po sól, iż są galery na morzu, on zaraz im dla posiłku płynął do nich, z któremi się potkał, gdy nazad płynęli, żadnej na się trwogi nie mając, nabrali soli tyle ile mogli.

Posłał potem straż *ad ostium maris*, to jest tam, kędy rzeka w morze wpada, ta straż zaraz tego postrzegła, że dwie galerze weszły na Dniepr a przy nich dziesięć tysięcy Tatarów lądem, chcąc bitwę dać Kozakom na miejscu kędy ciasnem. Mając tę już wiadomość o nich hetman nie mniej też o tem myślił, jakoby im też bitwę dać mógł, tylko na to czychał, żeby na takiem miejscu stanął, aby oni do niego na ostrów z galer wysiedli, żeby ich także mógł wprawić w kąt ciasny, jako tam o to łacno na Dnieprze. Czekając ich długo, spodziewał się, że już tam wszystka moc ich była w onym ludzie, jako ich straż obaczyła, a ono to tylko była straż, którą sędziak wysłał dla języka[39]). Obrócił się do nich, ale oni zaraz obaczywszy Kozaki tył podali. Żałował tego hetman że z nimi bitwy stoczyć nie mógł, przez tak nierychłe do nich jechanie. Obrócił się nazad, a już sobie umyślił wtargnąć do Wołoch, dla tego zagniewany, że mu posły zatrzymano.

A wtem jadąc na pierwszym noclegu w ziemię, potkali więźnie którzy z Tatar uciekali, a gdy przyszli przed hetmana, powiedzieli,

że teraz czas na Tatary, możecie przespiecznie iść w ziemię ich, bo wielką korzyść mieć będziecie, powiedając im tam dla nich o wielkiej trwodze, że już sama carzowa do lasów uciekała. Kozacy słysząc te słowa ich, brać się tam poczęli chciwie. A gdy ich hetman od tego odwodził, poczęli narzekać, że je próżno trzymał, a nie życzył im takowej korzyści. On jako człowiek ten, który rozumiał, co mu na tem i ojczyznie należało, prosił, aby baczność nań w tej mierze mieli, tak jako to obiecali być mu we wszem posłuszni.

A skoro ich ułagodził, posłał do carzowéj upominając ją, żeby się nie bała, może nie uciekać, bo ja jako syn, chcę się o to starać, ażeby matka moja w pokoju siedziała, pomniąc na obietnicę carza ojca swego, chyba, żeby on nie chciał trzymać słowa swego. Wszakoż ja do pomszczenia będę miał czas inszy. A tak posły odprawiwszy, puścił się na przedsięwziętą drogę do Wołoch.

Wtem znowu wieść przyszła o Tatarzech, że byli na zamku Hasłonhorodku. Chcąc pokazać to Zborowski, o co się też kusił przed nim kniaź Rożeński przed kilku laty, starając się o on zamek, aby go mógł był zburzyć, jakożby był tego juz dokazał, tylko przez nieopatrzność, gdy podsadził pod zamek prochy, na złem miejscu stanął, potem mizernie zginął[40]).

A tak ich Zborowski chcąc zastać na onym zamku, nadedniem prawie do niego przyszedł, Tatarowie skoro go postrzegli, zaraz uskoczyli. Posłał do nich tłómacza, któryby ich do niego prosił na rozmowę, a rozkazał się skraść kilku Kozakom z rusznicami, dla tego, żeby go nie porwali, a wtenczas jeden Kozak strzelił do Tatarzyna. Zagniewany hetman porwał się do Kozaka, chcąc to pokazać, że im słowo trzyma, ale drudzy wiedząc go być godnym, zaskoczyli, a nie dopuścili do niego. Ten Kozak umiał każdą strzelbę zamówić, że mu szkodzić nie mogła, ani temu wojsku w którem był[41]). A tak powstali Kozacy o to przeciwko hetmanowi tak barzo, że ich ledwo ubłagał.

Potem gdy się uspokoili Kozacy, przysłali Tatarowie do niego, dziękując mu za chęć i za pokoju trzymanie, chcąc mu dać stacyą, aby sobie odpoczął z ludem swym na onem miejscu, prosząc go i o to, aby się z carzykami poznał, którzy do niego chcą przyjechać. On rozkazał: Na ten czas nic nie potrzebuję; a druga: do znajomości na tym czasie przyjść z carzykami nie mógł, gdyż miał potrzebę pilną z hospodarem wołoskim na uroczysku Probitym u Bohu[42]).

Tam ztąd idąc z Hasłonhorodka, miał nocleg u Witułtowej łaźnie, tam się napatrzył wielkich *antiquitates* jego[43]). Ztądże prosto puścił się *ad ostia maris*, tam gdzie Dniepr w morze wpada, ztąd prosto wyprawił dzisięć człowieka do Probitego ku Bohu, aby nie omieszkał na zrok z Wołochy. Ona straż idąc trafiła na Turki, których pojmali trzynaście. Turkom gdy przybywała wielka pomoc, oni z nimi uciekli do rzeki Bohu, i tamże z nimi jechali aż do Probitego. Hetman też na onem miejscu, zkąd był wysłał straż, dzień odpoczywał, o to dla tego, iż Kozacy obszywali czółny trzciną, boby były małe na morze[44]). Tam wyjechawszy na zwierz na wyspy morskie, usłyszał że kilka razy z dział strzelono. Pytał coby to było: Jedni powiedali, że strzelano na Przekopie, drudzy mówili, że to grom i łyskawica. Owo nic nie myśląc o Turkach, ruszyli się z onego miejsca na morze, a oni którzy jechali do Bohu nie dali mu znać o nich. Tam mijając Przekop spokojnie, chcąc jechać a dać pokój Tatarom, z którymi sam, i król, i ojczyzna, mieli przymierze[45]).

Wtem postrzegli dziewięć galer wielkich, okrom batek małych, które szły przeciwko nim, zastanowili się, mniemając, żeby jaki zamek. A gdy się lepiej rozedniało, poznali, że galery, które się zdaleka świeciły; nie było na nich tylko lud wybrany do boju.

Począł z Kozaki mówić: „Mamy panowie bracia czas, że sławy dostać możem, a będzieli nam Pan Bóg szczęścił, będzie i korzyść.“ Rzekli Kozacy: „Albo nie wiesz panie hetmanie, że to nam nie równy plac do potkania[46]); lepiejby o tem radzić, jakobyśmy co naprędzej uchodzić mogli.“ Tego Zborowskiemu było żal, ale widząc, że mu prawdziwie radzą, nie wiedząc co czynić, myślił o tem, jakoby się im bronić, gdyż już blisko od niego byli, trudno już było uciekać, a do Bohu jeszcze było siedm mil. Kozacy strwożeni czynili złe serce hetmanowi, chociaż tam tacy ludzie byli, co jedno szablą żyli, wszakoż im to wszystko sprawowało złe miejsce, a k'temu czółny przeciwko galerom, wielka różność; poczęli się mięszać a wołać na hetmana, że chcieli ujeżdżać. Który przedsię stał jako lew, pragnąc z nieprzyjacielem chętliwie bitwę zwieść. Wtem ich dojechawszy, uczynił tę rzecz do nich: „Niechże was nic nie obchodzi, moi mili cnotliwi rycerze, wielkość pogańska, ani ta ich ogromna armata, bo to my mamy naprzód przed nimi, żeśmy są ludzie chrześciańscy, dla czego samego nie wątpimy, że Pan Bóg za nami pomagać będzie, a sam potłumi nieprzyjaciela a

bluźnierza imienia swego, k'temu i niewinność nam pomoże, jedźmy sobie nie lękając się, a nie cieszmy pogan, aby na nas serca nie brali.“ Owa tak ujeżdzając z nimi równo, prosił ich, aby mu tej sromoty i sobie nie czynili. Wtem się jedna galera wydała, na której był hetman owych wszystkich ludzi, ten rozkazał pilno przykładać a gonić Kozaki, chcąc się o nie kusić, niżby im drugie na ratunek przyszły.

A tak za wielkiemi prośbami i upominaniem, Kozacy którzy byli do brzega się przybili a uciekać chcieli, znowy w czółny siedli. Hetman im serce dobre czynił, sam za nimi jechał albo płynął ostrożny a chciwy na stoczenie bitwy. Ta galera, ze wszech napiękniejsza, szła za nimi jako strzała, już słyszeli trąby, bębny, okrzyk pogański, ukazowały się chorągwie tureckie; hetman z Kozaki śmiele stanąwszy, czekał nieprzyjaciela. Tam wataman który na czółnie hetmańskiem był, jął słabo sterować, począł go hetman gromić, a niechcąc aby drugim serca złe czynił, chciał go zabić. A gdy już co dalej to bliżej byli, stanęli Turcy, a dziwowali się jego śmiałości, już to mając za pewną korzyść, na to czyhali, jakoby go pojmali z Kozaki, czegoby byli dokazali za oną trwogą Kozaków, ale że się z piasku ruszyć nie mogli. Hetman wołał na swe, aby do niego co naprędzej nadbiegali. Ale sternik mało dbając na wołanie i upominanie jego, do brzegu się co prędzej obracał. Turcy obaczywszy poczęli z dział strzelać, ugodzili sternika jednego tuż podle samego hetmana, który lecąc aż chłopa za sobą w morze wtrącił, wszakoż tego prędko ratowali, acz z trudnością. Wtem oni o których hetman najwięcej rozumiał, wypadłszy z czółnów, poczęli się brać do brzegu. Wołał na nie hetman, aby drugim złego serca nie czynili, a nieprzyjaciela nie cieszyli. Turcy z działek uczęszczając czółny barzo dziurawili, zatykali czółny Kozacy. Widząc że im trudno co na wodzie począć, do brzegu się przypławili, tam wypadłszy na brzeg, poczęli na się z obu stron śmiele strzelać; już byli dostali Turcy języka, wiedzieli kędy i który hetman, a tak nań strzelbę wszystkę obracali. Prosili go Kozacy, aby uszedł na górę, albo od siebie kazał drugim odstąpić; zaraz chłopca który go pilnował, od siebie odepchnął, a ledwie rękę od niego odwiódł, jako go zaraz kula z działa ugodziła. Wziąwszy hetman onę rusznicę, którą on chłopiec za nim nosił, rozkazał się wszystkim rozskoczyć, a sam wziąwszy śmigownicę[47]) począł do galery strzelać; obaczywszy ich bałwana srebrnego w zawoju, mniemając aza sędziak, zmierzał do niego, a wtem zapalili

działo w galerze, co on obaczywszy, przypadł, kula tuż przed nim mało nie na piędzi upadła. Zatem się porwał, uderzył też z śmigownice w onego bałwana, aż blachy srebrne leciały, zatem Turcy wołać poczęli głosem: Hała, hała, hała, i więcej. Wieźniowie i ci co rozumieli ich język, powiedali, że baczyli rzecz swoję przegraną; Kozacy zatem poczęli sobie dobre serca czynić, k'temu im było łacno sobie szańce poczynić, bo tam na tem miejscu świnie dzikie ryjąc, wielkie doły poczyniły[48]). Hetman znowu z śmigownice strzelił w gromadę ludzi na galerze, zaraz kilka człowieka zabił na jednej ławie, na której rzędem siedzieli. A wtem ony galery wyprawiły dwie, aby u Bohu rzeki, dwie mile od onego miejsca, przewozili Tatary. Poczęli się Kozacy trwożyć, a wybierając z czółnów żywność, poczęli uciekać. Hetman ich gromił i upominał mówiąc: „Że wam to ludziom takim nie przystoi czynić, o których wszyscy narodowie rozumieją, że wam w męstwie świat równych nie ma. Turcy obaczywszy trwogę między Kozaki, wysiadłszy w nawy, poczęli na brzeg wysiadać, narychtowawszy strzelbę na galerach, a też się spodziewali, że im już Tatarowie przybyć mieli. Hetman widząc że na brzeg wychodzą, krzyknął na sługi, których miał kilkadziesiąt, aby zaraz ochotnie do nich skoczyli, którzy to chętliwie uczynili, stoczyli bitwę z nimi dosyć mężnie. Kozacy widząc, że sobie dobrze poczynają Polacy i szczęści się im, skoczyli do nich. Wtem dano znać hetmanowi, że Tatarowie bieżą na pomoc Turkom, skoczył do strzelby, wtem obaczył, że jego straż; znowu się do swych obrócił, ciesząc je świeżym ludem. Dodał tem serca Kozakom, śmiele na Turki nacierali. Obaczywszy Turcy, że ich wiele pobito i hetmana albo sędziaka im zabito, przed którym chorągiew szła, zaraz wpław do galer się puścili, tylko chłopiec sędziaków siedział płacząc nad panem swoim zabitym, ale go też zaraz Kozacy rozsiekali.

Nie mając w czem onych strwożonych Turków gonić, szedł z onego poboiska hetman z Kozaki, trafił na Tatary, obaczywszy je zdaleka, chciał na nie takiej sztuki użyć: ukazał chorągiew turecką, dawając im znać, że Turcy wygrali, wtem się kazał Kozakom skradać do nich Obaczywszy Tatarowie chorągiew, skoczyli do niej z radością; Kozacy ci co turecki język umieli, wołali na nie. A wtem drudzy którzy na nie waśń wielką mieli, nie mogli wytrwać, skoczyli do nich prędko. Tatarowie się obaczywszy, nazad obrócili. Kozacy po nich, ale zaledwie kilku ubili. A gdy obierali trupy, Tatarowie ich potem nabiegali,

ale od Kozaków mężnie wsparci byli. Owi też z galer strzelali, owa tego było mało nie więcej, niż godzinę w noc.

Obrócił się potem hetman do czółnów z Kozaki, których nie zastał, bo było wszystkie popsowano, tylko ośm całych było, w które kazał wsieść kilkiem ich, a gdy wiatr wstał, zaniósł ich na brzeg tatarski, tamże je pojmano. Hetman szedł ziemią, włożywszy kilka rannych na jeden czółn. A gdy go Tatarowie gonili, obaczywszy strwożone Kozaki dla wielkości Tatar, zastanowił się z półtorem stem człowieka, napomniawszy ich słowy pięknemi, i to im przekładając, z jakąby sławą było to ich zginienie, jeśliby się Pan Bóg na nie rozgniewawszy, poganom dał górę nad nimi otrzymać, a jakoby też nieprzyjaciela niepomału ucieszyli, gdyby mu, aby namniej placu ustapić mieli, chociaż im dziesięć razów nie równo było, mówiąc: „Lepiejci, moi mili bracia, poczciwie umrzeć rycerzowi każdemu, aniżeli źle żyć!“ Tak ich tedy przy sobie zatrzymawszy, obiecując im z sprawiedliwej wróżki serca swego, że mieli fortunnie pogany gromić, stanął z nimi w sprawie; oni ranni nie mogli się przez piasek przekopać w czółnie, prosili, aby ich hetman kazał dobić, to już było drugiego dnia na Bohu rzece. Przyszły potem galery do nich, stanąwszy na wodzie, Tatarowie na lądzie, dziwowali się śmiałości ich, jednak się sami o nie kusić nie śmieli, wrócili się potem nazad z galerami, tak, aż i razu nie strzelili. Tam Kozacy już będąc zgłodzeni, hetman także ich, bo półtora dnia nie jedli wszyscy, szli w gromadzie pospołu, aż do Inguły, nad rzeką Bohem[49]). Tam nadeszli Kozaki, co byli od nich uciekli, dostali u nich trochę żywności, kędy siły wszyscy posilili. Jechał potem do Inguły i tamże zastał kilkadziesiąt koni, które był na prost posłał. Będąc na onem miejscu w polach dzikich, obumierając, nie wiedział co miał czynić z ludźmi, a żywność którą miał, Turcy mu byli strzelbą w onych czółnach, jakoś wyżej czytał, popsowali, chyba co tak który z nich miał przy sobie jaką trochę dla posilenia się; mogliby byli mieć ryb dostatek, ale im z czółny do tego wszystkie potrzeby popsowano, zwierza też żadnego tam dostać nie mogli; zaraz one konie rozdał między Kozaki, ale cóż to było na tak wielki lud, bo było wszystkich o półtrzecia tysiąca.

Tamże będąc na Ingule radził się Kozaków co miał czynić; przebrawszy kilkanaście człowieka, jechał ku Wołochom do Probitego uroczyska, pojmał kilka rybołowców tureckich, dowiedział się u nich

o straży wołoskiej na Martwej Wodzie.[50]) Szedł tam, nie zastał jedno świeże stanowisko wołoskie, którymby był barzo rad dał bitwę dla wielkiego niedostatku, by jedno był mógł dostać żywności od nich, chociaż nie miał tylko jedenaście człowieka, a Wołochów było ośmdziesiąt; on też już kilka dni nie jadł, jedno żołądź, i to jeśli go kędy nadszedł Już zdychali Kozacy od głodu, namawiali go, aby się do wojska wrócił, ale się spodziewał jeszcze w nocy Wołochów zastać, przeto jechał do Kremenczuta,[51]) a gdy nie zastał nikogo, przyjechał do Probitego, nalazł tam pismo, co ona jego straż napisała węglem, którą był posłał na zrok, który miał mieć z hospodarem; tam to było pisano: „Jeśli tu kto będzie z wojska hetmana naszego, powiedz o nas na uroczysku Krzywem:“[52]). Już się pocieszył, zastał tam straż swoję, o której rozumiał, że ją Turcy wzięli. Nałowili mu ryb, najadł się z onymi, które miał przy sobie, i tam odpoczął. Dano mu znać, że jest straży wołoskiej półtora sta, zaraz z radością począł się do nich gotować, ale Wołochowie postrzegłszy ich, tył podali. Obaczywszy, że nie mógł mieć bitwy statecznej, wrócił się do wojska, przyjechał znowu na wielki głód, frasowali się na to, że hospodara nie zastali. Ruszył się potem z ludem, a co miał iść do Soroki, to się udał do Sawarny[53]), a to dla tego, że rozumiał, iż mógł mieć żywności dostatek z Bracławia; tam im dopiero nędza dokuczyła, że rogi jakie należli, jelenie kopyta najdując, co od lat kilku leżały, jedli, także kości jakich dostać mogli,[54]) jednak go Bóg we zdrowiu do ojczyzny wrócił. Tak ci trudno sławy dostawał ten sławny Polak, z wielką nieprzespiecznością zdrowia swego. Wiele potem przypadków na tej tam drodze jego w historyi czytać będziesz. Zostawił z Zofią Jordanowną kasztelana krakowskiego córką synów dwóch: Alexandra i Samuela, i córkę.

Примѣчанія.

[1]) „Запорожскіе молодцы“ — обычное названіе низовыхъ козаковъ въ эпоху Стефана Баторія. Выше (стр. 15, прим. 1) мы указали, что король Стефанъ свои посланія къ нимъ надписывалъ: „Запорожскимъ молодцамъ.“

[2]) Мы видѣли (стр. 81, прим.), что въ эпоху Баторія каждый начальникъ вооруженнаго отряда назывался гетманомъ. Также точно называли запорожскіе козаки и своего предводителя до временъ Хмельницкаго, когда запорожскій гетманъ сдѣлался обладателемъ военной и гражданской власти въ цѣлой странѣ, а на Запорожьи мѣсто его занялъ кошевой атаманъ т. е. буквально: начальникъ лагеря.

[3]) Запорожскіе козаки торговали своими услугами. Поэтому послать имъ подарки и деньги значило расположить ихъ въ свою пользу, привлечь ихъ на свою сторону.

[4]) Значеніе этой фразы мы объяснили выше на стр. 90—93.

[5]) Гайдуками (отъ венгерскаго слова *had*=война, *hadi*=военный) называли въ Венгріи легко вооруженныхъ пѣхотинцевъ, служившихъ при дворахъ венгерскихъ магнатовъ. Набирались они изъ разныхъ бродягъ венгерскаго и юго-славянскаго происхожденія преимущественно для веденія войнъ съ турками. Еще при Сигизмундѣ-Августѣ польское правительство и отдѣльные паны охотно нанимали гайдуковъ на свою службу. Со времени Баторія, когда сношенія съ Венгріей участились, это обыкновеніе еще болѣе распространилось. Гайдуки сражались въ 1579 г. подъ Полоцкомъ и въ 1580 г. подъ Великими Луками въ рядахъ королевскихъ войскъ. По цвѣту одежды ихъ называли: черные гайдуки, голубые гайдуки. Удалые разгульные гайдуки положили начало особому

стремительному танцу, носившему ихъ имя: гайдукъ. Древнѣйшая мелодія его записана въ 1541 г. О немъ упоминаетъ Клёновичъ въ „Роксоланіи“ (1584 г.): „Vidimus Hoeducos celeres plausisse choreas“ (ст. 621). Подробности см. у Глогера: Encykłop. starop. ilustr. Т. II, 1901, str. 230, s. v.

[6]) Wsiadł na rzekę Dniepr—сокращенное выраженіе вмѣсто того, чтобы сказать: посадилъ своихъ людей въ лодки и поплылъ по Днѣпру.

[7]) Пограничнымъ старостой, о которомъ идетъ рѣчь, могъ быть только или князь Михаилъ Александровичъ Вишневецкій, въ ту минуту каштелянъ кіевскій, староста любецкій, или сынъ его князь Александръ Михайловичъ, только что принявшій отъ отца, съ разрѣшенія короля Стефана отъ 15 сентября 1580 г., староства каневское и черкасское.

[8]) Путь отъ устья р. Псла къ Путивлю—это тотъ обычный путь, которымъ поддерживалось сообщеніе между московскимъ государствомъ и крымскою ордою. См. выше, стр. 11-12.

[9]) Опять повторяемъ, что пограничнымъ старостой, съ которымъ списывался (zmówił przez listy) Самуилъ Зборовскій, могъ быть только одинъ изъ князей Вишневецкихъ: или отецъ—Михаилъ Александровичъ, или сынъ—Александръ Михайловичъ. Молодой князь Александръ не игралъ еще самостоятельной роли и находился въ полномъ распоряженіи отца.

[10]) Рѣчь идетъ о крупныхъ и мелкихъ травоядныхъ звѣряхъ, каковы: дикія лошади, туры, зубры, лоси, олени, лани, сугаки, дикія козы и т. д.

[11]) „Рѣчными“ или „водными“ называли козаковъ, промышлявшихъ на мелкихъ притокахъ Днѣпра въ отличіе отъ днѣпровскихъ и запорожскихъ, промышлявшихъ на самомъ Днѣпрѣ и за его Порогами. Конечно, это названіе нисколько не обозначало какого то строго опредѣленнаго, спеціальнаго разряда козаковъ, и „рѣчной“ или „водный“ козакъ 1581 года могъ стать въ слѣдующемъ 1582 году уже днѣпровскимъ или запорожскимъ. Ср. выше, стр. 15, примѣч. 1.

[12]) О перетаскиваніи челновъ съ помощью канатовъ черезъ Пороги были приведены выше извѣстія Іоакима Бѣльскаго и Орышовскаго. См. стр. 269.

[13]) Урочище Таволжанское, иначе островъ Таволжанскій, ниже Будиловскаго или Таволжанскаго порога противъ с. Августиновки Екатеринославскаго уѣзда, получившій названіе отъ обильно покрывавшей его красной лозы—таволги. См. выше, стр. 116, прим. 1.

[14]) Козаки знали, какъ стремился Стефанъ Баторій истребить ихъ (см. выше, стр. 31), и боялись, не является ли Самуилъ Зборовскій исполнителемъ королевскихъ намѣреній.

[15]) См. выше, стр. 28, прим. 3, и стр. 269.

[16]) Кони Зборовскаго дохли вслѣдствіе того, что, не имѣя подножнаго корма, истребленнаго саранчей, они вмѣсто него пожирали самое саранчу, которая отравляла ихъ и вызывала падежъ. Люди пухли, вѣроятно, отъ смрада, издаваемаго саранчей. Болѣе подробныя свѣдѣнія о саранчѣ въ южно-русскихъ степяхъ сообщалъ съ лишкомъ семьдесятъ лѣтъ спустя извѣстный Бопланъ. См. Мемуары, относ. къ ист. южной Руси. Вып. II. К. 1896, стр. 360—363.

[17]) Подъ непріятелемъ, котораго намѣревался громить Зборовскій, слѣдуетъ разумѣть московское государство.

[18]) Запорожцы не позабыли еще, что палица съ головкой (булава) была первоначально оружіемъ (broń) и только съ теченіемъ времени, переходя отъ одного гетмана къ другому, утратила значеніе оружія и сдѣлалась исключительно эмблемой гетманской власти.

[19]) Г. Путивль лежитъ не „u Pskły rzeki,“ а на р. Сеймѣ, но невдалекѣ отъ него р. Псіолъ имѣетъ свои истоки въ Корочанскомъ уѣздѣ Курской губерніи. Зборовскій надѣялся дождаться здѣсь прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго съ его соратниками, но тщетно; недождавшись, онъ возвратился на Запорожье. Описаніе похода кн. М. А. Вишневецкаго на Сѣверщину въ 1581 году приведено нами выше, стр. 251—254.

[20]) Крымскій ханъ Мухаммедъ-Герай II Жирный (1577—1584) обѣщалъ Самуилу Зборовскому выхлопотать для него у турецкаго султана „хоругвь“ на молдавскую землю т. е. право занять молдавскій престолъ. Внѣшнимъ знакомъ передачи этого права была присылка султаномъ новому господарю знамени.

[21]) Султанъ Мюрадъ III, по мнѣнію козаковъ, долженъ былъ отнестись благосклонно къ ходатайству хана за Зборовскаго, ибо ханъ помогалъ ему въ войнѣ съ Персіей, гдѣ погибъ и ханскій

братъ, калга Адиль-Герай, взятый въ плѣнъ и убитый персіянами за его любовную интригу съ сестрою и женою персидскаго шаха. См. Смирновъ, Крымское Ханство и пр. Спб. 1887, стр. 438. Въ Польшѣ очень интересовались войною между Турціей и Персіей и въ тотъ годъ, когда Самуилъ Зборовскій искалъ приключеній на Запорожьи, издана была брошюра: „Item ex litteris Constantinopoli hoc anno 1581 die 14 Januarij datis, descriptae narrationes *de bello Persico*, quod a Turcis in Media geritur, et de Armeniis et aliis rebus." См. Wierzb. Bibl. pol. V. II, 147, № 1562.

[22]) Zrok — франц. rendez-vous, мѣсто свиданія, условленное заранѣе.

[23]) *Karajteben* — тоже, что *Torhovistia*, урочище при впаденіи р. Конской въ Днѣпръ. Въ Descrip. vet. et novae Polon. 1585 г. читаемъ: „*Torhovistia* significat nostra lingua nundinationes, eo quod ibi negociatorum emporium nobile admodum fuit, dum starent res Russorum et Graecorum." — „*Tismienica* flu. ad Torhovistiam in Borysthenem sese infundens."

[24]) Самуилъ Зборовскій, не надѣясь достигнуть, по ханскому ходатайству, молдавскаго господарскаго стола, хотѣлъ по крайней мѣрѣ добиться отъ хана помощи для похода противъ Москвы.

[25]) Мусталикъ — названіе татарскаго должностнаго лица.

[26]) Картамлыкъ — тоже, что Чертомлыкъ, мелкій притокъ р. Днѣпра съ правой стороны и островъ на р. Днѣпрѣ противъ него.

[27]) Выше (стр. 72, прим.) мы говорили о значеніи слова *porucznik*.

[28]) Казнимаго крѣпко подпоясывали, насыпали за пазуху рубахи песку и топили въ рѣкѣ. Этой казни былъ подвергнутъ королевскій гонецъ Георгій Глембоцкій весною 1585 г. См. выше, стр. 112—113.

[29]) Это таже картина, которую рисуетъ Самуилъ Величко полтораста лѣтъ спустя, когда говоритъ о запорожцахъ, что они „тѣшились непрестанными арматными и мушкетными громами, весело гуляли и подпивали."

[30]) Персидскій посолъ заносчиво подсмѣивается надъ ханомъ, что если они вмѣстѣ съ турецкимъ султаномъ появятся въ Персіи, то ихъ постигнетъ таже участь, что выпала на долю Адиль-Герая.

[31]) Это значитъ: такимъ образомъ походъ противъ Москвы съ запорожцами не состоялся, равно и противъ Персіи съ татарами.

[32]) Имѣніе Зборовскаго Злочовъ—нынѣ городъ въ Галиціи.

[33]) Не желая разстаться съ мыслью о походѣ противъ Москвы, Зборовскій ухватился за послѣднее средство добыть себѣ вооруженную помощь: потребовалъ исполненія давняго обѣщанія отъ молдавскаго господаря Петра Хромого.

[34]) Выше (стр. 93, прим.) мы указали, какіе именно пограничные старосты собрались въ набѣгъ на Сѣверщину съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Вишневецкимъ, тогдашнимъ каштеляномъ кіевскимъ, старостой любецкимъ, во главѣ. Это были: сынъ его князь Александръ Михайловичъ, староста каневскій и черкасскій, князь Ярошъ Жижемскій, староста рѣчицкій, и Авраамъ Мышка, староста овруцкій

[35]) Самуилъ Зборовскій ищетъ прежде всего рыцарской славы, сообразуетъ свои дѣйствія съ общими политическими обстоятельствами Рѣчи-Посполитой, не хочетъ нападать на татаръ, когда король по случаю войны съ Москвою заключилъ съ ними перемиріе, а козаки руководятся только матеріальными выгодами, имѣютъ единою цѣлью дѣятельности—добычу.

[36]) Такимъ образомъ дѣйствій Зборовскій хотѣлъ снискать для себя милость короля Стефана.

[37]) Дѣло идетъ о такъ называемой осадочной соли.

[38]) Слово *жито* употреблено здѣсь въ старославянскомъ смыслѣ - пищи, продовольствія; поговорка значитъ: пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь.

[39]) „Языкомъ“ называли плѣннаго, который могъ разсказать, что дѣлается у непріятеля.

[40]) О мѣстоположеніи Хасланъ-городка и князѣ Богданѣ Ружинскомъ см. выше стр. 34, прим. 1, и стр. 35, прим. 1.

[41]) Такого рода вѣрованіе было очень распространено среди запорожцевъ и въ позднѣйшее время; козаковъ, которымъ приписывалась чудодѣйственная сила, называли „характерниками“

[42]) Урочище Пробитое, иначе островъ Пробитый на р. Бугѣ,—нанесенъ на карту Украины (Typus generalis Ukrainae) Боплана, изданную В. Г. Ляскоронскимъ при трудѣ: Гильомъ Левассеръ-де-Бопланъ и проч. Кіевъ, 1901.

[43]) На одной изъ картъ Боплана „Баня Витовта“ (Balneum Witoldi) показана на устьѣ Буга (см. Ляскоронскій, цит. соч., стр.

31). Въ „древностяхъ“ (antiquitates), на которыя насмотрѣлся Зборовскій, слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, видѣть развалины храма Димитры или Матери боговъ на Ипполаевомъ (Станиславскомъ) мысу. Въ подкрѣпленіе этого соображенія можно привести извѣстіе въ Descrip. veter. et novae Polon. 1585 г.: „Balneum Vitovdi. Nunc fons tantum amaenus ubi miles stativa habere et corpus reficere solet. *Adest et Oartorium ibi gentile dirutum*.“ Не умѣя опредѣлить происхожденія развалинъ, народная фантазія связала ихъ съ дѣятельностью прославленнаго Витовта и въ остаткахъ греческаго храма увидѣла слѣды „бани“ или „купальни“ (łaźni), которую яко-бы выстроилъ для себя Витовтъ на берегу днѣпровско-бугскаго лимана. См. В. Латышева, Изслѣдованія объ исторіи и государственномъ строѣ города Ольвіи въ Ж. М. Н. Пр. 1887 г., стр. 25–29, и его же статью „О мѣстонахожденіи Ипполаева мыса,“ стр. 39.

[44]) О манерѣ запорожцевъ обкладывать челны тростникомъ подробнѣе распространяется Боплант и даетъ рисунокъ челна, такимъ образомъ приспособленнаго. См. Мемуары отн. къ ист. Ю. Руси, К. 1896, Вып. II, стр. 344.

[45]) Сохраненіе мира съ татарами было чрезвычайно важно для польскаго правительства въ виду того, что война съ Іоанномъ Грознымъ не была еще закончена и всѣ военныя силы Польши были отвлечены къ Пскову.

[46]) Козаки не хотѣли сразиться съ турками на водѣ, къ чему увлекалъ ихъ Зборовскій, и настаивали на отступленіи.

[47]) *Śmigownica*, смиговница—огнестрѣльное орудіе, заряжавшееся съ казенной части. Смиговницы обыкновенно возили на телѣгахъ. Для правильнаго прицѣла ихъ можно было поворачивать на станкѣ вверхъ и внизъ, вправо и влѣво.

[48]) По этому обстоятельству можно судить, до чего много дикихъ свиней водилось въ той мѣстности.

[49]) Мѣстность при впаденіи р. Ингула въ р. Бугъ.

[50]) Мертвая Вода—притокъ р. Буга съ лѣвой стороны.

[51]) Кременчутъ—островъ на р. Бугѣ между устьемъ Мертвой Воды и островомъ Пробитымъ; нанесенъ на карту Украины Боплана, изданную В. Г. Лящоронскимъ.

[52]) Кривой—также островъ на р. Бугѣ выше по теченію о. Пробитаго; нанесенъ на карты Брацлавскаго и Кіевскаго воеводствъ Боплана, изданныя В. Г. Ляскоронскимъ.

[53]) Саварна—нынѣшнее мѣстечко Саврань Балтскаго уѣзда Подольской губерніи при впаденіи р. Савранки въ р. Бугъ. Въ XVII вѣкѣ имъ владѣли Конецпольскіе и построенную въ немъ Бопланомъ крѣпость назвали Новымъ Конецполемъ въ память родного Конецполя въ Сѣрадзскомъ воеводствѣ. Это названіе скоро забылось.

[54]) Среди степей не было недостатка въ костяхъ павшихъ звѣрей. Вспомнимъ слова Мартина Броневскаго: „In campis ingentes ossium acervi reperiuntur“ (см. выше, стр. 9, прим. 2).

Послѣсловіе.

Выше (на стр. 90—93) мы доказали, что экспедиція Самуила Зборовскаго на Запорожье относится къ 1581 году. Намъ кажется, что въ принятіи этого года для пріуроченія экспедиціи не можетъ быть никакихъ колебаній, такъ какъ всѣ подробности разсказа Бартоша Папроцкаго истолковываются удовлетворительно только при предположеніи, что экспедиція происходила лѣтомъ 1581 года. Событія ея выяснятся для насъ еще болѣе полно, если уцѣлѣли и будутъ извлечены когда-либо на свѣтъ изъ архивной пыли письма Яна Орышовскаго къ Стефану Баторію, относящіяся именно къ этому времени (см. выше, стр. 259).

Планъ экспедиціи заключался въ томъ, чтобы съ небольшимъ вооруженнымъ отрядомъ, составленнымъ изъ семидесяти шляхтичей, такъ называемыхъ слугъ, нѣсколькихъ сотенъ гайдуковъ и прислуги, продвинуться на Днѣпръ, соединиться тамъ съ запорожскими козаками и съ ополченіями пограничныхъ старостъ: двухъ князей Вишневецкихъ, отца и сына, князя Яроша Жижемскаго и Авраама Мышки, и затѣмъ общими силами вторгнуться въ предѣлы московскаго государства со стороны Путивля въ то время, когда королевская армія будетъ оперировать противъ Пскова. Была еще надежда, что получится подкрѣпленіе въ количествѣ пятисотъ всадниковъ отъ молдавскаго господаря Петра Хромого, который обѣщалъ эту помощь Зборовскому подъ условіемъ, что послѣдній не будетъ стремиться свергнуть его и очистить для себя молдавскій престолъ.

И вотъ Зборовскій двинулся въ путь.

Точкой отправленія экспедиціи было его имѣніе Злочовъ, нынѣ городокъ въ Галиціи. На коняхъ дружина Зборовскаго прошла

изъ Злочова въ Каневъ на Днѣпрѣ. Въ г. Каневѣ люди сѣли на лодки, а лошадей повели берегомъ. Минули г. Черкасы и устье р. Псла, дошли до устья р. Самары и здѣсь нашли двѣсти козаковъ, занимавшихся рыболовствомъ и охотой по р. Самарѣ и снабжавшихъ продовольствіемъ козаковъ, пребывавшихъ за Порогами. Какъ видно, Зборовскій спросилъ Самарскихъ козаковъ, могутъ ли они слѣдовать за нимъ къ Путивлю, и получилъ отвѣтъ, что для рѣшенія этого вопроса ему слѣдуетъ спуститься за Пороги, къ мѣсту пребыванія козацкаго войска. Поплыли далѣе. Остановившись съ лодками у Пороговъ, Зборовскій сдѣлалъ повидимому рекогносцировку вдоль берега, и у Таволжанскаго острова встрѣтилъ отрядъ козаковъ, которые хотѣли вступить съ нимъ въ битву, полагая, что Зборовскій присланъ Баторіемъ истребить ихъ въ собственномъ ихъ гнѣздѣ. Послѣ объясненія Зборовскаго, что онъ прибылъ по приглашенію самихъ козаковъ съ цѣлью раздѣлять съ ними военные труды, козаки дали ему восемьдесятъ человѣкъ изъ своей среды для проведенія черезъ Пороги его лодокъ. Послѣ этого дружина Зборовскаго ночевала на островѣ Хортицѣ въ крѣпостцѣ, оставшейся тамъ со времени князя Дмитрія Ивановича Вишневецкаго. На Хортицѣ Зборовскій засталъ другой отрядъ козаковъ, а также пословъ, которые вызывали его на Запорожье. Отсюда всѣ вмѣстѣ поплыли на островъ Томаковку къ главному мѣстопребыванію козацкаго войска. Между тѣмъ шедшія берегомъ лошади Зборовскаго встрѣтились съ движущейся саранчей и болѣе трехъ сотъ изъ нихъ пали, отравившись саранчею, которую они съѣли вмѣстѣ съ травою.

На Томаковкѣ Зборовскій засталъ большое сборище козаковъ, повидимому, тысячъ до трехъ. Здѣсь собрался войсковой кругъ, на которомъ Зборовскій провозглашенъ былъ запорожскимъ гетманомъ. При этомъ въ знакъ облеченія его гетманскою властью ему передана была булава, которую носили прежніе запорожскіе гетманы, какъ эмблему своего сана. Вслѣдъ затѣмъ послѣ взаимныхъ привѣтствій козаковъ и вновь избраннаго гетмана рѣшенъ былъ совмѣстный походъ козацкаго войска и дружины Зборовскаго подъ Путивль. Тамъ Зборовскій долго ждалъ прихода князя Михаила Александровича Вишневецкаго, чтобы, соединившись съ нимъ, вторгнуться въ предѣлы московскаго государства, но не

дождался и, не рѣшившись предпринять набѣгъ съ наличными силами, возвратился обратно на Запорожье. Еще во время похода къ Путивлю запорожцы приставали къ Зборовскому, чтобы онъ имъ объяснилъ, какія еще предпріятія можетъ онъ имъ предложить. Онъ признался, что царь перекопскій Мухаммедъ-Герай II обѣщаетъ ему выхлопотать у турецкаго султана молдавскій престолъ и что вслѣдствіе этого можетъ предстоять набѣгъ въ Молдавію. По возвращеніи на Запорожье козаки настояли, чтобы Зборовскій отправилъ къ перекопскому царю пословъ, которые вызвали бы на переговоры уполномоченныхъ со стороны царя. Мѣстомъ переговоровъ назначено было урочище Карайтебенъ или Торговище. Ханскіе послы доставили Зборовскому въ подарокъ отъ Мухаммедъ-Герая II двѣнадцать скакуновъ въ нарядной сбруѣ и три одежды изъ злотоглова, и просили, чтобы онъ спокойно ждалъ на Днѣпрѣ, пока ханъ выхлопочетъ ему молдавскій престолъ. Зборовскій въ свою очередь просилъ хана прислать ему подкрѣпленіе для похода противъ Москвы. Царь перекопскій согласился было на это и приказалъ уже татарскому отряду изготовиться въ путь, но въ это время получилъ отъ турецкаго султана приказаніе отправиться въ Персію на помощь воевавшимъ тамъ туркамъ. О такой перемѣнѣ обстоятельствъ ханъ извѣстилъ Зборовскаго.

Послѣ этого, не желая отказаться отъ похода на Москву, Зборовскій началъ хлопотать, чтобы ханъ прислалъ къ нему на помощь Бакая съ его ордой (см. выше, стр. 196). За это онъ предлагалъ хану сопутствовать ему въ Персію. Когда Зборовскій сообщилъ козакамъ о сдѣланномъ имъ хану предложеніи, то послѣдніе раздѣлились на двѣ партіи: согласныхъ идти въ Персію съ татарами и несогласныхъ, причемъ ночью между ними произошло такое смятеніе, что Зборовскій чуть не поплатился жизнью и только съ большимъ трудомъ послѣ долгихъ переговоровъ ихъ успокоилъ. Тѣмъ не менѣе козаки настояли на томъ, что Зборовскій не двинулся въ Персію. При этомъ выяснилось, что ханъ хотѣлъ воспользоваться добровольнымъ прибытіемъ Зборовскаго, чтобы сдѣлать его плѣнникомъ, а всѣхъ его спутниковъ посадить на пали. Зборовскій порывался отмстить хану за вѣроломныя

намѣренія, но козаки ему отсовѣтовали. Тѣмъ временемъ ханъ съ ордой ушелъ въ Персію.

Не получивъ помощи отъ татаръ и не желая разстаться съ мыслью о набѣгѣ въ московскіе предѣлы, Зборовскій послалъ одного шляхтича изъ своихъ слугъ и уполномоченнаго отъ козаковъ къ молдавскому господарю Петру Хромому требовать отъ него, чтобы тотъ прислалъ для участія въ московскомъ походѣ пятьсотъ обѣщанныхъ всадниковъ. Въ ожиданіи возвращенія пословъ козаки нѣсколько разъ порывались напасть на татаръ, но Зборовскій не допускалъ ихъ до этого, чтобы не нарушать перемирія. заключеннаго между Польшею и Крымомъ въ виду московскихъ войнъ. Когда возвращеніе пословъ, отправленныхъ къ молдавскому господарю, затянулось на нѣсколько недѣль, Зборовскій, чтобы занять козаковъ, двинулся съ ними къ днѣпровскому лиману. Въ устьи Днѣпра войско Зборовскаго застало двѣ турецкихъ галеры и десять тысячъ татаръ на берегу. Зборовскій хотѣлъ сразиться съ татарами, но они отъ него убѣжали. Тогда онъ рѣшился не отвлекаться отъ молдавскаго похода, гнѣваясь на господаря за продолжительное задержаніе пословъ. Въ это время получилось свѣдѣніе отъ бѣглыхъ невольниковъ, что въ Крыму осталось очень мало татаръ. Козаки хотѣли ворваться въ полуостровъ, чтобы воспользоваться богатою добычею, на которую можно было разсчитывать; но Зборовскій не позволилъ имъ этого, чтобы нарушеніемъ перемирія не создать затрудненій Рѣчи-Посполитой. Онъ сохранилъ намѣреніе продолжать путь въ Молдавію.

Тутъ опять пришло извѣстіе, что татарское скопище расположилось въ Хасланъ-городкѣ. Зборовскій рѣшилъ подойти къ этой крѣпостцѣ, чтобы развѣдать о татарскихъ силахъ. Козаки по обыкновенію порывались сразиться съ татарами, но Зборовскій и на этотъ разъ не допустилъ ихъ до нарушенія перемирія.

Тѣмъ временемъ козаки обложили челны тростникомъ, чтобы они лучше держались на водѣ, и все войско поплыло далѣе къ морю. Выйдя изъ лимана, козаки Зборовскаго подошли къ островамъ (na wyspy morskie), расположеннымъ вдоль берега по пути къ Крыму (о. Тендра и др.), и охотились здѣсь на дикихъ звѣрей. Направляясь обратно къ устью р. Буга, чтобы оттуда слѣдовать въ Молдавію, въ семи миляхъ отъ него, лодочная флотилія Збо-

ровскаго встрѣтила турецкій флотъ изъ девяти большихъ галеръ и нѣсколькихъ ботовъ. Произошло морское сраженіе. Турки палили бомбами по козацкимъ лодкамъ, дѣлали въ нихъ пробоины и навели на козаковъ такой страхъ, что козаки поскорѣе причалили къ близкому по счастью берегу, выскочили изъ лодокъ и съ суши отвѣчали на огонь турокъ. Зборовскій подавалъ примѣръ мѣткой стрѣльбы. Между тѣмъ турки отрядили двѣ галеры къ устью р. Буга, чтобы переправить съ крымскаго берега татаръ, которые должны были напасть на козаковъ съ суши. Нѣкоторые козаки, испугавшись такого оборота дѣла, стали выгружать изъ лодокъ продовольствіе и пустились въ бѣгство. Турки, замѣтивъ смятеніе среди людей Зборовскаго, пересѣли въ шлюпки и бросились на берегъ, чтобы при удобномъ случаѣ разгромить козаковъ. Зборовскій съ помощью своихъ слугъ далъ туркамъ дружный отпоръ и этимъ настолько подбодрилъ козаковъ, что они также кинулись отражать непріятеля. Турки, увидѣвъ, что имъ приходится плохо, и потерявъ своего предводителя, поспѣшили вернуться на галеры. Послѣ этого и войско Зборовскаго стало удаляться отъ моря. Стычка съ спѣшившими на помощь туркамъ татарами обошлась для него благополучно. Тутъ на помощь отступавшимъ пришла спустившаяся на землю ночь. На другой день козаки возвратились къ покинутымъ челнамъ, изъ коихъ уцѣлѣло только восемь; остальные были ни къ чему не годны. Нѣкоторые козаки влѣзли въ нихъ, чтобы плыть, но поднявшійся внезапно вѣтеръ занесъ ихъ на татарскій берегъ и они были взяты въ плѣнъ.

Зборовскій съ остатками своего войска двинулся сухимъ путемъ къ устью р. Буга и только раненыхъ козаковъ везли на лодкѣ. Татары преслѣдовали его по пятамъ, а турки, плывя вдоль берега, наблюдали за нимъ съ галеръ. Но какъ татары, такъ и турки не возобновили нападенія. Тѣмъ временемъ Зборовскій быстро двигался впередъ, не смотря на голодъ, отъ котораго всѣ ужасно страдали. Продовольствіе погибло на лодкахъ, затопленныхъ турецкими бомбами, а рыбы нельзя было наловить, такъ какъ въ тѣхъ же лодкахъ остались и рыболовныя снасти.

Наконецъ прибыли къ устью р. Ингула.

Тамъ повстрѣчали козаковъ, бѣжавшихъ съ морского берега въ началѣ битвы; у нихъ нашлось немного съѣстныхъ припасовъ,

которыми всѣ и подкрѣпились. Вскорѣ встрѣтили табунъ изъ нѣсколькихъ десятковъ лошадей, посланныхъ Зборовскимъ къ устью Буга степью, когда самъ онъ съ дружиной и съ козаками отправлялся на лодкахъ. Лошадей зарѣзали и съѣли; но этого было мало для войска, достигавшаго двухъ съ половиною тысячъ. Оставивъ козаковъ на р. Ингулѣ, Зборовскій въ сопровожденіи одинадцати всадниковъ поѣхалъ вверхъ по р. Бугу разыскивать молдаванъ, которые должны были пріѣхать отъ господаря Петра для переговоровъ съ нимъ. На островѣ Пробитомъ на р. Бугѣ онъ не засталъ ихъ, но отъ пойманныхъ турецкихъ рыболововъ узналъ, что молдаване находятся у устья р. Мертвой Воды. Здѣсь онъ опять таки не захватилъ ихъ, равно какъ и на островѣ Кременчутѣ, куда на всякій случай заглянулъ. Тогда онъ возвратился на о. Пробитый и нашелъ тамъ записку отъ людей своего разъѣзда, высланнаго еще до охоты на морскихъ островахъ и до морской битвы съ турками на встрѣчу ожидаемымъ молдавскимъ посламъ; въ ней они извѣщали Зборовскаго, что ихъ слѣдуетъ искать на островѣ Кривомъ на р. Бугѣ. Онъ отправился на о. Кривой и дѣйствительно засталъ тамъ свой разъѣздъ. Во время всѣхъ этихъ поисковъ Зборовскій и его спутники питались только желудями; можно себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ поѣли они рыбы, которою ихъ угостили участники разъѣзда. Зборовскій хотѣлъ было ударить на молдавскихъ пословъ, но они своевременно провѣдали о его намѣреніяхъ и обратились въ бѣгство. Послѣ этого Зборовскій возвратился къ своему войску и во главѣ его двинулся вверхъ по теченію р. Буга, держа путь на г. Сороку. Но страшная нужда одолѣла войско въ этомъ походѣ; голодали до того, что ѣли рога и копыты павшихъ оленей и кости разныхъ звѣрей, разбросанныя по степямъ. Пришлось отказаться отъ похода въ Молдавію и свернуть къ Саврани, чтобы пробраться въ мѣстности, гдѣ можно было добыть съѣстные припасы отъ мѣстнаго населенія. Такова схема событій экспедиціи Зборовскаго на Запорожье, переданная кратко, съ опущеніемъ многихъ подробностей.

Обращаясь теперь къ тѣмъ чертамъ козацкаго быта, которыя разсѣяны на протяженіи всего разсказа Бартоша Папроцкаго, мы должны признать, что онѣ даютъ возможность возстановить весьма полную картину этого быта. Порядки запорожскаго войска явля-

ются въ 1581 году вполнѣ сложившимися. Одни козаки занимаются болѣе рыболовствомъ и охотой, снабжая продовольствіемъ другихъ, посвятившихъ себя преимущественно военному дѣлу. Козацкія скопища можно найти и по р. Самарѣ, и на Таволжанскомъ островѣ и на о. Хортицѣ, но главнымъ мѣстопребываніемъ козацкаго войска служитъ обширный островъ Томаковка. Выраженіемъ коллективной воли всего войска является войсковой кругъ, который избираетъ гетмана для предводительства въ походахъ и вручаетъ ему въ знакъ облеченія его властью булаву, какъ эмблему носимаго имъ сана. Цѣлью своей дѣятельности козаки ставили пріобрѣтеніе „добычи,“ какъ средства удовлетворить ежедневнымъ потребностямъ существованія. Вся философія ихъ быта выражалась въ поговоркѣ: „поки жыта, поты быта“ т. е. пока есть пища, дотолѣ длится и жизнь; поэтому крайне дикими представлялись имъ рѣчи Зборовскаго о рыцарской славѣ, о пользѣ отечества, о соблюденіи перемирія, заключеннаго королемъ съ татарами. Козаки представляли себѣ дѣло такъ, что всѣ вопросы сводятся къ матеріальной выгодѣ: они идутъ воевать за того, кто имъ дѣлаетъ подарки и платитъ деньги, или нападаютъ по собственному побужденію на тѣхъ, отъ кого можно ожидать найболѣе богатой добычи. Самыми обычными и любимыми предпріятіями козаковъ были набѣги на Крымъ и на Молдавію. У татарскихъ скотоводовъ имъ всегда удавалось отбивать огромныя стада овецъ и лошадей, а въ домахъ молдавскихъ бояръ они зачастую находили много цѣнныхъ предметовъ восточной роскоши. Для крымскихъ набѣговъ у нихъ наготовѣ были челны, которые для приданія имъ большей устойчивости обкладывались тростникомъ, если имѣлось въ виду выйти изъ Днѣпра въ лиманъ или въ открытое море. Въ молдавскіе походы они отправлялись пѣшкомъ, имѣя при себѣ возы для продовольствія и военныхъ запасовъ. Съ провинившимися чѣмъ либо въ глазахъ козаковъ расправа была очень короткая: казнимаго туго опоясывали, насыпали ему за пазуху рубахи нѣсколько пудовъ песку и бросали въ воду. Всѣ вопросы высшаго порядка, религіозные, политическіе и національные, – были совершенно чужды тогдашнимъ козакамъ. Каждый могъ пріютиться среди нихъ, какой бы онъ ни былъ вѣры и народности, изъ какого государства ни происходилъ бы, если только онъ имѣлъ достаточно выносливости

и мужества для преодолѣнія тѣхъ трудовъ и опасностей, какіе всегда и вездѣ выпадаютъ на долю обитателей такихъ пустынныхъ степныхъ пространствъ на рубежѣ двухъ культуръ, какими были наши южнорусскія степи, преріи сѣверной Америки или пампы Арауканіи. Въ разсказѣ Бартоша Папроцкаго, напечатанномъ три года спустя послѣ того, какъ состоялась экспедиція Зборовскаго, мы имѣемъ въ краткомъ видѣ всѣ тѣ свѣдѣнія о запорожцахъ, которыя такъ любятъ излагать съ излишней растянутостью неумѣренные поклонники запорожской старины вслѣдъ за Эрихомъ Лассотой и перехваленымъ Бопланомъ.

Изъ старинной переписки.[1]

I.

Письмо кіевскаго епископа Іосифа Верещинскаго къ канцлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Новаго Верещина) отъ 29 августа нов. ст. 1593 года.

Адресъ: Jasnie Wielmożnemu a memu Milosciwemu Panu a Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia Canclerzowi i Hetmanowi Coronnemu Belskiemu, Malborskiemu, Derpskiemu, Kniszynskiemu, Miedzyrzeckiemu, Grodeckiemu, Jaworowskiemu etc. etc. Stároscie do rąk Jego M. własnych należy.

Jasnie wielmożny a miłosciwy Pánie Hetmanie a Pánie moy miłosciwy.

Uniżoną powolność służb moich zalecam do łaski W. M. mego miłosciwego Pána a dobrodzieia z uprzeymą wszego dobra życzliwoscią etc.

Zascie[2]) to, ktore się wznieciło było miedzy Kozakámi Zaporoskiemi a Jego M. Panem Stárostą Czerkáskiem[3]), z łaski Panskiey iuż się usmierziło, y przisięgą się z obu stron obstringowáło, za temi condi-

---

[1]) Издаваемыя ниже письма списаны нами съ оригиналовъ, хранящихся въ библіотекѣ гр. Замойскихъ въ Варшавѣ, съ любезнаго разрѣшенія библіотекаря г. Корзона, которому приносимъ за это искреннюю благодарность.

[2]) *Zajście*—столкновеніе, споръ, ссора, свалка.

[3]) Панъ староста черкасскій—князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій, умершій въ слѣдующемъ сентябрѣ мѣсяцѣ того-же 1593 года. См. выше, стр. 219.

ciami, Że borosna[1]), czolny y konie kozackie ma J. M. Pan Starostá Czerkaski powracać, a co napierwsza pokoy wieczny z obudwu stron niemá być poruszon, A o smierć niebośczyká Kosinskiego, Szalewskiego, Sniatowskiego y inszych, na to práwo wolne krewnym y powinnym iest ich zostáwiono. Co się zás dotycze maiętnosci po zmárłych towarziszach kozackich, urzędnicy J. M. tak Podstároscie iáko też y Horodnicy nie máią ich na J. M. Paná Stárostę Czerkáskiego bráć[2]), ale według przirodzonego práwá na żony, dzieci, y na powinne ich przichodzić y spadáć máią. Kozacy kiedyszbykolwiek z Nizu do Starostw Jego M. przichodzili, máią mieć wolny przichod y odchod, wszakże ci ktorzi przichodzić będą, máią miedzy sobą stárszego obráć, który by z nich sprawiedłiwosć z występku ich czynić miał[3]). Ku temu też ci wszyscy Kozacy, ktorzi przez ten wszystek czás, iáko się te burdy toczyły, przi J. M. X. Wisnieweckim etc. iák też przi Woysku J. M. byli, tym wszystkiem przichod y odchod wolny, iáko tu, też za Porohy do woyska Kozáckiego, kto by ieno chciał, zachowáć powinni będą,

---

[1]) Borosna—имен. мн. отъ *борошно*—мука. Изъ приводимаго ниже свидѣтельства Бартоша Верещинскаго мы увидимъ, что запорожскіе козаки возили къ себѣ муку *въ бочкахъ*. Это самое слово въ полногласной формѣ: *борошьно* употреблялось еще въ древнерусскихъ памятникахъ съ значеніемъ *мучное кушанье*, cibus e farina confectus: Борошна (дати) колько могоуть изъѣсти. Р. Прав. Яр. по Ак. сп. См. Срезн. Матер. и пр. т. I. столб. 154—155. Церковнослав. форма *брашьно*—яства, пища, кушанье, мука.

[2]) Обычай отбирать въ пользу черкасскаго старосты выморочное козацкое имущество шелъ, какъ мы знаемъ, изъ очень давняго времени. Онъ установленъ уже въ документѣ 1503 года: „того *обычай естъ*, тыи отумерлые речи, хто ближнего не маетъ, приходятъ на намѣстника Черкаского:“ См. выше, стр. 150. Вѣроятно, съ теченіемъ времени чиновники старосты, подстаросты и городничіе, стали злоупотреблять этимъ обычаемъ и отбирали имущество не только послѣ смерти безродныхъ козаковъ, но и такихъ, которые имѣли законныхъ наслѣдниковъ. Козаки хотѣли добиться уничтоженія этой несправедливости.

[3]) Учрежденіе особаго суда для козаковъ, гостившихъ въ заселенныхъ мѣстностяхъ, коренится въ томъ старинномъ воззрѣніи, по которому каждая группа людей, связанныхъ общностью занятій, могла имѣть свое обычное право и свой органъ суда. Отсюда въ Старой Польшѣ особыя права и суды для мельниковъ, судоходцевъ, бортниковъ и пр. Обезпеченіе судомъ гостящихъ козаковъ является повтореніемъ мѣры 1572 г. См. выше, стр. 79—80.

bez wszelakiego urągania ani pomst żadnych nád niemi pokázowania. Jesliby też na potym który towarzisz z Woyská Zaporoskiego co swoiego w kogo poznał w starostwách J. M., takiemu każdemu wolne práwo ná to záchowano.

Aczci dobrze było, aby Ukraina byłá ich prożna, lecz iż czás niepotemu, ktemu y siły z nieiakiey niebyło, a co było naniebespieczenszego, że Cár Prekopski znowu pochuchywa swey sławy w Páństwach Krola Páná naszego poprawować, do czego się podstępnie y Turek barzo przimieszywa, przeto, condonuiąc *tempori*, musiało do takowiego iednánia z nimi przisć. A tez złe niuciece, bo iesli Kozacy są wywołáncámi[1]) y na Stárosty Ukráinne sroga iáka pená[2]) iest ná Seymie uchwaloná, áby nad nimi exequucia była exequowana, tedy to y ná potym może być, a nie teraz, poniewasz teraz iz słow Páwłá S. używać będę: *Dies mali sunt.* Co ia wszystko dobremu baczeniu Páná y dobrodzieia mego, ktoremu to przinależy o tym więcej discurować, na wolą podaię. A s tym się milosciwey łásce W. M. mego miłosciwego Paná pilnie zalecam, z ktorey proszę, proszę ábych niebył opusczon y do koncá. Datum z Nowego Weresczyná 29 Augusti Anno Domini 1593. Jasnie Wielmoznego a mego Milosciwego Pana wszego dobrego życzliwy przyaciel y nanisky służka Josephus Weresczynski Dei Gratia Nominatus Episcopus Kyowiensis Abbasque Sieciechowiensis manu sua.

Citto, citto, citto.

. . . . . .

Исторія съ Косинскимъ, объ исходѣ которой идетъ здѣсь рѣчь, заключалась, насколько можно судить по дошедшимъ до насъ источникамъ, въ слѣдующемъ: Косинскій еще въ 1586 г. проживалъ на Запорожьи и былъ однимъ изъ видныхъ представителей запорожскаго козацкаго войска (см. выше, стр. 115). Судя по имени „Крыштофъ“ и по тому, что онъ подписывался польскими буквами, можно думать, что онъ былъ чистокровнымъ полякомъ.

---

[1]) *Wywołaniec*—присужденный къ изгнанію, къ ссылкѣ.

[2]) *Pena* отъ латин. *poena*=пеня, денежный штрафъ, нѣм. Geldbusse, Geldstrafe.

Іоакимъ Бѣльскій родиной его называетъ Подлясье.[1]) На шляхетское достоинство его, равно какъ и его сотоварищей Шалевскаго и Снятовскаго, указываетъ предоставленіе ихъ родственникамъ и свойственникамъ права искать съ князя Вишневецкаго вознагражденія за ихъ смерть. Въ 1590 г. по протекціи канцлера Замойскаго Косинскому пожалована была „пустыня“ Ракитно (ниже Бѣлой Церкви по теченію р. Роси), но онъ не захотѣлъ удерживать ее въ своемъ владѣніи, а уступилъ князьямъ Вишневецкимъ (Źr. dz. t. XXII, 1897, str. 120). Мы знаемъ, что козаки постоянно продавали свои услуги польскому правительству, претендентамъ на молдавскій престолъ и даже частнымъ лицамъ, которыя къ нимъ обращались, какъ мы видѣли на примѣрѣ Самуила Зборовскаго. Вѣроятно, Крыштофъ Косинскій съ полкомъ запорожцевъ въ силу универсала Сигизмунда III отъ 25 іюля н. ст. 1590 г. былъ нанятъ на королевскую службу снятынскимъ старостой Николаемъ Язловецкимъ. Въ 1591 г. уплата жалованья козакамъ назначена была на день св. Іоанна Предтечи (24 іюня). Мѣстомъ ихъ стоянки въ это время было мѣстечко Пиковъ нынѣшняго винницкаго уѣзда. Снятынскій староста почему-то оттягивалъ разсчетъ. Пришедшіе въ нетерпѣніе козаки послали своихъ выборныхъ потребовать отъ Язловецкаго скорѣйшей уплаты жалованья. Но и это не подвинуло дѣла. Въ августѣ мѣсяцѣ козаки, разсердившись, писали уже своимъ уполномоченнымъ, что они не желаютъ ждать долѣе слѣдуемыхъ денегъ: обѣщали де намъ уплатить жалованье на святого Іоанна, а теперь уже осень; такъ протянутъ пожалуй и до зимы. Это денежное недоразумѣніе послужило, вѣроятно, поводомъ къ тому, что осенью того же 1591 года Косинскій собралъ большую шайку запорожскихъ козаковъ и разнаго сброда, съ которою предпринялъ цѣлый рядъ разбойничьихъ нападеній на города, замки, мѣстечки, шляхетскіе дворы и имѣнія, вездѣ производя грабежи, пожары и убійства. Однимъ изъ первыхъ пострадалъ отъ него (29 декабря н. ст.) проживающій въ Бѣлой Церкви бѣлоцерковскій

---

[1]) Подлясье—область, занимавшая части нынѣшнихъ губерній Сувалкской, Гродненской и Сѣдлецкой. Здѣсь жила цѣлыми поселками такъ называемая загродовая шляхта, изъ которой, вѣроятно, и происходилъ Косинскій. См. Gloger, Geografia historyczna ziem dawnej Polski, 1900, str. 201—211.

подстароста князь Дмитрій Курцевичъ-Булыга; не только ограблена была вся его движимость, но была похищена и шкатулка съ деньгами, драгоцѣнностями и бумагами, среди которыхъ находились порученные ему документы князей Острожскихъ, Константина и Януша. Такъ какъ князья Острожскіе были самыми богатыми на помѣстья владѣльцами всей пограничной со степями области, то они и страдали сильнѣе всего отъ безчинствъ Косинскаго. Но прошло болѣе года, прежде чѣмъ князю Константину Константиновичу Острожскому удалось собрать достаточно сильное ополченіе изъ мѣстной шляхты и изъ наемныхъ войскъ для прекращенія набѣговъ Косинскаго. Въ концѣ января 1593 года ополченіе кн. Острожскаго нагнало шайку Косинскаго въ мѣстечкѣ Пяткѣ (невдалекѣ отъ нынѣшней желѣзнодорожной станціи Демчинъ). Здѣсь произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ погибло болѣе двухъ тысячъ козаковъ. Очевидцы утверждали, что даже въ битвѣ подъ Бычиной между войсками канцлера Замойскаго и Максимиліана австрійскаго не было навалено столько труповъ, какъ подъ Пяткой. Потери ополченія князя Острожскаго были такъ ничтожны, что не достигали и десятка душъ. Трупы все были козацкіе. Послѣ такого погрома Косинскій три раза падалъ на колѣни передъ княземъ Острожскимъ и его сыновьями, прося прощенія и пощады. Князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій явился заступникомъ козаковъ передъ кн. Острожскими и подъ его вліяніемъ маститый князь Константинъ Константиновичъ согласился простить Косинскаго и его товарищей съ тѣмъ, чтобы козаки никогда не избирали Косинскаго своимъ гетманомъ; чтобы они не шатались по пограничнымъ городамъ и селамъ, а скромно сидѣли на „звыклыхъ“ (обычныхъ) мѣстахъ за Порогами; чтобы они выдали „слугъ“,[1]) бѣжавшихъ къ нимъ какъ отъ князей Острожскихъ, такъ и отъ пріятелей ихъ княжескаго дома; чтобы они возвратили огнестрѣльное оружіе, захваченное въ замкахъ, а также хоругви, лошадей, рогатый скотъ и всякую движимость, какія были ими ограблены во время наѣздовъ; чтобы они отпустили на волю плѣнную „че-

[1]) Слугами назывались лица, преимущественно изъ шляхты, которыя нанимались добровольно на извѣстный срокъ, по истеченіи котораго могли свободно перемѣнить господина.

лядь“[1]) обоего пола, которую при себѣ удерживаютъ; чтобы они подчинялись власти князя Острожскаго и другихъ пограничныхъ князей. Косинскій и козаки присягнули, что они свято выполнятъ всѣ перечисленныя обязательства. Событіе это произошло 1/11 февраля 1593 года, въ канунъ Срѣтенія.

Тѣмъ не менѣе присяга не надолго обуздала Косинскаго. Весною 1593 г. онъ собралъ уже вокругъ себя болѣе двухъ тысячъ козацкаго войска и вновь принялся за свои разбойничьи набѣги. По выраженію князя Александра Михайловича Вишневецкаго, онъ хотѣлъ вверхъ дномъ перевернуть все пограничье („do gruntu wszistko pogranicze wywrócić“) и вырѣзать всѣхъ тамошнихъ владѣльцевъ. Онъ стремился еще къ тому, чтобы вмѣстѣ съ турецкими и татарскими войсками опустошить области польскаго королевства и подчинить его басурманамъ. Сносился онъ и съ царемъ московскимъ, принялъ присягу на подданство ему и также обѣщалъ покорить его власти все пограничье на сто миль въ окружности. Московскій царь Ѳеодоръ Ивановичъ въ письмѣ своемъ къ козакамъ называлъ себя государемъ Запорожскимъ, Черкасскимъ и Низовскимъ, и послалъ имъ за Пороги въ подарокъ суконъ и денегъ. Въ маѣ мѣсяцѣ скопище Косинскаго подошло къ г. Черкасамъ съ значительной артиллеріей. Козаки стрѣляли изъ пушекъ по замку и по посаду, и убили немало людей. Они намѣревались ночью, по своему обыкновенію, произвести штурмъ замка и посада съ горящими головнями въ рукахъ, предать все огню и вырѣзать гарнизонъ и жителей. Не допуская до этого, черкасскій староста князь Александръ Михайловичъ Вишневецкій сдѣлалъ вылазку и самъ напалъ на войско Косинскаго. Въ происшедшей битвѣ Косинскій, Шалевскій, Снятовскій и другіе козацкіе старшины были убиты, скопище разсѣяно, оставшіеся въ живыхъ козаки убѣжали на Запорожье. Князь Александръ Михайловичъ въ письмѣ отъ 23 мая просилъ у канцлера Яна Замойскаго военной помощи, такъ какъ предполагалъ, что запорожцы будутъ мстить ему за погибшихъ товарищей. Неизвѣстно, что̀ происходило лѣтомъ

---

[1]) Челядь—это крѣпостные крестьяне, жившіе въ имѣніяхъ и исполнявшіе въ нихъ полевыя работы.

1593 г., но въ августѣ ссора между княземъ Вишневецкимъ и запорожцами „усмирилась“ („zascie się usmierziło“), по выраженію епископа Верещинскаго. Князь Вишневецкій заключилъ съ ними миръ на слѣдующихъ излагаемыхъ Верещинскимъ условіяхъ.

1) Вѣчный миръ не долженъ быть нарушаемъ ни одной изъ сторонъ; въ виду этого князь Вишневецкій возвращаетъ запорожцамъ то, что у нихъ отнято: муку, челны, и лошадей.

2) Родственники и свойственники убитыхъ Косинскаго, Шалевскаго, Снятовскаго и иныхъ имѣютъ право искать съ кн. Вишневецкаго судомъ вознагражденія за ихъ смерть.

3) Подстаросты и городничіе кн. Вишневецкаго не имѣютъ права отбирать въ пользу его, какъ старосты черкасскаго, имущества, остающагося послѣ смерти козацкихъ „товарищей“, но оно по праву законнаго наслѣдованія должно переходить къ ихъ женамъ, дѣтямъ и родственникамъ.

4) Козаки могутъ во всякое время приходить изъ Запорожья въ предѣлы подвѣдомственныхъ князю Вишневецкому старостъ, но тѣ, которые прійдутъ, должны выбрать изъ своей среды одного старшаго, дабы онъ судилъ ихъ за проступки, учиненные въ границахъ старостъ.

5) Всѣ тѣ козаки, которые въ теченіе времени, пока происходили смятенія, находились при князѣ Вишневецкомъ или въ рядахъ его войска, могутъ свободно какъ уходить на Запорожье, такъ и возвращаться въ староства, и за это не должны подвергаться никакому преслѣдованію или возмездію.

6) Если который нибудь „товарищъ“ изъ войска запорожскаго признаетъ свои вещи въ чьихъ либо рукахъ въ предѣлахъ старостъ, таковой „товарищъ“ можетъ доказывать свое на нихъ право.[1])

---

[1]) См. Арх. юго-зап. Рос. Ч. III т. 1, 1863, стр. 31—62; Listy Stanisława Żółkiewskiego, 1868, str. 21—28; Joachima Bielskiego dalszy ciąg kroniki Polskiéj, 1851, str. 188—191 и т. д. Лучшее изложеніе дѣла Косинскаго принадлежитъ покойному Іосифу Ролле (Opowiadania historyczne. Serya VI, str. 43—108); къ сожалѣнію онъ безъ достаточныхъ основаній выставляетъ Косинскаго *личнымъ врагомъ* князя К. К. Острожскаго (стр. 86), а это даетъ дѣлу ложное освѣщеніе. Издаваемое нами письмо не было извѣстно г. Ролле.

Издаваемый документъ чрезвычайно важенъ, какъ свидѣтельство компетентнаго лица о тѣхъ вопросахъ, которые волновали тогдашнее запорожское козачество и были поставлены на разрѣшеніе при заключеніи имъ мира съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Вишневецкимъ.

II.

Письмо кіевскаго епископа Іосифа Верещинскаго къ канцлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Новаго Верещина) отъ 20 марта нов. ст. 1596 года.

Адресъ: Jasnie Wielmoznemu a mnie Mcziwemu Panu y dobrodzieiowi Jego mczi Panu, Panu Janowi Zamoyskiemu z Zamoscia Canczlerzowi i Hetmanowi korunnemu, Belskiemu, Malborskiemu, Derpskiemu, Kniszynskiemu, Miedzyrzyczkiemu, Grodeczkiemu, Jaworowskiemu, etc. etc. etc. Staroscie do rąk Jego mczi naliczy.

Jasnie Wielmożny a Mczciwy Panie Hetmanie Corrunny, Panie a Panie moy Miłosciwy.

Uniżone powolne służby moie w Mcziwą łaszkę wm. mego Mszi-wego Pana y dobrodzieia pilnie zalieczam etc.

Isz szam w naszym kraiu kozacztwa się okolo dwudziesztu y pultyszecia tysiacza namnozyło, ktorzy wielkie dokuki względem żywnosci liudziom ubogim a obywatelom owych kraiow do tych czaszow czynią, a zbyc ych żadną miarą niemozem.[1]) W czym moie zdanie ieszt, aby ych J. K. M. Pan nasz Mczimy, bąc za opatrszeniem ich Zadnieprszem,[2]) bąc tesz na obietniczy ich slowem swym kroliewskiem napotym zacho-

---

[1]) Интересное статистическое свѣдѣніе о томъ, сколько запорожцевъ шаталось въ окрестностяхъ Фастова весною 1596 года: 20.500! Конечно, мирнымъ жителямъ приходилось отъ нихъ солоно.

[2]) Верещинскому представлялось удобнымъ поселить козаковъ за Днѣпромъ т. е. въ нынѣшнихъ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, такъ какъ въ то время мѣстности эти были еще совершенно пустынны.

wawszy, aby ych do ziem cudzych besz odwloki (oddawszy ym swoię Kroliewszką chorągiew przykładem Swientey pamieci krolia Stephana)[1] za ten chlieb, ktorego przsesz ten czasz w Panstwie J. K. M. z przykroscią zażywali, isc rozkazac raczył, bąć do Hord Tatarskich, bąć tesz do ziemie Moskiewskiey, gdzie by przymierza statecznie nietrszymał, a Zadnieprsza do koncza, iako poczał posiadać, wrocić niechciał. Owa racz W. M. iako moy Mcziwy Pan obmysliawac o tym, y zgoła włozyć sie do J. K. M. iakoby iusz wienczey sie nam obywatelom ukraynnym bytnoscią swą kozaczy nieprszykrszyli, alie y owszem aby poslugę znaczną J. K. M. y Rzeczyposzpolitey z niesmiertelną sławą J. K. M. Pana swego Mcziwego za tę winę w cudzych ziemiach uczynili, gdysz tesz y szami iakom z nich zrozumiał, tylko na roskazanie J. K. M. czoby czynić mieli czekaią. Jesliby sie tho thedy J. K. M. y wmcziom wszysztkiem Senatorom zdało za rzecz zdrozną, proszę racz wm. moy Mcziwy Pan niemieszkaiacz dniem y noczą dawac znac, bo ych czuię byc gotowych na wszelkie roskazanie J. K. M. Pana swego. W czym ych y szam iako canonikow swoych, na visitowanie Cara Precopskiego a Sufragana swego, iako wedlug Zakonu chrsescianskiego nieżyiączego (gdzieby nie zakrociło przymierze) nietelo buntuię, alie tesz y thowarzysztwa ym bytnoscią swą za pozwolieniem J. K. M. Pana mego Milosciwego y benedictią J.M. X. Legata Oycza S. gotowem ieszt pomagać.[2] Unizenie przsy tym proszącz wm. mego Mcziwego Pana o przyczyne do Jego M. X. Legata Oycza S. aby mie tesz z rąk swoych z osobna opatrszyć raczył chorągwią krszyzaczką według Reguły S. Mauritii et Lazari, gdysz to wybornie czuię, isz mie pan Bog na ten swiat dlia thego naywieczey wypuscić raczeł z zywota matki moiey, aby belo we mnie pochwalione Imie Pana Jezusza Christusza Zbawicielia swego y miedzy narodem Bisurmanskiem, iaką pochwałę odniosł Pan a Zbawiciel nasz Jezusz Christus

---

[1]) См. выше, стр. 74.

[2]) Борьба между католичествомъ и православіемъ настолько слабо отразилась еще на пограничьи въ самый годъ Брестскаго собора, что католическій епископъ считалъ возможнымъ сопутствовать козакамъ въ ихъ набѣгѣ на Крымъ, несмотря на то, что большая часть козаковъ навѣрное оффиціально принадлежала къ православной церкви, хотя, быть можетъ, мало проникнута была религіозными чувствами.

miedzy liudem Israelskiem prsze onego Slieporodzonego na tho zachowanego, ktorego ono raczeł oświecić moczą Bostwa swego. A moznali rzecz, prosze, aby ta chorągiew od Jego mczi X. Legata beła prszyniesiona do mnie prszesz Jego mczi Pana Prowane, ktory iest teyze Reguły iakyisie domagam chorągwi od Jego mczi X. Legata, zyczącz sobie abymi chciał pomocz thowarzystwa do Ordy, gdysz sie na tho professował, aby Pogany woiował, a chwałę Panską rozmnażał. Ostatek zlieczam posłanczowi memu z wm. mem Mcziwym Panem conferować. Zalieczaiącz sie prszytym milosciwey łascze wm. mego Mcziwego Pana y dobrodzicia. Data z nowego Weresczyna 20 marcij Anno Domini 1596.

Waszei Jasnyi Wielmoznosci pana i dobrodzieia mego uprzeimy prziaciel i gotowy sluga Joseph Weresczynski z laszki Bozey Biskup Kyiowski a Opath Sieciechowski ręką wlasną.

Prosze prszy tym Mcziwy Panie o prszyczyne do J. K. M. y do Jchmczi Panow Senatorow, zeby mie raczyli z miłosciwey łasky swyi na tę prszedsiewzietą drogę moie ratować iakiem tysianczem zlotych, gdysz iusz nierasz opieszalem sie stawam sluząc namilszey Oyczyznie swey a za tho naygorzey mi sie ze wszystkich dzieie. Widze ze prawdziwa iest ona Sententia: Qui omnibus servit, nemini servit.

Slie tesz wm. memu Mcziwemu Panu y Copia Universału na Ochotniki do zwoiowania Ord Poganskich, gdzieby tho prszedsiewziecie moie J. K. M. sie zdało za zdrowe, prosze rasz wm. z miłosciwey łaski swey dać powydrukować do Drukarni J. K. M. ,y rosiáć to miedzy liudzmi iako Paterfamilias, a Jchmc. Duchowni zeby z miłosciwey łaski swey miasto Donativi ustepuiącz na ten czasz *ad eum solum actum* praerogatiw y wolnosci swych Duchownych, dignentur mittere operarios in mensem suam, poniewasz Czar Praecopski bendącz w mey Diocesicy Suffraganem moim nietylo mnie nie iest posłuszny, alie y wszystkiemu Chrsescianstwu iest z swymi owczami prseciwny, ktorego potrseba ukrocić kulami miasto słowa Bozego ołowianemi, y sablami miasto sierpow ostremi. Czego Jchmc., zyczącz niesmiertelney sławy u wszysztkiego Chrsescianstwa, y prszysługi u J. K. M. Pana swego miłosciwego Jch M. synowczom y siestrsenczom swoym, mogą tego wszysztkiego dokazać snadnie.

III.

Универсалъ епископа Верещинскаго, призывающій охотниковъ въ походъ противъ татаръ.

Copia Universalu na ochotniky wabiącz ie pod Chorągiew Krzyzaczką gdzie mi bendzie prsesz ręcze J. M. X. Legata Oycza S. a za pozwolieniem J. K. M. Pana naszego na zburzenie Ord Tatarskich do rąk mych oddana.

Joseph Weresczynski z łaski Bozey Biskup Kyiowski a Opat Sieciechowski.

Uprseyme chęnci swe y zyczliwosci Braterskie pilnie zaliecza do miłosciwych łask wm z winczowaniem wszego dobra od Pana Boga wsechmogączego na czaszy niezamierzone etc.

Miłosciwi Panowie Bracia a zaczni obywatele wszysztkiey Corruny Polskiey, gdym u siebie częszto a gęsto uwazał wielki skwirk, wielki płacz, wielkie narzekanie, y nieznośne beszprawie, ktore odnosi Corruna Polska, a Oyczyzna nasza miła besz winnosci y przyczyny dania od sprosnych Pogan a naraczey Tatar besz przestanku, tak w maietnosciach swych, iako tesz y w szamych osobach liudzi Chrsescianskich, ktorych często a gęszto besz miary nietylo tysiączmi, alie y po kiliadziesiąth tysienczy iednych łapaią, drugich morduią, y do wiezienia srogiego biorą, s ktorych potym handlie swoie rozmayte z niemałą zelzywoscią Chrsescianską według dumy swey odprawuią, skąd znowu niemale urąganie Pan Christus w osobach ych odnosi nie ynaczey iedno iako na on czasz odnosił czaszu srogiey męki swey od niezboznych Zydow: przetho ia czuiącz sie byc nie telo prawym Chrsescianinem albo sługą Bozym, ktemu nie wyrodkiem alie prawym szynem Corrunnem do thego y Senatorem zacznego Kroliestwą Polskiego, bendącz. zięty zalem wielkiem, ktemu nąder bendącz roszzaliony prsesz Pana Boga zastepow, umyslilem, za daniem mnie takowego od Pana Boga sercza, sczytem byc Oyczyznie swoiey miley od tego sprosznego Poganstwa y drogi takowey szukac ze ym Pan Bog przes mie zetrsze te pyśne rogi ktore nastoperczyli przeciwko wiernym Pąnskiem. Gdysz tho wybornie czuię, isz mie Pan Bog na ten Swiath dlia thego naywięczey wypuścić rączeł z zywota Matki moiey, aby beło we mnie pochwalione imie Pana Jezusza Christusza zbawi-

ciela swego y miedzy narodem Bisurmanskiem, iaką pochwalę odniosł Pan a zbawiciel nasz Jezus Christus miedzy liudem Israelskiem prsze onego slieporodzonego na tho zachowanego, ktorego ono raczeł oswiecic moczą Bostwa swego, ktorą tesz tho moczą Boźtwa swego tenze Pan prszesz mie sługę swego takiesz na tho zachowanego te Ordy Tatarskie iako nieprszyiaciele wszystkiego Chrsescianstwa prsewieie, y rozmiecze, odysz tho y czudowne urodzenie moie[1]) prszeznaczyło, zem się urodzic miał na pociechę Chrsescianską, a na hanbę Poganską. Prsetho moi Miłosciwi a łaskawi Panowie Bracia, kto sie poczuwa ieno byc Chrescianinem y prawem szynem Korrunnem, a nie iest wyrodkiem, alie prawem obywateliem Kroliestwa zacznego Polskiego, powoływam wasz pod chorągiew Krszyzaczką mnie prsesz ręcze Jego Mczi X. Legata Oycza S. tudzies tesz za pozwoleniem J. K. M. Pana naszego miłosciwego oddaną, a tho na wykonanie tey woliey Bozey a na zgubę y upadek wszystkich Ord Poganstwa sprosznego: na czo iusz mamy nienagorszy poczatek Woyszka Kozackiego w Xięstwie Kyiowskiem około dwudziestu y poltysecia tysiancza: ile liudzi takowych ktorzy wiedzą w rzeczach Ryczerskich wszysztkie stuki y kulaszy[2]) Poganskie. W czym nicz nie wątpie, ze wm. zyczącz sobie sławy dobrej, ktora poniesie za sobą nie telo prszysługę u Pana Boga

---

[1]) Въ брошюрѣ Publika, изданной въ 1594 г. въ Краковѣ, Верещинскій такъ разсказываетъ объ обстоятельствахъ своего рожденія; „Какъ только я зачался въ утробѣ матери моей, сейчасъ же выступили очень густо кресты на бѣльѣ моихъ родителей, не только на рубахахъ, но и на простыняхъ, и на платкахъ; это могутъ добросовѣстно засвидѣтельствовать нѣкоторые люди въ землѣ Холмской, пріятели моего дома, теперь еще находящіеся въ живыхъ. Эти кресты держались до самаго рожденія моего и послѣ рожденія до наступленія семилѣтняго возраста. Когда я выходилъ на свѣтъ изъ утробы матери моей, тогда всѣ домочадцы, находившіеся подъ кровлей того же дома, услышали голосъ, сопровождаемый сильнымъ гуломъ; онъ произнесъ слѣдующія слова: „Я посылаю его свѣту на утѣху христіанамъ и на позоръ язычникамъ, а чтобы онъ исполнилъ волю Мою, даю ему крестъ, какъ эмблему и щитъ.“ А родители мои часто и густо напоминали мнѣ о слышанномъ голосѣ, впитывая мнѣ въ сердце, чтобы я всегда не только сознавалъ умомъ, но и чувствовалъ сердцемъ значеніе слышаннаго голоса, и чтобы я считалъ для себя драгоцѣннымъ сокровищемъ кресты, густо разсѣянные по бѣлому бѣлью.“ См. Pisma polityczne Wereszczyńskiego. Wyd. Turowskiego, 1858, str. 15—16.

[2]) Stuki y kulaszy—военныя хитрости и извороты.

wsechmogączego albo łaszke u J. K. M. Pana swego tudziesz tesz Bohomodlcztwo niezmierne u Chrescianstwa wszysztkiego, bendziecie sie do nowego Weresczyna do mnie kupić czo napreczey, a zwłascza pro finali na dzień naliezienia S. Krszyza.[1]) Czo day Panie Boze abychmy sie czo napreczey skupili, a wasz zdrowi dobrze zdrowych ogliądali, a potym za pomoczą Bozą zwyciestwo nad Ordami Poganskiemi w tymze roku otrszymawszy, ze wsystkiem Chrsescianstwem Te Deum laudamus zaspiewali. Datha z nowego Weresczyna 26 Martij Anno Domini 1596.

Wm. mym Mcziwym Panom Braciey wszego dobra zyczliwy y służyć gotowy

Idem qui supra.

IV.

Письмо Бартоша Верещинскаго[2]) къ канцлеру Яну Замойскому изъ Фастова (Новаго Верещина) отъ 15 апрѣля н. ст. 1601 г.

Адресъ: Jasnie Wielmoznemu panu panu Janowi Zamoiscskiemu canclerzowi y Hetmanowi pnu etc. etc. memu Mcziwemu Panu.

Mnie Mcziwy Panie.

Służby moie we wszem zyczliwe y powolne zalecam do Milosciwey laski wm. mego mcziwego Pana etc. Iz mi iest na pamięci dobroy pisanie Jego Mczi Pana Chrząstowskiego[3]) imieniem wm. mego mczwego pana do mnie. Abym wm. wiadomem czynil y oznajmial

---

[1]) Inventio s. Crucis—3 мая нов. стиля.

[2]) Бартошъ Верещинскій—кажется, племянникъ епископа Верещинскаго; на документѣ отъ 1 января 1598 г. (Арх. юго-зап. Рос. Ч. VI, т. 1, стр. 258—263) онъ подписался въ числѣ свидѣтелей: Бартошъ Верещинскій, *староста ново-верещинскій.*

[3]) Хржонстовскій—старый слуга дома Замойскихъ, „gubernator i dozorca“ (управитель и надсмотрщикъ) обширнаго Шаргородскаго канцлерскаго имѣнія. См. Іосифа Ролле, Zameczki Podolskie na kresach multańskich. Tom III, 1880, str. 260.

rady Kozakow Zaporoskich. Iz iest roznosć miedzy nimy. Czynil radę Koszka[1]) trzy kroć a w tych trzoch nie pozwalali sila ich na potrzebę Krola Jego Mczi. Niespominaią Inflant iedno Sweczyą, ktorzy się barzo boią zeby nie byli zawiedzieni na pohibil. Jedno sukna wziąwszy y pieniądze isć Zaporohi. Lub tez będą sukna abo nie będą, iedno czekaią (po) slancow swych,[2]) chcą sobie nagrodzić zmie..... iz Zaporohi. Czolny są iuż zgotowane..... ok gotuią, tak też boroszno w beczki byącz sila ich iuż ponabyali.[3]) Jesliby też sukna te przyszli lub na cztery tysiące lub na szesć tak też pieniądze iacy chcą miedzy się rozebrac, ktorzy byli Woloszoch na potrzebie[4]) a na więcy Woiska nie chcą dac mieniąc tak: „my toie zasłuzyli, a drudzy niechaj sobie zasługuią,“ bo to mowa Kusczyna byla w radzie: „obiecano pierwey hroszy y sukna na cztery tysiący a teper na szyst, tym lipsz, dołszygi sukni[5]) budem mieti!“ W tym ostatek dobromu baczeniu wm. poruczam. Gdzieby przedsięwsięcia swego nie mogli przełomić za pisanim Krola Jego Mczi lub tez wm. mogo miłosciwego pana y poslanca ktory ma byc z sukny y s pieniędzmy od Krola Jego mczi. Tedy umyslnie posylam sługę swego do osoby wm. mego Milosciwego pana, poczuwaiąc się być synem koronnym y wiernym poddanym Krola Jego mczi. Jesliby to byla wola wm. przysłać mnie chorągiew woluntarijską lub tez list woluntarski dla zwiedzienia ludzi Rycerskich bo mi ich sila o to prosili, bym ia mogl miec od w. mczi, tak slachcicow silę

---

[1]) Самуилъ Кошка-родомъ, кажется, изъ брацлавскихъ или винницкихъ земянъ Кошчичей (о нихъ см. ст. Неймана въ Кіевск. Стар. 1889 г., т. 25, стр. 532—537); стоялъ во главѣ запорожскаго войска съ лѣта 1600 г. до февраля 1602 г.; былъ строителемъ церкви Николая Добраго въ Кіевѣ на Подолѣ (Петровъ, Очерки древняго Кіева, К. 1897, стр. 201).

[2]) Посланцы эти перечислены въ письмѣ Самуила Кошки къ Яну Замойскому изъ Бѣлой Церкви отъ 22 января 1601 г.:—Иванъ Радкевичъ, Андрей Комышъ и Иванъ Макаровичъ. Listy Żółk. str. 109.

[3]) Интересное свидѣтельство о томъ, что муку на Запорожье доставляли въ бочкахъ.

[4]) Походъ въ Молдавію въ 1600 г. былъ предпринятъ канцлеромъ Яномъ Замойскимъ для возстановленія на молдавскомъ престолѣ Іереміи Могилы, свергнутаго валашскимъ господаремъ Михаиломъ II Храбрымъ. Орышовскій и Кошка съ запорожцами участвовали, какъ мы знаемъ (выше, стр. 264), въ этомъ походѣ. См. С. Голубева, Петръ Могила, т. 1, К. 1883, стр. 41, прим. 85.

[5]) Suknia—кафтанъ.

iak tez ludzi Ukrainnych y kozakow Zaporoskich niemalo. A naznaczyc dla skupienia ludzi Rycerskich mieisce (ws)zakoz niedlugi czas bo to prętka potrzeba przypada. Do tego tez list od osoby wm. wiadomem czyniąc mie, slugi swego, iz idę na potrzebę.... Jego Krolewskiej Msczi y Rzeczy pospolitej..... Krolewskich xięzych y slacheckich nam żywnosć byla dawana. Przestrzegac tego bedę zeby zadnych zbytkow nie bylo, bo będę miał lud przebrany, nie będę przymował szuie poputnej.[1]) Do tego tez proszę do spraw prawnych o dwa Exempti ieden do Polski a drugi na Ukrainę y o list wyznany od w. mczi mego Milosciwego Pana zem był na potrzebie Jego Krolewskiey Mczi w Woloszech.[2]) Lubom Exempti od wm. mego Miłosciwego pana pokazał przez prokuratora,[3]) przed się mi sąd roskazał abym pokazał list od osoby wm. mego Milosciwego Pana zem był na potrzebie Jego Krolewskiey Mczi y Rzeczy pospolitey w Wołoszech na przysłi roki Ziemskie Owruckie, a przysli byli w Owruczym na S. Michal a w niebytnosci mey położono pozew na mię. Przytem się łasce wm. mego Milosciwego pana poruczam. Dan w nowym Weresczynie die 15 April. Anno Dni 1601.

W. m. memu miłosciwemu panu wszego dobrego ziczę

Bartosz Weresczinskj

ręką szwą.

Къ письму приложена печать съ изображеніемъ герба: Trzy wręby и по сторонамъ его инициаловъ автора письма: B. W.

. . . . . .

Издаваемое письмо освѣщаетъ намъ интересный моментъ въ исторіи Войска Запорожскаго, когда оно, только-что окончивъ участіе въ молдавскомъ походѣ, предпринятомъ канцлеромъ Замойскимъ противъ Михаила Храбраго, расположилось зимовать въ Бѣлой Церкви, по пути въ излюбленное Запорожье, и колебалось,

---

[1]) Szuia poputna—придорожняя сволочь.

[2]) Бартошъ Верещинскій участвовалъ въ молдавскомъ походѣ Замойскаго.

[3]) Prokurator—повѣренный въ дѣлахъ, уполномоченный, защитникъ

принять ли ему новое предложеніе канцлера Замойскаго о походѣ въ „Инфлянты“ (нынѣшнія губерніи Эстляндская и Лифляндская съ западною частью Витебской) противъ вторгнувшагося въ предѣлы этой области шведскаго принца Карла Зудерманландскаго, или отъ него отказаться. Повидимому, канцлеръ предполагалъ привлечь на службу противъ шведовъ не менѣе шести тысячъ человѣкъ запорожцевъ и для возбужденія въ нихъ охоты къ поступленію на королевскую службу послалъ денегъ и суконъ по такому разсчету, чтобы тѣхъ и другихъ хватило на шесть тысячъ душъ. Во главѣ запорожцевъ стоялъ въ это время гетманъ Самуилъ Кошка. Мы знаемъ, какъ въ іюлѣ и августѣ 1600 г. Кошка и Орышовскій вели Запорожское Войско изъ Сѣчи на лодкахъ вверхъ по Днѣпру до Канева, а затѣмъ пѣшкомъ изъ Канева въ Каменецъ-Подольскій и дальше въ Сучаву (см. выше, стр. 264). 19 октября н. ст. 1600 г. Михаилъ Храбрый былъ разбитъ соединенными ополченіями Замойскаго и Іереміи Могилы на р. Телеайну (см. Xénopol, I, p. 391) въ Валахіи и козаки получили возможность отправиться на зимовку въ Бѣлую Церковь. Слѣдить за ихъ „радами“ (совѣщаніями) долженъ былъ, по порученію Хржонстовскаго, Бартошъ Верещинскій, самъ—участникъ молдавскаго похода, жившій въ Фастовѣ. Замойскій имѣлъ намѣреніе раздать деньги и сукна только тѣмъ козакамъ, которые сдѣлали уже молдавскій походъ и затѣмъ выразили согласіе двинуться противъ шведовъ, но сами козаки представляли себѣ дѣло иначе: они желали думать, что деньги и сукна розданы будутъ исключительно участникамъ молдавскаго похода, но безъ всякой оговорки относительно согласія ихъ предпринять инфлянтскій походъ. Вотъ почему они, по словамъ Верещинскаго, говорили: „Мы тое заслужыли, а другы нехай собѣ заслугуютъ.“ Козаки полагали, что, получивши заслуженное, они имѣютъ полное право отказаться отъ похода въ „Инфлянты“ и уйти на Запорожье. Такъ понималъ дѣло и гетманъ Кошка. Приводимыя Верещинскимъ слова его: „Обѣцано первѣе грошей и сукна на четыре тысячи, а теперь на шесть, тымъ липшъ, долшыи сукни будемъ мѣти“ имѣютъ такой смыслъ: „намъ пришлютъ денегъ и суконъ на шесть тысячъ человѣкъ, а не на четыре тысячи участниковъ молдавскаго похода; тѣмъ лучше: мы будемъ имѣть болѣе длинные кафтаны!“ Такимъ образомъ и самъ запо-

рожскій гетманъ былъ того мнѣнія, что полученіе денегъ и суконъ нисколько не обязываетъ запорожцевъ непремѣнно идти противъ шведовъ. Въ виду этого между запорожцами не было единомыслія. Нѣкоторые козаки по полученіи денегъ и суконъ соглашались идти въ „Инфлянты," но большинство вслѣдъ за Кошкою было противнаго мнѣнія, и намѣревалось, получивши отъ Замойскаго деньги и сукна, съ наступленіемъ весны запастись мукой, сѣсть въ лодки и отплыть внизъ по Днѣпру на Запорожье. Изъ письма Самуила Кошки къ Яну Замойскому отъ 22 января н. ст. 1601 г. изъ Бѣлой Цэркви видно, что козаки ставили канцлеру нѣкоторыя условія, при исполненіи которыхъ съ его стороны они соглашались идти въ „Инфлянты" противъ шведовъ; они просили: 1) чтобы жалованье (żołd) уплачивалось имъ болѣе аккуратно; 2) чтобы имущество, остающееся послѣ смерти козака, не считалось выморочнымъ и подлежащимъ поступленію въ казну, а доставалось ближайшему его товарищу или пріятелю; 3) чтобы при козацкомъ войскѣ во время похода постоянно состоялъ королевскій чиновникъ для защиты козаковъ отъ притѣсненій со стороны „урядовъ" (властей); 4) чтобы козаки судились за свои проступки своимъ „старшимъ" (старшиною) или королевскимъ коммиссаромъ; 5) чтобы городскія власти не притѣсняли козаковъ, когда они будутъ входить въ города; 6) чтобы съ козаковъ снята была банниція, наложенная на нихъ сеймомъ 1593 г. (Vol. leg. II, 344); 7) чтобы козакамъ отданъ былъ вновь Трахтемировъ (королевское имѣніе) для тѣхъ цѣлей, для какихъ предназначилъ его король Стефанъ (см. выше, стр. 74). Возможно, что Замойскій обѣщалъ исполнить желанія козаковъ; они являлись повтореніемъ тѣхъ требованій, какія были предъявлены козаками въ 1593 г. при заключеніи мира съ княземъ Александромъ Михайловичемъ Вишневецкимъ. Какъ бы то ни было, настроеніе запорожцевъ измѣнилось, они подъ предводительствомъ Кошки отправились въ „Инфлянты" и сражались тамъ со шведами въ рядахъ польскихъ войскъ. Они терпѣли при этомъ страшные недостатки, въ особенности, когда наступила зима 1601—1602 года, какъ это мы знаемъ изъ писемъ Самуила Кошки къ Яну Замойскому отъ 1 и 23 декабря 1601 г. и отъ 2 и 18 января 1602 г.[1]) Сначала козаки про-

[1]) См. Listy Żółkiewskiego, 1868, №№ 82, 83, 84 и 85.

сили перемѣстить ихъ въ болѣе обильный съѣстными припасами край („nam rozkazac zebysmy w iakim ziznem kraiu stanely"), чѣмъ тѣ окрестности м. Эрмеса (нынѣ Валкскаго у.) и м. Рингена (нынѣ Юрьевскаго [Дерптскаго] у.), гдѣ они пропадали отъ холода и голода, а потомъ взбунтовались и рѣшили вернуться домой на Запорожье. Самуилъ Кошка не рѣшался ихъ удерживать и даже выражалъ опасеніе, какъ бы озлобленные козаки не побили его камнями (ukamienowały). Не сбылось ли его опасеніе? Письмо отъ 18 января 1602 г.— послѣдній документъ, гдѣ встрѣчается его имя; съ той поры оно исчезло изъ жизни навѣки.... Въ Боркулабовской Хроникѣ находимъ извѣстіе, подтверждающее наше предположеніе: „Тамъ же (т. е. въ Инфлянтахъ) *того Самуйла убито*, а поховано у Киеве" - вѣроятно, въ построенной Кошкою церкви Николая Добраго (см. Кулишъ, Матер. для ист. возс. Руси, т. I, 1877, стр. 77).

Дополненія и поправки.

1) Стр. 17, строка 4 снизу.—Сказано: „въ русскомъ языкѣ память объ этомъ чиновникѣ осталась въ словѣ *ярыга*, *ярыжка*, что̀ значило: низшій полицейскій чинъ.“ Къ этому слѣдуетъ добавить: „въ томъ же смыслѣ употреблено это слово въ думѣ „о побѣгѣ Самуила Кошки изъ турецкой неволи“:

— Панове-молодци! добре дбайте,
Всихъ у Чорнее море бросайте,
Тилькы Ляха-Бутурлака не рубайте,
Между військомъ *для порядку за ярызу війскового* зоставляйте!—
Тогди козакы добре малы:
Всихъ Туркивъ у Чорнее море пометалы,
Тилькы Ляха-Бутурлака не зрубалы,—
Между військомъ *для порядку за ярызу війскового* зоставлялы.

Ляхъ-Бутурлакъ (потурнакъ?) былъ оставленъ въ живыхъ для наблюденія за порядкомъ въ качествѣ военно-полицейской власти. См. Истор. пѣсни малор. народа, т. I, К. 1874, стр. 215.

---

2) Стр. 31, строка 2 снизу.—Въ новой книгѣ Людвика Боратыньскаго „Stefan Batory i Plan ligi przeciw Turkom (1576—1584),“ w Krakowie 1903, сдѣлавшейся намъ извѣстною послѣ отпечатанія нашего труда, высказаны положенія, совершенно сходныя съ нашими: „Przyjaźń tedy turecka w pierwszej linii obok innych względów utorowała drogę do tronu polskiego Batoremu“. . . . „Zdecydowawszy się ubiegać o koronę polską, oddaje się na razie zupełnie pod opiekę Porty i o każdym kroku ją uwiadamia.“ (Str. 12—13). Въ прим. 1 на стр. 13 приведены многочисленныя доказательства изъ современныхъ документовъ.

3) Стр. 41, строка 2 сверху.—Вмѣсто: „съ конемъ-иноходцемъ“ слѣдуетъ читать: „съ конемъ-аргамакомъ“ (въ подлин. s koniem Hromiakom). О словѣ *hromak, hromiak* см. выше, стр. 224.

---

4) Стр. 62, строка 9 сверху.—Любопытно, что въ сосѣдней Чехіи распоряженіе Баторія о казни Подковы тоже объясняли какъ уступку его давленію турецкаго правительства. Николай Дачицкій изъ Геслова говоритъ въ своихъ памятныхъ запискахъ: „Стефанъ Баторій повелѣлъ казнить Ивана, называемаго Подковою, гетмана козаковъ (hejtmana Kozákuov), мужа великой силы; онъ якобы переламывалъ голыми руками желѣзныя конскія подковы. Причиною казни этого Подковы было то, что онъ со своими козаками очень вредилъ туркамъ, чѣмъ озлобилъ противъ себя турецкаго императора, который потребовалъ отъ польскаго короля или выдачи, или казни Подковы; такъ и сталось по его желанію, ибо въ противномъ случаѣ онъ грозилъ королю нарушеніемъ перемирія!“ См. Paméti Daćického. Svaz. I. K vyd. upr. A. Rezek, V Praze 1878, str. 160—161.

---

5) Стр. 89, строка 10 снизу.—Въ новой книгѣ Л. Боратынскаго „Stefan Batory i Plan ligi“ etc. находимъ свѣдѣніе (стр. 84, прим. 4), что „освобожденіе татарскихъ царевичей изъ козацкихъ рукъ стоило королю много тысячъ дукатовъ“ и что лѣтомъ 1582 года королевскій посолъ Іеронимъ Филипповскій, ѣхавшій въ Константинополь на торжество обрѣзанія первороднаго сына турецкаго султана, отвезъ татарскихъ царевичей въ подарокъ послѣднему.

---

6) Стр. 100, строка 8 снизу.—Съ 1579 по 1604 г. старостой брацлавскимъ и винницкимъ былъ Юрій Струсь. См. Папроцкаго Herby ryc. pol., wyd. Turowskiego, 1858, str. 687; Кіев. Стар. 1889, т. 25, стр. 533, прим.

---

7) Стр. 139, строка 17 сверху.—Въ доказательство того, что фамилія „Батура“ нами не выдумана, а дѣйствительно существовала въ XVI вѣкѣ, приводимъ слѣдующее мѣсто изъ „Древняго

помянника Кіево-Печерской лавры", изданнаго проф. С. Т. Голубевымъ въ приложеніи къ кн. VI Чтеній въ ист. общ. Нест. Лѣт. (1892): „[Жихоря. іо. Өеодора. *Батура* невѣдають имъ именъ, а колися довѣдають тогды их упишут]. іо. *Өеодора. Батуру*." Стр. 27.

---

8) Стр. 151, строка 9 сверху.—Въ изданныхъ С.-Петербургской Археографической Коммиссіей подъ редакціей П. А. Гильтебрандта „Старинныхъ описяхъ Литовской метрики" (Лѣтопись занятій, выпускъ 11-ый, 1903) слово „бурсникъ" употреблено слѣдующимъ образомъ: „Въ понеделокъ, вилею Трохъ Кролевъ, под лет Бож Нарож а҃ф҃ и четырдесятаго (1540) году, мсца ген є҃ (5) день, инъдиктъ г҃і (13). Вырокъ мещанину Витебъскому Гуречъку Наумову сыну Кузанову зъ мещаны Витебъскими Деменьтеемъ Есковымъ сыномъ Чеглеевичомъ и *бурсникомъ* его Васкомъ Гридковымъ сыномъ о долъгъ въ пятьдесят копъ грошей шырокое личъбы." (Стр. 29). Редакторъ переводитъ: *бурсникъ*—товарищъ (стр. 176).

---

9) Стр. 264, строка 17 сверху.—Вмѣсто словъ: „противъ турокъ" должно быть: „противъ Михаила II Храбраго, господаря валашскаго, изгнавшаго Іеремію Могилу изъ Молдавіи и объединившаго на короткое время Валахію, Молдавію и Трансильванію подъ своею властью"; затѣмъ должна быть ссылка: „См. A.—D. Xénopol, Histoire des Roumains de la Dacie Trajane, t. I, Paris 1896, p. 376—379.

Замѣченныя опечатки.

Стр.	Строка	Напечатано:	Слѣдуетъ:
65	17 сверху	1587	1578
94	6 снизу	2 октября	4 октября
101	5 снизу	insursionis	incursionis
272	7 снизу	что	чтобы